

МАНИФЕСТЪ
Военно-Революционнаго Комитета Московскаго Совета
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
Но всемъ гражданамъ Москвы.
ТОВАРИЩИ и ГРАЖДАНЕ!

Одна изъ главныхъ причинъ всеобщаго безобразнаго и хаотическаго состояния страны, это — отсутствие единой власти. Страна раздроблена на сотни мелких самостоятельныхъ центровъ власти, которые не признаютъ другъ друга и не признаются другъ другомъ. Это — главная причина того, что страна не можетъ развиваться, что страна не можетъ бороться за свои интересы, что страна не можетъ бороться за свое освобождение.

Мы предлагаемъ вамъ, гражданамъ Москвы, объединиться и бороться за единую власть. Мы предлагаемъ вамъ, гражданамъ Москвы, объединиться и бороться за единую власть. Мы предлагаемъ вамъ, гражданамъ Москвы, объединиться и бороться за единую власть.

А.Я. Грунт
 В.И. Старцев

Военно-Революционнаго Комитета Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ.

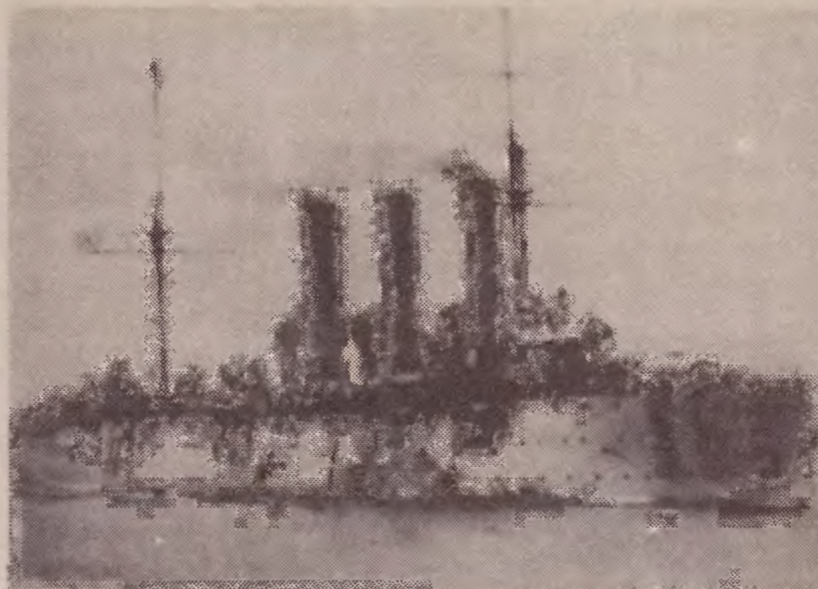
БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ.

Важнейшее значение имеетъ вопросъ о томъ, кто долженъ взять власть въ рукахъ. Большевики должны взять власть въ свои руки. Это — единственный путь къ освобождению страны.

ОТЪ ВОЕННО РЕВОЛЮЦИОННАГО КОМИТЕТА

АРЕСТЪ
Временнаго Правительства.

25 октября въ 2 часа 10 м. ночи арестованы членомъ Времен. Революцион. К-та И. К. С. Р. и С. Д. Антоновымъ по постановленію К-та контр-адмир. Вердеревскій, мин. гос. пркаръня Кишкинъ, мин. пром. Коноваловъ, земледѣлія Масловъ, мин. путей сообщ. Акверовскій, управляющій военнымъ мин. Манниковскій, министры: Гвоздевъ, Маликовичъ, Третьяковъ, генер. для порученій Борисовъ, контролеръ Смирновъ, мин. просв. Салазкинъ, мин. фин. Бернадскій, мин. иностр. дѣлъ Терещенко, помощн. особо-уполн. Вр. Правит. Рутенбергъ, мин. почтъ и телегр. Никитинъ, мин. исповѣд. Карташевъ, инженер. Пальчинскій. Офицеры и юнкера бывшіе во дворцѣ обезоружены и отпущены.

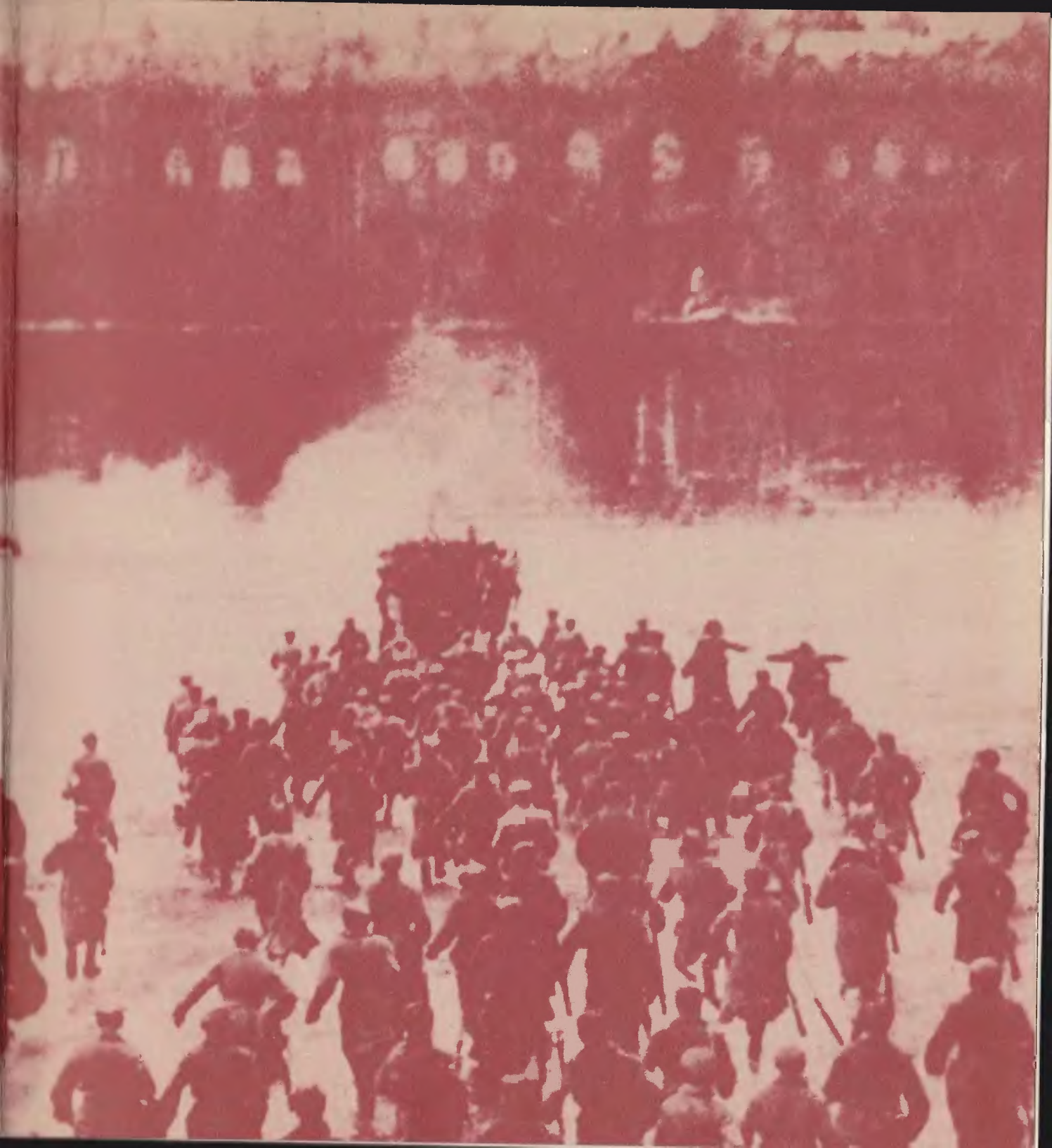
Российская Социаль-Демократическая Рабочая Партия.
СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ
 Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!
 № 132. 18 (29) октября 1917. Ежедневная газета. Цена 10 коп. № 132.

Сегодня день всеобщей забастовки!
 Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод ни одна мастерская!
 Пусть в день организации контр-революции остановится жизнь в Москвѣ!

А.Я. Грунт
В.И. Старцев

ПЕТРОГРАД-МОСКВА
 ИЮЛЬ-НОЯБРЬ 1917

А.Я.Грунт
В.И.Старцев

ПЕТРОГРАД— МОСКВА

ИЮЛЬ—НОЯБРЬ
1917

Москва
Издательство
политической
литературы
1984

63.3 (2) 711.2

Г90

Г90   Грунт А. Я., Старцев В. И.
Петроград — Москва. Июль—ноябрь 1917. — М.: Политиздат, 1984. —
280 с., ил.

В книге описывается подготовка и ход Октябрьского вооруженного восстания одновременно в Петрограде и в Москве. Особое внимание уделено рассказу о драматических днях штурма старого мира, героизме рабочих, солдат, матросов, роли в Октябрьской революции вождя партии В. И. Ленина, его верных соратников. Авторы книги, известные советские историки доктора наук А. Я. Грунт и В. И. Старцев, хорошо владеют популярным стилем изложения.

Книга богато иллюстрирована и рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{0505030101 - 256}{079 (02) - 84}$ КБ-7-56-84

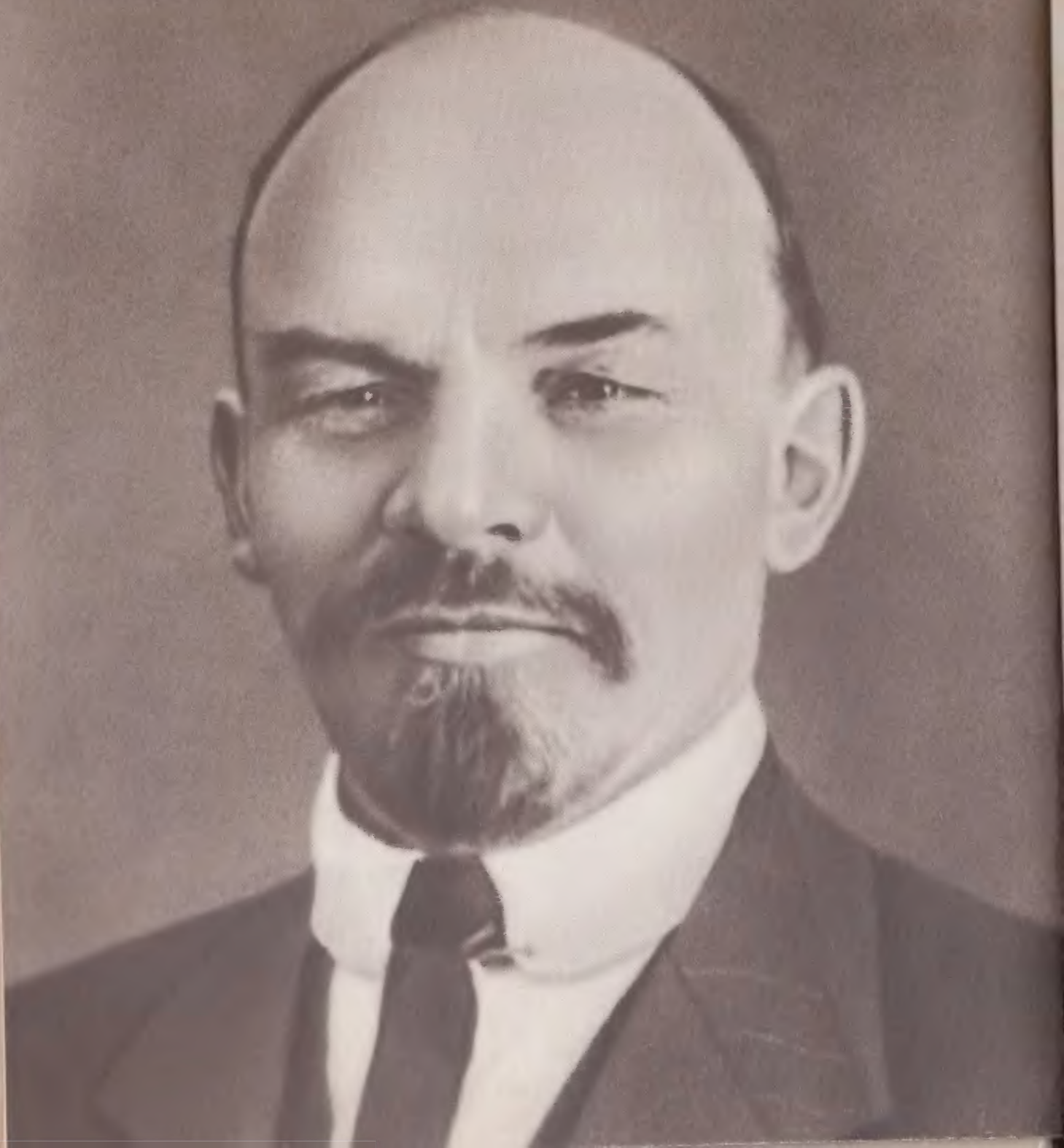
63.3 (2) 711.2

9 (С) 21

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.

**Взяв власть *сразу*
и в Москве и в Питере
(неважно, кто начнет;
может быть, даже
Москва может начать),
мы победим *безусловно*
и *несомненно*.**

И. В. Сталин

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — о вооруженном восстании в октябре 1917 г., о захвате власти рабочими, солдатами и крестьянами России. Вопрос о власти, главный вопрос шлокой революции, решался тогда прежде всего в двух самых больших политических, экономических и культурных центрах нашей страны — в Петрограде и Москве.

Владимир Ильич Ленин в статье „Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата“, опубликованной в 1919 г., писал, что большевики „имели, если исполнительно употребить военный термин, могучий „ударный кулак“ в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот „закон“ военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры... в значительной степени решают политическую судьбу народа, — глумеется, при условии поддерж-

ки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка”¹.

Ленинские высказывания о роли столиц в революции и побудили авторов написать эту книгу, рассказать о ходе вооруженной борьбы за власть, о политическом закреплении победы в ходе восстания одновременно в Петрограде и Москве. События в этих городах круто повернули не только историю нашей страны, но и стали новой точкой отсчета в судьбах всего человечества.

В начале XX в. население лишь двух городов в государстве Российском перешагнуло через миллионный рубеж. Два с половиной миллиона жителей в Петрограде, 2 миллиона — в Москве. Два города — со своим неповторимым обликом, со своей неповторимой судьбой.

Древняя Москва некогда объединила вокруг себя русские земли и стала столицей одного из самых крупных и могущественных

государств на европейском континенте. Однако в 1712 г. столицей Российской империи стал Санкт-Петербург, воздвигнутый волей Петра I в устье Невы на балтийских берегах. „И перед младшею столицей померкла старая Москва, как перед новою царицей порфиронская вдова“, — писал А. С. Пушкин. Да, Москва оказалась в положении второй столицы. Но роль ее в истории России, в экономике и культуре страны оставалась по-прежнему высокой. Отечественная война 1812 г. показала, что Москва — сердце России, сердце Родины. „Россия явилась вдруг с двумя столицами, — писал В. Г. Белинский, — старую и новую, Москву и Петербургом“.

А к началу XX в. оба города превратились в крупнейшие центры промышленности. Развивающийся капитализм здесь особенно отчетливо выявил классовые антагонизмы.

Петроград...

По берегам Невы и ее четырех рукавов, десятков рек и каналов возвышались дворцы и особняки, теснились доходные дома и казармы. Императорский Зимний

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 6—7.

дворец, дворцы великих князей, Государственная дума, министерства, штабы, склады, тысячи магазинов — от самых современных универсальных магазинов Гвардейского экономического общества до мелких лавчонок на рабочих окраинах...

*Город грабил,
греб,
глыбил грабастал,
пуза касс,
а у станков худой и горбастый
встал рабочий класс.*

Всем памяты эти строки Владимира Маяковского. Они очень точно отражают сложнейшие изменения в структуре российского общества, появление на исторической арене двух новых классов — пролетариата и буржуазии. К 1917 г. на 1011 фабриках и заводах Петрограда было занято почти 400 тысяч рабочих. Они представляли собой огромную революционную силу. Февральская революция вовлекла Петроград в водоворот острейшей политической борьбы. Сюда поздно вечером 3 апреля 1917 г. вернулся из эмиграции Владимир Ильич Ленин. Большевицкая организация Петрограда, которая была наиболее крупной в стране, постоянно ощущала непосредственное руководство великого вождя революции.

Москва...

К началу XX в. она также стала крупнейшим фабрично-заводским городом.

На 233 квадратных километра раскинулся он, причудливо разрезанный Москвой-рекой. В центре высилась красно-белая громада Кремля. Вокруг — деловые и торговые кварталы, особняки московской знати и купечества в тихих переулках, многоэтажные дома, где жили имущие и „средние“ слои. В Москве находились крупные банки, торговые фирмы, ведомства различных правительственных учреждений. Она была цитаделью русской буржуазии. В Москве формировалась буржуазная оппозиция царизму.

Но врагом, по-настоящему опасным для самодержавия, и здесь был пролетариат. Из двухмиллионного населения Москвы пятую часть составляли рабочие. Само центральное положение в Европейской России, мощный пролетариат, сохранивший память о грозном 1905 г., опыт баррикадных боев, значительные силы большевистской партии — все это сделало Москву, как и Петроград, одним из двух главных центров борьбы за власть в октябре 1917 г.

Говоря о месте столиц в подготовке и проведении Октября

вооруженного восстания, стоит отметить еще и то, что и Петроград и Москва располагали внушительным контингентом вооруженных сил. В Петрограде к февралю 1917 г. насчитывалось свыше 300 тысяч солдат пехотных, кавалерийских, артиллерийских и технических войск. Таким же внушительным — около 100 тысяч — был гарнизон Москвы и ее окрестностей. В формировании политической армии социалистической революции, вооруженных сил ее это имело немаловажное значение.

*

Разделы книги, относящиеся к борьбе за победу восстания в Москве, написаны доктором исторических наук А. Я. Грунтом, в Петрограде — доктором исторических наук В. И. Старцевым.

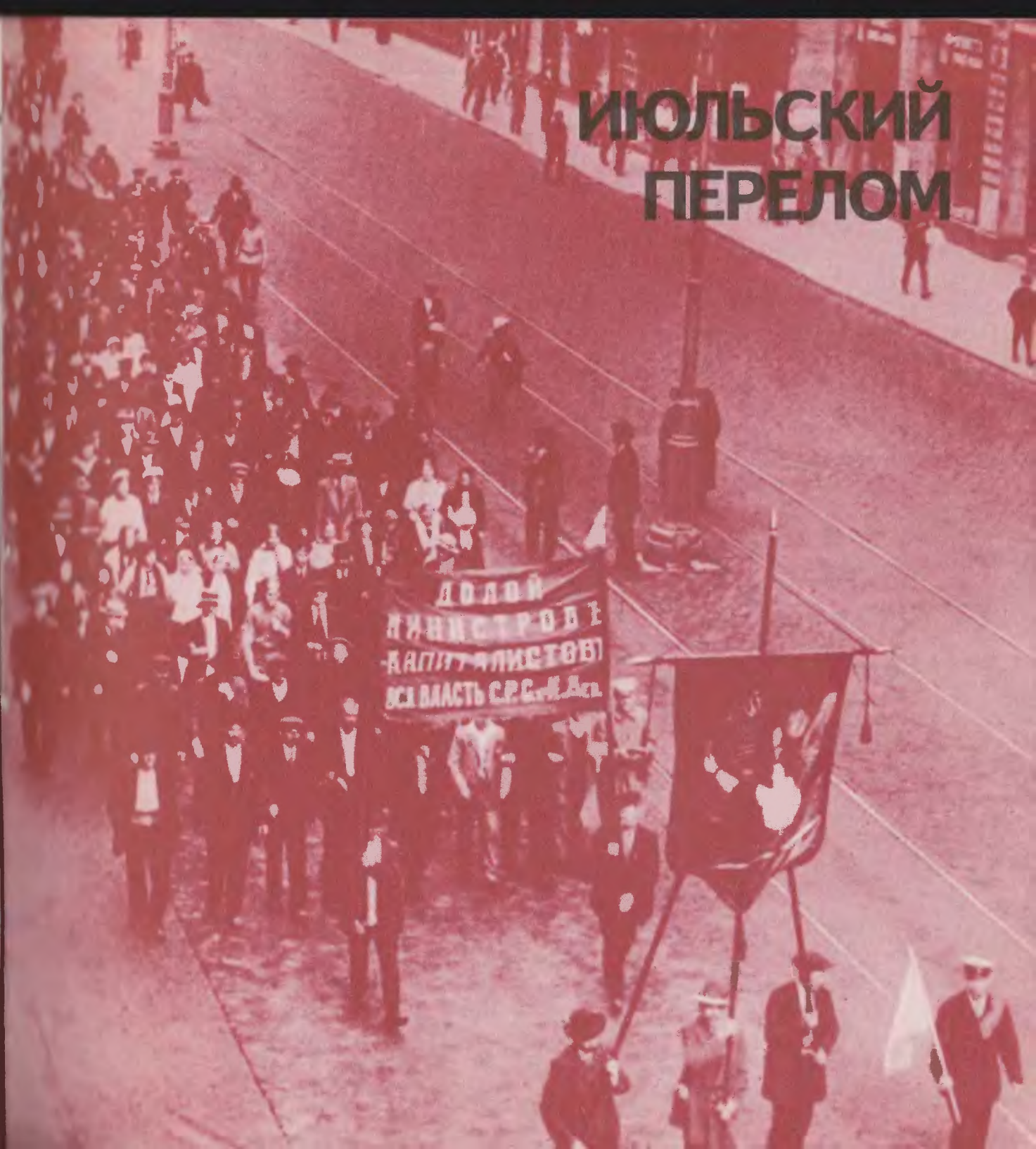
Стоит особо сказать об иллюстративном материале. В книге множество документальных фотографий, кадров кинохроники, запечатлевших неповторимые события июля—ноября 1917 г. Они помогут читателю лучше понять происходившее, почувствовать ту эпоху, зримо ощутить героическое время Революции.

В книге имеется именной указатель, указатель топонимический и перечень переименованных улиц, площадей и вокзалов.

Петроград. 4 июля 1917 г.
Массы народа вышли на улицы, требуя
перехода власти к Советам

ИЮЛЬСКИЙ ПЕРЕЛОМ

ДОЛОЙ
МИНИСТРОВ
КАПИТАЛИЗМА
ВСЯ ВЛАСТЬ С.Р.С.Д.С.

Три кризиса.

Тема офадрочените клевету и
луги на болшевиков в ордни, тили
снокопаче долфно мач, оироберия лав
и клевето, вдунавадсе в илороче-
скуо сваяс содржи и в илороче-
то-ево классово, премена гатман
хода револуци.

В оироберияте луги и кле-
вето мач долфно гдоче мач подр-
рине ссортку на „Лугох Пре-
во“ от в. 20 июля и особенно
одрару внимание пиралеи на
негараемуро мач сдрбо, док-
ментално докарв атомуро, во

ИЮЛЬСКИЙ ПЕРЕЛОМ

События, развернувшиеся в Петрограде в первых числах июля 1917 г., — взрыв ожесточенной классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, грозивший перерасти в гражданскую войну, — были логическим результатом развития революции в течение четырех месяцев после свержения самодержавия.

С начала марта в России установилось фактическое двоевластие: буржуазное Временное правительство обладало, по существу, формальной властью, в то время как Петроградский Совет, опираясь на революционную армию и вооруженных рабочих, имел в своих руках реальную власть.

Большевистская партия, поднимая выразительница интересов рабочих, солдат и крестьян, выдвинула устами Владимира Ильича Ленина лозунг „Вся власть Советам!“. В конкретном историческом углошних тех дней это был лозунг мирного развития революции.

Так как после свержения самодержавия в политику ринулись массы совершенно неопытных людей, то на первых порах доверие этих масс сумели захватить лидеры партий эсеров и меньшевиков.

Под прикрытием слов о грядущем царстве социализма они проповедовали классовый мир, союз с буржуазией и поддержку буржуазного Временного правительства. Затем они совершили новое предательство: приняли предложение буржуазных партий образовать коалиционное правительство и призвали народ поддержать его.

Войдя в правительство, меньшевики и эсеры обещали, что они предпримут энергичные шаги в пользу заключения демократического мира без аннексий и контрибуций, издадут законы, обеспечивающие передачу земли в руки крестьян, конфискуют прибыли капиталистов, переложат на их плечи бремя военных расходов. А в это самое время под аккомпанемент слов о мире, расточавшихся министром иностранных дел миллионером Терещенко, военный министр эсер Керенский разъезжал по фронту и в сотнях речей призывал солдат выполнить приказ о наступлении и „под красными знаменами революции пойти на германцев и австрийцев“.

То, что не удалось лидеру буржуазной партии октябристов военному министру первого Временно-

го правительства Гучкову, удалось Керенскому. 18 июня русская армия перешла в наступление на Юго-Западном фронте. Во Временном правительстве министры-кадеты заблокировали жалкие попытки эсеровского министра Чернова провести закон хотя бы о запрещении земельных сделок, имевший целью предотвратить разбазаривание фонда помещичьих земель. Буржуазные министры срывали планы дополнительного налогового обложения буржуазии, выступали против предоставления минимальных прав народам России. Меньшевики и эсеры вместо того, чтобы одернуть буржуазных контрреволюционеров, слепо шли за ними, защищали курс коалиционного правительства, и прежде всего его военную политику, подготовку наступления на фронте, которое затягивало ненавистную народу войну.

Май и июнь 1917 г. способствовали быстрому отрезвлению сотен тысяч рабочих и солдат.

Большевики упорно разъясняли массам антинародный характер деятельности буржуазных министров, вред политики меньшевистско-эсеровских лидеров. На Пер-

вом Всероссийском съезде Советов, открывшемся 3 июня, министр почт и телеграфов Церетели заявил, что в России нет политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. С трибуны съезда прозвучали гордые ленинские слова: „Я отвечаю: „есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается”¹. Ленин сказал это о партии большевиков, в любую минуту готовой предложить народу свою программу решения основных вопросов революции и взять власть целиком, если партии будет оказано доверие.

В начале июня выявилось быстрое развитие революционного сознания рабочих и солдатских масс Петрограда. Чтобы показать меньшевистско-эсеровскому руководству съезда, что его политика уже не отвечает интересам рабочих и солдат, большевики назначили на субботу 10 июня мирную демонстрацию под своими лозунгами. Президиум съезда, узнав об этом, запретил демонстрацию и обвинил большевиков в подготовке „заговора”. Большевик Церетели потребовал расправы с большевиками и разоружения большевистски настроенных полков. Но делегаты съезда вскоре убедились, что желание рабочих и солдат столицы выйти на улицы очень велико. И съезд назначил на воскресенье 18 июня демонстрацию.

Готовя ее, большевики развернули громадную работу. Они считали демонстрацию важной политической битвой с меньшевиками и эсерами за влияние на массы. 18 июня на улицы Петрограда под

большевистскими знаменами вышло 500 тысяч рабочих и солдат. Это была крупная победа большевистской партии в создании политической армии революции. 20 июня В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б), призвал всесторонне готовить силы пролетариата и армии к новому этапу революции. При этом он предостерегал против скоропалительных решений и преждевременных действий, на которые толкали массы экстремистские элементы.

Напряжение в столице нарастало с каждым днем. Новый взрыв негодования у рабочих и солдат Петрограда вызвало известие об авантюристическом наступлении на фронте, начатом по приказу Керенского, а затем о его провале. 3 июля огромные массы народа вышли на улицы, требуя перехода всей власти к Советам.

В. И. Ленина в это время не было в Петрограде. В конце июня он выехал для кратковременного отдыха в деревню Нейвола на Карельском перешейке, где жил на даче большевика В. Д. Бонч-Бруевича. Там, в Нейвола, утром 4 июля 1917 г. Ленин и узнал о начале июльских событий в Петрограде. К нему приехал посланец Центрального Комитета РСДРП (б) старый большевик, сотрудник центрального органа партии, газеты „Правда”, М. А. Савельев. Он сказал: „В Питере восстание”. И сообщил, что большевики до последнего момента сдерживали массы. Но вопреки этому анархисты сумели склонить к выступлению солдат 1-го пулеметного полка, рабочих ряда предприятий Вы-

боргской стороны и Путиловского завода.

Центр демонстрации — Таврический дворец, резиденция ЦИК Советов, которому рабочие и солдаты предъявляют требование немедленно устранить Временное правительство и взять всю власть в свои руки. ЦИК же, по слухам, отказывается и вызвал казаков и артиллерию для своей охраны. Керенский выехал из города. Когда демонстрация стала фактом, после 10 вечера, руководящие организации большевиков приняли решение возглавить ее, чтобы придать выступлению мирный и организованный характер.

— На сегодня, 4 июля, мы назначили уже свою, мирную демонстрацию, — продолжал Савельев. — Но перед отъездом, на вокзале, я слышал, что поздно вечером на Невском, на Садовой, Литейном и в других местах демонстранты были обстреляны неизвестными лицами из винтовок и пулеметов.

Ленина очень обеспокоило услышанное. Момент был в высшей степени критическим. Вооруженное выступление сейчас преждевременно, революционный кризис еще не назрел, армия и провинция не готовы поддержать выступление петроградских рабочих. Буржуазия, испуганная ростом влияния большевиков, провоцирует массы на преждевременное выступление, чтобы обрушить на них репрессии, разбить и раздавить их.

— Надо ехать в Петроград, — сказал Ленин. — Этим движением мы должны немедленно овладеть.

Утром 4 июля демонстрации возобновились под руководством большевиков. Хотя они и были выражением недовольства политикой Временного правительства,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 267.

Автомобиль с вооруженными солдатами 1-го пулеметного полка на Невском проспекте в Петрограде. 3 июля 1917 г.

Товарищи

РАБОЧИЕ и СОЛДАТЫ ПЕТРОГРАДА!

ПОСЛЕ ТОГО, КАКЪ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БУРЖУАЗІЯ ЯВНО ВСТУПИЛА ПРОТИВЪ РЕВОЛЮЦИИ, ПУСТЬ ВСЕРОССИЙСКІЙ СОВѢТЪ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТСКИХЪ И КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ ВОЗЬМЕТЪ ВСЮ ВЛАСТЬ ВЪ СВОИ РУКИ.

ТАКОВА ВОЛЯ РЕВОЛЮЦИОННАГО НАСЕЛЕНІЯ ПЕТРОГРАДА, КОТОРЫЙ ИМѢЕТЪ ПРАВО ДОВЕСТИ ЭТУ СВОЮ ВОЛЮ ПУТЕМЪ ЖИРНОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ ДО СЪѢЗДА ЗАСѢДАЮЩАГО СЕЙЧАСЪ ИСП. КОМИТЕТОВЪ ВСЕР. С. Р., С. и К. Д.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ВОЛЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ РАБОЧИХЪ и РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ СОЛДАТЪ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ВЛАСТЬ СОВѢТОВЪ!

КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОТЕРПѢЛО КРАХЪ, ОНО РАСПАЛОСЬ, НЕ БУДУЧИ ВЪ СОСТОЯНІИ ВЫПОЛНИТЬ ТѢХЪ ЗАДАЧЪ, РАДИ КОТОРЫХЪ ОНО БЫЛО СОЗДАНО, ГРАНДИОЗНЫЯ, ТРУДНѢЙШИЯ ЗАДАЧИ СТОЯТЪ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ, НУЖНА НОВАЯ ВЛАСТЬ, КОТОРАЯ ВЪ ЕДИНЕНІИ СЪ РЕВОЛЮЦИОННЫМЪ ПРОЛЕТАРИАТОМЪ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМІЕЙ и РЕВОЛЮЦИОННЫМЪ КРЕСТЬЯНСТВОМЪ РѢШИТЕЛЬНО ВЗЯЛАСЬ БЫ ЗА УНРѢПЛЕНІЕ и РАСШИРЕНІЕ ЗАБОЕВАНІЯ НАРОДА, ТАКОЙ ВЛАСТЬЮ МОЖЕТЪ БЫТИ ТОЛЬКО ВЛАСТЬ СОВѢТОВЪ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТСКИХЪ и КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

ВЧЕРА РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГАРНИЗОНЪ ПЕТРОГРАДА и РАБОЧІЕ ВЫСТУПИЛИ, ЧТОБЫ ПРОВОЗГЛАСИТЬ ЭТОТЪ ЛОЗУНГЪ ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТУ, ЭТО ДВИЖЕНІЕ, ВСПЫХНУВШЕЕ ВЪ ПОЛНАХЪ и НА ЗАВОДАХЪ, МЫ ЗОВЕМЪ ПРЕВРАТИТЬ ВЪ МИРНОЕ, ОРГАНИЗОВАННОЕ ВЫЯВЛЕНІЕ ВОЛИ ВСЕГО РАБОЧАГО, СОЛДАТСКАГО и КРЕСТЬЯНСКАГО ПЕТРОГРАДА.

Центральный Комитетъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Петербургскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Межрайонный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Военная Организація при Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Комиссія Рабочей Секціи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Большевистская листовка с призывом к демонстрации
4 июля 1917 г.

но проходили спокойно. Большевики, верные ленинскому курсу на мирное развитие революции, принятому еще VII (Апрельской) конференцией РСДРП (б), не вы-

двигали лозунгов свержения правительства, захвата государственных и общественных зданий в Петрограде. Но рабочие и солдаты, уже подвергшиеся вечером

3 июля вооруженным нападениям, взяли с собой оружие для самообороны. И не зря. Днем в разных местах центра города колонны демонстрантов, в которых шло более 500 тысяч рабочих, солдат, матросов, были обстреляны из пулеметов с верхних этажей, крыш и чердаков. Демонстранты защищались, стреляя в ответ в направлении огневых точек. За два дня в Петрограде было убито и ранено около 700 человек.

Кто стрелял в демонстрантов? Члены военных и полувоенных организаций правого толка, которые сегодня бы мы назвали полуфашистскими. Они, полные ненависти к революции и народу, готовили нападение на рабочих и солдат еще с 10 июня, узнав, что большевики призвали массы к демонстрации. 18 июня, когда демонстрация состоялась с ведома ЦИК, они не посмели напасть на нее. Теперь же сочли час наступившим. „Военная лига“, „Союз защиты родины и порядка“, „Лига борьбы с большевизмом“ и т. д. — вот как назывались эти организации и союзы. Пройдет немного времени — и они пошлют коллективное приветствие кандидату в русские Бонапарты — генералу Корнилову...

Правые экстремисты имели связи в штабе Петроградского военного округа. Оттуда, скорее всего, пришло к ним известие о том, что анархисты в 1-м пулеметном полку решили поднять полк на антиправительственную уличную демонстрацию.

И вот теперь пролилась кровь, сотни ни в чем не повинных людей были обстреляны. Стими, кто стрелял в демонстрантов, фактически солидаризировались и Временное правительство и меньшевистско-эсеровский ЦИК.

Временное правительство, напуганное мощным народным движением, распалось на отдельные группы, общих заседаний не проводилось. „Министры-социалисты“ перешли в Таврический дворец, резиденцию ЦИК, а буржуазные — в штаб округа на Дворцовую площадь, под защиту военных властей. Министр-председатель князь Львов на деле передал всю власть по „восстановлению порядка“ в городе штабкомандующему округом генералу Половцову. Во второй половине дня 4 июля он начал собирать на Дворцовой площади небольшие отряды казаков, юнкеров, добровольцев отряда „увечных воинов“, солдат гвардейских полков.

Около двух часов дня В. И. Ленин выступил перед кронштадтскими матросами с балкона особняка Кшесинской, ставшего после Февральской революции штабом партии большевиков. Он передал им привет от имени питерских рабочих и выразил уверенность в том, что лозунг „Вся власть Советам!“ победит, призвал матросов к поддержке, стойкости и бдительности. Прогремело „Ура!“, и колонна кронштадтцев, как и сотни тысяч других демонстрантов, направилась к Таврическому дворцу. Там демонстранты выбрали делегацию и потребовали, чтобы она была принята руководством ЦИК. Рабочие, солдаты и матросы заявили ЦИК Советов должен немедленно взять власть в свои руки, распавшееся Временное правительство должно быть отстранено от управления страной.

Меньшевикско-эсеровские лидеры ЦИК отказались выполнить это требование, но пытались успокоить демонстрантов, обещая через две недели созвать Второй

Всероссийский съезд Советов, который, заявляли они, лишь один имеет право объявить об установлении Советской власти. Около 5 часов дня демонстранты стали расходиться. В это самое время за спиной народа были вызваны с Западного фронта воинские части, чтобы использовать их против петроградских рабочих и солдат. От Дворцовой набережной к Таврическому дворцу шли эскадроны казаков с артиллерией для „охраны“ лидеров „революционной демократии“ от... революционного народа. У Литейного моста разгорелся бой между казаками и солдатами 1-го пехотного запасного полка, участвовавшими в демонстрации. Улицы Петрограда облились кровью.

Поздно вечером 4 июля совещание членов ЦК и ПК, проходившее под руководством Ленина, постановило закончить демонстрацию и призвало рабочих и солдат мирно разойтись по заводам, казармам и кораблям. Партия стремилась вовремя вывести свои основные силы из-под удара контрреволюции.

В эти дни начались массовые обыски среди рабочих, аресты солдат. Развернулась невиданная по своим масштабам и подлости травля большевистской партии, и прежде всего ее вождя — Ленина. В центре буржуазной контрреволюции — штабе военного округа — была задумана и осуществлена чудовищная провокация. Готовилась она давно. Еще 1 июля в контрразведке штаба округа был составлен список 28 большевиков во главе с Лениным. Готовился их арест. После событий 3–4 июля, показавших рост влияния большевистской партии, силы реакции перешли в открытое наступление.

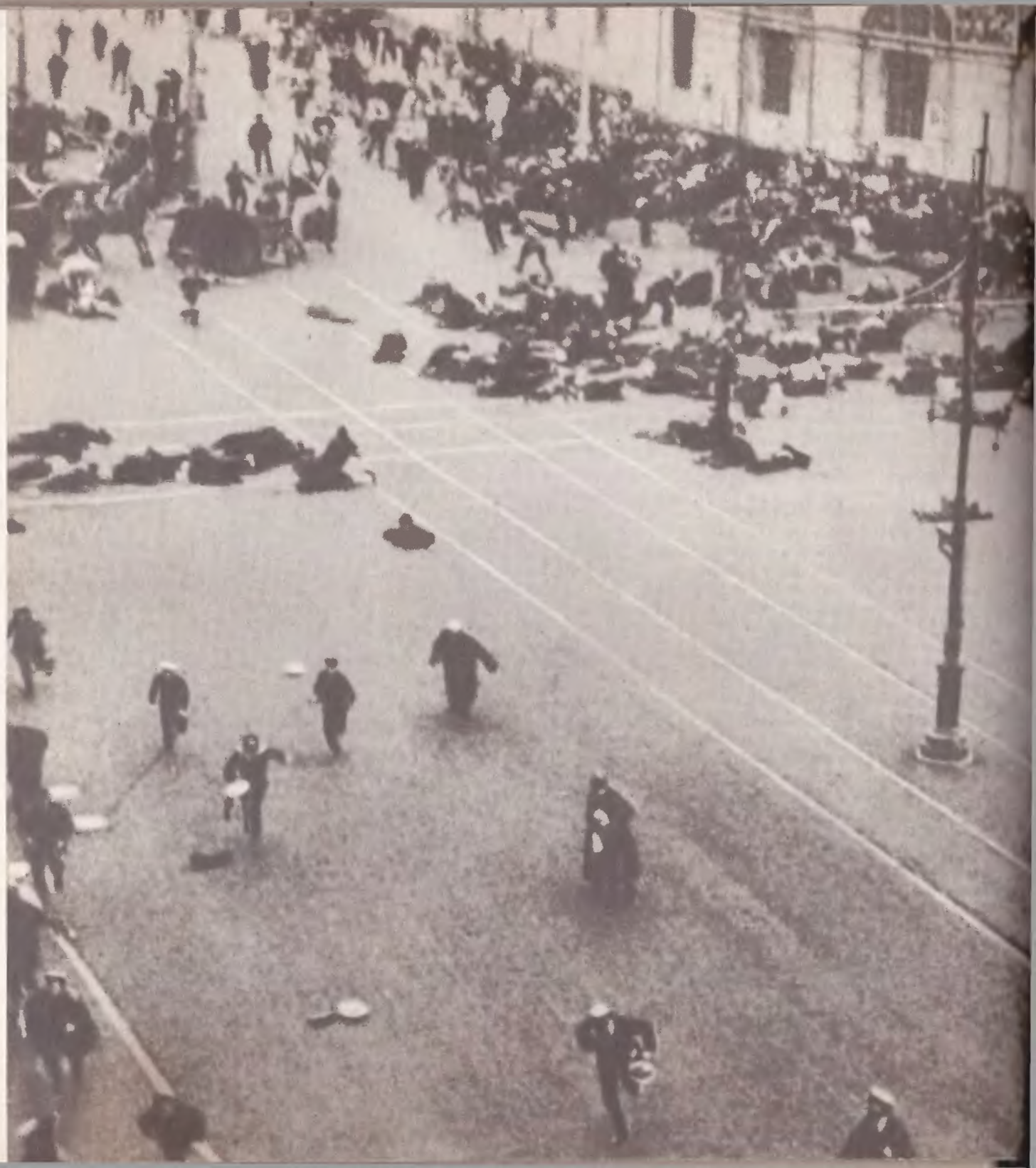
Товарищ министра юстиции Временного правительства так писал о целях клеветнической кампании, которую развернула летом 1917 г. российская буржуазия и империалисты Запада: „Нужно было повернуть психологию масс в отношении к большевикам, нужно было нанести им моральный удар, дабы отвлечь от них симпатии масс“.

— Докажите, что большевики изменники, — вот единственное, что нам остается, — откровенно говорил министр юстиции Перверзев.

Военной контрразведкой были сфабрикованы фальшивки о том, что Ленин якобы работает в России по заданию германского генерального штаба, а большевики, выступающие против продолжения войны, ведут свою агитацию на немецкие деньги.

При помощи социал-шовиниста Алексинского была спешно сфабрикована статья, обвинявшая В. И. Ленина и других большевиков в измене. Июльская же демонстрация изображалась там как попытка мятежа с целью вооруженного свержения Временного правительства и заключения сепаратного мира с немцами. Эта статья была лишь звеном антибольшевистской пропаганды, развернутой контрреволюционным Временным правительством. Она сыграла свою роль: настроения части солдат изменились. Буржуазная контрреволюция получила в свое распоряжение небольшие воинские силы, которых она была лишена с Февральской революцией. Теперь

→
Расстрел мирной демонстрации
4 июля 1917 г. Петроград.
Угол Невского проспекта
и Садовой улицы

Разгром правительственными войсками (самокатчиками) особняка Кшесинской 6 июля 1917 г.

же открытый переход ЦИК Советов на сторону правительства против народа лишил Советы военной поддержки. Реальная власть выскользнула из их рук и перешла к контрреволюционной военщине.

Озверелые юнкера, казаки и гвардейцы-преображенцы напали на группы рабочих и солдат,

разоружали их, избивали, арестовывали. Контрреволюционерами был послан отряд разгромить редакцию большевистской газеты „Правда“. По счастливой случайности лишь за полчаса до его прибытия из редакции ушел В. И. Ленин. Вакханалия контрреволюционной военщины продолжалась

и 5 и 6 июля. Были заняты и разгромлены особняк Кшесинской, помещения нескольких районных комитетов партии, рабочих организаций. Десятки людей были арестованы, у типографии „Правды“ на улице смертельно избит рабочий И. А. Воинов, большевик-подпольщик. По решению ЦК РСДРП (б) с утра 5 июля В. И. Ленин перешел на нелегальное положение.

Поздно вечером 6 июля в Петроград с фронта вернулся Керенский. Именно его выдвинула теперь российская империалистическая буржуазия на пост министра-председателя Временного правительства. Князь Львов, занимавший этот пост, ушел в отставку, Керенский взял на себя задачу воссоздания коалиции путем усиления в первую очередь режима своей личной власти. Момент для этого он считал подходящим. Наступление на фронте, державшееся на искусственно подогретом энтузиазме и плохо подготовленное, захлебнулось, наткнувшись на сопротивление спешно переброшенных немецких войск. Армия побежала вспять, далеко откатившись за исходные позиции. „Страна в опасности! — вопили буржуазные газеты, — и виноваты во всем большевики!“

Выполняя волю империалистической буржуазии, правительство Керенского уже 7 июля издало приказы об аресте В. И. Ленина и других руководителей большевиков и предании их суду, о расформировании воинских частей, принимавших участие в июльской демонстрации, и наказании солдат-демонстрантов. Несколько позже была восстановлена смертная казнь на фронте, военно-полевые суды. Запрещены „Правда“ и десятки других большевистских га-

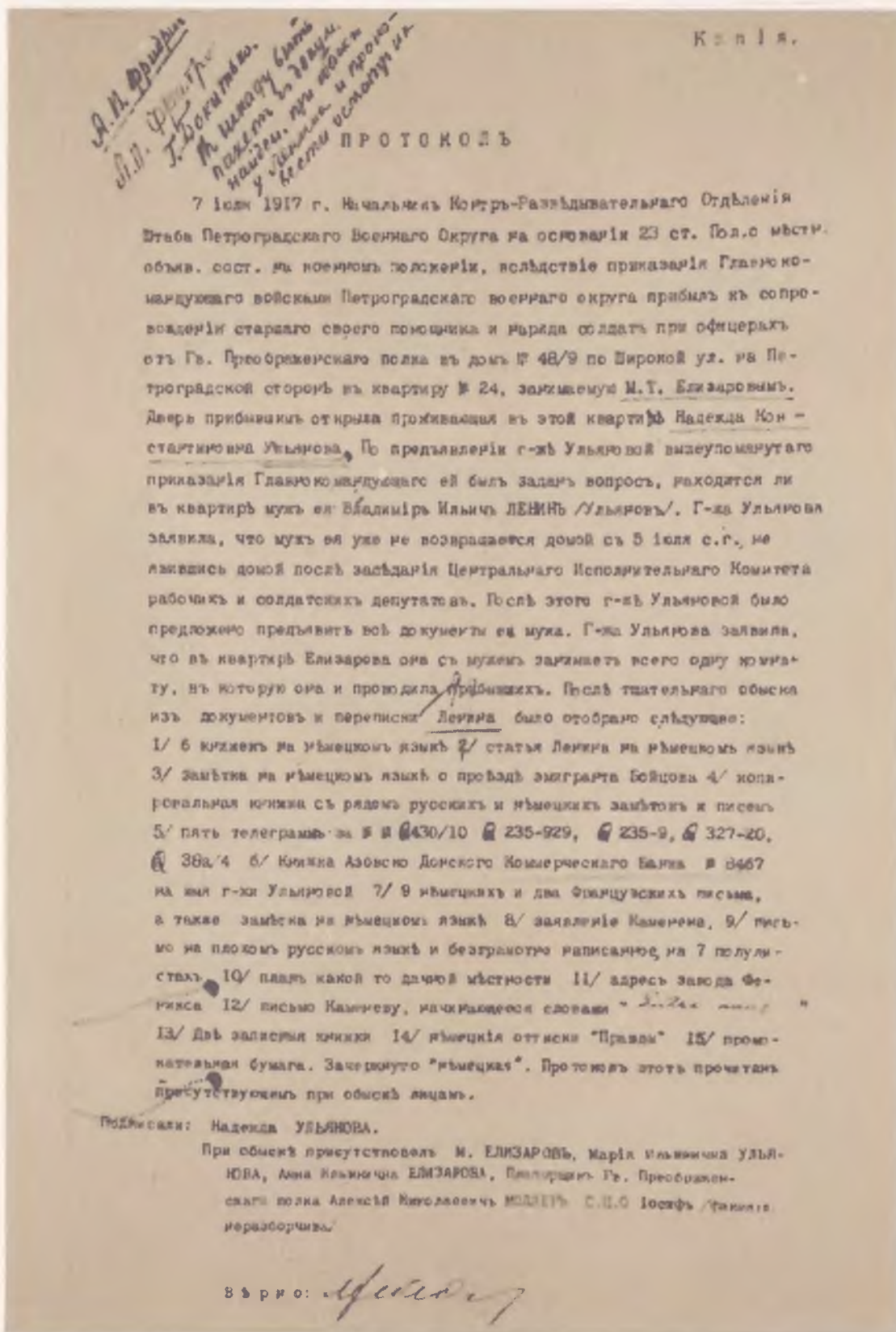

Дом № 48/9 по Широкой ул. в Петрограде (ныне ул. Ленина), где в квартире № 24 с 3 апреля по 5 июля 1917 г. проживал В. И. Ленин в семье своей сестры А. И. Ульяновой-Елизаровой

зет. Контрреволюция наступала по всему фронту...

ЦИК Советов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов позорно присоединились к ней, объявив 9 июля правительство Керенского „правительством спасения революции“, передав ему и формально всю полноту власти в стране.

Для отвода глаз Временное правительство опубликовало 8 июля новую программу, полную лживых обещаний, приняло 12 июля эсеровский закон о запрещении земельных сделок. Но реальная власть в стране уже принадлежала контрреволюционной военщине, с неохотой допустившей теперь к ней и Керенского. Выражением господствующего положения этой военщины явилось назначение под давлением правых буржуазных сил на пост главнокомандующего русской армией генерала Корнилова, полного бонапартистских амбиций, враждебно настроенного против Советов и армейских комитетов.

Фотокопия протокола обыска, произведенного начальником контрразведки штаба Петроградского военного округа в квартире А. И. Ульяновой-Елизаровой 7 июля 1917 г.

В этих условиях большевистская партия призвала рабочий класс к спокойствию, к организованному отступлению с сохранением порядка в своих рядах. Партии удалось не допустить массового обескровления рабочего класса, выстоять до нового революционного подъема.

В. И. Ленин был укрыт в глубоком подполье. С 11 по 29 июля он жил в шалаше за озером Сестрорецкий Разлив близ Петрограда. Выехав из города, Ленин посвятил несколько дней глубокому анали-

зу политического положения, сложившегося после июльского перелома. Результатом этого анализа были тезисы „Политическое положение“, брошюра „К лозунгам“, статья „О конституционных иллюзиях“ и некоторые другие работы. В первом тезисе „Политического положения“ В. И. Ленин писал: „Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки“. Ленин выделял три главные силы контрреволюции: партию кадетов, „генеральный штаб и командные

верхи армии с сознательной или полусознательной помощью Керенского“, черносотенную и буржуазную прессу. Во втором тезисе он констатировал: вожди Советов и „партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции“¹. Общий вывод содержался в третьем тезисе Ленина: „Все надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны“². В связи с этим Ленин предложил партии снять лозунг „Вся власть Советам!“ как лозунг мирного развития революции, не считающийся с фактом перехода лидеров нынешних Советов на сторону контрреволюции. Обоснованию этого предложения он посвятил специальную работу „К лозунгам“³.

В связи с публикацией властями обвинительного заключения по „июльскому делу“ В. И. Ленин пишет статью „Ответ“, в которой опровергает все клеветнические обвинения в свой адрес и в адрес партии большевиков. И тут же он пропагандирует свои новые выводы относительно перелома в поли-

Макет шалаша у стога сена на берегу озера Разлив, где В. И. Ленин скрывался от преследований Временного правительства в июле 1917 г.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 1—2.

² Там же.

³ См. там же, с. 10—17.

ничком положении, разъясняет необходимость всесторонней и выдержанной подготовки к моменту, когда новый подъем поставит на очередь дня вооруженное восстание пролетариата против власти буржуазии. „Теперь военная, а следовательно, и государственная власть, — пишет он, — фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос исторически поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция“¹.

Таким образом, именно от дней июльского перелома идет история Октябрьского вооруженного восстания, его идейная, идеологическая, организационная и военная подготовка. Подготовка, блестяще оправдавшая себя в Октябрьские дни!

В середине июля 1917 г. стало ясно, что наступление контрреволюции шло к успеху благодаря стойкости и выдержке рабочего класса России. „Глубокий прорыв“ на фронте „Пациза“, который затмевал для буржуазии неудачу наступления на фронте и которым открыто являлся в интервью с представителями комитета журналистов при Временном правительстве князь Львов², явно не удался. Попытка прямо разоружить рабочих карательными набегами привела к тому, что на заводах стали устраивать тайные склады оружия. При-

Организаторы последнего подполья В. И. Ленина: Г. К. Орджоникидзе, С. Я. Аллилуев, В. И. Зоф, Н. А. Емельянов, А. В. Шотман, А. Н. Токарева

звывая Керенского к добровольной сдаче оружия также не привел к ощутимым результатам. „Передовые отряды пролетариата России, — писал Ленин, — сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования... не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое

обращение со своим словом к народу“³.

13–14 июля ЦК РСДРП (б) сумел провести партийное совещание. 16 июля возобновила свою работу вторая Петроградская общегородская конференция, на которой Я. М. Свердлов заявил:

— Период полулегального существования партии закончился.

23 июля вышел первый номер новой легальной газеты большеви-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 74.

³ Там же, с. 18.

Пропускной билет
Константина Петровича Иванова
с наклеенной фотографией В. И. Ленина
в гриме и с подрисованной печатью

Удостоверение на имя К. П. Иванова,
выданное В. И. Ленину в качестве
конспиративного документа

ная печать опубликовала ряд ленинских работ.

В тезисах съезду В. И. Ленин призвал партию к систематической подготовке масс к новому революционному подъему, с тем чтобы собственный опыт помог им осознать контрреволюционную сущность военной диктатуры, по отношению к которой созданное 24 июля второе коалиционное Временное правительство Керенского играет лишь роль ширмы. „Но нельзя забывать, — говорилось в этом документе, — что и военный и продовольственный кризис и ряд других условий могут вызвать громадную катастрофу невиданной силы.

Обязанностью пролетариата, особенно в столице, является тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и социалистическому переустройству общества”.

Владимир Ильич Ленин призвал делегатов съезда быть готовыми к взятию власти в момент возникновения нового стихийного движения, аналогичного июльским событиям. А в том, что оно — „громадная катастрофа невиданной силы” на почве военного и продовольственного кризиса — неминуюемо, Ленин был твердо уверен.

Съезд поддержал основные положения ленинского проекта резолюции, нацелил партию на вооруженное восстание, временно снял лозунг „Вся власть Советам!”. С этого момента партийная печать и агитаторы начали политическую подготовку к восстанию, разъясняя рабочим, солдатам и крестьянам политическое положение,

ков в Петрограде „Рабочий и солдат”.

Все силы партии были направлены теперь на подготовку VI съезда РСДРП (б) — первого общероссийского съезда партии после свержения самодержавия, первого съезда после десятилетнего вынужденного перерыва. Его фактическим руководителем был Владимир Ильич Ленин, находившийся в подполье. Он написал для съезда проект резолюции о политическом положении. Среди делегатов распространялась ленинская брошюра „К лозунгам”, срочно напечатанная Кронштадтским комитетом большевистской партии. Партий-

Н. С. Ленин Политическое положение.

~~(...)~~

Контр-революция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки.

Полная организация и укрепление контр-революции состоит в преобладающем, проводимом уже в значительной степени через главнейшие контр-революции: (1) партия к.д.р.с. казачьи вожди организации буржуазии, уход из министерства, передача ему управления, распускание комиссий свершения этого министерства контр-революцией; (2) жергальной ираб и командная вожди группы союзной или полусоюзной или полусоюзной Керенского, когдо для виднейших осеро ко. звали Илья Кавеньяком, захватили в руки фактически государственную власть, перейдя к разрыву революционных газет: война на фронт, к разоружению революционных войск и рубли в Илья и Илья, к подавлению и усилению в Кирея, к арестам добровольцев и фактически их газет не только бы судя, но и бы погубившая правительстве. Фактически основная государственная власть в России была в руках военной диктатура; (3) факт задержания еще рядов революционных (на сиван) буржуазии, но буржуазия не была; (4) факт казачьи, т.е. бы политика его килеа повар в политическом положении казачья. (3) буржуазно-монархическая и буржуазная пресса, переходя уже от открытой травли большевиков к "правит Свобод", "подбуждение" "Фр-ново" и т.д., даже явного показали, что казачья суть политики военной диктатура, казачья быне и поддерживаемой казачья и монархизм, состоит в подготовке разгрома Свобод. Многие вожди казачья и большевиков с. таперсентия большевикова Свобод, уже приехали и вступили

Фотокопия первой страницы рукописи тезисов В. И. Ленина „Политическое положение“. 10 июля 1917 г.

указывая на необходимость новой революции как единственного выхода из кризиса. В то же время съезд не определял еще никакого срока для восстания, ни в коей мере не „назначал“ его. Лишь будущий революционный подъем в стране мог поставить этот вопрос практически. Пожалуй, лишь один Ленин в этот момент предчувствовал, что в обстановке продолжавшейся революции критическое время может наступить очень скоро. И предчувствие Ленина оправдалось.

Сам он, не дожидаясь окончания работы VI съезда партии, покинул ненадежное убежище в Разливе и поздно вечером 29 июля

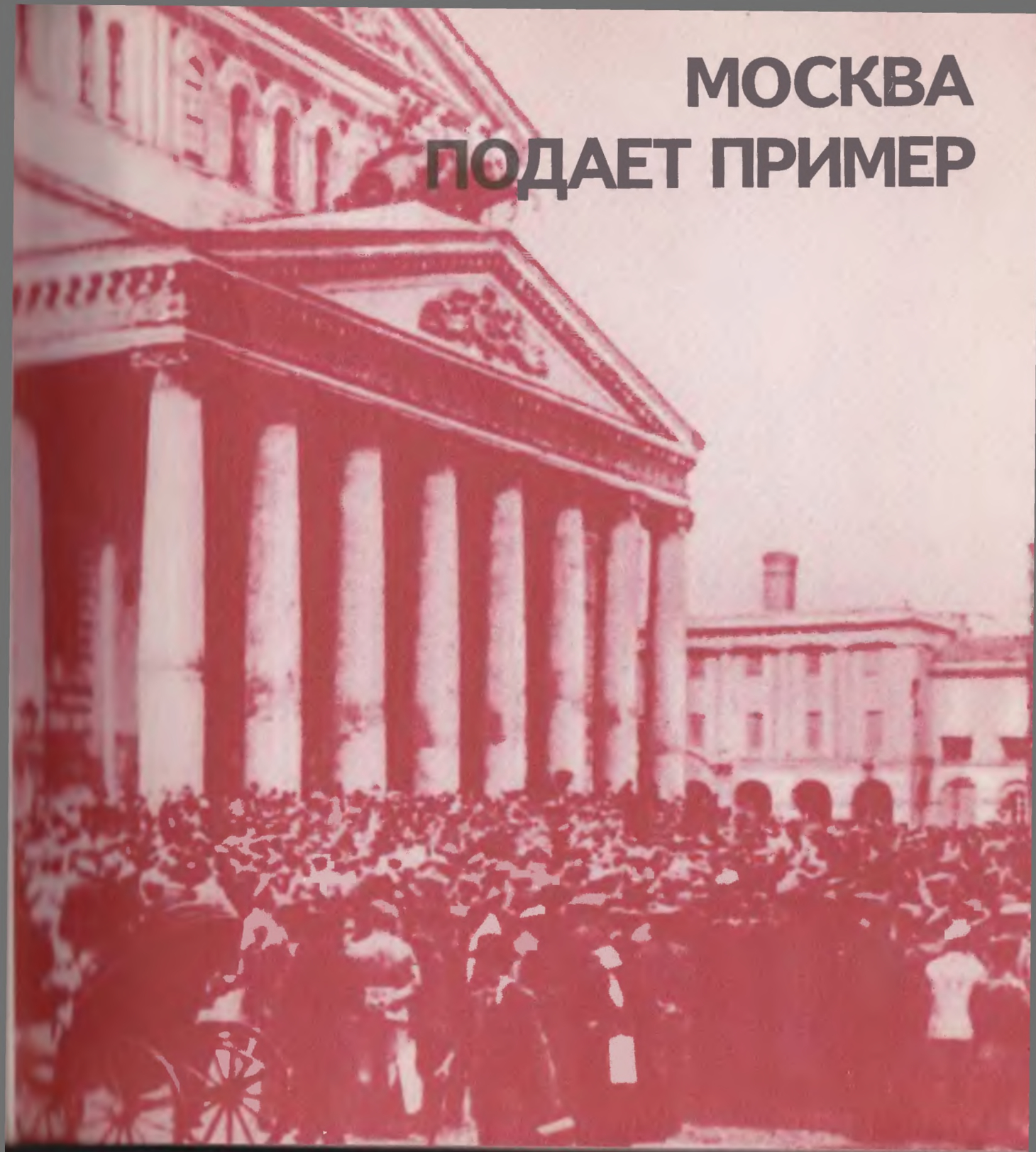
приехал нелегально на станцию Удельная под Петроградом, а в ранние утренние часы 31 июля, благополучно миновав таможенную границу с Финляндией, на паровозе машиниста Ялавы был доставлен на хутор Ялкала (ныне — Ильичево) под Териоками (ныне — Зеленогорск). После нескольких опасных поездок он наконец 9 августа поселился в Гельсингфорсе, откуда продолжал регулярно сноситься с Центральным Комитетом и руководить всей политической деятельностью партии.

Страна в эти дни конца июля и начала августа переживала напряженный момент все усиливающейся

классовой борьбы. Рабочий класс перестроил свои ряды и набирал силы для новых битв. Большевики постепенно усиливали позиции в Советах, фабзавкомах, профсоюзах, в солдатских комитетах. Медленно, но неуклонно шел процесс освобождения масс от иллюзий, от доверчивого отношения к меньшевикам и эсерам.

Но русская буржуазия, захватив определенные политические позиции в момент разгрома движения 3—5 июля, не хотела сдавать их и готовила новые преступления и заговоры против революционных масс. На пороге были новые схватки.

МОСКВА ПОДАЕТ ПРИМЕР

СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Фонд Иван Александрович Ефремов
и Иван Александрович Калитин Г.С. - А.Р.П.

№ 132. 12 (26) августа 1917 г. Ежедневная газета. Суббота. Цена 10 коп. № 132.

Сегодня день всеобщей забастовки!

Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод ни одна мастерская!
Пусть в день организации контр-революции остановится жизнь в Москве!

От повстанцев "Социал-Демократов".

В 12 часов, когда выйдете из дома, не забудьте взять в руки оружие и вступить в ряды Красной Гвардии повстанцев.

ИДЕЯ ИДЕАЛ ИДЕАЛ

В 12 часов выйдете из дома, не забудьте взять в руки оружие и вступить в ряды Красной Гвардии повстанцев. В 12 часов выйдете из дома, не забудьте взять в руки оружие и вступить в ряды Красной Гвардии повстанцев. В 12 часов выйдете из дома, не забудьте взять в руки оружие и вступить в ряды Красной Гвардии повстанцев.

Идеализм и идеология являются порождением буржуазной идеологии.

Резолюция, принятая на Общегородской конференции Р.С.Д.Р.П. 10-го августа

Отныне на почве борьбы Ц.К.Р.С.Д.Р.П. и ее ближайших союзников с буржуазными элементами не будет никаких переговоров и соглашений. Вся деятельность партии направлена на борьбу с этими элементами. Партия должна быть готова к немедленному выступлению против них. Необходимо организовать рабочую милицию и другие органы борьбы.

2) Организация повстанцев должна быть направлена на борьбу с буржуазными элементами. Необходимо организовать рабочую милицию и другие органы борьбы.

3) Провести в Москве и других городах всеобщую забастовку 12-го августа. Необходимо организовать рабочую милицию и другие органы борьбы.

Встреча С.Д. интернационалистов (Ильинских) в гласном Городецкий Двор Московского гуд.

В 12 часов, 12 августа, в 12 ч. в Городецкий двор Московского гуд. встретятся С.Д. интернационалисты. В 12 часов, 12 августа, в 12 ч. в Городецкий двор Московского гуд. встретятся С.Д. интернационалисты.

В 12 часов, 12 августа, в 12 ч. в Городецкий двор Московского гуд.

В 12 часов, 12 августа, в 12 ч. в Городецкий двор Московского гуд. встретятся С.Д. интернационалисты. В 12 часов, 12 августа, в 12 ч. в Городецкий двор Московского гуд. встретятся С.Д. интернационалисты.

Протесты рабочих против съезда Московского Совета.

Вашей профсоюзной массе не удалось организовать съезд Московского Совета. Рабочие протестуют против этого съезда. Необходимо организовать рабочую милицию и другие органы борьбы.

Вашей профсоюзной массе не удалось организовать съезд Московского Совета. Рабочие протестуют против этого съезда. Необходимо организовать рабочую милицию и другие органы борьбы.

МОСКВА ПОДАЕТ ПРИМЕР

До августа 1917 г. события в Москве развивались, как бы отражая то, что происходило в Петрограде. Москва шла за столицей, повторяя, правда в более скромных масштабах, то, что уже проявилось в Петрограде. Так было и в февральско-мартовские дни, и в апреле, и во времена июньского и июльского кризисов.

Теперь положение изменилось. В августовские дни Москва оказалась на переднем крае всероссийского революционного фронта. От московского пролетариата, от его организованности и сплоченности во многом зависели судьбы революции. Особая ответственность в организации отпора контрреволюции в эти дни легла на плечи московских большевиков.

Всего около 600 человек насчитывала московская партийная организация в дни Февральской революции. За годы войны ряды ее заметно поредели. Не раз подвергалась она полицейским разгромам, многие большевики томились в тюрьмах и ссылках. Но вот прошло всего несколько месяцев, и в один ряд с опытными партийцами, закаленными многими годами подпольной борьбы, встали моло-

дые бойцы. Буквально на каждом предприятии возникли и выросли большевистские ячейки. Летом 1917 г. в Москве было уже около 15 тысяч коммунистов, а влияние их в массах неизмеримо возросло.

Ведь это только там, в Зимнем дворце, Москва казалась „тихой“. А в действительности было совсем не так. 200 тысяч фабрично-заводских рабочих — металлисты и текстильщики, типографы и кожевники, химики и пищевики, десятки тысяч железнодорожников, строителей, чернорабочих — всего более 400 тысяч человек — такова была армия московских пролетариев. Суровую и героическую школу революционной борьбы — от экономических стачек начала 70-х годов прошлого века, пресненских баррикад в декабрьские дни 1905 года до славных выступлений в дни свержения царизма — прошли рабочие Москвы. Ни нагайки карателей, ни жесточайшая нужда и лишения не могли сломить их революционного духа. И не случайно поэтому в час грозных испытаний московский пролетариат встал на защиту завоеваний революции.

31 июля Временное правительство постановило: „Ввиду исклю-

чительности переживаемых событий и в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны созвать 12—14 августа Государственное совещание в Москве“. Однако за пышными словами о „единении“ скрывалось совсем другое: желание буржуазно-помещичьих элементов и военщины принять на совещании корниловскую контрреволюционную программу и „при благоприятном стечении обстоятельств“ провозгласить военную диктатуру.

Москва не случайно была избрана местом контрреволюционного сборища. Его устроителям казалось, что здесь, вдали от бурлящего Питера, от красного Балтийского флота, легче удастся осуществить задуманное. Но за этим скрывался и более глубокий смысл: Москва в глазах контрреволюции выглядела не просто тихой гаванью для временного отдыха в ней „государственного корабля“, но возможным центром и оплотом „национальной России“, т. е. всех контрреволюционных сил. Московская буржуазия, издавна претендовавшая на роль лидера, не могла и не хотела упустить

Руководители московских большевиков:
Г. А. Усиевич, В. П. Ногин, В. М. Лихачев

случай упрочить это лидерство, подчеркнув свое общенациональное значение. „Может быть, в перемещении именно в Москву центра всей политики и выразится этот национальный сдвиг, который укрепит власть, а может быть, приведет к ее окончательному выздоровлению“, — заявлял профессор Московского университета князь Е. Н. Трубецкой. „Совещание пройдет под флагом Москвы, — писала черносотенная петроградская газета „Вечернее время“, — московские идеи, московские настроения далеки от гнилого Петрограда — язвы, заражающей Россию“.

К совещанию тщательно готовились. Полной уверенности в том, что Москва дружелюбно встретит контрреволюционное собрание, все же не было. Именно поэтому комиссарам московского градоначальства были даны особые секретные распоряжения, возлагавшие охрану порядка в центре города на специальных инспекторов, которым подчинялись все чины милиции, приводились в боевую готовность военные училища.

В день открытия совещания командующий Московским военным округом полковник А. И. Верховский опубликовал приказ, в котором объявлялось, что на войсках гарнизона „лежит обязанность охранять совещание от всего, что может помешать его работе“. Из туманных выражений приказа и из заявления о том, что совещание создано „с ведома и согласия большинства демократии“, т. е. меньшевиков и эсеров, вроде бы следовало, что Верховский собирается охранять совещание от покушений „справа“. На самом же деле военные меры в Москве в эти августовские дни принимались не столько против правых заговорщиков, сколько против народа, возмущения которого явно побивались организаторы Государственного совещания.

Открытию его предшествовали две встречи российской буржуазии — II съезд представителей торговли и промышленности и совещание „общественных деятелей“. И там и здесь прозвучали вполне откровенные призывы к контрре-

волюционному мятежу. „Нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов... Люди торговые, надо спасти землю русскую“, — взывал с трибуны промышленного съезда под шумные аплодисменты крупнейший московский фабрикант и издатель „Утра России“ Рябушинский. 8 августа в его особняке на Спиридоновке принимали почетных гостей. Купцы и фабриканты, лидеры кадетов и октябристов, генералы и казаки атаманы, „цвет“ контрреволюции, — всего около 400 человек — заполнили роскошные залы. Это и было совещание „общественных деятелей“ — генеральная репетиция перед предстоящим в Большом театре спектаклем. Стоя приветствовали „общественные деятели“ заявление бывшего верховного главнокомандующего М. В. Алексева о необходимости „сильной национальной власти“. При всеобщем одобрении была послана приветственная телеграмма генералу Корнилову как „спасителю России“.

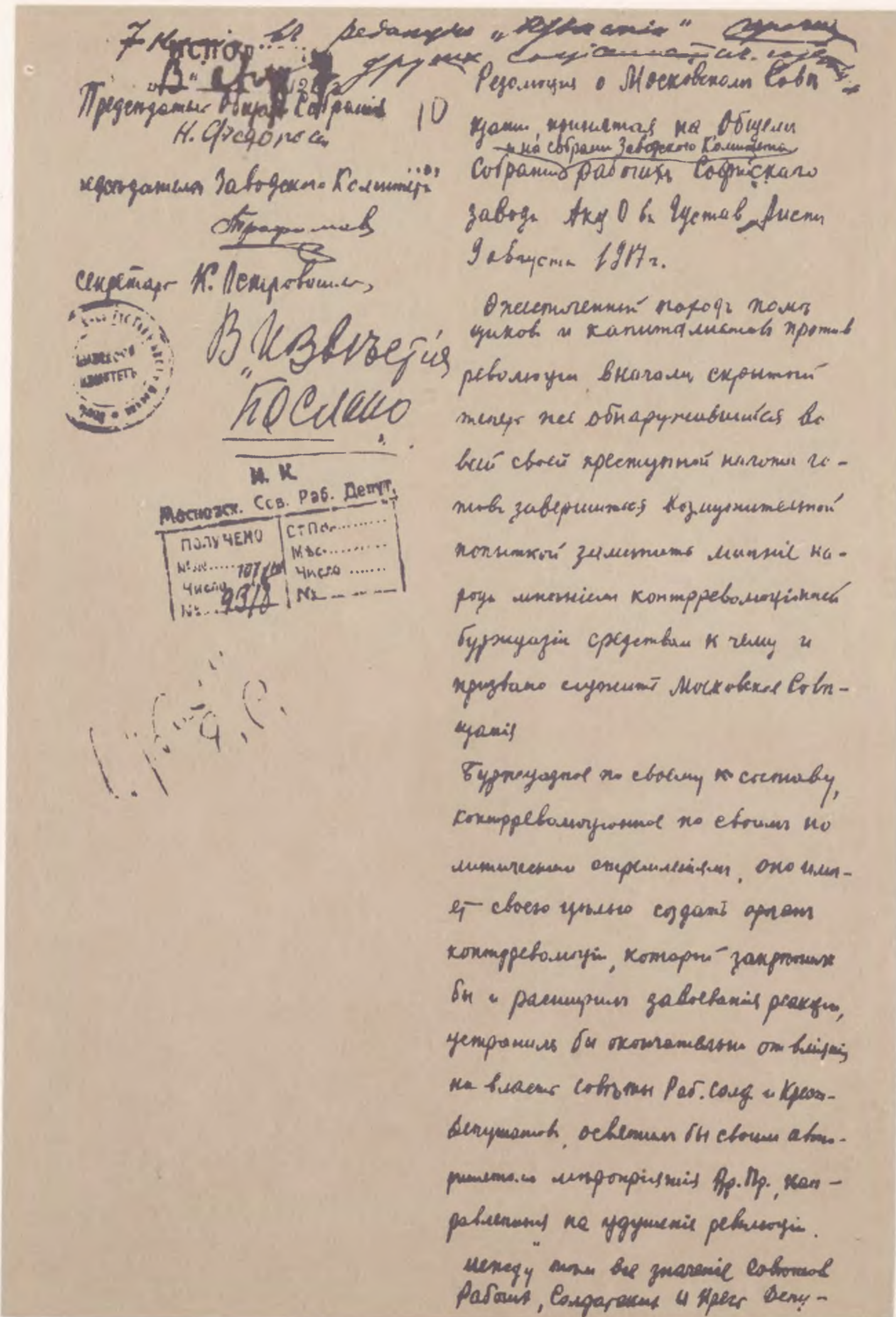
Заслушав шесть докладов (о политическом положении и власти, о состоянии армии, об экономическом положении и т. д.), совещание приняло общую резолюцию, в которой причиной всех бед, обрушившихся на Россию, объявлялась „подмена великих общенациональных задач революции мечтательными стремлениями партий, принадлежащих к социалистическим“, и содержался призыв к правительству „немедля и решительно порвать со служением утопиям, которые оказывали пагубное влияние на его деятельность“. Это было прямое указание „министрам-социалистам“ вершить все дела

вместе с буржуазией и в угоду буржуазии. Недаром Рябушинский на промышленном съезде говорил, что „те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать“. „Правительством может быть лишь то, — говорилось в резолюции совещания „общественных деятелей“, — которое решительно порвет со всеми следами зависимости от каких бы то ни было комитетов и советов и других подобных организаций“. Этот окончательный разрыв с „комитетами и советами и другими подобными организациями“ буржуазные контрреволюционеры призывали осуществить на Государственном совещании.

Но готовилась к нему не только буржуазия. Достойную „встречу“ готовили ему и большевики. Уже 6 августа в одной из комнат большевистского издательства „Прибой“ на Фурштадтской улице, 19, в Петрограде состоялось заседание Центрального Комитета партии. Мало кому могло прийти в голову, что в квартире, снятой у монахинь женской церковной общины, заседает боевой штаб большевиков. Я. М. Свердлов шутил по этому поводу:

— Дорого бы я дал за то, чтобы иметь удовольствие посмотреть на физиономии монашек, доведись им узнать, кому и каким целям служит квартира в их богоспаемом доме.

Присутствуют на заседании члены ЦК — Ф. Э. Дзержинский, В. П. Милютин, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), И. В. Сталин, М. К. Муранов, А. С. Бубнов, В. П. Ногин. Обсуждается вопрос о Государственном совещании. Единогласно решено: поручить большевистской делегации выступить

Резолюция общего собрания рабочих завода Густава Листа в связи с созывом Государственного совещания. 9 августа 1917 г.

Протокол
 Общего собрания рабочих при казенном
 заводе военных автомобилей „Бекос“
 состоявшемся 11 августа 1917 г.

На общем собрании постановлено:

Заслушать доклад от делегата Уздана
 Робота Рабочих Депутатов тов. А.
 Тимоширова, который общим собранием
 был принят единогласно.

Обсуждая вопрос о московском совеща-
 нии и после долгих высказываний
 была принята следующая резолюция
 большинством голосов. Мы рабочие,
 собравшиеся на общее собрание и обсудив
 положение о московском совещании по-
 добили протестовать против этого
 реакционного гнзда, как Кучки Экста-
 таторов, пьющих рабочую и крестьян-
 скую кровь протест выразим сит-
 тами стачками о сел. понадобителю
 и демонстраций.

Председатель
 Секретарь

при открытии совещания с дек-
 ларацией, разоблачающей его
 контрреволюционный смысл, а
 затем демонстративно покинуть
 зал. Также постановили издать
 воззвание ЦК по поводу Мос-
 ковского совещания, опублико-
 вать резолюцию ЦК по этому
 же вопросу, напечатать ряд статей
 в „Рабочем и солдате“.

На следующий день ЦК принял
 резолюцию, в которой говорилось:
 „...Московское совещание имеет
 своей задачей санкционировать
 контрреволюционную политику,
 поддержать затягивание импери-
 листической войны, встать на за-
 щиту буржуазии и помещиков,
 подкрепить своим авторитетом
 преследование революционных ра-
 бочих и крестьян... Московское
 совещание, прикрываемое и под-
 держиваемое мелкобуржуазными
 партиями — эсерами и меньшеви-
 ками — на деле является загово-
 ром против революции, против
 народа“.

ЦК предложил партийным орга-
 низациям разоблачать Государст-
 венное совещание как орган заго-
 вора контрреволюционной буржу-
 азии, разоблачать меньшевиков
 и эсеров как прямых пособни-
 ков контрреволюции, организо-
 вать массовые протесты рабочих,
 крестьян, солдат против совеща-
 ния, избрав форму выступлений
 „в зависимости от местных усло-
 вий“.

В тот самый день, когда в особ-
 няке Рябушинского совещались
 „общественные деятели“, проис-
 ходило другое собрание — рас-
 ширенное заседание Московского
 комитета партии совместно с пред-
 ставителями ячеек и районных ко-
 митетов. В небольшом помещении
 райкома партии Городского райо-
 на на Цветном бульваре было тес-

но. В комнате, плотно заставленной простыми венскими стульями, собрались активисты партийных организаций. Председательствовал товарищ Влас — под этим именем московские большевики знали секретаря МК партии Василия Матвеевича Лихачева. Обсуждался лишь один вопрос: как достойнее устроить встречу „высоким гостям“? Один за другим выходили на трибуну представители районов и заводов. Длинных речей не произносили. Мнение было единодушным:

— Если позовет партия, выступим!

Лишь кто-то выразил опасение: если Московский Совет рабочих депутатов, где в это время управляли меньшевики и эсеры, запретит забастовку, тогда трудно будет поднять рабочих. Но в ответ послышались шум, возгласы. Поднялся представитель Замоскворецкого района, рабочий крупнейшего московского завода Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича) и первый его красный директор в будущем — Иван Яковлевич Козлов:

— Взоры всего пролетариата устремлены на Московское совещание; я за свой район ручаюсь. Нам удастся провести забастовку, рабочие не будут считаться с эсеро-меньшевистским Советом... У нас выйдет хорошая забастовка!

Товарищ Влас постучал по графину карандашом:

— Кажется, ясно? Будем голосовать? Кто за забастовку 12 августа, прошу голосовать!

Множество рук взметнулось над головами сидящих.

— Кто против? Нет!

— Воздержался? Один, два, три... Больше нет?

— Предложение о забастовке

принято. И вот что, товарищи! — продолжал Влас. — Забастовку мы должны провести сплоченно и организованно. Но демонстрации устраивать не будем. Открытое уличное выступление может дать повод контрреволюции применить оружие, как это было сделано в июльские дни в Петрограде. Мы не должны допустить вооруженного столкновения, не можем подставить рабочих под удар. А всеобщая забастовка покажет буржуазии силу пролетариата и вместе с тем предупредит возможность провокаций!

Собрание объявляю закрытым. Все на заводы и фабрики!

День спустя общегородская партийная конференция призвала пролетариев Москвы к однодневной забастовке протеста в день открытия Государственного совещания. Большевики и эсеры лезли из кожи вон, чтобы предотвратить выступление рабочих. Но все их попытки не допустить стачку были тщетны.

— Вопрос профсоюзам уже решен. Профсоюзы отметят созыв совещания однодневной забастовкой протеста, — твердо заявил представитель профсоюзов Москвы большевик Яков Познанский.

*

Не удалось соглашателям сагитировать рабочих и на заводах. Еще в 80-х годах XIX в. у Рогожской заставы выросли корпуса железо-прокатного завода Гужона (ныне завод „Серп и Молот“). В 1917 г. в его цехах работало более 3 тысяч пролетариев. За день до открытия Государственного совещания на заводском дворе состоялся общее собрание. Решали вопрос о забастовке. Неподалеку от про-

стой дощатой трибуны разместились группа эсеров человек в 50. Свистом и выкриками встречали они каждого оратора, предлагавшего бастовать.

Но вот на помост поднялся Михаил Свободин — представитель районной большевистской организации. Его звучный голос перекрывал шум и свист и достигал самых отдаленных уголков огромного двора.

— Нам говорят: не надо бастовать. Ложь! Мы не можем быть в стороне от того, чем живет сейчас рабочий класс. Московское совещание — это ширма, фиговый листок! Кто на него собирается? Капиталисты, банкиры, помещики, генералы. Они готовят заговор против революции. Нечего тут долго рассуждать, товарищи! Решайтесь: кто за забастовку — к воротам!

Едва раздали эти слова, как многотенная масса рабочих отхлынула от трибуны к заводским воротам. Лишь кучка эсеров стояла на месте. Рабочие сказали свое веское слово.

Сорвать забастовку эсеры и меньшевики не смогли. Единственное, что им удалось сделать, это, используя свое численное превосходство в Совете, протащить резолюцию о воспреещении каких-либо выступлений без разрешения Совета. Но чего стоила эта резолюция! Она свидетельствовала, что уже проходят те времена, когда рабочие безоговорочно верили меньшевикам и эсерам. Они многому научились за месяцы, прошедшие после Февральской революции. Теперь они ясно понимали: большевики ведут их по правильному пути.

Наступило 12 августа. Необычно выглядел город в этот день.

Привычный ритм жизни был нарушен. Не слышно перезвона трамваев, не видно извозчиков. Не дымят заводские трубы, и от этого воздух стал как бы чище, прозрачнее. Закрыты почти все магазины, их зашторенные витрины кажутся слепыми глазницами. Не работают даже рестораны. На улицах тихо. И в этой тишине обычно шумной и говорливой Москвы чувствовалось что-то затаенное, грозное.

Газета московских большевиков „Социал-демократ“ вышла в этот день с аншлагом через всю полосу: „Сегодня день всеобщей забастовки! Пусть сегодня не работает ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская! Пусть в день организации контрреволюции остановится жизнь в Москве!“

И жизнь в городе действительно остановилась. Забастовали не только крупные предприятия, но и мелкие мастерские, рабочие и обслуживающий персонал электростанций, железных дорог, типографий, ресторанов и магазинов, трамвайщики и извозчики, почтальоны и официанты. Смешными выглядели специальные пропуска для проезда на передних площадках трамвая, которыми любезно снабдила делегатов Государственного совещания городская дума: трамваи не ходили. Зато на рабочих окраинах было оживленно. На предприятиях прошли митинги. Рабочие гневно протестовали против Государственного совещания, требовали решительной борьбы с контрреволюцией, отмены смертной казни, изгнания из Советов соглашателей, прекращения травли большевиков. Всего в Москве и ее окрестностях бастовало более 400 тысяч рабочих и мелких служащих. Это действительно была всеобщая забастовка. Превосход-

но подготовленная и проведенная.

„Уже самый характер стачки — знамение лучших дней, прообраз нового победного движения, — писал „Социал-демократ“ 15 августа 1917 г. — Кончилось время стихийных вспышек бессознательно-доверчивой массы. Масса ясно и глубоко поняла свои пути. Машина пролетарско-крестьянской революции становится на верную дорогу. И в этом грозное предостережение силам контрреволюции“. Стачка продемонстрировала мощь и организованность московского пролетариата. Напряженная повседневная, поистине героическая работа большевиков давала свои плоды.

*

...Театральная площадь окружена кольцом войск. У колоннады Большого театра — юнкерские патрули. Охрана оказалась совсем не лишней. За густой цепью солдат толпа народа свистом и насмешками встречала проходивших в театр господ.

Медленно наполнялся огромный, пятярусный, блещущий золотом и бархатом зал театра. В ложе рядом со сценой — генералы Алексеев, Романовский, Юденич, Каледин — „цвет“ контрреволюционной военщины. В ложах нижних ярусов и партере также сверкают манишки и офицерские мундиры. Знакомые лица, известные имена! В томной позе развалился в кресле Рябушинский. Пушатся усы и блестят очки кадетского лидера Милюкова. Горой возвышается над всеми толстый, обрюзгший Родзянко — председатель бездействующей IV Государственной думы. Отражается свет люстры в полированной лысине чернос-

тенца Пуришкевича. О чем-то задумался, нахмурив кустистые брови, главарь октябристов Гучков. Рядком сидят меньшевики — седенький маленький Чхеидзе и длинный Церетели. В дипломатической ложе — представители союзников России по мировой войне.

Банкиры и промышленники, землевладельцы и попы, генералы и лидеры буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных партий заполнили огромный зал. А где же народ, именем которого было созвано это совещание? Где-то высоко-высоко на галерке изредка мелькают солдатские рубахи и рабочие косоворотки. Большевики, члены ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, вообще не были допущены на совещание (большевики были на совещании только в составе делегации профсоюзов). А декларацию их, переданную в президиум, так и не огласили.

Три часа дня. На сцене в сопровождении министров Временного правительства появился его глава — А. Ф. Керенский. Любитель позы и театральных эффектов, он чувствовал себя на сцене отлично.

— Объявляю Государственное совещание, созванное верховной властью государства Российского, открытым под моим председательством как главы Временного правительства...

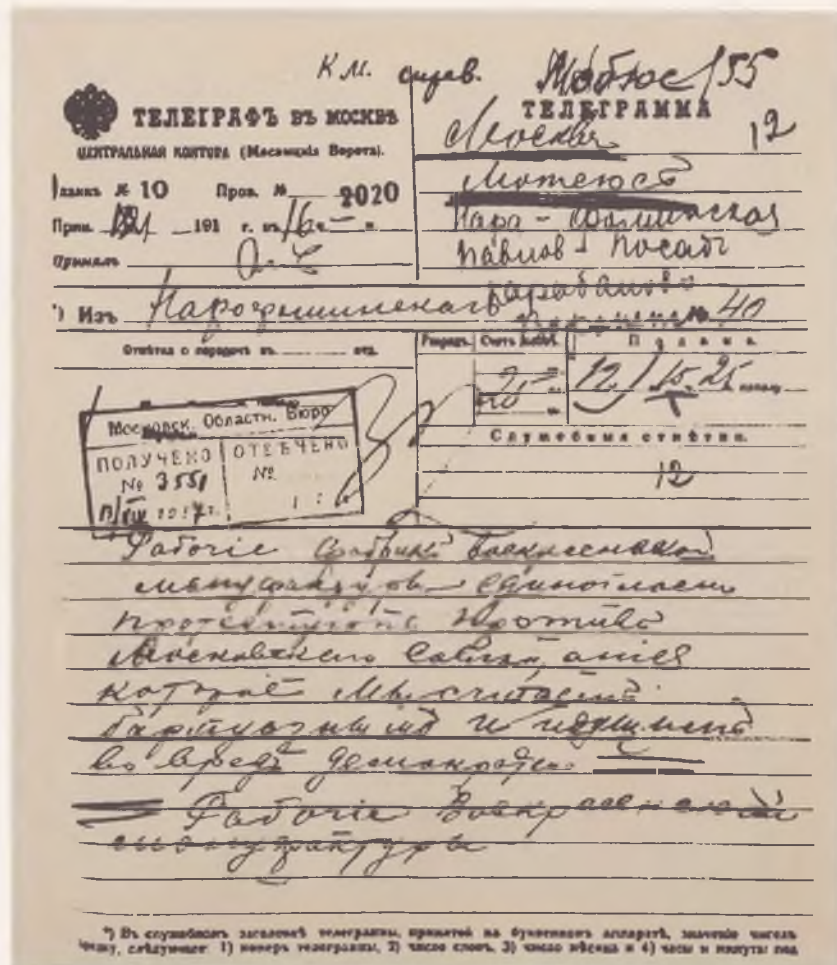
Без малого два часа продолжалась речь министра-председателя. Чего в ней только не было! И слезливые возгласы о „многострадальной родине“, и высокопарные заявления о „чести и достоинстве русской демократии“, и обещания „открыто сказать правду“. Но главным было одно: угроза „железом и кровью“ подавить рабоче-крестьянское движение и вместе с союзниками продолжать братоубий-

ственную империалистическую войну. За это и аплодировали „демократическому“ премьеру банковские воротилы, союзные дипломаты, генералы и офицеры.

С приветствием „от имени всего московского населения“ к собравшимся обратился московский городской голова Руднев. Но даже он понял всю несообразность своего заявления и, смутившись, добавил, что ему „трудно было принести Государственному совещанию слова приветствия... от всего московского населения“. Что ж, смущение его было законным: вряд ли стоило выступать с приветствием от имени „всего“ московского населения, когда почти половина взрослых жителей города бастовала!

Однако „гвоздь“ программы был впереди.

13 августа в Москву прибыл „сам“ Верховный главнокомандующий генерал Корнилов. Просторный перрон Александровского вокзала (ныне — Белорусский) переполнен. Вдоль всего полотна железной дороги — офицеры и солдаты — георгиевские кавалеры с букетами цветов. Выстроен почетный караул из полуроты юнкеров Александровского военного училища и полуроты женского батальона. Плотной толпой стоят члены Государственной думы во главе с кадетом Родичевым, представители московской буржуазии и купечества. Все они пришли приветствовать своего кумира. Медленно подошел поезд. Оркестр грянул торжественный марш. Раздались крики „ура!“. На площадке вагона появился Корнилов в мундире с серебряным аксельбантом на плече и двумя „георгиями“: в петлице и на шее. Текинцы — личный конвой главнокомандующе-

Телеграмма рабочих Воскресенской мануфактуры с протестом против Государственного совещания. 12 августа 1917 г.

го — быстро рассыпались цепью вдоль всего состава. Зловеще глянули на толпу зрачки пулеметных стволов: видно, не очень-то доверял генерал московскому гарнизону.

Корнилов соскочил с подножки вагона, поздоровался с почет-

ным караулом, принял рапорт. Патетической речью встретил „верховного“ Родичев: „Гряди, вождь,

Театральная площадь. Толпа народа свистом и насмешками провожала идущих на Государственное совещание

Очередь за хлебом. Москва. 1917 г.

спасай Россию!" Окруженный толпой, Корнилов двинулся к выходу. Офицеры подхватили его на руки. И под рев беснующейся толпы понесли к автомобилю...

В тот же день состоялась встреча Корнилова с некоторыми лидерами буржуазии и кадетской партии, генералитетом. У них на уме было одно: можно ли совершить переворот теперь же в Москве? Осторожный Милюков советовал повременить. Он по собственному опыту знал, что с рабочими шутки плохи. А рабочая Москва ясно сказала заговорщикам свое „нет!". Да и на войска московского гарнизона надеяться не приходилось — они, как и рабочие, не допустили бы переворота.

...Утреннее заседание Государственного совещания 14 августа задерживалось. Зал Большого те-

атра был полон. Все ждали выступления Верховного главнокомандующего. А тем временем в одной из комнат за сценой между Керенским и Корниловым шел спор. Собираясь в Москву, „верховный" намеревался выступить на совещании с общеполитической контрреволюционной программой, но именно это желание и встретило сопротивление Керенского. Он уговаривал генерала не выступать по общеполитическим вопросам, ограничившись характеристикой положения в армии. Премьер не без основания беспокоился, что слишком „боевое" выступление генерала вызовет возмущение в „низах" и тогда сохранить его на посту „верховного" будет затруднительно. Между тем оставить Корнилова в этой должности было необходимо для успешного осуще-

ствления контрреволюционного заговора. После некоторого препирательства Корнилов согласился держаться „в рамках", но при условии, „что все скажет за него Каледин".

Появление главнокомандующего на трибуне было встречено бурей оваций. Молчала, продолжая сидеть, только немногочисленная группа солдат и рабочих. Они-то понимали, чего добивается этот маленький генерал с жесткими узкими глазами.

— Солдаты, встать! — послышались выкрики из офицерских лож. Но солдаты продолжали сидеть. И, как пощечина контрреволюционному сброду, откуда-то сверху, с галерки, раздался одинокий, но зычный возглас:

— Холопы!

Керенский в бешенстве тряс

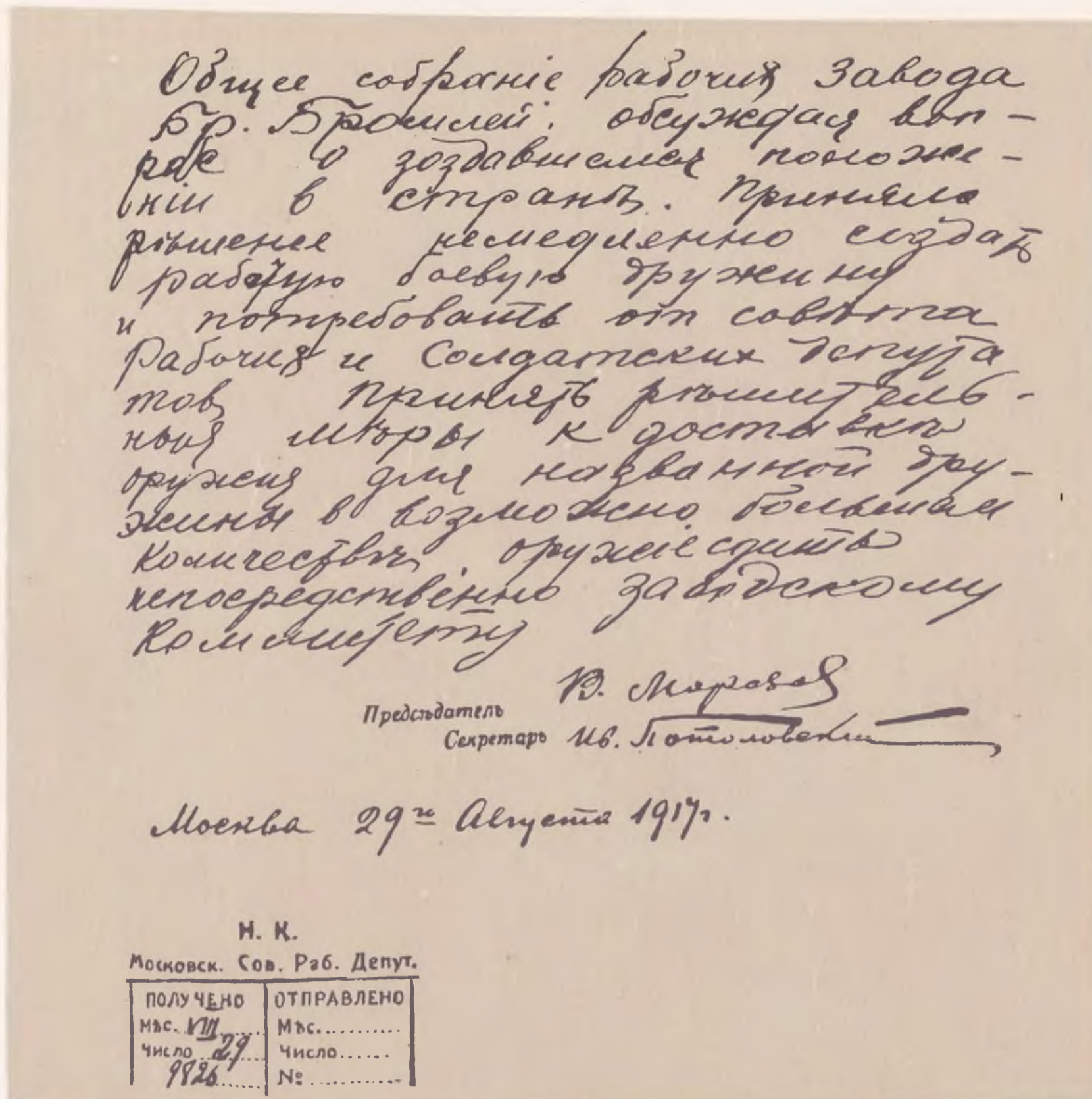
колокольчиком, но звон его то-нул в неумолчном гуле. Наконец зал стих.

Короткая речь Корнилова разочаровала его сторонников, ожидавших прямого призыва к перевороту. Жиденькими аплодисментами проводили они своего „героя“ с трибуны. Но то, о чем умолчал Корнилов, откровенно выложил бравый казачий атаман Каледин. В наглой по форме речи, под аплодисменты „справа“ и шиканье „слева“, он потребовал полного запрещения митингов и собраний, упразднения всех Советов и комитетов „как в армии, так и в тылу“, пересмотра декларации прав солдата и дополнения ее „декларацией его обязанностей“, распространения карательных мер, применяемых на фронте, и на тыл, восстановления дисциплинарных прав начальствующего состава и предоставления „полной мощи“ „вождям армии“. Атаман не преминул напомнить эсерам и меньшевикам, что 3 июля казаки пришли в Петроград „по призыву министров-социалистов“.

„Каледин издевался над меньшевиками и эсерами, которые вынуждены были молчать, — писал по этому поводу Ленин. — Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: „божья роса“!“¹.

Выступали на совещании и представители „демократии“. Чхеидзе разложил перед собой и долго читал список различных демократических организаций, Советов рабочих депутатов, профессиональных союзов, от имени которых он якобы выступал. Но ни одного слова о хлебе, который нужен был рабо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 127.

Резолюция общего собрания рабочих завода бр. Бромлей о создании пролетарской боевой дружины. 29 августа 1917 г.

чим, о земле, которой требовали миллионы крестьян, о мире, которого жаждал весь измученный войной народ, этот „социалист“ так и не сказал. Кто-то в зале ехидно заметил: Чхеидзе представляет лишь верхушки организаций, а сами рабочие организации бастуют против него. Это был намек на мощную забастовку московского пролетариата. А когда на трибуну вышел московский купец Бубликов и предложил меньшевикам и эсерам сотрудничество, вскочил взволно-

ванный Церетели и, подобострастно изогнувшись, пожал протянутую купчиной руку. Так еще раз в открытую облобызались корниловцы с „социалистическими“ министрами.

В конце совещания Керенский огласил приветственную телеграмму американского президента. Вильсон выражал готовность правительства США „оказать всяческую материальную и моральную поддержку правительству России для успеха... общего дела“.

„Московский спектакль“ закончился не так, как замыслили его устроители. Опустел зал Большого театра. Погасли огни. Уходя с последнего заседания, Рябушинский приостановился у выхода в фойе, оглядел полупустой зал и негромко, но многозначительно бросил:

— Что отложено, то не отброшено, как говорит старая немецкая поговорка!

Контрреволюция не сложила оружия. Корнилов уехал в Могилев, в Ставку, которая теперь являлась главным центром, куда сходились все нити заговора.

*

Августовские события в Москве послужили В. И. Ленину основанием для постановки перед партией важнейшего принципиального вопроса о возможности „начать“ в Москве. 18—19 августа им была написана статья „Слухи о заговоре“ (в то время не опубликованная). В приложенном к ней письме в ЦК РСДРП (б) В. И. Ленин впервые высказал мысль о том, что Москва может „обогнать“ Петроград и стать во главе движения: „...именно Москва *теперь*, после Московского совещания, после забастовки, после 3—5 июля, приобретает или может приобрести значение *центра*“¹. Основанием для такого вывода мог служить как опыт прошлого, так и события самого последнего времени. Как известно, Москва имела за плечами декабрь 1905 г., когда именно она взяла на себя почин вооруженного восстания и стала играть ведущую роль в революции. Но для этого нужны были совершенно конкрет-

ные причины. И одной из них явилось мощное выступление московского пролетариата 12 августа, равному которому в то время не было ни в одном из городов России, включая и Петроград.

Учитывая русский и европейский опыт прошлых революций, свидетельствовавший о том, что пролетарским восстаниям, как правило, предшествовала массовая политическая стачка, что она являлась их исходным моментом, можно понять, какое значение Ленин придавал таким фактам. Стачка 12 августа показала и доказала, что „*активный*“ пролетариат за большевиками...“. Отмечая это обстоятельство, Ленин писал, что ситуация в Москве напоминает ситуацию в Петрограде 3—5 июля, но в то же время подчеркивал, что „разница гигантская: тогда Питер не мог бы взять власти даже физически, а если бы взял физически, то политически не мог бы удержать... Тогда ни у солдат, ни у рабочих не могло быть опыта, созданного месяцем июлем.“

Теперь совсем не то. Теперь в Москве, если вспыхнет стихийное движение, лозунг должен быть именно взятия власти“¹.

Конечно, процесс революционирования масс и изживания ими мелкобуржуазных иллюзий после июльских дней носил всероссийский характер, приметы его были видны повсюду. Но Москва своим августовским выступлением вышла на передний край борьбы, что и позволило Ленину сделать вывод о том, что она приобретает или может приобрести значение центра. В своих выводах Ленин предельно осторожен. Он совсем

не утверждал категорически, а лишь допускал, что развитие событий может превратить Москву в главный центр всероссийской борьбы за пролетарскую власть. В связи с этим он давал такой совет большевикам: „Крайне важно, чтобы в Москве „у руля“ стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блок с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали *новые* задачи, *новый* лозунг взятия власти, *новые* пути и средства к нему“¹.

Объективный ход событий привел к тому, что в определенный момент Москва стала центром революции и контрреволюции одновременно. Это обстоятельство было замечено и оценено по-своему всеми борющимися сторонами. И если неудача с осуществлением контрреволюционного переворота во время Государственного совещания как-то отодвинула Москву на задний план в качестве контрреволюционной цитадели и эпицентр борьбы перенесся в Могилев и под Петроград, то ее возможности как застрельщика революционного взрыва всероссийского масштаба несомненно сохранялись.

Так завершился краткий по времени, но важный по своему значению для дальнейшего хода событий „московский эпизод“, характерной чертой которого было сплоченное выступление московского пролетариата, поставившее „вторую столицу“ в центр всероссийского революционного движения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 77.

Революционные солдаты на позициях под Петроградом ожидают подхода корниловских войск. 29 августа 1917 г.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 77.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 78.

ЛИКВИДАЦИЯ КОРНИЛОВСКОГО МЯТЕЖА

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Проглашение о вступлении в партию.

СОЛДАТЫ

Экстренный выпускъ.

Воскресенье, 29-го Августа.

Смыслъ вступленія.

Зачѣмъ вступилъ? Вступилъ для того чтобы...

Смыслъ вступленія.

Смыслъ вступленія в партию... для того чтобы...

Смыслъ вступленія.

Смыслъ вступленія в партию... для того чтобы...

Смыслъ вступленія.

Смыслъ вступленія в партию... для того чтобы...

Текущій моментъ.

Вечеръ вступенія въ партию 29-го августа в г.

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

Въ вечернее время...

ЛИКВИДАЦИЯ КОРНИЛОВСКОГО МЯТЕЖА

Большевики в своих газетах с презрительно называли Государственное совещание в Москве „коронацией контрреволюции“. И впрямь там „короновались“ Каледин и Корнилов, Гучков и Рябушинский, генерал Алексеев и кадетский лидер Миллюков. Однако контрреволюционную буржуазию уже не устраивало бонапартистское лавирование Керенского. Керенщина изжила себя. На совещании Керенский, предавая проклятиям большевистскую партию, с трибуны Большого театра грозил и правым, если они рискнут выступить против Временного правительства. В то же время Керенский, выслушиваясь перед буржуазией, заверял Государственное совещание, что он „железом и кровью“ раздавит революционное движение. Да разве мог он выступить иначе?! Ведь корниловщина и керенщина, обе эти контрреволюционные политики, служили одному хозяину — российской империалистической буржуазии. Одна — грубая и нетерпеливая, другая — более хитрая, приправленная „революционными“ фразами и лестью.

Контрреволюционная буржуазия добивалась установления от-

крытой военной диктатуры, удешевления революции. Из двух кандидатов в военные диктаторы — Корнилова и Керенского — буржуазия безусловно предпочитала Корнилова. Сразу же после Московского совещания на заседании ЦК кадетской партии отмечалось, что только генералы могут справиться с революцией. Штаб контрреволюции — ЦК кадетской партии — сформулировал цели государственного переворота, разработал средства и методы его. Центром подготовки мятежа была избрана Ставка „главоверха“ Корнилова.

Керенский был уже не нужен генералам и банкирам. Но его поддерживали ЦИК Советов и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов, партии меньшевиков и эсеров, которые все еще были во главе подавляющего большинства Советов страны, политических органов рабочих, солдат и крестьян. Поэтому в интересах контрреволюционной буржуазии был бы временный союз между Корниловым и Керенским, обеспечивающий относительно „спокойный“ путь установления военной диктатуры. 20 августа центральный комитет ведущей

буржуазной партии, кадетов, обсуждал итоги Государственного совещания и признал, что за Керенским еще есть политические силы, он сохранил „обаяние“, особенно в провинции. Но пойдет ли он на уступки?

„Должен пойти! — считал Миллюков, — для кадетской партии выгодней, чтобы жизнь нынешнего правительства продлилась дольше, чтобы „неизбежные репрессии“ по отношению к революционным организациям, проведение „хирургической операции“ были предприняты по инициативе и решению самого „социалистического“ правительства. Новым важным фактом является сейчас сведение на нет прежнего значения Советов рабочих и солдатских депутатов. Раз они бросились в большевизм, тем самым они предрешили свою судьбу“.

Мы знаем сегодня, что рано пел отходную Советам кадетский лидер. Только большевики и привели Советы к победе, к завоеванию власти. А в результате победоносного Октябрьского вооруженного восстания и Керенский, и сам Миллюков вынуждены были бежать из Петрограда, бежать долго, пока

не оказались оба с тысячами других генералов, банкиров, капиталистов и политических банкротов в эмиграции, на свалке истории...

Но это случится еще через два месяца. А пока десятки посредников работают в одном направлении: прочнее связать Керенского с Корниловым, заставить их скакать в одной упряжке. Бывший эсеровский террорист, а ныне управляющий военным министерством при Керенском Борис Савинков разработал целую программу законопроектов, пытаясь провести корниловскую платформу контрреволюции через Временное правительство. На многие из них, особенно мелкие, вроде повышения ответственности за хищение солдатами казенного имущества, о запрещении азартной игры в карты солдатам на фронте, Керенский соглашался. Но подписывать главные — о введении смертной казни и военно-полевых судов в тылу, о милитаризации железных дорог и переводе на казарменное положение рабочих военных заводов — не торопился, откладывал выполнение этих корниловских требований под разными предлогами, ибо опасался, что народ возмутится восстановлением прямых военно-полицейских порядков и повторятся июльские дни в Петрограде.

Для разгрома революционной столицы члены Временного правительства начали переговоры с Корниловым о посылке в Петроград конного корпуса. Эти переговоры по поручению Керенского также вел Савинков, который 23—24 августа посетил Корнилова в Ставке в Могилеве. Корнилову было предложено двинуть в Петроград 3-й конный корпус, который бы провел операцию по кровавому подавлению возможных выступле-

ний и демонстраций и разогнал бы Советы, в которых большевики уверенно завоевывали руковод-

ство. Это вполне устраивало Корнилова, который еще в первых числах августа начал постепенную переброску кавалерийских частей для возможного удара на Петроград или Москву.

Корнилов и Савинков договорились о том, что „главковерх“ получит из Петрограда условную телеграмму о начале сосредоточения войск под Петроградом. Удобным поводом для этого было бы 27 августа — день полугодовщины Февральской революции, когда выступления и демонстрации ожидалось с большой степенью вероятности или даже могли бы быть спровоцированы.

В том же направлении — с целью согласования действий Корнилова и Керенского — действовал внутри правительства и министр иностранных дел М. И. Терещенко. В своей циркулярной телеграмме послан от 17 августа он писал:

„Считаю нужным в заключение особенно подчеркнуть всю ложность сведений, распространяемых некоторыми органами, о расхождении между правительством и верховным главнокомандованием. Слухи эти — плод досужей фантазии. Правительство при сложной настоящей военной обстановке считает невозможным вносить изменения в командование в угоду каким бы то ни было политическим течениям“.

В ходе подготовки контрреволюционного мятежа Керенский и Корнилов действовали сообща. Они вместе готовили и выработывали план разгрома революционного Петрограда. Корнилова и Керенского различали лишь сообра-

жения о способах и методах наступления на революцию и стремления каждого из них установить свою диктатуру. Керенский опасался, что необдуманные действия Корнилова могут расстроить его планы удушения революции, Корнилов же не сомневался, что под давлением кадетов, „союзных“ дипломатов и других его сторонников Керенский вынужден будет подчиниться ему. Стягивая войска под Петроград, он телеграфировал в военное министерство Савинкову: „Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру двадцать восьмого августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении двадцать девятого августа“. Одновременно он требовал передать ему всю военную и гражданскую власть.

Империалисты Запада всемерно поддерживали контрреволюционный заговор, грубо вмешиваясь во внутренние дела России. В августе 1917 г. представители США, Англии, Франции договорились на межсоюзной конференции о разграничении сфер своих интересов в стране. Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж впоследствии писал, что английское правительство заслушало на конференции доклад своего военного представителя в России генерала Нокса, который настаивал, что необходимо „оказать генералу Корнилову полную поддержку“.

Возлагая свои надежды главным образом на военщину, правые силы развернули широчайшую кампанию прославления Корнилова, толкая его на скорейшее установление своей диктатуры. Нефтепромышленник и журналист Завойко, присосавшийся к Корнилову еще в апреле 1917 г., когда тот командовал войсками Петро-

градского военного округа, бывший трудовик и член I Государственной думы Аладьин, недавно вернувшийся из эмиграции и выдававший себя за специального эмиссара английских властей, составили „мозговой центр“ Корнилова. Они внушали ему, что он и сам может (с их помощью) обойтись без Керенского и стать главой правительства.

Подготовка заговора усилилась. 19–20 августа в Могилеве проходили совещания, где разрабатывались планы движения войск к Петрограду и Москве, разгона Советов и ареста правительства.

И вновь Керенский не оставляет надежду договориться с Корниловым. К последнему был послан бывший обер-прокурор Синода (министр по делам православной церкви) первого Временного правительства В. Н. Львов.

Львов был в Могилеве почти одновременно с Савинковым. Корнилов просил передать Керенскому, что и тот и Савинков должны после ознакомления с его условиями приехать в Ставку, так как в Петрограде после прибытия туда 3-го конного корпуса он не гарантирует им личной безопасности. Керенскому был обещан пост министра юстиции в правительстве Корнилова.

Начальнику 3-го конного корпуса генералу Крымову, известному своим крутым нравом, было поручено разработать приказ об объявлении Петрограда на военном положении и о разгоне Советов, запрещении митингов, собраний и всякой политической деятельности в столице.

Все нити заговора против революции держали под своим контролем кадеты, и, прежде всего, их лидер Милюков. Вечером 26 авгу-

ста В. Н. Львов прибыл в Петроград и остановился в Зимнем дворце, в квартире бывшего председателя II Государственной думы кадета Головина. Там он встретил Милюкова и рассказал ему о сути своей миссии к Корнилову, считая, что будет установлен союз между Керенским и Корниловым. Милюков тоже не скрыл своего удовлетворения подобным ходом дела.

Керенский же, выслушав Львова, заставил его письменно изложить ультиматум Корнилова. Взяв этот документ, уличавший Корнилова в стремлении сместить министра-председателя с занимаемого поста, Керенский поспешил в дом военного министра, где находился прямой провод со Ставкой. Там Керенский от имени В. Н. Львова вызвал Корнилова и потребовал подтвердить полномочия Львова и суть переданных им предложений.

В слегка уклончивой форме Корнилов подтвердил свое требование, чтобы Керенский и Савинков немедленно выехали к нему в Ставку. Взяв ленту, Керенский вернулся в свой кабинет в Зимнем дворце. Там, спрятав предварительно за ширму сотрудника главного управления милиции Балавинского, он попросил Львова еще раз повторить требование Корнилова, затем прочитал свою записку и содержание переговоров по прямому проводу. Львов исполнил все это и сразу же был арестован вышедшим из-за ширмы Балавинским. А все документы относительно переговоров с Корниловым Керенский тотчас огласил на спешно созванном заседании Временного правительства...

Так не состоялся кропотливо подготовленный контрреволюционным лагерем во главе с партией

кадетов союз Керенского и Корнилова. При этом не следует забывать, что и Керенский и Корнилов, борясь за власть, служили одному богу, денежному мешку, классовым интересам российской империалистической буржуазии. В. И. Ленин писал об этом позднее: „Керенский — *корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами”¹. Однако Керенский, которого не прельщала перспектива установления единоличной диктатуры Корнилова, в последний момент подготовки заговора отмежевался от генерала. Он сам претендовал на роль диктатора России.

Доложив на экстренном заседании правительства обстоятельства, связанные с контрреволюционной деятельностью Верховного главного командующего, Керенский потребовал от министров немедленно выйти в отставку и вручить ему всю полноту власти. Акт этот был подсказан Керенскому самим Корниловым, который тоже требовал немедленной отставки всех министров, правда... включая и самого Керенского.

Таким образом перестало существовать это коалиционное Временное правительство. Керенский, являясь одновременно военным министром и морским, вместе со своим заместителем Некрасовым формально получил в руки диктаторскую власть. Но оказалась эта

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 250.

Застава революционных войск под Петроградом

диктатура только бумажной! Расчищая путь Корнилову, министры-кадеты вышли из правительства, и оно распалось.

Правые силы не сомневались в успехе корниловцев. На стороне Корнилова был целый конный корпус, в том числе Кавказская туземная дивизия, или как ее называли „Дикая“, так как состояла она из горцев-мусульман под водительством своих родовых вождей и князей. Большинство горцев даже не знало русского языка. Они, конечно, разгромят разложившиеся войска петроградского гарнизона, разгонят Советы, будут грабить и вешать. Все отвернулись от Керенского, который в одиночестве слонялся по Зимнему дворцу. Даже Некрасов, лежа на диване, сказал ему в ночь на 28-е, что на его месте он бы отказался от власти и уступил ее генералу Алексееву или еще кому-нибудь...

И тогда Керенский метнулся к эсеро-меньшевистским лидерам Советов. Лидеры эсеров и меньшевиков обещали Керенскому свою поддержку в организации отпора Корнилову. В то же время им было ясно, особенно после опыта Москвы, что без большевиков им уже не поднять массы.

Напуганные перспективой военной диктатуры, эсеры и меньшевики обратились к большевикам с предложением о совместных действиях. Большевики понимали, что, оказавшись в конфликте с мятежниками, соглашатели призвали спасать не революцию от контрреволюции, а обанкротившуюся керенщину от корниловщины. Поэтому, идя на совместные действия с меньшевиками и эсерами по ликвидации корниловского заговора, большевистская

Генерал Корнилов. Русская контрреволюционная буржуазия прочила его в военные диктаторы страны

На них, добровольцев „батальонов смерти“, пытались опереться генерал Корнилов и его сторонники

партия проводила самостоятельную политику в организации революционных сил. И когда эсеро-меньшевистский ЦИК образовал Комитет народной борьбы с контрреволюцией, ЦК РСДРП (б) послал в него своих представителей лишь для координации действий против заговора Корнилова и информации, сообщив местным партийным организациям: „Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом при полной самостоятельности политической линии“.

Руководящим центром, вокруг которого собирались революционные силы, выступавшие против мятежа Корнилова, была большевистская партия. Партия заявила, что борьба Керенского и Корнилова есть борьба двух методов ликвидации завоеваний народа, причем Корнилов является злейшим врагом революции. Но и о поддержке правительства Керенского тоже не могло быть и речи.

Велико было возмущение рабочих, солдат и матросов, когда 28 августа им стало известно о мятеже Корнилова. Тысячами запи-

сывались они в рабочие дружины по сооружению оборонительных линий. В Красную гвардию за несколько дней записалось 40 тысяч человек! Солдаты принимали на своих митингах большевистские резолюции и выражали готовность немедленно отправиться на подступы к городу для защиты красного Петрограда от контрреволюции. Большевики в то же время предлагали рабочим и солдатам осудить прежнюю политику правительства Керенского, которое привело к генеральской авантуре, призывали потребовать освобож-

дения арестованных после июльских дней, отменить судебное преследование В. И. Ленина и других вождей большевистской партии. Эта агитация повсюду встречала поддержку.

Политическая линия Центрального Комитета большевистской партии в дни борьбы с корниловщиной получила полное одобрение Владимира Ильича Ленина. В письме в ЦК РСДРП (б) от 30 августа он писал из Гельсингфорса: „...должен сказать, что совпадение у нас получилось полное“. В этом письме Ленин констатировал: „Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий“¹. Он требовал немедленного изменения тактики партии. И тут же давал блестящий пример такого пересмотра: „Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) сла-

бость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиленные агитации за своего рода „частичные требования“ к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только к Керенскому, не столько к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлечать их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия „Речи“ и др. буржуазных газет, следствия над ними. „Левых“ эсеров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же, но косвенно именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной борьбы с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и *говорить* в аги-

тации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим)“¹.

Так Ленин прямо связывал борьбу с Корниловым с вопросом о завоевании власти пролетариатом и давал партии конкретные советы, как надо вести эту борьбу.

И большевики действовали в соответствии с ленинскими указаниями, возглавив борьбу масс в Петрограде и по всей стране против контрреволюционного корниловского мятежа. На рабочих собраниях 28 августа принимались резолюции, предложенные большевиками.

Рабочие Кабельного завода заявили, что их собрание „присоединяется к требованиям, выставленным фракцией большевиков Совета рабочих и солдатских депутатов“. Они требовали беспощадной борьбы с корниловским мятежом, немедленного вооружения пролетариата, отмены смертной казни на фронте, демократизации армии, передачи земли крестьянам, заключения демократического мира.

Замена коалиционной власти правительством из представителей революционного пролетариата, солдат и крестьян — это требование стало лозунгом дня.

Такие же резолюции были приняты рабочими Путиловского и Обуховского заводов, заводов Нобеля, „Старый Лессер“, многими другими. Рабочие Трубочного завода, завода „Анчар“ потребовали передачи всей власти Советам. Почти во всех резолюциях содержалось требование освобождения арестованных 3—5 июля.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 121.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 119—121.

Под влиянием большевистских агитаторов корниловские войска отказывались слушаться своих командиров и брелись с революционными солдатами

саботаж железнодорожников, на их сопротивление. Остановившись в 50—60 километрах от столицы, войска 3-го конного корпуса подверглись „атаке“ сотен агитаторов из Петрограда, большинство которых были большевиками. К „Дикой дивизии“ прибыли агитаторы-мусульмане. Они разъясняли солдатам:

— Вас обманули, в Петрограде нет никаких волнений и грабежей, никаких германских агентов, которых надо якобы усмирять. Там — революционные солдаты и рабо-

чие, братья таких же, как вы, солдат и казаков.

Агитация питерских посланцев имела успех. Один за другим батальоны и целые полки заявляли о поддержке Бременного правительства и Советов, смещали своих начальников и посылали делегации в Петроградский Совет. К 30—31 августа из повиновения Корнилову вышли все три дивизии 3-го конного корпуса. Генерал Крымов был вызван 30 августа к Керенскому. После драматического объяснения с министром-

председателем Крымов застрелился. Провал корниловского мятежа стал очевиден.

Этим воспользовался тот же Керенский. 30 августа он спешно стал воссоздавать распавшуюся коалицию мелкобуржуазных партий с кадетами. На заседании правительства последние заявили, что согласны вновь войти в правительство, если в него войдут генералы, в том числе генерал Алексеев, если правительство пополнится представителями буржуазии и ликвидация мятежа Корнилова не пошатнет позиции офицерства в армии. Керенский увидел в этом возможность вновь получить поддержку правых сил, которые отшатнулись от него в период борьбы с Корниловым.

На этот раз Керенский не сумел получить поддержки меньшевистско-эсеровских лидеров. В момент ликвидации мятежа Корнилова Церетели и Чернов, Дан и Гоц, Либер и Скобелев поняли, что Советы вновь набирают силу. А в этих Советах к руководству уверенно идут большевики. Именно их признали массы за своих вождей в ходе борьбы с корниловщиной. Новый подъем имел ярко выраженный антибуржуазный, точнее, антикадетский характер, поскольку кадеты были всенародно разоблачены как соучастники корниловщины. Поэтому меньшевики и эсеры испугались, что участие их представителей в одном правительстве с кадетами оттолкнет от них ту существенную часть рабочих и солдат, которые все еще доверяли им. И 31 августа центральные комитеты партий социалистов-революционеров и меньшевиков постановили не входить в правительство

вместе с кадетами, о чем немедленно заявили Керенскому и опубликовали свое решение в печати. Этот шаг сорвал планы воссоздания коалиции и временно отбросил кадетов от власти.

Решение руководства меньшевиков и эсеров не входило в одно правительство с кадетами создало новую политическую ситуацию. Фактически в этот момент Керенский лишился поддержки и „справа“, и „слева“, его правительство находилось в состоянии распада и сам он вполне легко и безболезненно мог бы быть устранен от власти. Как критический момент в решении вопроса о власти оценил ситуацию Центральный Комитет большевистской партии на своем заседании 31 августа. Он принял резолюцию-декларацию „О власти“. Она повторяла программу „частичных требований“ к власти и в то же время призывала не только устранить от власти кадетскую партию, но и прекратить состояние безответственности и исключительных полномочий Временного правительства. ЦК РСДРП (б) предлагал создать власть из представителей революционного пролетариата и крестьянства. Эта резолюция была предназначена для оглашения на предстоявшем заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

Поздно вечером 1 сентября 1917 г. в Гельсингфорсе В. И. Ленин ознакомился по только что полученным петроградским газетам с политическим положением в столице после ликвидации самой острой фазы корниловского мятежа. Он оценил новую ситуацию, созданную решением меньшевиков и эсеров не входило в одно

Делегаты „Дикой дивизии“ корниловских войск вместе с представителями революционных мусульманских организаций у Соборной мечети в Петрограде

правительство с кадетами, как решающую для создания новой власти взамен правительства Керенского. Большевики, по его мнению, должны были предложить политический компромисс меньшевикам и эсерам, чтобы мирно устранить Временное правительство и создать революционно-демократическую власть. Он писал:

„Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну—две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мир-

но. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс”¹.

Ленин не успел отправить свою статью сразу в Петроград. А за

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 134—135.

1—2 сентября обстановка вновь изменилась. Керенский лихорадочно искал выход, который помог бы ему удержаться у власти. И нашел его: он объявил о создании Совета пяти, или Директории, к которой временно переходит власть. В нее вошли сам Керенский, Терещенко, министр внутренних дел меньшевик Никитин, военный министр генерал Верховский (бывший командующий войсками Московского военного округа, вставший на сторону Керенского в его конфликте с Кор-

ниловым) и морской министр адмирал Вердеревский. В составе Директории не было кадетов. И лидеры ЦИК в ночь на 1 сентября приняли решение об одобрении Директории. Одновременно они отвергли предложенную большевиками резолюцию „О власти“.

Узнав об этом из газет за 2 и 3 сентября, В. И. Ленин сделал к своей статье „О компромиссах“ приписку, в которой высказал предположение, правда в условной и некатегорической форме, что те несколько дней, в течение

которых было возможно мирное развитие революции, по-видимому, прошли. И Керенский сможет укрепиться вновь у власти помимо эсеров и вопреки им, вновь обратившись за поддержкой к кадетам и буржуазии. В. И. Ленин решил послать свою статью для опубликования в центральном органе большевистской партии газете „Рабочий путь“. Заключительными словами его статьи стали: „Иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно“.

В красногвардейских отрядах рабочие под руководством большевиков, членов Военной организации при ЦК РСДРП (б), учились владеть оружием

ЛЕНИН: БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ

Большевики должны взять власть.

Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удерживать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Коллебания эс-эров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывает то же самое.

Демократическое Совецание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелко-буржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в Гор. Думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

ЛЕНИН: БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ

В то же время, в ночь на 1 сентября, произошло в Петрограде еще одно событие, которое имело большее влияние на последующее развитие, чем создание Директории или решение ЦИК о созыве Демократического совещания. Общее собрание Петроградского Совета в эту ночь впервые за всю историю его существования приняло политическую резолюцию большевиков — резолюцию-декларацию ЦК РСДРП (б) „О власти“. За нее было подано 279 голосов, против — 115, 50 человек воздержались. Это было знаменательным поворотом в политике Совета, свидетельством того, что популярность эсеро-меньшевистских вождей, или, как их назвал Ленин, „вождей первого призыва“, подходит к концу. Но они отчаянно сопротивлялись, стремясь вернуть ускользавшее из их рук влияние. Используя тот факт, что на заседании присутствовало менее половины наличного числа депутатов Совета, в частности почти полностью отсутствовали члены солдатской секции, еще находившиеся в большинстве под эсеровским влиянием, меньшевистско-эсеровские лидеры опротестовали принятую

Советом большевистскую резолюцию.

— Она идет вразрез со всей прежней политикой Совета! — кричали Церетели, Чернов, Чхеидзе. — Мы коллективно, всем президиумом, подаем в отставку. И если Совет нам доверяет, пусть снова голосует за нас!

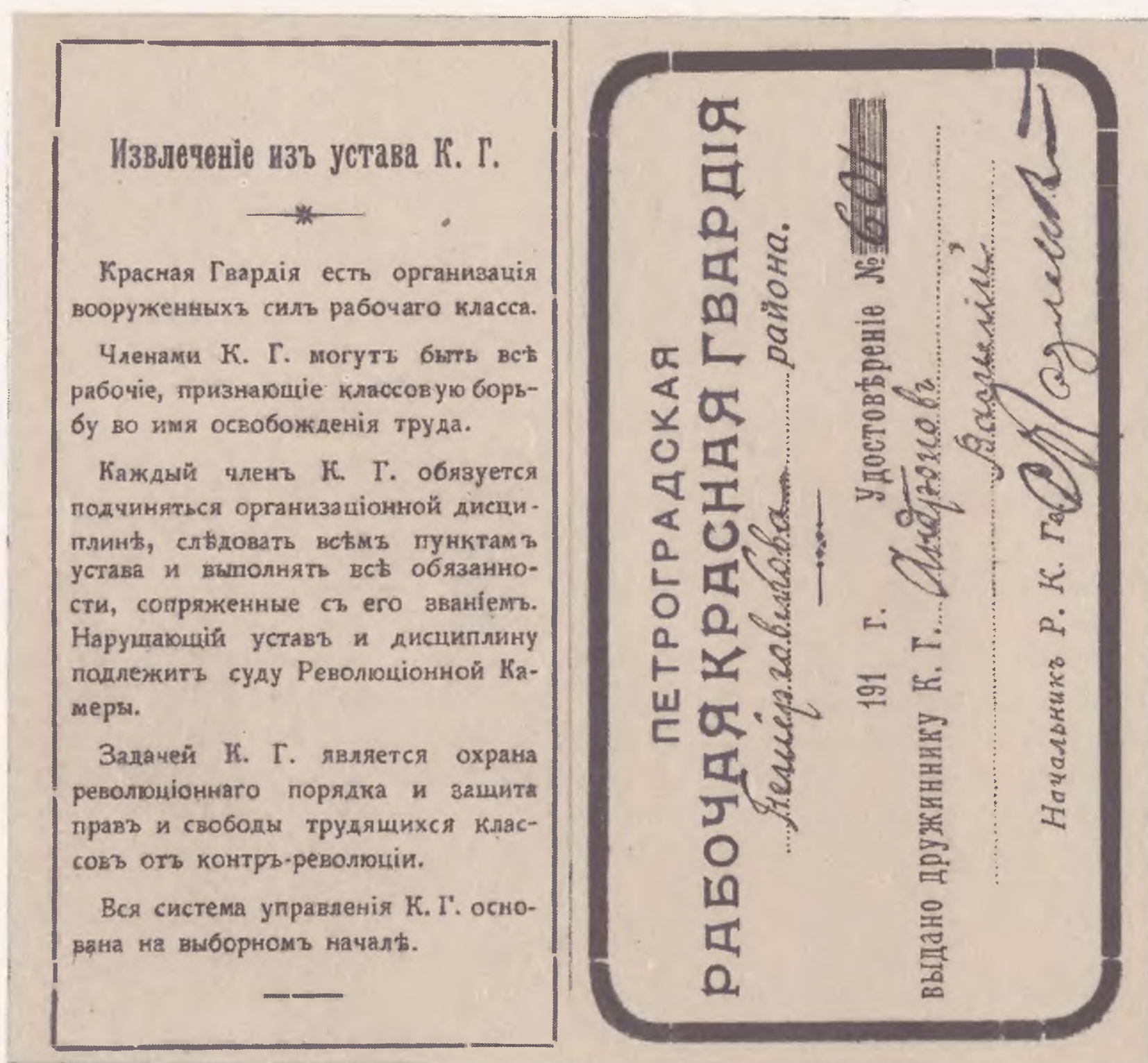
Это была ставка на прежнюю популярность, игра на именах, получивших известность с первых дней Февральской революции. Большевики не хотели обострять положение. Они предложили дополнить семерых членов президиума от эсеров и меньшевиков семью представителями большевистской партии. Но соглашатели требовали избрания в президиум только их, и в полном составе. Для решения этого вопроса на 9 сентября назначалось новое общее собрание Совета, к которому обе стороны стали энергично готовиться. Борьба за Петроградский Совет вступала в решающую фазу.

Политика меньшевиков и эсеров в эти дни первой половины сентября 1917 г. была полна колебаний, так свойственных вообще мелкой буржуазии как классу. С одной стороны, они были уязв-

лены успехами большевиков и старались конкурировать с ними и дальше, уверенные в своей победе и популярности. С другой стороны, видели, что Керенскому они теперь больше не нужны. Тот, обнаглев после утверждения Центральным исполнительным комитетом Директории, объявил о закрытии большевистской газеты „Рабочий“ и левой меньшевистской газеты „Новая жизнь“. Затем был опубликован приказ с требованием роспуска „самочинных комитетов“, т. е. Комитетов спасения революции, созданных по образцу петроградского Комитета народной борьбы с контрреволюцией местными Советами и самоуправлениями.

Хотя Корнилов был арестован, но расследование обстоятельств его мятежа велось крайне вяло. В армии оставалось немало явных и тайных корниловцев. Керенский старался прикрыть их, взяв на себя должность нового Верховного главнокомандующего.

В. И. Ленин внимательно следил за развитием политической жизни в столице. Он считал целесообразным еще раз вернуться к своим мыслям о компромиссе и 6—9 сентября написал статьи „Задачи

Билет красногвардейца-путиловца В. Андропова

революции", „Один из коренных вопросов революции", „Русская революция и гражданская война". 6 сентября в центральном органе большевистской партии газете „Рабочий путь" была опубликована статья В. И. Ленина „О компромиссах".

Ленинские статьи вызвали дискуссию в большевистских рядах. В Петербургском комитете, в районах и на заседаниях ЦК, во фракциях Советов шли споры о том, наступил ли мирный период, надо ли возвращаться к прежнему лозунгу „Вся власть Советам!", какое содержание он теперь несет, в каком соответствии нахо-

дится новое предложение с курсом, провозглашенным VI съездом РСДРП (б). Оживился Каменев, пытавшийся вообще снять вопрос о восстании с повестки дня. Зиновьев ежедневно печатал в „Рабочем пути" статьи, в которых то спорил с Лениным, то кидался за Каменевым и предрекал поражение рабочему восстанию, если оно произойдет в столицах, подобно тому как потерпела в Париже поражение коммуна в 1871 г.

Ленин, находясь в Гельсингфорсе, не имел возможности в живой беседе с товарищами обсудить и решить все спорные вопросы. А почтовая связь через специальных

курьеров хоть и действовала бесперебойно, но неизбежно опаздывала с доставкой информации и писем на три-четыре дня. Следует подчеркнуть, что Каменев, Зиновьев и Троцкий полагали, что компромисс с мелкобуржуазными партиями и новая власть должны быть осуществлены на Демократическом совещании (его открытие было перенесено на 14 сентября).

Но как раз накануне открытия совещания лидеры меньшевиков и эсеров заколебались вновь. Они стали благосклоннее к Керенскому и буржуазии, стали поговаривать о необходимости восстановить коалицию если не с кадетами, то с „беспартийными" капиталистами. Этот поворот вполне соответствовал их мелкобуржуазной природе, был результатом испуга теми быстрыми успехами, которых достигли большевики в борьбе за Советы.

5 сентября в Москве в большой аудитории Политехнического музея собралось объединенное пленарное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов — здесь эти Советы вплоть до ноября 1917 г. существовали отдельно. Это был знаменательный день. Обсуждался вопрос об организации власти. Как и в Петроградском Совете в ночь на 1 сентября, большинство депутатов Московских Советов проголосовали за большевистскую резолюцию-декларацию „О власти".

Спустя четыре дня общее собрание Петроградского Совета, впервые прошедшее вечером 9 сентября в Актовом зале Смольного института, показало, что и Петроградский Совет полностью перешел на позиции большевистской партии. За предложение о дополнении

президиума представителями большевистской партии проголосовало 519 членов Совета, против — 414 и 67 человек воздержалось.

Оценивая значение этих голосований, „Рабочий путь” отмечал 9 сентября: „Пролетариат и гарнизон двух столиц, двух крупнейших промышленных центров, дал явственное свидетельство крушения политики соглашательства, разрыва с тактикой господствовавших партий эсеров и меньшевиков. Голосование Петроградского и Московского Советов — один из серьезных фактов новой волны революции”.

Переход столичных Советов на сторону большевиков произошел, конечно, не „вдруг”. Этот переход подвел итог процессу политического прозрения масс на опыте шести месяцев, прошедших со времени Февральской революции, и явился результатом напряженной борьбы большевистской партии за массы. Началась полоса массовой большевизации Советов по всей стране.

Переход Советов на позиции большевистской партии являлся важнейшей составной частью всенародного революционного подъема. Отмечая это, В. И. Ленин писал: „...достаточно было „свежего ветерка” корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое”¹.

Все это разъярило меньшевиков и эсеров. По вине эсеро-меньшевистских руководителей ЦИК последний шанс мирного перехода

власти к Советам был упущен. Компромиссу с большевиками они предпочли новые политические махинации и сделки с буржуазией, направленные против революции. В соглашательских газетах за 9—10 сентября были напечатаны статьи, полные злобных нападок на большевиков и лично на В. И. Ленина. Тем самым соглашатели „скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами”¹, подготавливая новую корниловщину. Таковы были изменения политического положения перед открытием Демократического совещания по сравнению с самым началом сентября. Они были ясны далеко не всем большевикам в столице. Но их отчетливо видел Ленин, хотя он был далеко от Петрограда, от центра политической борьбы.

Как раз 10 сентября Ленин начал работать над брошюрой „Грозящая катастрофа и как с ней бороться”. В разгар работы над рукописью, 12 сентября, он получил питерские газеты, рассказывавшие об итогах борьбы за Советы в Петрограде и Москве, а также содержавшие злобные статьи меньшевиков и эсеров. Все это заставило Ленина еще раз самым внимательным образом изучить всю совокупность имевшихся у него сведений, вплотную подойти к вопросу о вооруженных, революционных методах борьбы за переход власти к пролетариату. Он призывает не сдерживать массы, не опасаться преждевременного восстания, наоборот, самим назначить его и успешно провести. Дальнейший ход российской истории теперь прямо зависит от инициативы рабочего

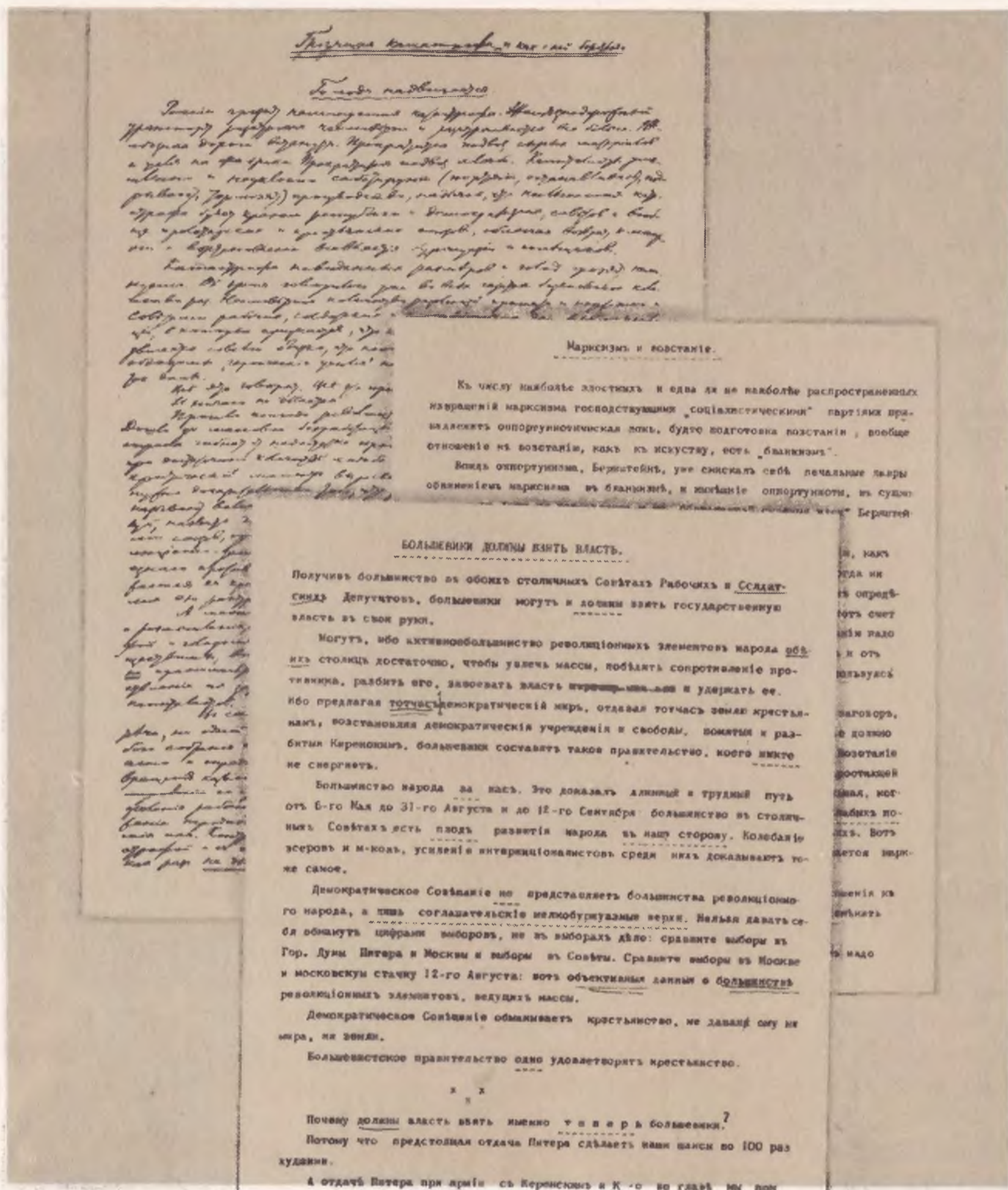
Красногвардейцы
братья С. и Н. Поздняковы

класса! Ленин прерывает 12 сентября свою работу над брошюрой „Грозящая катастрофа и как с ней бороться” и пишет письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП (б) „Большевики должны взять власть”. Ленин подчеркивает: „Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 204.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 262.

Работы, написанные В. И. Лениным в Гельсингфорсе 10—14 сентября 1917 г.

вая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет”¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

Итак, нечего больше сдерживать массы. Теперь у большевиков уже есть активное большинство революционного народа обеих столиц. А значит, надо подготовить и провести восстание, взять всю государственную власть! Нечего надеяться и на Демократическое

совещание. На нем представлено не большинство народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи. „Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, — предостерегает Владимир Ильич большевиков, — не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы”¹.

В. И. Ленин пояснял, что речь идет пока не о „дне” восстания, не о „моменте” его в узком смысле. Эти даты подскажут те, кто соприкасается с массами, с самими рабочими и солдатами. Нужно, чтобы необходимость организации восстания осознали большевики. И в этом смысле предстоящее Демократическое совещание дает прекрасную возможность. Делегаты совещания большевики вместе с ЦК и ПК должны решить судьбу революции. Неизбежные жалкие колебания совещания взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь! „Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии, — подчеркивает Ленин, — на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства”. Он призывает „вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: „восстание есть искусство”².

С помощью депутата финляндского сейма Карла Вийка, одного из организаторов его подполья

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

² Там же, с. 240.

в Финляндии, В. И. Ленин достает из библиотеки Народного дома экземпляр книги „Революция и контрреволюция в Германии“. Книга эта публиковалась за подписью Маркса, хотя действительным ее автором был Энгельс. Выяснилось это много позже, после того, как была опубликована переписка Маркса и Энгельса. 13 сентября он получает эту книгу и делает выписку со страницы 117 второго штутгартского издания 1907 г.

„Восстание есть искусство, — переводит Ленин, — точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновной в их несоблюдении“.

Сделав выписку, Ленин тут же садится писать новое письмо Центральному Комитету РСДРП (б), которое так и озаглавливает: „Марксизм и восстание“. Там он не только развивает эти положения основоположников марксизма, но и сам разрабатывает вопрос о политических условиях, необходимых для начала восстания. „Восстание, чтобы быть успешным, — указывает Ленин, — должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих“¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 242–243.

Здание Александринского театра, где проходило Демократическое совещание

Вождь партии большевиков вспоминает здесь и о судьбе компромисса, предложенного большевиками, и констатирует, что мы получили отказ, хотя колебания меньшевиков и эсеров продолжают. Как бы отвечая своим оппонентам в Петрограде среди товарищей по руководству партией, он пишет:

„Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что Демократическое совещание *еще* может принять его. Компромисс предлагался *от партии к партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совеща-

ние *меньшинства народа* — нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно *ничего не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы“¹

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244–245.

Соглашатели, собравшиеся на Демократическое совещание, считали себя хозяевами положения. В действительности судьба революции решалась не здесь, а в рабочих кварталах Питера и Москвы

Справившись с Корниловым при помощи Советов, Керенский старался сам захватить контроль над армией

Себя Керенский назначил „главнокомандующим“, а контрреволюционера генерала Алексеева сделал своим начальником штаба

Все силы теперь Ленин направляет на агитацию среди товарищей по партии, чтобы убедить их скорее принять решение о восстании. Он даже разрабатывает примерный план восстания в Петрограде на тот случай, если бы решение о восстании было немедленно принято большевиками еще в период работы Демократического совещания.

Закончив свои письма 14 сентября, Владимир Ильич отправляет их в ЦК с одним из членов Центрального Комитета большевистской партии, который был избран делегатом Демократического совещания от Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Теперь он с нетерпением стал ожидать ответ от ЦК, продолжая следить по газетам за

развитием событий в Петрограде и Москве.

Особенно вызывает интерес тот факт, что В. И. Ленин в письмах о восстании и других письмах, написанных им во второй половине сентября и начале октября, всюду говорит о восстании в обеих столицах, а иногда даже отдает пальму первенства Москве.

Историками подсчитано, что в своих статьях, заметках и выступлениях за 1917 г. Ленин не менее 100 раз обращался к оценкам положения в Москве. Особенно усилилось и обострилось внимание Ленина ко второй столице после того, как августовские события выдвинули ее вперед настолько, что она могла стать не только – участником, но и застрельщиком

Большевичка А. М. Коллонтай, прославившаяся в 1917 г. как пламенный оратор

Профессиональный Союз Работницъ Прачешныхъ Заведеній.

Въ Воскресенье, 24 Сентября, въ 11 час. утра,

въ циркъ „МОДЕРНЪ“

Состоится МИТИНГЪ

тов. А. М. КОЛЛОНТАЙ

на тему:

Революціонная Демократія и Работница.

Входная плата 75 к., солдаты 35 к.

Билеты можно получать: Фурштатская 40 (4-ый этаж); Смольный Инст., столъ газеты „Рабочій Путь“ и при входѣ на Митингъ.

Объявление о выступлении А. М. Коллонтай на митинге работниц

вооруженной борьбы пролетариата за власть. Ведь восстание — вопрос не только политический, но и военный; тут надо решать, когда начать и где начинать, реально оценить свои силы и возможности, а также силы и возможности противника.

Как уже говорилось, впервые Ленин поставил вопрос о возможности „начать“ в Москве в августе. В середине же сентября, когда восстание надвинулось как ближайшая перспектива, ленинская мысль вновь обращается к Москве. В письмах о восстании он утверждает: „Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно“¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 241.

Спустя две недели он опять писал: „...мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью)“¹.

В письме ЦК петроградским и московским большевикам от 1 октября 1917 г. развивается та же мысль. Последний раз о возможности „начать“ в Москве В. И. Ленин упомянул в письме Питерской городской конференции 7 октября.

Больше он к этой идее не возвращался. Случайно это или нет, попытаемся выяснить несколько позже, а пока уместно обратить внимание на следующее: В. И. Ленин ни разу ни в своих статьях,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 282.

ни в письмах не ставил вопроса о восстании в Москве как об отдельном изолированном акте. Наоборот, во всех его высказываниях последовательно проводится мысль о необходимости одновременного выступления в главных решающих пунктах, о необходимости „быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти Советам“¹.

Такой подход вытекал не только из отношения Ленина к восстанию как к искусству, но и прямо диктовался опытом 1905 г., когда разрозненные выступления позволили правительству свободно

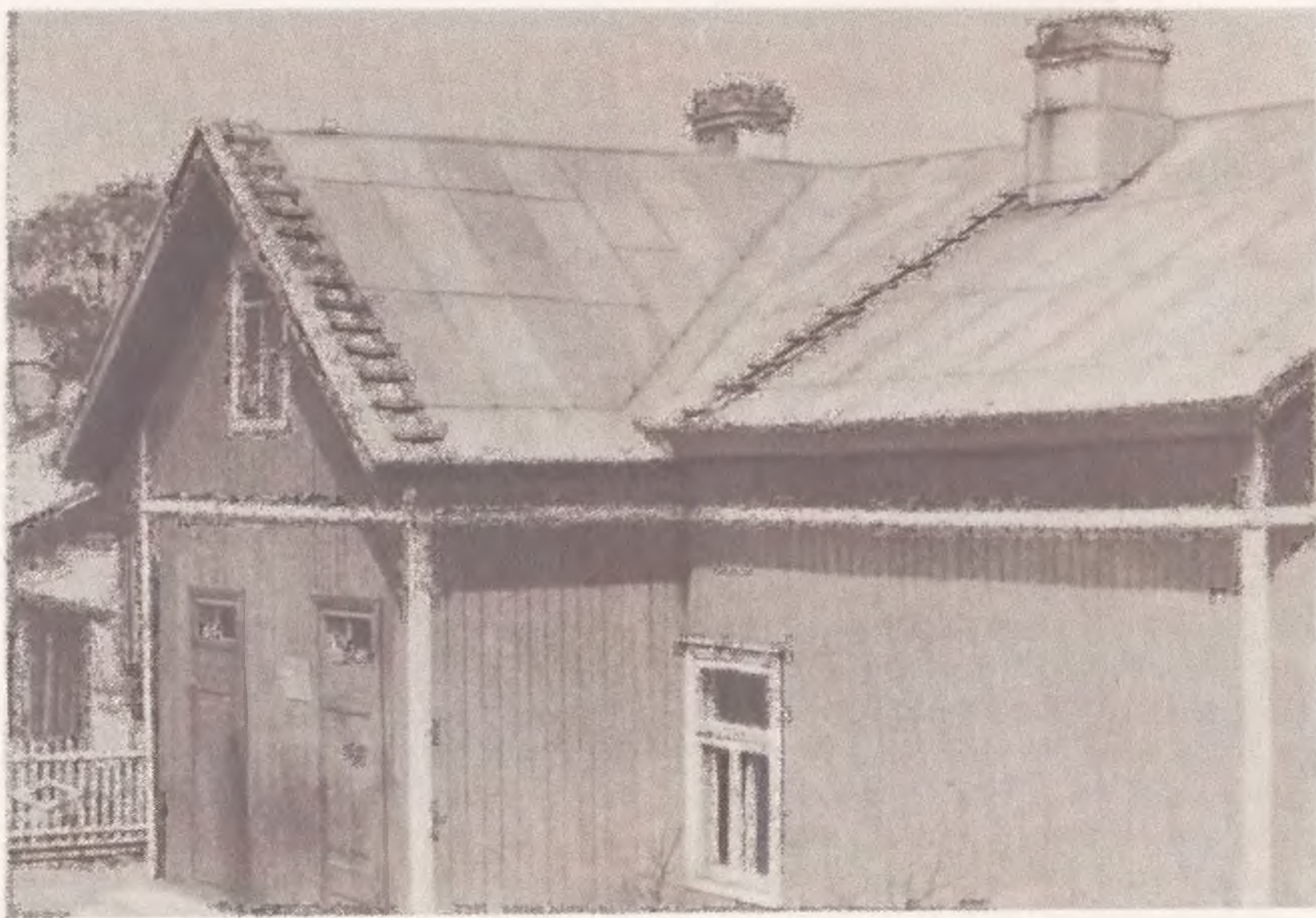
маневрировать своими резервами. Разумеется, постановка вопроса об одновременности выступления в нескольких местах нисколько не противоречила тому, что кто-то должен начать, дав тем самым сигнал к общему восстанию.

Как и в середине августа, вопрос о возможности „начать“ в Москве ставится Лениным отнюдь не категорично, а лишь как один из допустимых вариантов. Мысль „начать“ в Москве представлялась Ленину привлекательной прежде всего своей возможностью „поразить врага неожиданностью“, т. е. использовать один из тех элементов восстания, который мог бы по меньшей мере „уравновесить“ преимущества, если бы они оказались у противника. Идея состояла в том, чтобы нанести первый удар там, где враг, сосредоточивший

свое внимание на Смольном, меньше всего его ожидает.

В. И. Ленин учитывал также затруднительное положение, в котором оказалось эсеро-меньшевистское руководство обоих Московских Советов. Эсеры и меньшевики не могли уже рассчитывать, что их соглашательскую политику поддержит большинство в Советах, и должны были уступить. Во второй половине сентября в Москве состоялись перевыборы Исполкомов рабочего и солдатского Советов. В Исполкоме Совета рабочих депутатов большевистская фракция получила большинство мест, а председателем Совета вместо меньшевика Л. М. Хинчука стал большевик, член ЦК РСДРП (б) Виктор Павлович Ногин. В Исполкоме же солдатского Совета эсерам удалось сохранить свое руководящее положение. В результате сложилась своеобразная ситуация. В совместных заседаниях Исполкомов соглашателям время от времени удавалось проводить свои решения, которые потом отвергались пленарными заседаниями Советов, поскольку основная масса депутатов шла уже в фарватере большевистской политики.

Другое примечательное событие в жизни Москвы произошло на исходе сентября. Это были выборы в районные думы города. Еще совсем недавно, в июне, на выборах в городскую думу эсеро-меньшевистский блок торжествовал победу. Пользуясь бессознательной доверчивостью масс, веривших тогда посулам мелкобуржуазных „вождей“, эсеры и меньшевики получили до 70 процентов голосов избирателей. Теперь же, осенью, положение круто изменилось. Вторая муниципальная кам-

Дом на Рубежной ул. в г. Выборге, где в конце сентября — начале октября 1917 г. жил В. И. Ленин

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 350.

2. Неимоверных аппетитов спекулянтов. 3. Смертной казни для солдат. 4. Против всякого соглашения с буржуазией и помещиками. За 1. Мир и братство народов. 2. Ограничение прибылей капиталистов и рабочий контроль над производством. 3. Немедленный переход земли в руки крестьянских комитетов. 4. Переход власти к рабочим и беднейшим крестьянам”.

Главным итогом выборов 24 сентября было сокрушительное поражение мелкобуржуазных партий и блистательная победа большевиков. Если в июне эсеро-меньшевистский блок получил вотум доверия от большинства населения и в абсолютном и в процентном выражении, то в сентябре эсеры и меньшевики собрали вместе чуть больше 18 процентов голосов всех избирателей. Таковы были результаты „исторической проверки”, которую устроили массы своим прежним кумирам.

Победа большевиков на сентябрьских выборах была столь же очевидной и неоспоримой, как и победа эсеров в июне.

Число голосов, поданных за большевиков, по сравнению с июнем увеличилось в абсолютном выражении почти втрое, а в процентном почти в 5 раз. Другими словами, за большевиками пошло более половины всего московского населения, участвовавшего в выборах. Что касается буржуазных партий, то они, как и

в июне, опирались почти исключительно на имущие слои населения, сосредоточенные в центральных районах города, и в общем сохранили свои позиции — 25—26 процентов голосов. Это свидетельствовало о том, что новых союзников в массах буржуазия не приобрела, но вместе с тем и о том, что пролетариату придется иметь дело с достаточно сильным противником, который без боя не сдастся.

Полное поражение потерпели буржуазные партии и соглашатели среди солдат московского гарнизона. В воинских участках за большевиков проголосовала подавляющая часть принявших участие в выборах солдат. „За партию пролетариата — 80% солдат, — писал в этой связи „Социал-демократ” 28 сентября. — В этой солдатской массе большинство принадлежит беднейшим крестьянам. Крестьяне начинают терять веру в политику соглашений с буржуазией и объединяться с рабочими в одну партию... В лице единой партии пролетариата, соединившегося с деревенской беднотой, создается та сила, перед которой не устоит буржуазия”.

В. И. Ленин придавал огромное значение результатам выборов в Москве, рассматривая их в качестве одного из основных признаков того, что „кризис назрел”. Итоги сентябрьских выборов, как и августовская стачка в Москве, давали ему основание полагать,

что пролетарская Москва смогла бы взять на себя почин в вооруженном выступлении против буржуазной власти.

*

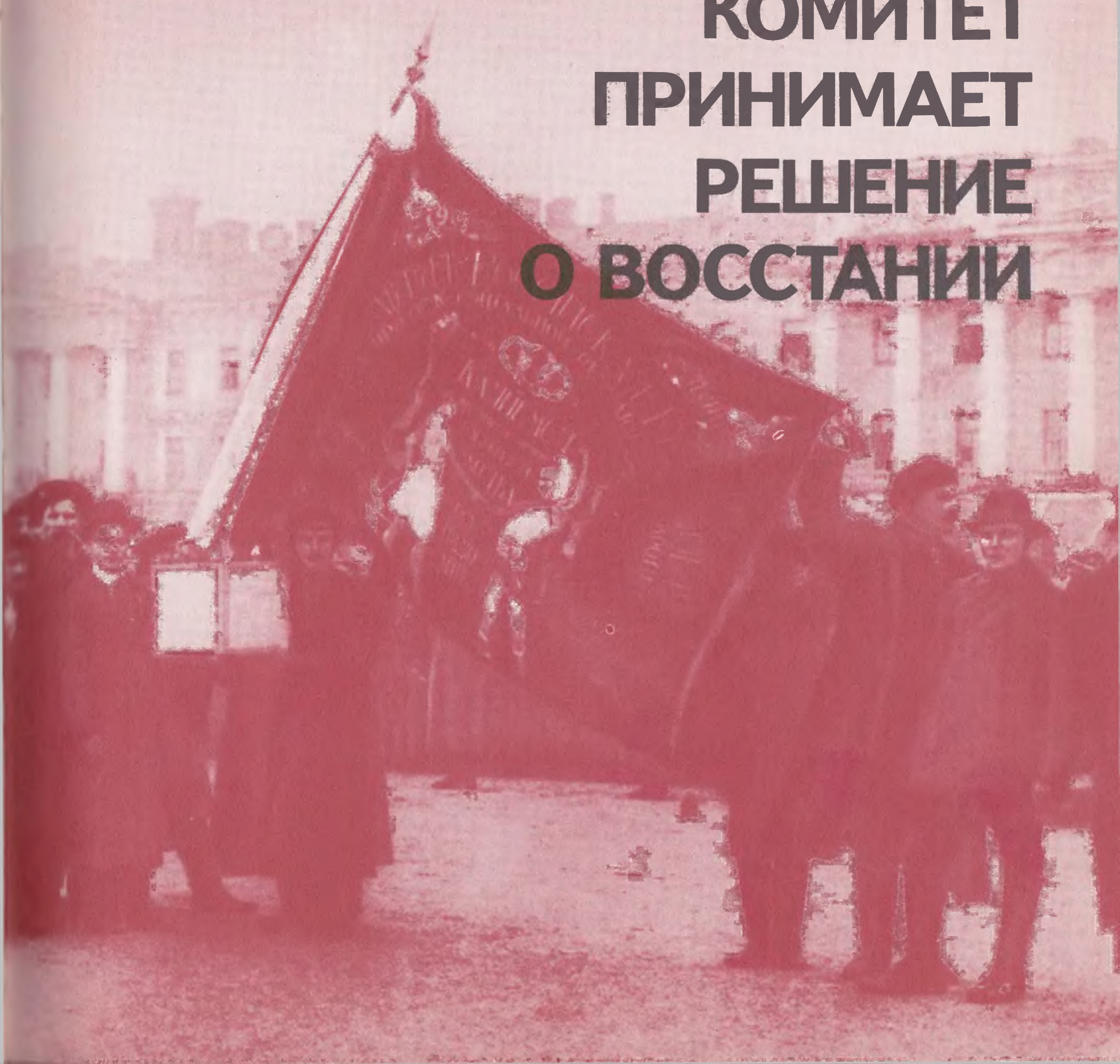
Но вернемся к дню 14 сентября и еще раз заглянем в ленинское письмо „Марксизм и восстание”. Ленин требует: „Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от „сепаратного” раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству”¹. Это была четкая программа ближайших действий партии.

Там, на пятом этаже небольшой квартирки в доме на Хагнесской площади в Гельсингфорсе, Ленин ходит из угла в угол в крайнем напряжении. Его волнует судьба социалистической революции в России! Как хотелось бы ему уже сейчас, немедленно быть в Петрограде, чтобы обсудить с товарищами все детали восстания. Но еще рано. Нужно хотя бы дождаться ответа на эти письма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34 с. 245—246.

Символы братства:
обмен знаменами между
солдатами Павловского полка
и рабочими Путиловского завода.
1 октября 1917 г.
Марсово поле, Петроград

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ
ПРИНИМАЕТ
РЕШЕНИЕ
О ВОССТАНИИ**

1

Ц. К. признает, что как международное положение русской революции (создание во Франции в Германии, как крайнее проявление народностей всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удешевления революции в России), — так и военное положение (решительное решение русской буржуазии и Керенского с Ко старым и новыми итшцами), — так и приобретение большевиками пролетарской партии в Советском, — все это в связи с международным возмущением и с поворотом народным

✓ во всей Европе

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ О ВОССТАНИИ

Ждать ответа пришлось довольно долго. Вместо него газеты принесли тревожные вести. Большевики вместе с другими партиями приняли активное участие в работе Демократического совещания, открывшегося 14 сентября. Там руководители большевистской фракции Каменев и Троцкий произносят свои речи в „парламентской“ форме. Хотя они и резко критикуют правительство Керенского, но в то же время ждут, что именно совещание создаст новую власть и заменит ею Временное правительство. В этом же духе высказывались и представители рабочих делегаций, допущенные по требованию большевиков на совещание 17 сентября.

В декларации, оглашенной на совещании большевиками 18 сентября, Ленин с удовлетворением увидел многие положения своих писем о восстании. Но главного не было — призыва к этому самому восстанию, хотя бы и в прикрытой форме. Декларация полностью восстанавливала в правах доиюльский лозунг партии „Вся власть Советам!“, но толковала его еще в качестве лозунга мирно-

го развития революции, создания правительства из партий „советского большинства“, т. е. меньшевиков и эсеров. Но это уже запоздалая тактика! Теперь, после перехода на сторону большевиков Петроградского и Московского Советов, десятков местных Советов, превращения их в боевые органы масс, этот лозунг, если уж его восстанавливать, должен стать призывом к восстанию!

И Владимир Ильич, прождав несколько дней, пишет одну за другой статьи, письма, в которых подвергает сокрушительной критике ошибки „парламентских верхов партии“, руководителей фракции на Демократическом совещании. Он не знал еще, что на заседании ЦК РСДРП (б) 15 сентября 1917 г. Каменев выступил решительным противником предложений и выводов, содержащихся в письмах Ленина. Он внес резолюцию, в которой предлагал отвергнуть их, но ЦК ее не принял. Ленинская постановка вопроса о восстании показалась ряду партийных работников преждевременной. Они еще жили надеждой на возможность мирного разрешения вопроса о власти в связи с созывом Демо-

кратического совещания, утверждая, что следует выждать неделю-другую. Но каждое новое ленинское письмо или статья, которые стали прибывать в Петроград после 20 сентября, убеждали этих членов ЦК в правильности ленинской тактики и в ошибочности линии руководства фракции.

В этом же направлении действовала и сама политическая реальность. Как и предсказывал Владимир Ильич, работа Демократического совещания вылилась в жалкие колебания. Состав его был искусственно подобран так, чтобы уменьшить представительство Советов — подлинных выразителей интересов рабочих и солдат. Да и в самих Советах в эти дни шел процесс большевизации, поэтому многие представители Советов, посланные на совещание, уже не отражали политические настроения своих организаций. Лидеры ЦИК, теперь тяготеющие к новой сделке с Керенским и буржуазией, склоняли и совещание одобрить коалицию с главной буржуазной партией — кадетами.

Большинство из полутора тысяч делегатов, собравшихся в петроградском Александринском

театре, высказалось за коалицию с буржуазией. Но вслед за этим к резолюции была предложена поправка, говорящая о том, что из коалиции должна быть устранена партия кадетов! А это опять-таки не устраивало ни Керенского, ни Церетели с Черновым. И резолюция с поправкой была отклонена совещанием. Еще до окончания совещания Керенский за спиной участников Демократического совещания начал переговоры с представителями московских „общественных деятелей“, объединявших крупных капиталистов и торговцев, и кадетами о формировании нового, третьего по счету, коалиционного Временного правительства.

Боясь остаться за бортом новой коалиции, меньшевистско-эсеровские лидеры ЦИК быстренько свернули работу совещания, раскол которого выявился с такой убедительностью. Они протащили через совещание решение об организации „Демократического совета“, т. е. совещательного органа при правительстве из представителей „революционной демократии“, который действовал бы вплоть до открытия Учредительного собрания, назначенного на 28 ноября 1917 г. Это был новый трюк, рассчитанный на отвлечение внимания народных масс, попытка помешать большевикам в работе по привлечению рабочих, солдат и крестьян на свою сторону.

В этих условиях, когда надежды на то, что именно на совещании будет создана новая демократическая власть, не оправдались, Троцкий выдвинул предложение поддержать от имени большевистской партии начавшееся в момент разгрома корниловщины движение среди местных Советов за созыв

Второго Всероссийского съезда Советов, добиться от ЦИК одобрения созыва съезда, которому и поручить решение вопроса о власти. Предложение Троцкого отвергло ленинскую идею немедленного восстания, связывало взятие власти большевиками с решением съезда, политическая физиономия которого была еще не ясна. Если бы съезд принял решение об отставке Керенского и передаче власти Советам, заявлял Троцкий, а Керенский бы не подчинился этому, то тогда только съезд Советов и призвал бы к восстанию. Ленин вскоре назвал эту тактику „назначением восстания по-глупому“.

Каменев же вообще отвергал путь восстания. Несмотря на сопротивление большинства членов ЦК, ему удалось протащить на собрании членов большевистской фракции Демократического совещания решение о посылке представителей большевиков в „Демократический совет“, или, как его стали называть, Предпарламент. ЦК под давлением Каменева вынужден был одобрить это решение. В принятых документах главным направлением деятельности партии объявлялась борьба за съезд Советов (ЦИК вынужден был назначить его открытие на 20 октября), а дополнительным — разоблачение соглашателей и Временного правительства на заседаниях Предпарламента. Этот последний должен был начать свою работу 7 октября. Временное правительство дополнило „Демократический совет“, избранный совещанием, равным количеством членов от представителей буржуазных партий и организаций. Этот новый орган получил официальное название „Временный Совет Российской республики“ (Керенский

с запозданием объявил, что Россия является теперь республикой!), а в просторечии продолжал именоваться Предпарламентом. Вот в этот-то Предпарламент Каменев и толкал партию.

Узнав обо всем этом, Ленин удвоил свою энергию в критике ошибок руководителей большевистской фракции Демократического совещания. 23—24 сентября он переезжает из Гельсингфорса в Выборг. Туда петроградские газеты приходили в день их выхода в столице, и оттуда связь с ЦК была быстрее и надежнее. После статьи „О героях подлога и об ошибках большевиков“ Ленин заканчивает статью „Из дневника публициста. Ошибки нашей партии“. Там он заявляет:

„Невозможны никакие сомнения насчет того, что в „верхах“ нашей партии заметны колебания, которые могут стать *гибельными*, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны *погубить* дело. Пока не поздно, надо всеми силами взяться за борьбу, отстоять правильную линию партии революционного пролетариата“¹. А чуть ниже он писал в той же статье: „Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия“².

25 сентября было объявлено о формировании третьего коалиционного правительства во главе с Керенским. В нем было шесть представителей буржуазии и десять — меньшевиков и эсеров. Главной целью правительства объ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 263.

² Там же.

являлась верность союзникам в продолжении империалистической войны и „война с анархией“, т. е. революционным движением масс во главе с партией большевиков. Вечером того же дня Петроградский Совет, собравшийся для перевыборов Исполкома вследствие политической победы большевиков на предыдущих пленумах, принял резолюцию, в которой говорилось, что новое правительство встретит от рабочих и солдат один ответ: „В отставку!“

Ознакомившись с материалами об этих событиях, Ленин в глубоком волнении пишет письмо из Выборга в Гельсингфорс председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, члену ЦК РСДРП (б) И. Т. Смилге:

„Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войско и систематически готовится (Керенский в Ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и сталкивается деловым образом).

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем „сроки“ (20 октября съезд Советов — не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики не ведут, чтобы подготовить свои военные силы для свержения Керенского.

События вполне подтвердили правильность моего предложения, сделанного во время Демократического совещания, именно, что партия *должна* поставить на очередь вооруженное восстание. События заставляют это сделать. История сделала коренным поли-

тическим вопросом сейчас вопрос *военный*. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные „злойбой дня“, мелкими текущими вопросами и „надеясь“, что „волна сметет Керенского“. Такая надежда наивна, это все равно, что положиться „на авось“. Со стороны партии революционного пролетариата это может оказаться преступлением.

По-моему, надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию — для этого переписать на машине и сие письмо и доставить его питерцам и москвичам”¹.

Через день, 29 сентября, Ленин обращается к партии со статьей „Кризис назрел“, в которой показывает, что условия для успешного вооруженного восстания уже существуют с половины сентября и существует опасность, наоборот, упустить момент. Он горячо возражает как против участия в Предпарламенте и требует его бойкота, так и против связывания вопроса о восстании с решениями Второго Всероссийского съезда Советов.

„Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд, — настаивает Ленин в предназначенной для раздачи членам ЦК, ПК, МК и фракциям большевиков в Советах заключительной части статьи. — Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем (если не будем „ждать“ советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков!

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 264—265.

3) мы в большинстве *в стране*; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, — а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.”¹.

1 октября Ленин заканчивает брошюру „Удержат ли большевики государственную власть?“. В ней он ясно и утвердительно отвечает на поставленный в заголовке вопрос. В тот же день пишет „Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам“. Там Ленин вновь предлагает немедленно брать власть. Упоминает результаты выборов в районные думы в Москве, особенно среди солдат. Страстно и решительно агитирует за восстание:

„Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание тотчас*. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа *обеспечена* и воевать некому. В Питере

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 281—282.

можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, „Русское Слово“, получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*, уступки железнодорожникам и почтовым служащим — *тотчас*, и т. д.

Необязательно „начать“ с Питера. Если Москва „начнет“ бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*.

Если даже у Керенского есть под Питером один-два корпуса конных войск, он вынужден сдать-ся. Питерский Совет может выждать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией.

Привет *Н. Ленин*¹.

Резкая критика ошибочных взглядов Каменева и Троцкого в ленинских письмах и статьях возымела свое действие. 1 октября к Ленину в Выборг прибыл специальный посланец ЦК РСДРП (б), видный партийный работник, один из организаторов последнего ленинского подполья — Александр Васильевич Шотман. Во время состоявшейся между ними беседы Владимир Ильич Ленин потребо-

вал скорейшего выхода партии из Предпарламента, быстрых и четких мероприятий по военно-организационной подготовке к взятию власти в Петрограде и Москве. Он сказал также о своем желании немедленно возвратиться в Петроград. Шотман от имени ЦК заверил Ленина в том, что большинство Центрального Комитета теперь разделяет его взгляды и вскоре тактическая линия будет выправлена. Что же касается его возвращения в Петроград, то пока ЦК просил передать, что в интересах безопасности Владимира Ильича ему еще нельзя возвращаться. Но по настоянию Ленина Шотман обещал сообщить Центральному Комитету о его желании.

Теперь решение о восстании было поставлено в порядок дня. 3 октября ЦК постановил разрешить В. И. Ленину перебраться в Питер, чтобы была возможна постоянная и тесная связь с ним. 5 октября ЦК, несмотря на отчаянное сопротивление Каменева, принял постановление уйти с заседания Предпарламента в первый же день его работы, 7 октября, после оглашения специальной декларации протеста. В ответ Каменев заявил о своем выходе из ЦК, однако ЦК отставку не принял.

7 октября Центральный Комитет постановил образовать политическое бюро для руководства подготовкой к восстанию. В тот же день в центральном органе большевистской партии газете „Рабочий путь“ была напечатана ленинская статья „Кризис назрел“ с прямым призывом к восстанию. В партийном издательстве „Прибой“ стали спешно готовить к выходу ленинскую брошюру „Удержали большевики государственную власть?“.

Перемену в настроениях руководящих кругов партии с восторгом встретили партийные работники в Петрограде. Те, от кого зависела связь с районами, с воинскими частями и заводами, реальная подготовка рабочих и солдат к вооруженному свержению Временного правительства. В дни разгрома корниловщины организация рабочей Красной гвардии получила мощный импульс. И несмотря на некоторое затишье в момент работы Демократического совещания инициаторы создания Красной гвардии В. А. Трифонов, Е. А. Трифонов, В. Н. Павлов продолжали работу по созданию вооруженных рабочих отрядов.

После переизбрания Исполнительного комитета Петроградского Совета, где большевики стали играть руководящую роль, 2 октября приступил к работе отдел Рабочей гвардии Исполкома. Вместе с временной общегородской комендатурой и районными комендатурами и штабами отдел стал готовить общегородскую конференцию Красной гвардии.

Военная организация при ЦК и ПК РСДРП (б) предоставила в распоряжение организаторов Красной гвардии десятки инструкторов стрелкового дела, пулеметного, инженерного и связи. Только на Выборгской стороне к 20 сентября занятия велись на 25 заводах. Именно здесь удалось провести первую районную конференцию Красной гвардии. 7 октября конференция создала районный штаб. В районах вновь усилился приток рабочих в ряды красногвардейцев, всюду шло их усиленное обучение.

29 сентября прошли перевыборы членов Исполкома Петроградского Совета от солдатской секции. В ее президиуме большинство

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 340–341.

стало принадлежать блоку большевиков и левых эсеров. Среди них были большевики А. Д. Садовский, И. П. Павлуновский, К. А. Мехошин, левый эсер П. Е. Лазмир. Они способствовали организационному оформлению усилившегося большевистского влияния на солдатские массы петроградского гарнизона. 6 октября солдатская секция Совета провела заседание, на котором резко осудила планы Временного правительства эвакуироваться в Москву с одновременным выводом из Петрограда революционно настроенных войск. Они были расценены как контрреволюционный шаг.

Вопрос о выводе войск особенно волновал солдат. Позиция большевиков, решительно высказавшихся против этой меры, была близка солдатским сердцам. Руководители солдатской секции, большевики, в эти дни думали над воплощением ленинских указаний, сделанных им в письме к И. Т. Смилге, о создании военного комитета для учета своих войск и войск противника. Ленин советовал создать такой комитет тайно, из надежнейших военных. Однако обстановка в Петрограде, когда весь аппарат военного отдела Исполкома и солдатской секции фактически перешел в руки большевиков, давала возможность создать его открыто. Так, еще до принятия Центральным Комитетом специального решения об организации восстания большевики Петрограда, работавшие среди солдат и рабочих-красногвардейцев, изо всех сил трудились над политическим и организационным сплочением будущих вооруженных сил социалистической революции.

Предпарламент. В зале заседаний

Владимир Ильич в эти дни все еще находился в Выборге. Он нетерпеливо считал дни и часы в ожидании приезда за ним связного ЦК Эйно Рахья, с которым еще в конце сентября обговорил все подробности нелегального возвращения в столицу. Будучи извещен о том, что 7 октября в Петрограде откроется III общегородская конференция большевиков, а в Гельсингфорсе 8 октября намечено открыть съезд Советов Северной области, он пишет несколько писем этим органам, большевикам, участвующим в их работе. И вновь в этих письмах энергичный призыв к немедленной подготовке восстания, критика старых ошибок, требование немедленно вый-

ти из Предпарламента, не ждать созыва Второго Всероссийского съезда Советов. В тезисах для доклада на конференции Ленин требует от партии бойкота Предпарламента, отозвания из него большевиков, указывает, что задача успешного взятия власти Советами есть задача восстания. В пятом и шестом тезисах о лозунге „Вся власть Советам!“ Ленин пишет: „Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов, отказаться от

Они снимались на память всем отрядом, даже с детьми, зная, что завтра многие из них могут погибнуть за рабочее дело

Руководители петроградской Красной гвардии:
В. А. Трифонов, В. Ф. Малаховский, И. Н. Егоров (Кирилл Орлов)

предвзятой мысли непременно „дождаться” его, сосредоточить все силы на разъяснении массам неизбежности восстания и на подготовке его. Имея в руках оба столичных Совета и отказываясь от этой задачи, мирясь с созывом Учредительного собрания (*то есть* с подделкой Учредительного собрания) правительством Керенского, большевики свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга „власть Советам” и политически опозорили бы себя, как партию революционного пролетариата... Это особенно верно теперь, когда выборы в Москве дали 49 1/2 процентов голосов большевикам и когда за большевиками, при поддержке их левыми эсерами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство в стране”¹.

7 октября Ленин пишет письмо конференции, предлагает свой проект резолюции. В этом письме он последний раз призывает московских большевиков взять власть

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 343–344.

в руки Советов: „Надо обратиться к московским товарищам, убеждая их взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и Совет рабочих депутатов в Москве объявить Временным правительством в России для предложения тотчас мира и для спасения России от заговора. Вопрос о восстании в Москве пусть московские товарищи поставят на очередь”¹.

И только на следующий день, в воскресенье 8 октября, узнав, что съезд Советов Северной области переносится из Гельсингфорса в Петроград и откроется только 10 октября, Ленин, еще раз всесторонне взвешивая вопрос о месте начала восстания, не снимая вопрос о вооруженном восстании в Москве, делает шаг в пользу начала восстания в Петрограде, поскольку именно оно могло бы самым эффективным образом устранить от власти Временное правительство и проложить дорогу к миру. „Керенский и корниловцы сдадут Питер

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 348.

немцам, — предостерегает Владимир Ильич. — Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть *Советам обеих столиц*, эти Советы тотчас предложат мир всем народам и... сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров международного империализма”¹. Еще раз высказавшись против ожидания съезда Советов, требуя немедленного выступления Москвы, Гельсингфорса, Ревеля, Выборга, Кронштадта, Ленин подчеркивает:

„Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее”².

И сделав выбор в пользу Питера, Ленин пишет еще одну статью, скромно называя ее „Советы постороннего”. Это настоящая инструкция по проведению вооруженного восстания в Петрограде, настоящий план его, впервые высказанный Лениным в конце письма „Марксизм и восстание”, затем кратко повторенный в статье „Кризис назрел”. Вновь повторив и систематизировав указания классиков марксизма из работы „Революция и контрреволюция в Германии” относительно восстания как искусства, Ленин в итоге пишет:

„В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и из-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 389–390.

² Там же, с. 390.

внутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского* перевеса сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей „буржуазной гвардии“ (юнkerов), наших „вандейских войск“ (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких* угодно потерь были удержаны:

а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших „ударников“ и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, —

такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*¹.

Ленин и сам в сопровождении Эйно Рахья отправился в требовавший тройной смелости путь в Петроград. Поездка из Выборга в Райволу. Там пересадка на пригородный поезд, который вел машинист Гуго Ялава, перевозивший Пенина в Финляндию в конце июля. Опять переезд через границу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 383—384.

Окна квартиры Суханова-Флаксерман на набережной р. Карповки в Петрограде, где состоялось историческое заседание ЦК РСДРП (б) 10 октября 1917 г.

на паровозе. Наконец, выход на станции Удельная и посещение квартиры Эмиля Кальске.

Там, в комнате, где Ленин провел сутки перед отъездом в Финляндию, он узнал о позиции Зиновьева по вопросу о восстании. Зиновьев считает, что большевикам надо ожидать созыва Учредительного собрания, на котором они вместе с левыми эсерами составили бы сильную оппозицию. Ленин заявил, что будет критиковать эти взгляды на заседании Центрального Комитета, которое потребует созвать тотчас.

И вот поздно вечером 10 октября в конце набережной реки Карповки на Петроградской стороне в квартире левого меньшевика Н. Н. Суханова и его жены большевички Г. К. Флаксерман открылось заседание Центрального Комитета большевистской партии, на котором впервые после июльских дней присутствовал В. И. Ленин. На нем был седой парик и очки в металлической оправе, его не сразу узнали. А узнав, бурно радовались. Суханова не было дома, в эту ночь он дежурил в редакции газеты „Новая жизнь“. Хозяйка и ее младший брат, юнкер Юрий Флаксерман, наблюдали за двором и улицей. В небольшой комнате с завешенным окном, выходящим во двор, вокруг стола, накрытого для чая, сидели Ленин, Свердлов, Сталин, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Оппоков), Зиновьев, Каменев, Троцкий.

Я. М. Свердлов сделал три небольших доклада по текущим делам. Потом слово получил В. И. Ленин. До нас дошла лишь краткая секретарская запись содержания его доклада, всего на полтора страничках. Очевидцы же расска-

зывали, что доклад Ленина продолжался два часа и был одним из самых лучших по силе убеждения и доказательности, которые они слышали в 1917 г. Даже Троцкий примолк и на этом заседании не выступил со своей идеей ожидания съезда. Ленин подробно проанализировал политические события, доказывающие, что момент для восстания давно назрел и что даже создалась, по его мнению, угроза пропустить этот момент.

„Надо говорить о технической стороне, — требовал Владимир Ильич. — В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха.

Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу“¹.

В прениях первым взял слово Ломов, который рассказал о положении дел в Москве. Урицкий, несколько скептически оценивая состояние революционных сил, соглашался с тем, что надо решиться на определенные действия. Свердлов рассказал о том, что известно ему о положении дел по стране в целом. Владимир Ильич предложил принять резолюцию, признававшую, что восстание неизбежно и вполне назрело. ЦК предлагал всем организациям руководствоваться этим при решении всех практических вопросов². После принятия этой резолюции ввиду важности и ответственности момента по предложению Дзер-

жинского было создано Политическое бюро во главе с В. И. Лениным.

В ходе обсуждения все, кроме Каменева и Зиновьева, высказались за принятие этой резолюции. Решение о восстании было, таким образом, принято и становилось партийным законом. Радостные и окрыленные выходили около 7 часов утра из квартиры на Карповке члены Центрального Комитета. Ломов, а также присутствовавшая на заседании в качестве приглашенной В. Н. Яковлева готовились к немедленному отъезду в Москву, чтобы рассказать о решении ЦК московским большевикам. Члены ЦК разъехались по различным собраниям и конференциям, где должны были, не выражаясь прямо, дать понять участвующим в них большевикам, что час восстания близок.

Ленин в сопровождении Эйно Рахья поехал на приготовленную для него конспиративную квартиру М. В. Фофановой на Выборгской стороне на углу Сердобольской улицы и Лесного проспекта. И лишь Каменев и Зиновьев, разбитые в открытой схватке, замыслили теперь новый шаг. Они поехали на квартиру Кальске, где начали сочинять длинное письмо партийным организациям с протестом против принятого Центральным Комитетом решения, утверждая, что оно приведет восстание к поражению. Но эти попытки были обречены на провал. Подготовка к восстанию с каждым часом набирала все более быстрые темпы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 392.

² См. там же, с. 393.

Все ближе схватка,
скоро эти винтовки начнут
стрелять...

ПЕТРОГРАД ГОТОВИТСЯ

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ
ВСЕОБЩЕЕ ВООРУЖЕНІЕ НАРОДА
И РАБОЧИХЪ
ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

Письмо к членам партии большевиков

(1)

Молодцы! Я не могу еще вдумчиво написать ту же
свою газету в среду, 18. X. Когда мне передали по теле-
фону толковой речи вступлений Камюнева и Зюковлева
в Кедровской газете "Кольца Насра", то я оказался в
рубе Фруму. Но саматым оказался восторженным, и в во-
просе востановления сураем, чтобы государству это
многие членам партии и тем более вчерашним или к партией
утрали, но мажаро перед фактом такого кельека.
како Итрейкс-Френхерм это да предумыслили.

Эти сербские практические вопросы, эти отвлечен-
ные и видные люди, создавшие Итрейкс-Френхерм,
теперь опасаете это, вы итрейкс-Френхерм каде выки-
нуть вон Итрейкс-Френхерм, вы итрейкс-Френхерм
это да касаются, но за прошлых людей да заслы-
Итрейкс-Френхера.

Подумать только! В партийном кругу из-
внутри, кто партия с сербскими обещаниями вопросы о
возвращении. Ни об одном из них или тем более ни
одного из казачьих лиц никто из нас не слышал!
Менюзи, какатур, шофю скажу, судьба советов двоих
видных большевиков вступают против тов.
Итхера и, в то же время, против Ц. К. Это же гово-
рится прямо, и в этом вред для дела еще больше,
но какими словами еще опасаете.

Из тех же ялвских Камюнева и Зюковлева ясно
видно, что они пошли против Ц. К., но инак не за-
облечи берявлевско, но какое инакно посто-
ковские Ц. К. они оспорили, не скажано.

Почему?

Важное дело: потому, что они не кубиковат
Ц. К.

Что же от этого выводит?

По важнейшему вопросу, какому
эт кризисекаго дня 20 октября, двоих видных тов.
шеваков в Кедровской газете, и итрейкс
именно в такой газете, которая по дательству во-
просу идет от руки с буржуазией против рабочей
партии, в такой газете какадаво ка неосужден.
каваленное решение центра партии!

ПЕТРОГРАД ГОТОВИТСЯ

Решения ЦК большевистской партии от 10 октября дали мощный импульс военно-организационной и технической подготовке восстания в столице. 11 октября закончила свою работу III общегородская Петроградская конференция РСДРП (б). Почти 50-тысячный отряд большевиков Петрограда был главной опорой готовившегося восстания. Их посланцы приняли резолюцию о политическом положении, написанную В. И. Лениным, обсудили вопрос об ускорении организации Красной гвардии и одобрили резолюцию по этому вопросу. Петроградский Совет, центральная комендантура, Военная организация должны были ускорить подготовку создания Красной гвардии, завершение ее организационной структуры. 11 октября состоялось собрание фракции большевиков съезда Советов Северной области. Его участникам сообщили о содержании резолюции ЦК о восстании, рассказали об особом значении, которое может быть придано съезду. 12 и 13 октября съезд завершил свою работу, открыто выступив против Временного правительства и грозя ему скорым свержением.

Еще 9 октября на заседании Исполкома Петроградского Совета большевики предложили создать Комитет революционной обороны Петрограда из руководства солдатской секции, который бы вырвал дело защиты красной столицы из рук контрреволюционного штаба Петроградского округа, возглавил бы борьбу против внутренней контрреволюции. Большевики и эсеры в Исполкоме, пользуясь случайно образовавшимся на данном заседании большинством, помешали принять это предложение большевиков. Тогда, вечером того же дня большевики перенесли вопрос на общее собрание Совета. Пленум Совета одобрил создание комитета и поручил разработать положение о нем. 11 октября руководство военного отдела и солдатской секции разработало проект этого положения и передало его в Исполком. На следующий день Исполком утвердил его, изменив однако название. Новый орган борьбы с контрреволюцией стал называться Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевистско-эсеровские лидеры Дан и Гоц с беспокойством заявляли, что в лице ВРК создается штаб для захвата власти. Но это не смутило солдат. Они вполне разделяли мнение большевиков о том, что создание такого штаба — дело вполне своевременное. 13 октября солдатская секция Петроградского Совета без прений одобрила положение о ВРК и постановила передать вопрос для его окончательного решения на общее собрание Совета 16 октября. Создание ВРК позволило возложить именно на него техническое руководство подготовкой сил восстания и самим восстанием.

Уход большевиков из Предпарламента 7 октября, решения Петроградского Совета 9—13 октября, резкие антиправительственные выступления съезда Советов Северной области насторожили Временное правительство. 13—15 октября на своих заседаниях оно обсудило вопрос о борьбе с большевиками. Появился ряд обращений правительства и военных властей, утверждавших, что они контролируют положение в столице и раздавят любую попытку нарушения порядка в Петрограде. Буржуазная

и мелкобуржуазная пресса подхватила тему о предстоящем „выступлении большевиков“, сея панику среди населения. Всюду: в очередях, в трамваях, на импровизированных митингах, на улицах и во дворах, обыватели судачили о предстоящем выступлении, называли сроки, детали „планов“, богачи пугали друг друга неизбежными погромами и реквизициями.

А в Мариинском дворце, бывшей резиденции царского Государственного Совета, начал работу Временный Совет Российской республики — Предпарламент. Даже по расчетам Временного правительства, ему надлежало действовать всего 45 дней, до созыва Учредительного собрания. Но члены Предпарламента с комической важностью устраивались в Мариинском дворце „всерьез и надолго“. В качестве организационного статута ими был оставлен Наказ Государственной думы. Временный Совет считал себя ее преемником. Только что, в начале октября, Керенский демагогически объявил наконец об окончательном роспуске Думы и Государственного Совета, выполнив то, чего требовали от Временного правительства с первых дней марта 1917 г.

На трибуне Белого зала Мариинского дворца сменяли друг друга министры, лидеры партий меньшевиков и эсеров. Это был парад теней. О чем бы ни говорили ораторы, они как бы все время поглядывали на двери, туда, куда еще 7 октября удалились большевики. Отсутствие большевиков, самой влиятельной в те дни силы, делало весь Предпарламент мертворожденным. Он не мог выполнить главной своей цели: свя-

зать большевиков внешними условиями парламентаризма, хотя бы и кукольного, так, как не без успеха пытались меньшевики и эсеры связывать их на Демократическом совещании. Наоборот, участие меньшевиков и эсеров в Предпарламенте, отказ большевиков войти в него еще ярче показывали широким массам народа соглашательство мелкобуржуазных партий, правоту большевистской агитации, разоблачавшей меньшевиков и эсеров как пособников буржуазии.

В самом третьем коалиционном правительстве не было таких заметных фигур из буржуазных и мелкобуржуазных партий, как Миллюков или Гучков, Церетели или Чернов. Это были второстепенные функционеры, все назначение которых состояло в том, чтобы подчеркивать „необыкновенные способности“ министра-председателя, быть фоном для его индивидуальности, помогать ему в создании и укреплении режима личной власти. Точную и выразительную характеристику дал Керенскому Ленин — бонапартист! Он не терпел теперь никаких возражений и все с большей подозрительностью присматривался к военному министру Верховскому, который уже не раз в частном порядке намекал, что Россия не может больше воевать и нуждается в немедленном перемирии.

Военной охраной правительства ведал главнокомандующий войсками Петроградского округа полковник Г. П. Полковников. Керенский извлек его из 1-го Амурского полка 3-го конного корпуса, посланного Корниловым на Петроград. Увидев безнадежность положения корпуса, Полковников, как

и другие офицеры полка, заявил о верности Временному правительству. Носил он тогда еще чин подполковника. Керенскому показалось забавным такое сочетание: подполковник Полковников! И он дал-таки ему полковника и сделал командующим округом.

Однако по своим взглядам Полковников остался корниловцем. Он презирал штатское Временное правительство, которому вынужден был подчиняться. Давая заверения, что он контролирует положение в петроградском гарнизоне (а такие заявления были сделаны и публично 15 октября), Полковников на самом деле не имел представления о размахе растущего с каждым днем влияния большевиков и левых эсеров на гарнизон. Все же по требованию Временного правительства охрана Зимнего дворца была усилена. Со второй половины октября туда ежедневно наряжалось около 600 юнкеров военных училищ Петрограда и пригородов, броневик, в самом дворце имелись запасы вооружения и боеприпасов, продовольствия.

Именно на 9—10 тысяч юнкеров из школ прапорщиков, кавалерийских, пехотных, артиллерийских и инженерных училищ в первую очередь рассчитывала буржуазная власть в своем стремлении предотвратить или подавить попытку вооруженного выступления большевиков. Сюда она собиралась добавить 3—4 тысячи казаков из полков, размещенных в Петрограде. Контрреволюция рассчитывала также на специальные добровольческие формирования (ударники, 1-й Петроградский женский батальон, полк „увечных воинов“ и

некоторые другие), в которых было около 5—6 тысяч человек. Больше половины этих 15—20 тысяч человек находились в ближайших пригородах столицы, и для их переброски в Петроград требовались транспорт и несколько часов времени. Что же касается войск петроградского гарнизона, составлявшего внушительную силу (только в самом городе имелось около 150 тысяч солдат), то, как вскоре стало ясно, на них Временное правительство положиться никак не могло; солдаты высказывались за поддержку Петроградского Совета, а следовательно и большевиков.

В эти дни произошло то, что несомненно отразилось на вопросе о выборе Центральным Комитетом большевистской партии момента для выступления. 11 октября Каменев и Зиновьев подписали заявление о несогласии с решением ЦК о восстании и написали длинное письмо партийным организациям Петрограда и Москвы. Ленин, узнав об этом, вначале пытался разъяснить им их ошибки на частных встречах членов ЦК и партийного актива. Между 12 и 14 октября он проводит такие встречи на квартирах паровозного машиниста Гуго Ялавы и видного деятеля большевистской партии М. И. Калинина, в тот момент председателя управы Лесновско-Удельнинской районной думы. Так как встречи эти не дали результатов и Каменев и Зиновьев продолжали упорствовать, Ленин предложил решить вопрос на официальном заседании ЦК с приглашением партийного актива из работников Петербургского комитета, фракции Петроградского Совета, большевиков, руководивших работой Центрального Со-

вета фабрично-заводских комитетов. М. И. Калинин предложил провести это заседание в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы.

Перед этим заседанием, вечером 15 октября, состоялось заседание Петербургского комитета РСДРП (б). Оно рассмотрело как резолюцию ЦК РСДРП (б) о восстании от 10 октября, так и письмо Каменева и Зиновьева от 11 октября. Большинство высту-

павших одобряли резолюцию ЦК. Одновременно на заседании говорилось о создании Петроградским Советом Военно-революционного комитета и было высказано пожелание, чтобы большевики именно через этот орган руководили предстоящим выступлением.

Как только окончилось заседание, многие члены Петербургского комитета поспешили с Нарвской заставы на другую окраину

Здесь, в здании Лесновско-Удельнинской районной думы, где председателем был М. И. Калинин, состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП (б) с участием В. И. Ленина

Члены
Партийного центра
по руководству
восстанием
в Петрограде,
избранные
на заседании
ЦК РСДРП (б)
16 октября 1917 г.:
А. С. Бубнов,
Ф. Э. Дзержинский,
Я. М. Свердлов,
И. В. Сталин,
М. С. Урицкий

бо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой. Если в основу положить политический анализ революции, то совершенно ясным станет, что даже анархические выступления теперь подтверждают это”¹.

21 человек участвовал в прениях по ленинскому докладу, 13 — безоговорочно высказались за решительную поддержку резолюции о восстании. Кроме самого Ленина это были Я. М. Свердлов, Н. В. Крыленко (от Военной организации), С. Ф. Степанов (от петроградской окружной организации большевиков), В. В. Шмидт (Петроградский Совет профсоюзов), Н. А. Скрыпник (Центральный совет фабзавкомов), И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, Г. Я. Сокольников, А. А. Иоффе, члены ПК: И. А. Рахья, М. И. Лацис, М. И. Калинин, С. И. Скалов (большевистская фракция Петроградского Совета). В. П. Милютин, А. В. Шотман, Я. Г. Фенигштейн были настроены менее решительно. В. Володарский, выступавший от имени фракции Петроградского Совета, не считал, что момент для восстания уже наступил, и предлагал перенести этот вопрос на съезд Советов. Зиновьев требовал посоветоваться с большевиками, которые приедут на съезд Советов,

Петрограда, в Лесное. На Болотной улице в двухэтажной деревянной даче и состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП (б), закончившееся только утром 16 октября 1917 г.

После того, как все собрались, Ленин вышел из соседней комнаты и начал свой доклад. Он огласил резолюцию прошлого заседания ЦК, сказал, что она была принята большинством, при двух голосах против. И если Каменев и Зиновьев желают высказаться, то и сегодня будут развернуты прения. Вот протокольная запись выступления Ленина:

„Если бы партии меньшевиков и эсеров порвали с соглашательством, можно было бы предложить им компромисс. Это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут. С другой стороны, к этому периоду уже ясно определилось, что массы идут за нами. Это было еще до корниловщины. В доказательство приводит статистику выборов в Питере и в Москве. Корниловщина же еще решительнее толкнула массы к нам. Соотношение сил на Демократическом совещании. Положение ясное: ли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 394.

а в ближайшие пять дней никаких мер не принимать. И самым решительным противником восстания выступил Каменев.

Резолюция Зиновьева была отвергнута: за нее голосовало только шесть человек. За резолюцию В. И. Ленина голосовало 19 человек, против были только два и воздержались четыре человека. В ней говорилось:

„Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всеобщей и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы выступления“¹.

После окончания расширенного заседания ЦК провел свое заседание, на котором и избрал Партийный центр по руководству восстанием в составе: А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. Он должен был влиться в состав Военно-революционного комитета.

До съезда Советов оставалось всего четыре дня, и в каждый из них теперь мог прозвучать сигнал к восстанию. В районных Советах спешно формировались штабы по руководству Красной гвардией и воинскими частями. В них входили члены Петербургского и районных комитетов партии, представители районных комендатур и штабов Красной гвардии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 397.

Руководители Военной организации при ЦК РСДРП (б), члены бюро Петроградского Военно-революционного комитета: В. А. Антонов-Овсеенко, В. И. Невский, Н. И. Подвойский

Вечером 16 октября прошло общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем был окончательно одобрен состав Военно-революционного комитета, утверждено создание отдела Рабочей гвардии при Исполкоме.

18 октября впервые было проведено гарнизонное совещание из представителей частей петроградского гарнизона, созванное военным отделом Исполкома Петроградского Совета. Оно полностью одобрило создание ВРК и заявило, что солдаты по первому зову Петроградского Совета выступят на его защиту против контрреволюции. А Военно-революционный комитет выделил из своей среды бюро, которое провело 19 октября свое первое деловое совещание. Инициатива дальнейшего развития политических событий теперь прочно удерживалась большевиками.

Однако противники восстания не прекратили своих попыток помешать его началу. Еще утром 16 октября Каменев и Зиновьев

подписали совместное заявление в ЦК с требованием телеграфного созыва пленума Центрального Комитета, а Каменев подтвердил свой выход из ЦК РСДРП (б). Затем они встретились с представителями редакции полуменьшевицкой газеты „Новая жизнь“ и передали им текст своего заявления от 11 октября с протестом против подготовки восстания.

В утреннем номере „Новой жизни“ от 17 октября появилась статья „Марксистское отношение к восстанию“ левого меньшевика Базарова, где он упоминал о письме „двух видных большевиков“ и призывал руководство большевистской партии отказаться от планов вооруженного свержения правительства Керенского. А на следующий день „Новая жизнь“ напечатала интервью с Каменевым „о выступлении“, в котором он от своего имени и от имени Зиновьева прямо заявлял о несогласии с решением партии устроить „выступление“ до открытия съезда Советов.

Все это еще больше насторожило Временное правительство. 17 октября оно провело секретное заседание, где обсудило вопрос о большевистском выступлении. Было решено просить министра труда К. А. Гвоздева связаться с бюро ЦИК и отложить открытие Второго Всероссийского съезда Советов или попытаться вовсе отменить его. Бюро ЦИК под предлогом того, что делегатов еще съезжается мало, что представители фронтовых комитетов еще не доехали до Петрограда, перенесло открытие съезда с 20 на 25 октября. Это было прямым следствием информации Каменева и Зиновьева о том, что большевики назначили свое выступление перед открытием съезда Советов.

В. И. Ленин, узнав об этих событиях, назвал поступок Каменева и Зиновьева штрейкбрехерским и потребовал немедленно исключить обоих из партии. Одновременно, в связи с тем, что тайна принятого партийного решения была теперь разглашена, Ленин решает опубликовать написанное им „Письмо к товарищам“ с разоблачением несостоятельности взглядов Каменева и Зиновьева. Он требует, чтобы велась открытая агитация за восстание. 19, 20 и 21 октября его „Письмо к товарищам“ появляется на страницах центрального органа партии газеты „Рабочий путь“.

Каменев и Зиновьев испугались. Когда вечером 18 октября на общем собрании Петроградского Совета Троцкому был задан прямой вопрос, как он относится к слухам о выступлении, он вынужден был заявить, что большевики не назначали выступления, но, если противная сторона начнет поход против Петроградского Со-

вета, он ответит контрнаступлением. Каменев тут же сказал, что обеими руками подписывается под заявлением Троцкого. Ленин, возмущенный этим вилянием, назвал поступок Каменева „низкой уверткой“. Одновременно с публикацией ленинского письма в „Рабочем пути“ было помещено покаянное заявление Каменева и Зиновьева и написанное И. В. Сталиным примечание от редакции газеты, в котором указывалось, что, несмотря на различие деталей, Каменев и Зиновьев в главном остаются единомышленниками с большевиками. Вместе с тем ЦК наложил на них взыскание. Оно не было таким строгим, как того требовал В. И. Ленин. Каменев и Зиновьев были оставлены в партии, им лишь было запрещено делать от имени партии официальные заявления.

Однако, как указывал В. И. Ленин в своих письмах в ЦК РСДРП (б) 18 и 19 октября, практический вред восстанию нанесен большой и целесообразно было несколько отложить его начало, чтобы учесть последствия того, что противник теперь осведомлен о целях большевиков, так сказать, из первоисточников. Временное правительство со своей стороны объявило, что, по его данным, Ленин нелегально находится в Петрограде, и подтвердило еще раз необходимость его ареста в случае обнаружения.

Несмотря на громадный риск, Ленин вечером именно того дня, 20 октября, когда было опубликовано в газетах это объявление, встретился на конспиративной квартире с руководителями Военно-революционного комитета и Военной организации при ЦК РСДРП (б) Н. И. Подвойским,

В. И. Невским и В. А. Антоновым-Овсеенко. Он потребовал самой точной и неприкрашенной информации о состоянии революционных сил в Петрограде. Все представители Военки сходились на том, что, хотя силы в Петрограде в основном мобилизованы, было бы целесообразно несколько отложить день выступления. За это время еще раз все проверить, а главное — установить связи с окрестностями, с Финляндией, с большевиками Северного фронта. В соответствии с этим Ленин поручил Антонову-Овсеенко ехать на Северный фронт, а Невскому — в Финляндию.

20 и 21 октября активно действовало бюро ВРК. Была укреплена связь со всеми частями петроградского гарнизона. Проводились гарнизонные совещания. ВРК решил, что настал момент для установления решительного контроля над всем гарнизоном и над действиями штаба. Используя опыт апрельских и июльских событий, когда меньшевикам и эсерам удавалось вмешаться в солдатское движение путем назначения своих комиссаров, Военно-революционный комитет 21 октября сам назначил шесть первых своих комиссаров в воинские части. Тогда же комиссары ВРК отправились и в штаб округа к полковнику Полковникову, которому предъявили требование подчиниться контролю Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Полковников отказался. Тогда Военно-революционный комитет разослал телеграмму, призывавшую солдат повиноваться только его комиссарам и выполнять лишь те указания штаба округа, ко-

торые утверждены комиссарами ВРК. Полковников увидел, что просчитался, и после консультации с правительством пригласил делегацию ВРК на 23 октября для переговоров, чтобы выиграть время и собрать силы для удара. С каждым днем Временному правительству делать это становилось все труднее.

В воскресенье 22 октября большевики в Петрограде провели колоссальную политическую кампанию, которая убедительно показала всем, что симпатии рабочих, солдат, матросов, большинства бедных слоев населения столицы целиком и безраздельно находятся на стороне партии. В десятках городских концертных и театральных залов, в том числе в таких крупных, как Народный дом, в бывших офицерских собраниях, в заводских и полковых клубах был проведен День Петроградского Совета. Он был задуман как финансовая кампания: вход на все митинги был платным. Но в обстановке предгрозовых дней они превратились в ярчайшую политическую акцию доверия народа своим вождям, большевикам.

Коллонтай, Володарский, Урицкий, десятки других деятелей партии выступали на этих митингах и собраниях, некоторые по 4—5 раз за день. Всюду они разоблачали антинародную политику Керенского и его правительства, соглашателей, призывали быть готовым по первому зову Петроградского Совета подняться на борьбу за власть Советов.

— Клянетесь ли вы, — спрашивала Коллонтай у рабочих и солдат на одном из митингов, — клянетесь ли вы защитить свой Совет, если правительство будет угрожать ему разгоном и арестом?

— Клянемся!!! — отвечал трехтысячный хор голосов.

И так было на каждом митинге. День 22 октября стал и первым состязанием между Советом и Временным правительством. Союз казачьих войск назначил на этот день крестный ход к иконе Казанской божьей матери для освящения оружия. Появление 3 тысяч вооруженных казаков на улицах города в момент, когда сотни тысяч рабочих и солдат пойдут на свои митинги, могло вызвать кровавые столкновения, не говоря уже о преднамеренных провокациях контрреволюционных сил. Поэтому Петроградский Совет потребовал от военных властей отменить крестный ход казаков. И Временное правительство по докладу штаба отменило его. Это являлось убедительной политической победой революционных сил.

Само Временное правительство в эти дни было раздираемо глубокими противоречиями. Кризис буржуазной власти охватил всю страну. На фронте антивоенное движение достигло своего апогея. Сотни воинских частей требовали немедленного ухода в тыл, самовольно бросали окопы, отказывались получать теплую одежду, так как требовали заключения мира „до холодов“. Стране грозил голод. Ухудшился подвоз продовольствия и фуража в действующую армию. Кое-где оставался лишь однодневный или полудневный запас. В одних местах происходил падеж кавалерийских лошадей, в других начинали резать и артиллерийских. Транспорт замирал на глазах. Катастрофа невиданной силы надвигались на Россию. И Временное правительство Керенского лишь регистрировало эту хронику гибели, не в силах ни остановить

ее наступление, ни справиться с ней.

Нежелание Керенского сделать реальные шаги в пользу мира и передачи земли крестьянам даже в глазах его сторонников делало министра-председателя обреченным человеком. Множились планы его спасения и „спасения России“. Одна инициатива шла от американских союзников, от миссии Красного Креста во главе с американским банкиром У. Томпсоном и подполковником Р. Робинсом. Они предложили Керенскому украсть у большевиков (конечно, не для того, чтобы осуществить) лозунги власти Советов и передачи земли крестьянам, рекомендовали ему возглавить правительство, ответственное перед ЦИК первого созыва, и объявить о немедленной передаче помещичьей земли в руки крестьян. Американцы требовали от Керенского продолжать войну, держать русскую армию на фронте.

Но как раз это-то последнее и было всего более невыполнимым. Министр Верховский 21 октября на закрытом заседании комиссий Предпарламента — по иностранным делам и по обороне — сделал заявление о том, что Россия больше не может воевать, и потребовал от Временного правительства объяснить союзникам причины такого шага. Те, спасая свои займы и военные поставки, должны были, по мнению Верховского, позволить России выйти из войны. Лишь немедленное перемирие и демобилизация большей части

„III Интернационал и вооружение народа!“ — вот девиз Красной гвардии, готовящейся к бою за власть Советов

разложившейся армии спасет правительство и буржуазную власть в России. Получив передышку, Временное правительство вырвет один из козырей из рук большевиков, переформирует армию на добровольческой основе, справится с „анархией“ и тогда снова сможет вступить в войну на стороне Антанты. Против Верховского выступил другой министр — Терещенко. Когда спор был перенесен во Временное правительство, Керенский присоединился к Терещенко. Верховский получил „отпуск по болезни“ и 22 октября отплыл из Петрограда в Валаамский монастырь молиться за спасение России. Керенский и Терещенко до последней минуты существования Временного правительства удерживали Россию в сетях политической и экономической зависимости от Антанты, сохраняли верность союзникам, бились за свою долю империалистической добычи.

Наконец соглашательские верхи, лидеры меньшевиков и эсеров, раньше безоговорочно поддерживавшие Керенского, теперь метнулись было на сторону Верховского. А когда он был уволен, предъявили Керенскому требование: немедленно сделать демонстративные шаги в пользу заключения мира и обеспечения интересов крестьян в получении ими помещичьей земли. Только это могло, по их мнению, выбить почву из-под ног большевиков, лишить их народной поддержки и спасти буржуазную власть в России. Керенский отказывался. Тогда они намекнули ему, что могут обойтись и без него, выдвинув идею образования вместо коалиции „однородного социалистического правительства“ от народных социалис-

тов до большевиков. Это было последнее слово соглашателей в их борьбе за недопущение к власти большевистской партии, против передачи власти Советам сверху донизу. Лозунг этот не успел пройти „обкатку“: так коротки были часы, оставшиеся до Октябрьского вооруженного восстания. Но о нем соглашатели вспомнили сразу же, как только победа восстания стала фактом...

Ленин, все еще скрывавшийся на последней конспиративной квартире, тотчас уловил эти колебания политических противников, изменение политической обстановки в пользу большевиков. В письме Я. М. Свердлову он написал: „Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступать из всех сил и мы победим вполне в несколько дней!“¹

23 октября стало днем проверки революционных сил готовившегося восстания. Закончилась общегородская конференция Красной гвардии, открывшаяся накануне. На ней было представлено 20 тысяч организованных красногвардейцев, которые уже прошли основы военной и строевой подготовки. Состоялось очередное гарнизонное совещание, на котором представители большинства воинских частей еще раз заявили о своей полной поддержке Петроградского Совета. А в Актовом зале Смольного шло общее собрание Совета, на котором с первым отчетом выступил представитель бюро ВРК В. А. Антонов-Овсеенко. Он рассказал о назначении комиссаров более чем в 50 воинских частей, на крейсер „Аврора“, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

предотвратило увод корабля из Петрограда под видом начала ходовых испытаний.

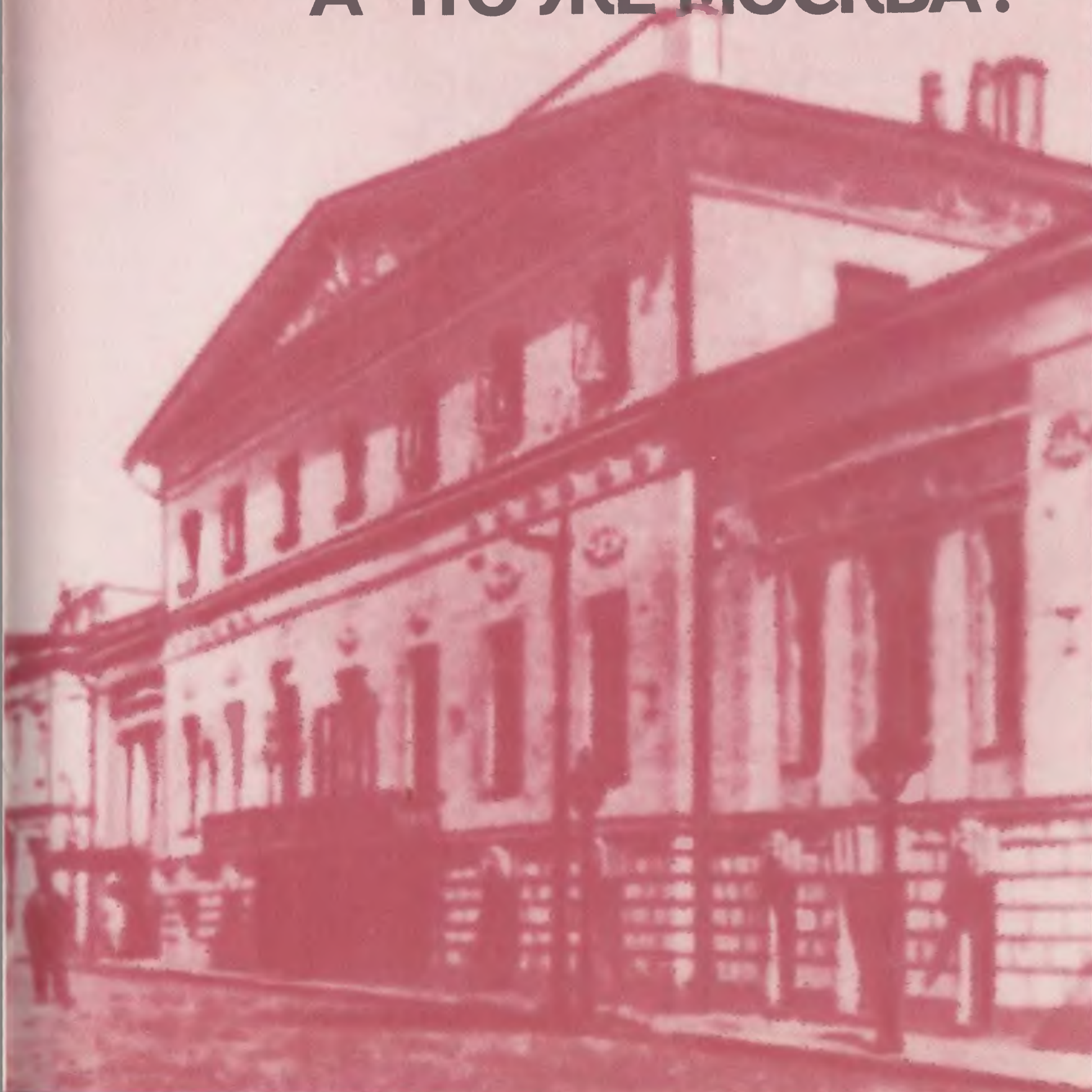
Представители самокатных батальонов, вызванных Временным правительством для усиления своей охраны, остановились на станции Передольская и послали представителей в ВРК. Узнав о том, что их могли использовать против ВРК, они заявили о поддержке Петроградского Совета. Революционные силы заканчивали день 23 октября в полном сознании своей мощи.

Вместе с тем сигнал восстания так и не прозвучал еще в этот день. В момент, когда сроки неизбежного восстания и открытия Второго Всероссийского съезда Советов вновь опасно сблизились, Троцкий стал настаивать на том, чтобы не начинать восстания накануне съезда Советов. Мотив охраны съезда как главной задачи ВРК прозвучал и в выступлении Антонова-Овсеенко.

Керенский со своей стороны усилил нажим на Петроградский Совет. Полковников по его приказанию послал в Смольный своих представителей, предложивших легализовать комиссаров ВРК приказом по округу, если ВРК отменит свою телеграмму о контроле над действиями штаба. Штаб соглашался в будущем на создание специальной комиссии из представителей Совета при штабе. Около полуночи ВРК под давлением Троцкого, считавшего, что надо тянуть время, послал в штаб согласие на ведение переговоров.

Градоначалство — один из опорных пунктов контрреволюции в Москве. В Октябрьские дни „двинцы“ будут в числе отрядов, штурмующих это здание.

А ЧТО ЖЕ МОСКВА?

П Р О Т О К О Л Ъ
ЗАСЕДАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПРИ МОСКОВСКОЙ МАСТЕРСКОЙ ТЯЖЕЛОЙ И
ОСАДНОЙ АРТИЛЛЕРИИ ПО ВЫБОРАМЪ ГЛАСНЫХЪ 10-й МОСКОВСКОЙ РАЙОННОЙ ДУМЫ
отъ 25-го сентября 1917 г. по избирательному участку № 135.

Заседание открылъ Председатель Избирательной Комиссии Василія Алексан-
 ровичъ Галкинъ въ 9 час. утра въ присутствіи членовъ комиссiи Григорія
 лексеевича Семенова, Федора Васильевича Фирсова, Николая Артемьевича
 арайченцева, представителя отъ Московскаго Совета Солдатскихъ Депутатовъ
 секретаря Хорькова Василія Ивановича.

Убедившись въ целостности печатей на избирательномъ ящике, и вскрывъ
 таковой комиссiя приступила къ подсчету голосовъ, при чемъ въ урне ока-
 залось 2342 конверта, изъ которыхъ при вскрытіи оказалось:

пустыхъ	5.
негодныхъ записокъ, приложен. къ протоколу	2.
съ двумя вложенными записками	1.
т.е. всего голосовъ оказалось	2334. они
распределились:	
№ 1	2
№ 2	1
№ 3	35
№ 4	5
№ 5	2286
№ 8	1
№ 10	4.

Въ 5 часовъ вечера Председатель заседание закрылъ.

Председатель Комиссiи *В. Галкинъ*

Ч л е н ы *Г. Семеновъ*
Ф. Фирсовъ
Н. Артемьевъ
А. Хорьковъ

А ЧТО ЖЕ МОСКВА?

Пасмурный, дождливый октябрь вступал в свои права. Затянут тучами был и политический горизонт. Страна жила в ожидании. Всем и каждому было ясно, что близко решающее столкновение сил революции и контрреволюции. Они, эти силы, двигались навстречу друг другу, с исторической неумолимостью приближая день развязки.

Одна за другой накатывались волны пролетарских стачек, потрясая своей мощью и размахом устои буржуазного строя. По стране полыхало крестьянское восстание. Солдатские массы на фронте и в тылу все настойчивее требовали мира. Власти были бессильны противостоять могучему всенародному революционному напору. Все объективные условия успешного всероссийского восстания против правительства Керенского складывались благоприятно. Но успех его в огромной степени зависел от выступления в двух главнейших всероссийских центрах — в Петрограде и в Москве. Вот почему усилия большевиков в подготовке восстания прежде всего направлялись именно сюда.

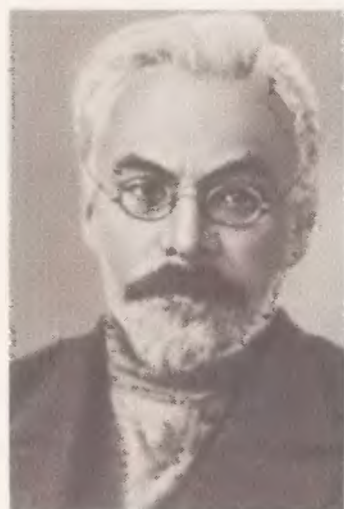
В один из октябрьских вечеров группа руководителей московских большевиков собралась на частной квартире в Мертвом переулке. На дверях медная досочка: „Врач В. А. Обух“. До революции мало кто знал, что скромный ординатор 1-й Градской больницы Владимир Александрович Обух был одним из старейших деятелей партии, вошедших в движение в 90-х годах прошлого века как член „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“. Его квартира еще в декабрьские дни 1905 г. и после поражения первой русской революции была конспиративной большевистской явкой, откуда тянулись нити ко многим организациям и работникам партии.

Вот и теперь эта квартира понадобилась для важного совещания. Пришли члены Московского областного бюро РСДРП (б) Георгий Ипполитович Ломов и Варвара Николаевна Яковлева, члены Московского комитета партии Иосиф Аронович Пятницкий, Василий Матвеевич Лихачев, Петр Гермогенович Смидович, Емельян Михайлович Ярославский — всего человек 12.

В Москву было доставлено письмо Владимира Ильича Ленина, адресованное Центральному Комитету партии, питерским и московским большевикам. В нем уже не в первый раз ставился вопрос о возможности „начать“ в Москве. Это и было предметом оживленного обсуждения.

Никто из присутствовавших не сомневался в том, что свалить власть буржуазии в сложившейся обстановке возможно только путем восстания. Никто не сомневался и в том, что день решающей схватки близится. Но кто „начнет“, кто подаст пример — Питер или Москва? Здесь мнения разделились.

— Конечно, рабочее население нас поддерживает, выборы в районные думы это показали с несомненностью, — говорил Пятницкий. — Но сил у нас все же мало. Рабочие вооружены плохо. В солдатском Совете по-прежнему правяют эсеры, а сама солдатская масса почти безоружна — ведь командование округом не дает солдатам винтовок. Нет, взять на себя почин восстания мы не можем. Пусть Питер начнет, а мы его, разумеется, поддержим!

Группа руководителей московских большевиков:
В. А. Обух, Г. И. Ломов (Оппоков), В. Н. Яковлева,
П. Г. Смидович, Е. М. Ярославский, И. А. Пятницкий

— Все это так, — отвечал ему Ломов, — но учтите, что московское военное командование расхлябанно, гарнизон ему фактически не подчиняется. Если мы создадим крепкий, пусть даже небольшой боевой кулак, вполне можно рассчитывать на успех!

Разошлись поздно ночью, не приняв определенного решения, но с убеждением, что начинать восстание все же надо в Петрограде при безусловной поддержке Москвы.

Несколько дней спустя два члена Областного бюро — Ломов и Яковлева — выехали в столицу для участия в заседании ЦК партии 10 октября. Следом за ними выехал и Пятницкий. На заседание ЦК он опоздал, но смог повидаться с Лениным на его конспиративной квартире.

Владимир Ильич подробно спрашивал о положении дел в Москве, о соотношении сил в Советах настроениях рабочих и солдат, о возможности выступления...

— Владимир Ильич, — ответил Пятницкий, — Москва начать выступление не может, но поддержит его, как только оно начнется!

Ленин, разговаривая с Пятницким, больше к вопросу о том, чтобы „начать“ в Москве, не возвращался. Очевидно, для него уже было ясно, что застрельщиком всероссийского восстания должна быть столица. Обстановка в Петрограде складывалась благоприятно именно для такого решения. Да и само присутствие вождя в Петрограде во много раз повышало вероятность успеха всего дела.

Много лет спустя Пятницкий вспоминал: „С решением Центрального Комитета партии о вооруженном восстании все споры о том, может ли Москва начать восстание или нет, своевременно оно или нет, прекратились...“

14 октября Яковлева докладывала Московскому областному бюро о решении Центрального Комитета. Без прений все члены бюро присоединились к ленинской резолюции 10 октября. Практических же предложений было много:

— Необходимо связать выступления на местах с выступлением в центрах. Открытое столкновение с властями допустимо лишь в условиях и интересах общего выступления.

— Разослать инструкторов по местам, чтобы выяснить, на помощь каких сил может рассчитывать Москва.

— Заготовить условные телеграммы, которые послужат местам сигналом к выступлению.

— Особое внимание обратить на собиранье сил и военно-техническую подготовку восстания.

— Создать партийный боевой центр из представителей Областно-

РАБОТНИЦЫ И СОЛДАТКИ

Ваши мужья, братья и отцы умирают на фронтъ за
интересы капиталистов.

ПАРТІЯ

№ 5 **соціал-демократов**
БОЛЬШЕВИКОВ № 5

БОРЕТСЯ

ПРОТИВ ГРАБИТЕЛЬСКОЙ ВОЙНЫ
ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ДЛЯ СОЛДАТ.

Только эта партія борется и требует

МИРА ХЛѢБА И СВОБОДЫ.

на выборах гласных в районныя думы 24 сентября голосуй-
те за № 5

„Работницы и солдатки. Голосуйте за список № 5!“.
Листовка с призывом на выборах в районные думы 24 сентября 1917 г.
отдать голоса за большевиков

есть акт насилия Временного правительства, исполняющего волю буржуазии, над левым течением социал-демократии, стоящим всегда на точке зрения защиты интересов рабочего класса, 2) что голодовка в тюрьме товарищей большевиков есть акт вынужденного протеста против заточения в тюрьме без предъявления какого-либо обвинения, 3) что такое заточение без предъявления обвинения есть прямое и наглое издевательство над рабочим классом и его авангардом, революционной социал-демократией, и показывает, что политическая свобода в России

есть пустой звук, — комитет Золоторожского парка, считая это заточение одним из актов борьбы буржуазии и ее лакеев против рабочего класса, протестует против заточения товарищей большевиков и категорическим образом требует их немедленного освобождения“.

Большевистский „Социал-демократ“ и другие газеты в те дни опубликовали многие десятки подобных резолюций и требований. И власти уступили. Командующий военным округом вынужден был отдать приказ об освобождении „двинцев“.

Измученных и обессиленных голодовкой солдат разместили в Савеловском и Озерковском госпиталях в Бутырском и Замоскворецком районах. Казалось, можно было бы и отдохнуть, но время не ждало. Уже через несколько дней после освобождения „двинцы“ включились в боевую работу. Бывалые фронтовики становились инструкторами рабочих отрядов, выступали на митингах и собраниях. Гвардия революции, как называли „двинцев“, готовилась к бою...

Стачка — это испытанное в многолетней борьбе пролетарское оружие — осенью 1917 г. стала одной из важных форм мобилизации рабочего класса. Экономическая борьба с предпринимателями, не затухавшая ни на один день, все более приобретала политическую окраску. Рабочие теперь ясно видели, что выступлениями с требованием частичных экономических уступок они не добьются улучшения своего положения, не приостановят хозяйственной разрухи и контрреволюционного саботажа капиталистов. Все экономические проблемы теперь прямо упирались в вопрос о власти. В центре стачечной борьбы в Москве осенью 1917 г. оказались металлисты и кожевники.

Стачка кожевников на экономической почве началась еще в августе. В октябре она продолжалась с неослабевающей силой и приняла всеобщий характер, охватив более 100 тысяч рабочих Москвы и ее окрестностей. Они требовали повышения тарифных ставок, установления минимума зарплаты, ежегодных двухнедельных отпусков, увольнения рабочих администрацией только с согласия фабрикантов.

Кожевники держались стойко. На отказ предпринимателей от уступок они ответили постановлением:

— Продолжать забастовку до победы.

— Не вступать в переговоры с обществом фабрикантов и заводчиков, пока оно не выскажет своего определенного согласия удовлетворить требования рабочих.

Но это было далеко не все и не самое главное.

Рабочие заявляли:

— Мы требуем:

передачи всей власти в руки Советов;

немедленного секвестра предприятий, где не состоялось соглашения рабочих с предпринимателями;

установления судебной ответственности за неправильное и вопреки интересам страны ведение своих предприятий.

Сплоченно и решительно выступили московские металлисты. 15 октября общегородское делегатское собрание единодушно приняло резолюцию: „На фоне общей экономической разрухи и финансового кризиса, следствием которого является непрерывное падение реальной заработной платы, перед пролетариатом, как классом, война и революция выдвинули великую задачу: охранить и организовать производительные силы страны от той катастрофы, к которой сознательно ведут страну капиталисты... Частные профессиональные вопросы, как то: повышение заработной платы, тарифный договор и т.п., являются лишь паллиативами и не могут в полной мере избавить рабочих от всех ужасов дороговизны и голода, неразрешимых вне общего

регулирования всей хозяйственной жизни страны.

Промышленный капитал, организованный в мощный синдикат, ставит себе целью путем дезорганизации производства и вызываемой этим безработицей смирить рабочий класс и вместе с тем подавить революцию, провоцирует рабочих на частичные забастовки, подрывающие и без того расстроенное производство.

Все это, вместе взятое, ставит перед пролетариатом следующие задачи — путем организованного выступления через Советы захват власти совместно с беднейшими слоями деревни и немедленная творческая работа над организацией производства и распределением продуктов”.

В тот же день на общегородской митинг собрались московские пролетарки. „Мы, женщины-работницы, — говорилось в принятой ими резолюции, — считаем, что только власть в лице Советов может вывести страну из ужасного положения, заключив демократический мир, и тем самым спасти революцию, и потому требуем, чтобы Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно приступили к выполнению своего долга перед революцией: взяли всю власть в свои руки”.

Это был голос масс, голос трудового люда, осознавшего свою историческую ответственность за судьбу родины. Рабочие заявляли о своей готовности взять власть, выволить Россию из ужасов мировой войны и не отдать ее на поток и разграбление капиталистам.

Московский пролетариат шел к решающим дням, сплотившись вокруг большевистской партии, с большевистской программой, под большевистскими лозунгами...

19 октября вопрос об экономическом положении и о борьбе рабочих обсуждался на пленуме Московских Советов рабочих и солдатских депутатов.

Большевистская фракция, опираясь на волю масс, предложила декретировать меры, направленные против антинародных действий капиталистов, ведущих хозяйство к полному развалу. Предложения эти были встречены в штыки меньшевиками и эсерами.

— Что вы делаете? — кричали они, — ведь ваши проекты сводятся к захвату власти в Москве! Как иначе назвать аресты капиталистов в случае их сопротивления требованиям рабочих, аресты, производимые Советом, при наличии суда и прокуратуры? Это незаконие!!

Но тщетно. В принятой большинством резолюции говорилось: „Московские Советы рабочих и солдатских депутатов

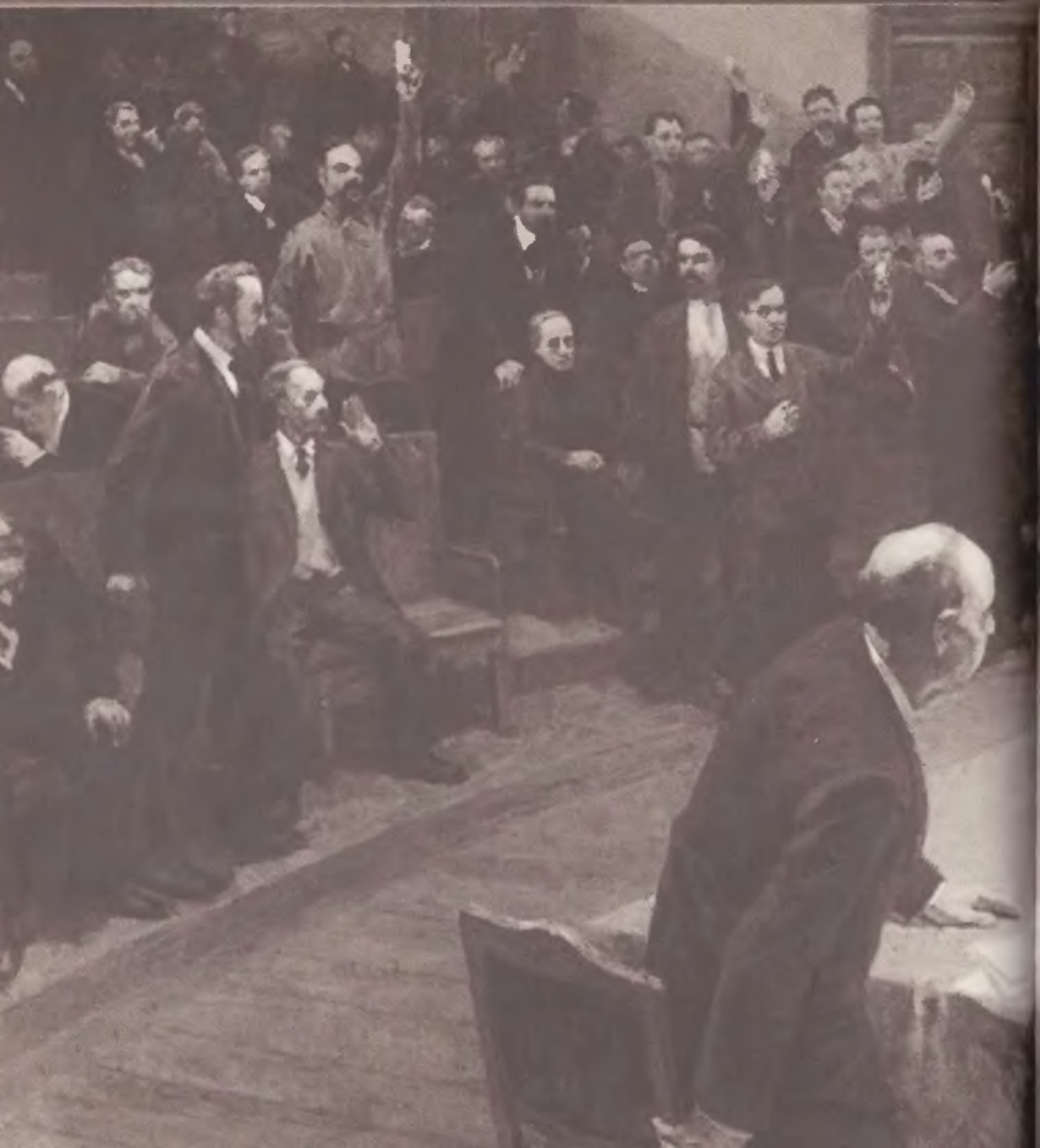
1) Декретируют по соглашению с Центральным бюро профессиональных союзов удовлетворение требований рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка;

2) Приглашают под руководством профессиональных союзов явочным порядком осуществлять постановления декретов Советов на заводах и фабриках;

3) Ставят капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, перед угрозой немедленного ареста их Советами;

4) Одновременно выпускают декрет о моратории на квартирную плату;

Заседание Московского Совета рабочих депутатов. Сентябрь 1917 г. С картины худ. М. Ф. Никонова

5) Принимают самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии”.

Растерявшиеся соглашатели уже после голосования пытались снова „уговаривать” депутатов и хоть как-нибудь скомпрометировать принятую резолюцию.

— Ваше решение есть фактический захват власти в наиболее неразумной форме и фактически изолирует рабочий класс, — взывал меньшевик Кибрик. — Наша фракция употребит все усилия, чтобы ослабить губительные последствия большевистских действий!

— Эсеры слагают с себя всякую ответственность за могущие произойти тяжелые последствия ваших шагов, — вторил ему Черепанов.

На злобные нападки соглашателей с достоинством ответил большевик, член президиума Совета рабочих депутатов Варлаам Александрович Аванесов:

— Сегодня собрание своим голосованием сказала, что огромное большинство, посланное сюда как от рабочей массы, так и от солдатской, стоит на той точке зрения, что сейчас необходимо принять те мероприятия, которые мы предложили, и если товарищи справа перекладывают ответственность на нас, большевиков, мы заявляем, что этой ответственности не боимся и берем ее на себя!

Я от нашей фракции заявляю, что мы будем нести ту работу, которую поручило нам большинство Советов рабочих и солдатских депутатов. Мы призываем всю массу, чтобы она поддержала нас в нашей борьбе, и будем опираться только на эту массу. На солдатскую массу, которая своим голосованием показала, что идет с нами, а также на рабочих, которые идут и будут идти только с нами!

Решение Советов, опубликованное в газетах под названием Декрет № 1, вызвало настоящую панику в правящих „верхах”. В Ставку полетела телеграмма от командования военным округом: „Принятие большевистским Советом резолюции о немедленном захвате заводов и ожидаемому по этому поводу декрету ставит вопрос выступления большевиков и захват государственных и общественных учреждений в Москве на реальную почву в ближайшие дни, может быть, сегодня”.

На телеграмме начальник штаба „верховного” наложил резолюцию: „Необходимо подготовить к отправлению если не дивизию, то бригаду с конной артиллерией”. Соответствующее распоряжение было отдано командованию Юго-западного фронта.

19 октября контрреволюция, стремясь перехватить инициативу, предприняла „разведку боем” и нанесла свой первый удар в Калуге. В этот день здание Калужского Совета окружил казачий каратель-

ный отряд. Раздались винтовочные выстрелы, застрекотали пулеметы. Казаки ворвались в помещение и учинили там полный разгром.

„Война объявлена! В Калуге разогнаны Советы, члены их арестованы, некоторые по слухам, расстреляны, — писал „Социал-демократ”. — Дело ясно: правительство объявило гражданскую войну и уже одержало первую победу в Калуге. То, что мы предсказывали, — свершилось: уже не Корнилов, а сам Керенский во главе негодяев капиталистов открыто идет против народа...

Необходим немедленный отпор! Время разговоров прошло”.

24 октября Московские Советы рабочих и солдатских депутатов опубликовали обращение „Ко всему трудящемуся населению”. В нем говорилось: „Натиск со стороны врагов громаден. Вооруженные и невооруженные корниловцы наступают со всех сторон. Будем готовы, товарищи, ответить на их атаку дружной и стройной контратакой по всему фронту”.

В тот же день командующий Московским военным округом издал приказ, угрожая беспощадно подавить любую попытку выступления в Москве.

Да, время разговоров прошло. Со скоростью курьерского поезда приближалась битва, в которой должны были определиться грядущие исторические судьбы России. Шел последний день перед восстанием в Москве, а в Петрограде уже началось...

„Твердыня власти роковой” — Петропавловская крепость с ее батареей, арсеналом и многотысячным гарнизоном 23 октября 1917 г. перешла на сторону Петроградского Совета

КЕРЕНСКИЙ ПЫТАЕТСЯ ПЕРЕХВАТИТЬ ИНИЦИАТИВУ

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Солдаты! Рабочіе! Граждане!

Враги народа перешли ночью въ наступленіе. Штабные корнилоуцы пытаются стинуть изъ окрестностей юнкеровъ и ударные батальоны. Ораніенбаумскіе юнкера и ударники въ Царскомъ селѣ отказались выступить. Замышляется предательскій ударъ противъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Газеты «Рабочій путь» и «Солдаты» закрыты, типографіи опечатаны. Походъ контръ-революціонныхъ заговорщиковъ направленъ *противъ Всероссийскаго съѣзда Советовъ* наканунѣ его открытія, *противъ Учредительнаго Собранія, противъ народа.* Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ стоитъ на защитѣ революціи. Военно-Революціонный Комитетъ руководить отпоромъ натиску заговорщиковъ. Весь гарнизонъ и весь пролетаріатъ Петрограда готовы нанести врагамъ народа сокрушительный ударъ.

Военно-Революціонный Комитетъ постановляетъ:

1) Всѣ полковые, ротные и командные комитеты, имѣющіе съ комиссарами Совѣта, всѣ революціонныя организаціи должны *засѣдать непрерывно*, сосредоточивая въ своихъ ру-

кахъ всѣ свѣдѣнія о планахъ и дѣйствіяхъ заговорщиковъ.

2) Ни одинъ солдатъ не долженъ отлучаться безъ разрѣшенія комитета изъ своей части.

3) Немедленно прислать въ Смольный институтъ по два представителя отъ каждой части и по пяти отъ каждаго районнаго Совѣта.

4) Обо всѣхъ дѣйствіяхъ заговорщиковъ сообщать немедленно въ Смольный институтъ.

5) Всѣ члены Петроградскаго Совѣта и всѣ делегаты на Всероссийскій съѣздъ Советовъ приглашаются немедленно въ Смольный институтъ на экстренное засѣданіе.

Контръ-революція подняла свою преступную голову.

Вѣрять завоеваніямъ и надеждамъ солдатъ, рабочихъ и крестьянъ грозитъ великая опасность. Но силы революціи неизмѣримо превъзшаютъ силы ея враговъ.

Дѣло народа въ твердыхъ рукахъ. Заговорщики будутъ сокрушены.

Никакихъ колебаній и сомнѣній. Твердость, стойкость, выдержка, рѣшительность.

Да здравствуетъ революція!

Военно-Революціонный Комитетъ.

24 октября 1917 г.

КЕРЕНСКИЙ ПЫТАЕТСЯ ПЕРЕХВАТИТЬ ИНИЦИАТИВУ

„Военно-революционный комитет согласен на переговоры?! Значит, большевики колеблются, значит, у них еще не все готово“ — так рассуждал Керенский. И решил воспользоваться короткой передышкой, чтобы самому перейти в наступление. Он тут же позвонил Полковникову и потребовал немедленно стянуть в Петроград все надежные войска. В соответствии с этим штаб в 1 час 55 минут ночи на 24 октября вызвал из Царского Села полк „увечных воинов“, в 3 часа 15 минут — 1-ю роту 2-й Петергофской школы прапорщиков, а в 4 часа 30 минут — батарею гвардейской конной артиллерии из Павловска. Одновременно с этими телеграфными распоряжениями по телефону был вызван 1-й Петроградский женский батальон из Левашова.

В Малахитовом зале Керенский срочно созвал министров, которые дремали по разным комнатам. Он предложил издать постановление о привлечении к суду членов Военно-революционного комитета за издание телефонограммы от 22 октября о неподчинении штабу округа, снова взять под стражу тех большевиков —

участников событий 3–5 июля, которые были освобождены под залог в сентябре. А главное — закрыть большевистские газеты „Рабочий путь“ и „Солдат“. Для придания видимости „объективности“ этой последней мере закрывались и две черносотенные бульварные газетки — „Новая Русь“ и „Живое слово“. Лишь последняя мера не встретила возражения. Что касается арестов, то министры высказывали опасения, как бы они не вызвали вооруженных протестов и не спровоцировали начало выступления. На это Керенский отвечал, что он именно этого и желает, что сил у Временного правительства достаточно, чтобы разгромить любое уличное выступление. В итоге, одоблив в принципе аресты членов ВРК, правительство все же воздержалось от рекомендации немедленно привести их в действие.

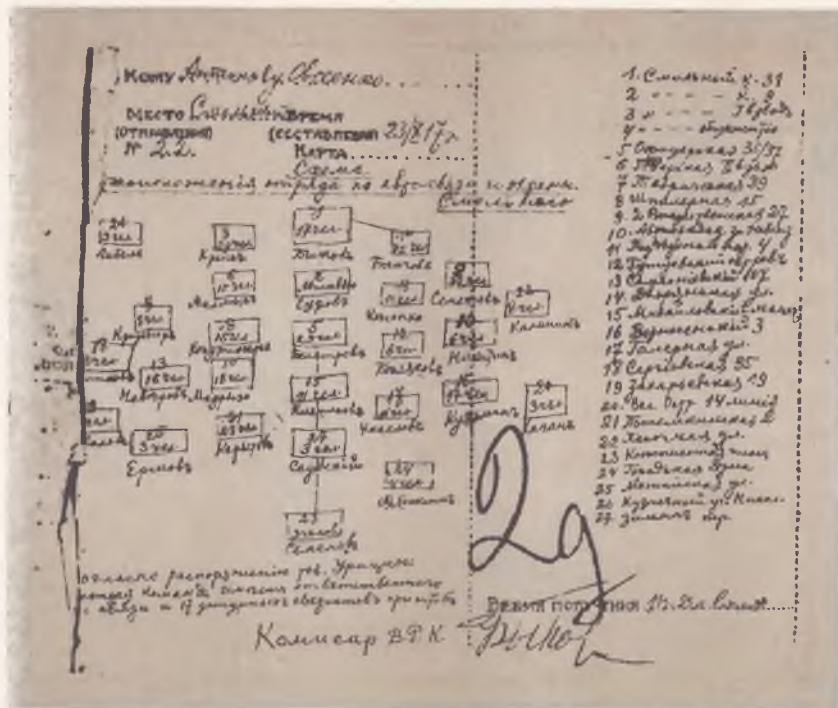
...Наступало утро 24 октября, но за окнами было еще темно. Оставалось еще три часа до рассвета, когда в 5 часов 30 минут утра в типографию большевистского центрального органа газеты „Рабочий путь“ на Кавалергардской улице, 40, явился комиссар

милиции местного 3-го Рождественского подрайона в сопровождении отряда милиционеров и юнкеров 2-й Ораниенбаумской школы прапорщиков. Оцепив все выходы, комиссар предъявил выпускающему приказ Полковникова о немедленном закрытии газет „Рабочий путь“ и „Солдат“. Выпускающий Н. Гальперин отказался его принять и заявил, что не исполняет никаких приказов без санкции Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

Тогда комиссар приказал юнкерам и милиционерам выполнять распоряжение. Были разбиты стереотипы, конфисковано 8 тысяч уже отпечатанных экземпляров газеты, типография опечатана и около нее оставлен пост милиции. Так Временное правительство само взяло на себя инициативу нападения, что в сложившейся обстановке означало развязывание гражданской войны.

О случившемся немедленно было сообщено в Смольный. Причем выяснилось, что большинство телефонов, кроме установленных в последние дни, в Смольном не действуют! Правительство отдало

Донесение в Петроградский Военно-революционный комитет об организации службы связи и автотранспорта. 23 октября 1917 г.

соответствующее распоряжение на Центральную телефонную станцию. Хорошо, что уже три дня была налажена и отлично действовала система живой связи между ВРК, полками и предприятиями. С каждым новым донесением Военно-революционному комитету становилось яснее, что обстановка изменилась и правительство перешло от тактики ожидания и переговоров к наступлению на революционные силы.

К восьми утра в Смольном собралось уже 11 членов Центрального Комитета партии и было решено провести официальное засе-

дание ЦК. Первым приняли решение о том, что ни один член ЦК не имеет права покидать Смольный в течение всего дня без специального разрешения. Петербургский комитет должен был организовать в Смольном круглосуточное дежурство. Члены ЦК заслушали информацию о переговорах ВРК со штабом округа, которые теперь были прерваны. Важное решение было принято относительно судьбы большевистских газет: „Немедленно же отправить в типографию охрану и озаботиться своевременным выходом очередного № газеты“.

Но решение о переходе в наступление на правительство всеми имеющимися средствами все еще не было принято. Наоборот, присутствовавшие на заседании Каменев и Троцкий всячески пытались удержать меры отпора натиску правительства в „легальных рамках“. Так, Каменев считал необходимым при разрыве с ЦИК использовать ссылку на переговоры 23 октября, которые „теперь нарушены закрытием „Рабочего пути“. Троцкий также предлагал пойти на первое же заседание ЦИК и там заявить, что его полномочия истекли и он своими действиями порывает с революционной демократией. Центральный Комитет поручил Каменеву и Берзину провести переговоры с левыми эсерами и установить с ними контакт.

Для усиления связей партии с железнодорожниками в их организацию был делегирован А. С. Бубнов. Ф. Э. Дзержинский должен был наладить связь с почтово-телеграфными служащими, В. П. Милютину поручалось организовать продовольственное дело.

Опасаясь налета правительственных войск на Смольный — а только так правительство могло выполнить свое решение об аресте членов ВРК, — ЦК постановил организовать запасной штаб в Петропавловской крепости. Все члены ЦК снабжались пропусками в крепость. Там был создан пункт политического наблюдения за событиями. Связь с крепостью должен был поддерживать Я. М. Свердлов.

После окончания заседания ЦК Свердлов ознакомил с его решениями членов Военно-революционного комитета. ВРК постановил привести в состояние бое-

вой готовности все части гарнизона. С этой целью было разработано Предписание № 1. В нем говорилось: „Петроградскому Совету грозит прямая опасность: ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты „Солдат“ и „Рабочий путь“ закрыты...“ Предписание требовало привести полк в боевую готовность, послать представителя на гарнизонное совещание в Смольный.

Первое предписание в соответствии с указанием ЦК было отправлено в 9 часов утра 24 октября в Петропавловскую крепость. Комиссару крепости предлагалось выставить секреты, караул к воротам, никого не впускать и не выпускать, кроме частей и лиц с пропусками ВРК. Гренадерскому полку предписывалось прислать пулеметную команду для охраны Смольного, крейсеру „Аврора“ — привести корабль в боевую готовность. В обращении к солдатам ВРК указывал, что „поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда накануне его открытия, против Учредительного собрания, против народа“.

Солдатам Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона поручалось открыть и охранять типографию „Рабочего пути“ (как вскоре выяснилось, газету „Солдат“ Временное правительство не успело закрыть и она беспрепятственно вышла в свет 24 октября). Комиссар и полковой комитет Литовского полка, располагавшегося недалеко от Смольного на Кирочной улице, в доме № 33, послал в Смольный пулеметную команду с 24 пулеметами и полуроту солдат в типографию

Предписание № 1 Петроградского Военно-революционного комитета комитету Гвардейского флотского экипажа. 24 октября 1917 г., 9 час. 45 мин. утра

„Рабочего пути“. Солдаты удалили милиционеров, сорвали печати 3-го Рождественского подрайона милиции и взяли под охрану здание типографии. Рабочие вновь приступили к отливке стереотипов и печатанию газеты, что должно было занять около трех часов.

Так был осуществлен первый шаг по отпору наступлению, принятому Временным правительством. Однако в целом ВРК пока придерживался оборонительно-выжидательной тактики, что являлось следствием постоянного давления со стороны Троцкого,

стремившегося дотянуть время до вечера 25 октября, времени открытия Второго Всероссийского съезда Советов. В „Рабочем пути“, который вышел в свет около 2 часов дня, также печаталась статья „Что нам нужно?“, где указывалось, что если рабочие и солдаты хотят создания нового правительства, которое дало бы землю крестьянам и заключило мир, то пусть выбирают делегации на съезд Советов и изложат там свои требования.

По постановлению ЦК РСДРП (б) ВРК усилил охрану Смольного

*

Тем временем в штабе округа и на Дворцовой площади царила лихорадочная активность. Из всех частей, вызванных в ночь на 24 октября, прибыл только 1-й Петроградский женский батальон. Остальные либо отказались, либо были задержаны постановлениями местных Советов. Свыше тысячи „ударниц“ выстроились для парада, как им было сказано, перед Зимним дворцом. Но когда они узнали, что цель вызова — защита Временного правительства, то единодушно потребовали отправки обратно, в Левашово. С трудом удалось удержать одну полуроту в составе 136 человек, сказав им, что завтра они будут отправлены в Волкову деревню на охрану бензиновых складов Нобеля. „Ударницы“ разместились в первом этаже Зимнего дворца, справа от Комендантского подъезда, в бывших квартирах чинов царского министерства двора.

Штаб потребовал, чтобы воинские части находились в казармах до особого распоряжения. Исполнение приказов, исходящих „от различных организаций“, категорически воспрещалось. Полковников настаивал, чтобы были отстранены комиссары Военно-революционного комитета, произведены расследования об их „незаконных действиях“ для предания комиссаров ВРК суду. Боеприпасы со складов должны были отпущаться только по распоряжению начальника штаба Петроградского военного округа генерала Багратуни. На Дворцовую площадь спешно были вызваны юнкера Павловского, Владимирского и Константиновского училищ. Почти все утро в здании штаба

находился Керенский, требуя поминутных докладов о мобилизации военных сил.

Вскоре Керенский уехал в Предпарламент, где попросил слова для внеочередного заявления. Он обвинял газеты „Рабочий путь“ и „Солдат“ в том, что они вели агитацию за немедленное свержение Временного правительства. Керенский попытался поставить знак равенства между большевистскими партийными газетами и черносотенными листками, которые были закрыты одним и тем же правительственным постановлением. Он процитировал ряд мест из „Письма к товарищам“ В. И. Ленина, напечатанного в „Рабочем пути“ 19, 20 и 21 октября. Министр-председатель зачитал то место из начала письма, в котором говорилось о „воскресном собрании“ большевиков, обсуждавшем вопрос о восстании, повторил слова В. И. Ленина: „Промедление в восстании смерти подобно“.

Керенский сказал, что в ночь на 24 октября Военно-революционный комитет согласился на переговоры со штабом округа об урегулировании конфликта.

— В настоящее время, — продолжал он, — прошли все сроки и мы того заявления, которое должно было быть сделано ВРК в полках, не имеем. Наоборот, имеется обратное явление, а именно: самовольная раздача патронов и оружия, а также вызов двух рот на помощь революционному штабу. Таким образом, я должен установить перед Временным Советом полное, явное и определенное состояние известной части населения Петербурга как состояние восстания.

Керенский заявил, что начато судебное преследование членов

ВРК. В это время заместитель министра-председателя А. И. Коновалов подал ему записку, которая оказалась одним из экземпляров Предписания № 1 ВРК. Он огласил его и под дикие крики правых депутатов еще раз повторил, что восстание началось, но оно будет немедленно подавлено правительством.

— Я требую, чтобы сегодня же, в этом заседании, Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания.

Был объявлен перерыв, а текст речи Керенского стал немедленно передаваться по телеграфу на фронт корпусным и армейским комитетам. Керенский уехал, а в Мариинском дворце началась лихорадочная работа партийных фракций.

*

Во всех районах между тем проходила мобилизация сил. На Выборгской стороне районный Совет, районный комитет партии и штаб Красной гвардии приняли постановление о приведении в боевую готовность всех заводских рабочих коллективов. Шла дополнительная запись в Красную гвардию. Заводские комитеты предприняли других районов города устанавливали у себя круглосуточное дежурство, усиливалась охрана заводов заводской милицией и Красной гвардией. Во многих местах состоялись общие собрания рабочих и солдат, принимавшие резолюции поддержки Петроградского Совета и большевистской партии. Комиссары ВРК, получив Предписание № 1, проводили в частях заседания полковых и батальонных комитетов, стремились

Разводная часть Николаевского моста (фото начала XX в.)

Комиссар ВРК
в Петропавловской
крепости
Г. И. Благодеров

С. С. Пестковский,
комиссар ВРК
на Центральном
телеграфе

нейтрализовать деятельность офицеров. Приведена была в боевую готовность Петропавловская крепость: пулеметы выставлены на стены — для возможного обстрела Троицкого моста. Установлены были пулеметы и на крыше отличавшегося своей высотой здания Народного дома, расположенного близ крепости за Кронверкским арсеналом. Комиссар „Авроры“ А. В. Бельшев, несмотря на сопротивление командира корабля, привел крейсер в состояние боевой готовности.

Смольный приобрел вид военного лагеря. Две роты Литовского полка расположились перед входом и внутри здания. Пулеметы литовцев и гренадеров стояли на чердаках Смольного и на ступенях лестницы. Вскоре подошел отряд солдат 6-го запасного саперного батальона. С 12 часов дня Смольный стал заполняться народом. Приходило все больше депутатов Второго Всероссийского съезда Советов, депутатов Петроградского Совета. В разных комнатах начали свою работу партийные фракции. Тем не менее и в этой обстановке Троцкий на собрании большевистской фракции заявил,

что арест Временного правительства не стоит в порядке дня как самостоятельная задача. Если бы съезд создал власть, говорил он, а Керенский не подчинился ей, то это был бы полицейский, а не политический вопрос. Но быстрое развитие событий в середине дня заставило Военно-революционный комитет не считаться с позицией Троцкого и начать переход к активным действиям.

Штаб округа, получив сведения о дальнейшем развертывании сил Военно-революционного комитета, отдал приказ о „подавлении всяких попыток к нарушению порядка“, приказал развести Литейный, Троицкий и Николаевский мосты через Неву. Дворцовый мост должен был оставаться сведенным под охраной юнкерских караулов. Одновременно с этим было сделано распоряжение о прекращении со второй половины дня 24 октября трамвайного движения и о возвращении трамвайных поездов в парки. Разведение мостов через Неву было привычным в условиях Петрограда средством борьбы с народными волнениями. Так поступало царское правительство, так делало и Временное правитель-

ство в июльские дни, чтобы нарушить сообщение рабочих окраин — Выборгского, Петроградского и Василеостровского районов — с центром города. Но красногвардейцы не допустили разведения Литейного и Троицкого мостов, которые были взяты под охрану силами ВРК. Штабу удалось добиться выполнения своего приказа только в отношении Николаевского моста.

По инициативе А. Ф. Ильина-Женевского, комиссара гренадерского полка и огнеметно-химического батальона, были заняты Гренадерский мост через Большую Невку, Тучков мост через Малую Неву. В целом эта „битва за мосты“, развернувшаяся в ответ на попытку штаба их развести, окончилась в пользу Военно-революционного комитета. Как и занятие типографии „Рабочего пути“, завоевание большинства мостов прошло без единого выстрела. И штаб и Военно-революционный комитет старались также поставить под контроль частные автомобили. Заводской транспорт фактически был реквизирован рабочими организациями. А частные машины останавливались и направлялись либо на Дворцовую площадь, либо к Смольному.

Несомненные успехи революционных сил и обнаружившаяся слабость штаба и Временного правительства, а также угрозы, с которыми выступил Керенский на заседании Предпарламента, поставили перед руководителями ВРК вопрос о немедленном переходе в наступление. Оно началось в начале очень осторожно, со второй половины дня 24 октября. В 5 часов дня на Центральном телеграфе на Почтамтской улице явился комиссар С. С. Пестковский.

Вместе с другим большевиком, Ю. Лещинским, он вызвал начальника караула штабс-капитана Кексгольмского полка Лонгву, тоже, как и они, поляка по национальности. Лонгва согласился перейти на сторону ВРК, и так Центральный телеграф перешел в руки революционных сил. Сам Пестковский занял место в операционном зале и, несмотря на протесты эсеровски настроенных чиновников телеграфа, объявил о цензуре правительственных телеграмм.

ВРК послал также две шифрованные телеграммы, в которых было условленное слово „устав“, в Гельсингфорс Центробалту и Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии. Это означало: посылайте в Петроград отряды революционных моряков Балтийского флота и солдат. Необходимо было овладеть другими средствами связи и сообщения, прежде всего вокзалами.

Около 7 часов вечера открылось общее собрание Петроградского Совета. На нем присутствовало много делегатов Второго Всероссийского съезда Советов. На вопрос делегации Петроградской городской думы о том, готовит ли Петроградский Совет вооруженное выступление, Троцкий ответил, что передача власти будет осуществлена решением съезда Советов. Подобное заявление, могущее только дезориентировать собравшихся, лишней раз выдавало собственные стремления Троцкого как противника пролетарского восстания.

Представитель Московского Совета В. А. Аванесов передал петроградцам привет от делегации Московских Советов на Всероссийском съезде.

*

Владимир Ильич Ленин все еще был на конспиративной квартире М. В. Фофановой на Сердобольской улице. Его встревожил факт отсутствия „Рабочего пути“ среди газет, оставленных ему утром хозяйкой. Хотя петроградские газеты за 24 октября (23-го был понедельник и газеты не выходили) отражали новости позавчерашнего и вчерашнего дня, ряд материалов говорил о том, что медлить с восстанием никак больше нельзя. Во второй половине дня к Ленину пришел его верный помощник и связной ЦК Эйно Рахья. Рассказал о событиях в городе, которым он был свидетелем, и о том,

что узнал от своих знакомых, в том числе от того, который служил чертежником в Управлении петроградской городской милиции, о настроениях солдат Московского полка, на митинге которых он успел побывать по дороге к Ленину: казармы Московского полка находились на полдороге между Левческим переулком, где жил Рахья, на Петроградской стороне, и Сердобольской улицей.

Разведение мостов, свертывание трамвайного движения, боевое настроение солдат — все это еще больше взволновало Ленина. Он понял, что вновь проявилась в руководстве линия на ожидание съезда, до которого теперь

Комната в квартире М. В. Фофановой на Сердобольской ул. в д. № 1, где вплоть до вечера 24 октября конспиративно проживал В. И. Ленин

оставалось не больше суток. Ленин был решительно против такой тактики и хотел еще раз напомнить товарищам, что восстание должно быть проведено обязательно до съезда. Попросив Рахью обождать, он тут же написал короткое письмо питерским большевикам, которое необходимо было доставить в Выборгский райком партии, копию оставить и отнести машинописный экземпляр в Смольный. Ленин писал:

„Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор¹.

Ленин писал дальше, что формальный момент: кто должен взять власть, — неважен. Пусть ее возьмет Военно-революционный комитет „или другое учреждение“, которое заявит, что сдает власть только истинным представителям интересов народа. Он требует, чтобы все районы, все полки провели мобилизацию и послали делегации в ВРК и ЦК большевиков, настоятельно требует: „...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью“². Ленин предупреждает о том, что не нужно ждать голосования на съезде Советов, его итог еще трудно предсказать. Взятие власти есть дело успешного восстания:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435.

² Там же, с. 436.

„Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно“.

Отправив Эйно Рахью с письмом, Ленин снова и снова продумывает всю ситуацию. Его нетерпение нарастает. Рахья передавал ему, что пока ЦК в интересах безопасности не рекомендует ему приходить в Смольный. Но интересы революции сейчас превыше всего! И как только Рахья возвращается, Ленин сообщает ему о своем решении немедленно отправиться в Смольный. Поняв, что спорить бесполезно, Эйно Рахья помогает Ленину надеть парик, перевязать ему щеку платком. Нехитрая маскировка закончена. Они выходят на улицу и садятся в трамвай.

— В парк едем, — объявляет кондуктор, — на Вульфову улицу!

— А почему так рано, товарищ? — спрашивает Ленин.

— Большевики выступают, не знаешь, что ли? — уверенно объясняет кондуктор.

Рахья делает ему знаки, чтобы не увлекался разговором. От угла Сампсониевского и Финляндского проспектов они идут к Литейному мосту. Впереди Смольный...

**ПОБЕДА ВОССТАНИЯ
В ПЕТРОГРАДЕ.
„ВРЕМЕННОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
НИЗЛОЖЕНО.“**

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

ДЕРЕВЕНСКАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ
Крестьянская газета.

БѢДНОТА

Издаваемая Военной Организацией при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

№ 13.

Четвергъ 26 октября (7 ноября) 1917 года.

Цѣна 10 коп.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета.

Въ Петроградѣ власть въ рукахъ Военно-Революціоннаго Комитета Петроградскаго Совѣта.

Единодушно возставшіе солдаты и рабочіе побѣдили безо всякаго кровопролитія.

Правительство Керенскаго низложено.

Комитетъ обращается съ призывомъ къ фронту и тылу не поддаваться провокаціи и поддерживать Петроградскій Совѣтъ и новую революціонную власть, которая немедленно предложитъ справедливый миръ, передастъ землю крестьянамъ, созоветъ Учредительное Собраніе.

Власть на мѣстахъ переходитъ въ руки Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Военно-Революціонный Комитетъ Петроградскаго Совѣта.

26 Октября 1917 года. 10 час. утра.

Первая страница большевистской газеты „Деревенская беднота“ с объявлением Петроградского ВРК о низложении Временного правительства

ПОБЕДА ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ. „ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЗЛОЖЕНО.“

Ленин шел в Смольный. А на другом конце города, в Мариинском дворце, возобновилось заседание Предпарламента. Уже набирало силы начавшееся восстание, а представители буржуазных партий и их соглашательские помощники все еще обвиняли друг друга, спорили, искали „выход“ из создавшегося положения. Левый эсер Камков, отражая сдвиг своих единомышленников влево, к союзу с большевиками, заявлял, что фракция левых эсеров не доверяет больше нынешнему правительству Керенского, требует замены его однородной социалистической властью. Ему возражал Кузьма Гвоздев, с завода „Эриксон“, давно прирученный буржуазией меньшевик-оборонец. Капиталисты еще до Февральской революции сделали его председателем Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, а теперь вознесли на высокий пост министра труда. Гвоздев убеждал собравшихся, что он рабочих знает, что он сам 20 лет был рабочим и что питерские рабочие на улицу не выйдут. А в эти же часы отряды красногвардейцев подходили к Смольному...

Меньшевик Дан, который в те дни заменял уехавшего в отпуск, в Грузию, председателя ЦИК первого созыва Чхеидзе, восклицал:

— Для того чтобы справиться с восстанием, надо выбить почву из-под ног большевизма. Необходимо ясное выступление и правительства, и Совета республики, выступление, в котором народ видел бы, что его законные интересы защищаются именно этим правительством и Советом республики, а не большевиками...

Дан предложил сделать заявление по вопросам демократизации армии, о земле и мире от имени Предпарламента и Временного правительства. Лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов также выступал против восстания. Он поддержал предложение Дана.

Поступило три проекта резолюции: левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов (их поддерживали меньшевики и правые эсеры), кадетов и кооператоров, казачьей группы. Правая часть Предпарламента замешкалась с выкрикиванием своего проекта, и проект резолюции левых („формулы перехода к очередным де-

лам“) оказался первым, поставленным на голосование. Он и был принят большинством. Первый пункт этой „формулы перехода“ осуждал большевиков за подготовлявшееся вооруженное выступление, имевшее целью захват власти. Второй пункт требовал осуществления мер, которые могли предотвратить восстание: немедленного издания декрета о передаче земли в ведение земельных комитетов, обращения к союзникам с предложением провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. Третьим пунктом предлагалось создать Комитет общественного спасения, который в контакте с Временным правительством должен бороться против возмущения народа.

Таким образом, эта резолюция была больше направлена против большевиков, чем против Временного правительства. Даже в тот критический момент соглашательские партии не сделали выбора в пользу действительных интересов народа. В своей слепой ненависти к большевикам они продолжали цепляться за Временное правительство и буржуазию. Следующее заседание Предпарламен-

Охрана штаба революции

та было назначено на 25 октября, на 11 часов утра. Забрав с собой принятую резолюцию, лидеры меньшевиков и эсеров ринулись в Зимний дворец к Керенскому.

*

А в Смольном в это время, вечером 24 октября, Военно-революционный комитет твердо встал на путь разворачивания активных действий.

В 8 часов вечера по приказу штаба округа юнкерский караул прибыл на Центральный телеграф для „смены“ кексгольмцев. Но они вместе с комиссаром ВРК заявили, что в смене не нуждаются, и юнкерам пришлось удалиться.

В 9 часов вечера комиссар ВРК Л. Н. Старк (редактор большевистской газеты „Прибой“ в Гельсинг-

форсе, приехавший на съезд Советов) с 12 матросами занял на Невском проспекте, 1, здание Петроградского телеграфного агентства (ПТА). Он заявил об установлении цензуры над деятельностью агентства. Так была задержана и не отправлена в провинцию телеграмма о принятии Предпарламентом вышеуказанной „формулы перехода“.

Комиссар Военно-революционного комитета прапорщик П. Кац во главе отряда из 150 солдат Измайловского полка прибыл в 9 часов вечера на Балтийский вокзал. Этот вокзал связывал столицу с Петергофом, Ораниенбаумом и Гатчиной, где размещались многочисленные военные училища и войска, а также с Эстляндской губернией, с Ревелем, где находились морская крепость им. Петра Ве-

ликого и одна из баз Балтийского флота. Поэтому овладение Балтийским вокзалом представляло собой важнейшую стратегическую задачу. Кац заявил начальнику вокзала, что прибыл по поручению ВРК наблюдать за порядком отправления поездов. Солдаты заняли все важнейшие помещения вокзала и установили посты на перронах. Комендант тотчас пожаловался в штаб и попросил подкрепления, но получил вместо него лишь ответную телеграмму с угрозой в адрес войск, занявших вокзал.

Однако штаб округа все еще не отказался от попыток вернуть себе инициативу. Керенский узнал, что большевистская газета „Рабочий путь“ все-таки вышла в типографии, охраняемой войсками ВРК. Он настаивал, чтобы она была закрыта. С этой целью в редакцию, помещавшуюся на Выборгской стороне, в рабочем клубе завода Нобеля „Свободный разум“ на Финляндском проспекте, 6, было отправлено две машины юнкеров во главе с подполковником Г. В. Германовичем. Они прибыли на место в 10 часов вечера. Командир отряда и юнкера вели себя дерзко и вызывающе, требун выдачи редакторов „Рабочего пути“. Рабочие позвонили в штаб Красной гвардии Выборгского района. Прибывшие красногвардейцы обезоружили и арестовали Германовича и его 13 юнкеров.

*

Примерно в то же время В. И. Ленин, сопровождаемый Эйно Рахьей, прибыл наконец в Смольный. Он сразу же встретился с членами Центрального Комитета РСДРП (б) и Военно-революционного комитета. Прибытие Владимира Ильича влило новые силы и уверенность

в действия руководителей восстания. Вынужден был ступать и Троцкий, видя, что все его попытки оттянуть восстание до голосования на Втором Всероссийском съезде Советов потерпели крах.

Началась генеральная наступление всех революционных сил. К полуночи к Смольному подъехал большой отряд красногвардейцев. Они разместились на прилегающих к нему улицах, заняв Охтинский мост через Неву. 2-й пулеметный запасной полк, располагавшийся в Петергофе, получил приказ занять пригородные станции по Балтийской дороге: Стрельну, Сергиеву пустынь, Лигово, установить контроль над телефонами и телеграфными аппаратами. Его главная задача состояла в том, чтобы не пропускать в Петроград юнкеров из Ораниенбаума и Петергофа.

В 2 часа ночи 1-я рота 6-го запасного саперного батальона заняла Николаевский вокзал, обеспечивающий связь Петрограда с Москвой. Измайловцы с Балтийского вокзала послали небольшой отряд на Варшавский вокзал, связывающий столицу с Псковом — ставкой Северного фронта. На Финляндский вокзал пришли красногвардейцы Выборгского района и специальный отряд финской Красной гвардии, состоявший из служащих и рабочих Финляндской железной дороги. Приморский вокзал контролировал отряд красногвардейцев Сестрорецкого завода. Практически к 2—3 часам ночи все петроградские вокзалы находились уже под контролем ВРК.

Продолжалось занятие учреждений связи. Солдаты Кексгольмского полка под командованием комиссаров ВРК разместились на

И шутка грела в этот холодный осенний день. Красногвардейцы в саду Смольного

петроградском почтамте. Комиссаром почтамта стал К. Я. Кадлубовский.

Крейсеру „Аврора“ приказано было подойти к Николаевскому мосту и содействовать Красной гвардии в наведении моста и удалении юнкерского караула. Подвести крейсер к мосту было очень сложно, так как река в этом месте была мелководной. Но командир корабля сумел сделать это. В 3 часа 30 минут ночи „Аврора“ подошла к разводной части Николаев-

ского моста (тогда она находилась у берега Васильевского острова, а не посередине моста, как сейчас). Корабельные прожектора осветили часовню на мосту, два узеньких пролета проезжей части и юнкеров, жавшихся к перилам. Когда от крейсера отчалила шлюпка с судовыми механиками, юнкера побежали по мосту в направлении Адмиралтейского острова. Механики снова свели мост, и охрану его взяли на себя красногвардейцы Василеостровского района.

Штаб округа послал новый юнкерский отряд на Николаевский мост, но его встретили у разводной части уже 200 красногвардейцев. Юнкерам пришлось вернуться. Теперь все мосты через Неву и ее рукава, кроме Дворцового, находились также в руках Военно-революционного комитета.

Инициатива в наступательных действиях теперь уже без сомнения перешла на сторону Военно-революционного комитета. Каждый раз, когда штаб посылал юнкерские караулы, чтобы отбить объекты, занятые революционными солдатами и красногвардейцами, его действия оканчивались неудачей. Юнкера возвращались ни с чем, а кое-где были арестованы. Но между сторонами еще не было сделано ни одного выстрела. Смены караулов осуществлялись мирно, путем переговоров, без применения огнестрельного оружия.

*

После 10 часов вечера Н. Д. Авксентьев, председатель Временного Совета республики, Ф. И. Дан и А. Р. Гоц прибыли в Зимний дворец. Вызвав Керенского в Серебряную гостиную, помещавшуюся рядом с залом заседаний Временного правительства — Малахитовым залом, они вручили ему „формулу перехода“, принятую Предпарламентом. Быстро прочитав ее, Керенский назвал „формулу“ „вызовом Временному правительству“. Но представители Предпарламента попросили его все же довести текст резолюции до сведения членов Временного правительства. Керенский вышел в Малахитовый зал и вскоре вернулся. Временное правительство, сказал он, считается с тем, что Предпар-

ламент отказал ему в безоговорочной поддержке, но в подсказках не нуждается и будет действовать самостоятельно. Делегатам пришлось удалиться. Разумеется, эта минутная размолвка между лидерами соглашательских партий и Керенским ничего уже не могла изменить. Временному правительству осталось существовать менее суток...

*

К 12 часам ночи Гоц и Дан появились в Смольном, где вскоре должно было начаться заседание ЦИК первого созыва. Присев на минутку в одной из комнат перекусить, они с изумлением узнали в одном из присутствующих — Ленина!

В 0 часов 25 минут 25 октября заседание ЦИК открылось. Гоц предоставил слово Дану. Тот стал посылать проклятия на голову большевиков, проводящих восстание, заявил, что ЦИК будет стоять посередине враждующих сторон, попытается предотвратить кровопролитие, только „через труп ЦИК штыки этих враждующих сторон встретятся между собой“. В то же время он вынужден был признать, что массы измучились в ожидании мира, а в заключение еще раз призвал „демократию“ сплотиться воедино. Выступивший затем Троцкий предлагал, чтобы Временное правительство мирно сдало свою власть, что сделало бы ненужным восстание, чтобы ЦИК помог передаче власти в рамках „советской легальности“. Он обращался к ЦИК с призывом немедленно взять всю власть в свои руки, утверждал, что именно этому соглашательскому эсеро-меньшевистскому ЦИК принадлежит настоящее место „хозяина земли русской“.

Все это лишь подхлестнуло злобные нападки эсеров и меньшевиков на большевистскую партию, на рабочих и солдат Петрограда. Лишь левый эсер А. Л. Коллегаев внес диссонанс в общий антибольшевистский хор. Он сказал, что левые эсеры выступают за установление власти Советов на Втором Всероссийском съезде Советов и что они специальной телеграммой пригласили на этот съезд крестьянских представителей. Дан в заключительном слове предсказывал недолговременность победы большевиков. Мартов внес резолюцию, которая повторяла в основном „формулу перехода“ Предпарламента.

В. Володарский заявил, что ЦИК неправомочен принимать какие-либо решения за несколько часов до открытия съезда Советов. Поэтому большевики не будут участвовать в голосовании и покидают заседание ЦИК. Так было выполнено постановление ЦК РСДРП (б) от 24 октября о разрыве с ЦИК первого созыва. В отсутствие большевиков резолюция ЦИК была принята большинством около 4 часов утра. Она уже не могла затормозить успешно развивавшегося восстания в Петрограде...

*

Незадолго до этого на первом этаже Смольного в комнате № 31 собрались члены Центрального Комитета большевистской партии. В. И. Ленин проводил первое в условиях восстания заседание ЦК. Были заслушаны доклады о ходе восстания, о занятии мостов, большинства вокзалов, учреждений связи. Ленин торопил с занятием Центральной телефонной станции, Государственного банка, требовал быстрее разработать точный план

Здание Государственного банка в Петрограде
(фасад, выходящий на Садовую ул.)

разгона Предпарламента и занятия Мариинского дворца, ареста Временного правительства. На этом же заседании Владимир Ильич поставил вопрос о создании Советского правительства, его составе, который будет предложен Второму Всероссийскому съезду Советов. Чтобы подчеркнуть полный разрыв со старым правительством, было решено назвать новую власть Советом Народных Комиссаров. В 4 часа утра заседание ЦК закончилось, и все его участники перешли в комнату № 14, где, сидя на стульях, а то и лежа на полу, смогли несколько часов по-

спать перед новым днем, обещавшим быть еще более важным и сложным...

Лишь Военно-революционный комитет продолжал работать, получая донесения, посылая нарочных в воинские части, в штабы Красной гвардии, районные Советы и комитеты партии.

Вокруг Смольного пылали костры. У них грелись красногвардейцы Сестрорецкого завода, солдаты — гренадеры и литовцы. У главного подъезда Смольного уже стояло несколько броневиков, значительно усиливших его гарнизон.

В 6 часов утра отряд Гвардейского флотского экипажа из 40 матросов подошел к ограде Государственного банка на Садовой улице. Растерявшийся часовой пропустил матросов. Начальник караула эсер Булхов подчинился приказу ВРК и сдал караул матросам. Солдаты-семеновцы, стоявшие в прежней охране, заявили о своем нейтралитете. Вскоре они ушли в свою казарму.

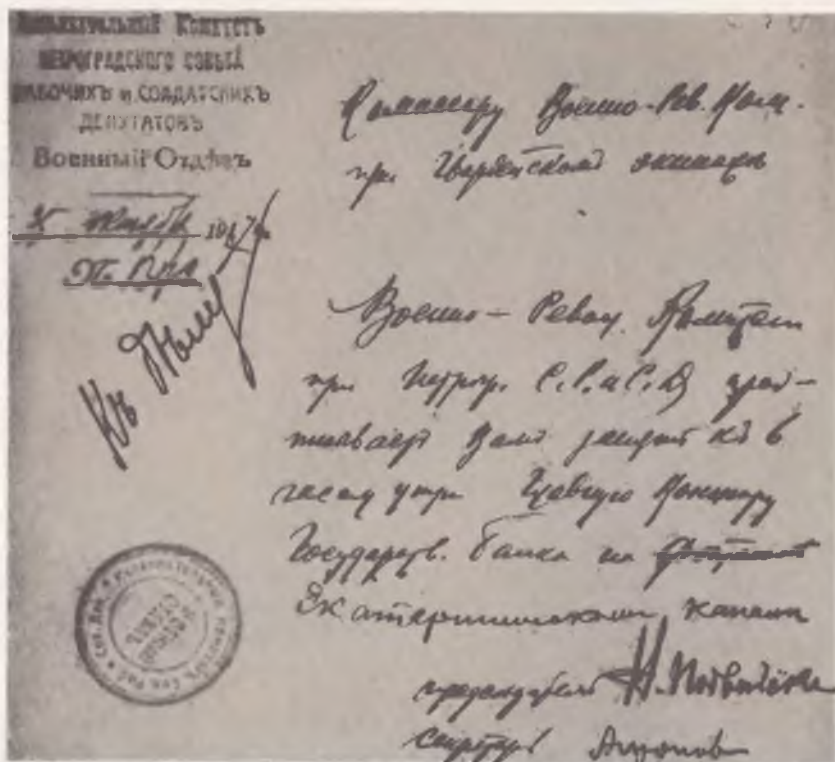
В редкую минуту затишья.
Красногвардейский патруль
недалеко от Смольного

ИКОНОСТАСЫ

Предписание комиссару Военно-революционного комитета при Гвардейском флотском экипаже о занятии Главной конторы Государственного банка

Настоящей боевой операцией стало занятие Центральной телефонной станции. На станцию пошла 5-я рота Кексгольмского гвардейского резервного полка во главе с командиром Захаровым. Захаров и раньше неоднократно нес охрану станции, знал расположение караульного помещения. Быстро проскочив через подворотню по обе стороны стоявшего там броневика, кексгольмцы оказались во дворе станции. Юнкера выбежали во двор. Захаров командовал им: „Вынь патроны! На плечо!“ Юнкера механически пови-

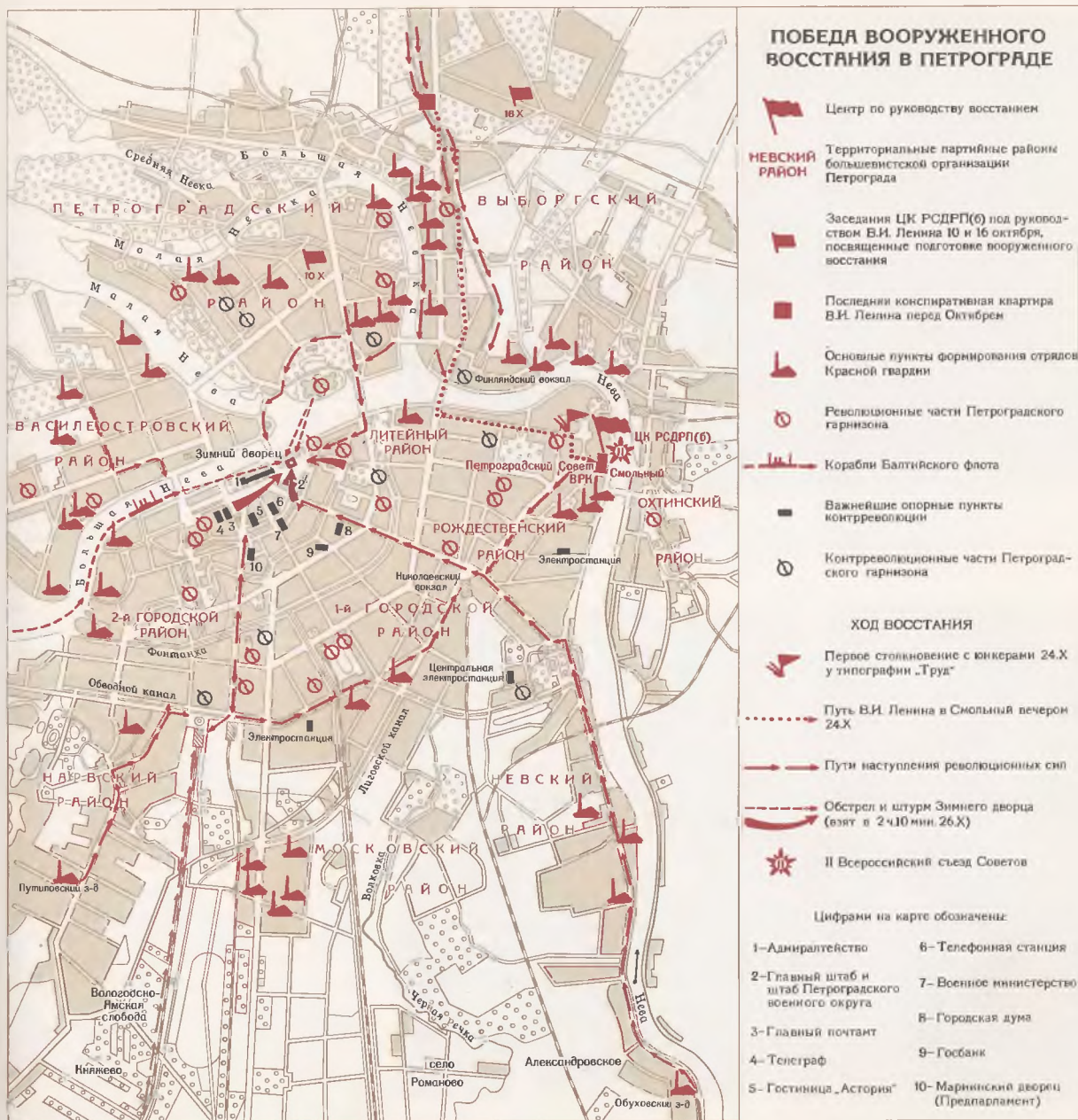
новались громкой команде. А солдаты тут же отобрали у них винтовки. Сдав юнкеров под охрану роты, Захаров с комиссарами прошел внутрь станции и объявил об установлении над ней контроля ВРК и о том, что сам он назначен ее комендантом. Тут же были выключены телефоны Зимнего дворца, а телефоны Смольного включены. Так около 7 часов утра телефонная станция перешла в руки восстановших. Было выполнено важнейшее требование ленинского плана вооруженного восстания в Петрограде.

В ту же ночь приступил к своим обязанностям комиссар ВРК на главной электростанции Петрограда – Обществе электрического освещения 1886 г. на Обводном канале.

В 8 часов утра 25 октября отряд красногвардейцев и солдат была занята типография газеты „Биржевые ведомости“. В девятom часу отряд солдат Семеновского полка во главе с тремя офицерами захватил типографию газеты „Русская воля“. В ордере ВРК говорилось, что типография реквизируется на нужды революции. Подлежала реквизиции и бумага. По распоряжению комиссара ВРК С. Г. Кислякова-Уралова в типографии „Русской воли“ с доставленных матриц было отпечатано 100 тысяч экземпляров большевистской газеты „Рабочий путь“ для немедленной отправки на фронт. В типографии „Биржевых ведомостей“ начала набираться и печататься газета военных моряков „Центрофлот“. В 11 часов утра был произведен обыск в редакции газеты „Общее дело“, после чего помещение редакции опечатали.

А на северном берегу Финского залива в Гельсингфорсе в это утро из военной гавани курсом на Петроград вышли миноносцы „Самсон“, „Меткий“, „Забяка“ и „Мощный“. В Кронштадте в 8 часов утра закончилась посадка матросов и красногвардейцев на суда, отправлявшиеся в Петроград. Революционный штаб кронштадтцев разместился на минном заградителе „Амур“. Он снялся с якоря в 10 часов 30 минут утра 25 октября. Вслед за ним ушли заградитель „Хопер“ и, под флагом Красного Креста, судно „Зарница“.

ПОБЕДА ВОССТАНИЯ В ПЕТРОГРАДЕ. „ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЗЛОЖЕНО...“

Карта-схема Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде

На занятой войсками Военно-революционного комитета Центральной телефонной станции рядом с „барышнями“ сели военные телефонисты

Солдаты и офицеры Кексгольмского полка, активные участники захвата Центральной телефонной станции

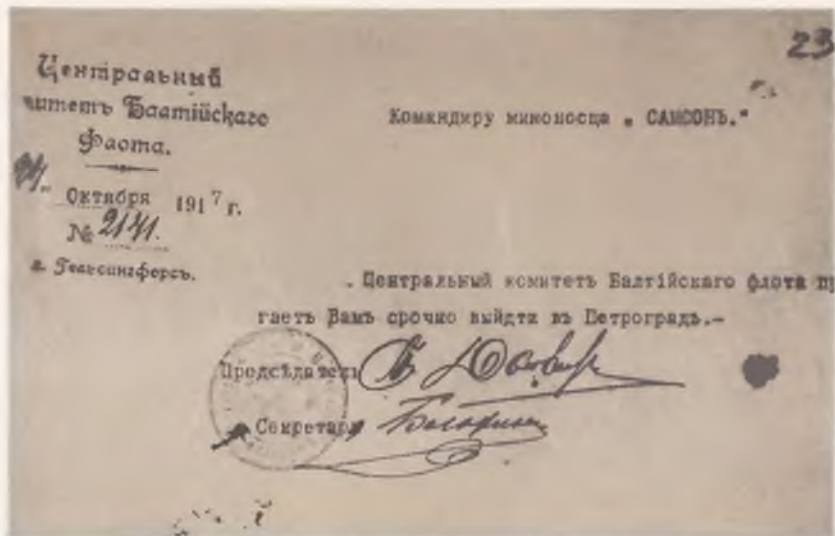
*

Ночь на 25 октября и первые утренние часы министр-председатель А. Ф. Керенский провел в штабе Петроградского военного округа (он занимал здание бывшего штаба гвардейских войск на Дворцовой площади, между Миллионной улицей и Певческим проездом). Там он был свидетелем полного бессилия всех попыток военных властей противодействовать успешному развитию восстания. Свои последние надежды Керенский возлагал на войска Северного фронта, в частности на 3-й конный корпус, который по его приказу был сосредоточен около Пскова. Перейдя в Зимний дворец, он вскоре решил, что только фронтовые части могут спасти положение Временного правительства. Не доверяя никому, он решил сам ехать на фронт. Несомненно, ко всем тем соображениям, которые он изложил своему заместителю А. И. Коновалову и Г. П. Полковникову, примешивалась и солидная доля страха за собственную жизнь. Керенский обладал на этот счет своего рода интуицией и всегда предчувствовал опасность, которая могла грозить ему лично. Так, во время апрельских событий, когда 20 апреля на улице вышло около 15 тысяч вооруженных солдат, грозя арестовать Временное правительство за издание ноты о верности союзникам и войне „до победного конца“, Керенский скрылся куда-то и три дня его не могли найти. Только когда уличные выступления кончились, он вдруг появился как ни в чем не бывало. 3 июля поздно вечером Керенский видел на улицах Петрограда первые

автомобили пулеметчиков с лозунгами против буржуазии и Временного правительства. Но он уехал на фронт, бросив на произвол судьбы все Временное правительство. Вернулся он только вечером 6 июля, когда генерал Половцов уже проделал „грязную работу“ за отсутствовавшего военного министра и разогнал последние группы июльских демонстрантов.

Теперь, ночью 24 октября, казалось бы, на Керенского падала еще большая ответственность. Он был главой Временного правительства. И вполне мог бы послать кого-нибудь на фронт, а не ехать сам. Но... страх за собственную жизнь опять гнал его из Петрограда. Всеми клеточками своего тела, всеми фибрами своей души он ощущал: скорее, скорее, скорее! Иначе будет поздно, может быть, уже через два часа, может быть, через час или даже полчаса! Он немедленно звонит Полковникову и просит прислать ему его автомобиль. Но автомобиля Керенского, американской машины марки „пирс-эрроу“, нигде не могут найти. Тогда Полковников вызвал к себе адъютанта, заведующего автомобильной частью штаба, прапорщика Б. И. Книрша и приказал ему достать автомобиль для Керенского. Дав ему в помощь еще прапорщика Соболева, он послал Книрша по представительствам союзных стран.

Англичане отказали в просьбе, а помощник американского военного атташе согласился дать свою машину, закрытый „рено“, если заверят его, что она временно реквизирована для нужд правительства. Когда все они втроем приехали в штаб округа, оказалось,

Предписание Центрального комитета Балтийского флота командиру миноносца „Самсон“ о выходе из Гельсингфорса в Петроград в ночь на 25 октября 1917 г.

что личную машину Керенского все-таки нашли, но министр-председатель не отказался и от американской. Он посадил туда своих адъютантов и велел им ехать первыми. На „рено“ развезался американский флажок. Сразу за ним ехала машина „пирс-эрроу“ с открытым верхом, в которой сидели сам Керенский, помощник командующего округом, эсер капитан Козьмин и еще несколько офицеров. Было около 11 часов утра. Керенский сделал знак рукой — и машины помчались под Арку Главного штаба, затем по Морской. Многие офицеры на тротуарах узнавали Керенского и отдавали ему честь. Он меланхолично прикладывал два пальца к козырьку своей матерчатой фуражки без кокарды.

В начале двенадцатого пристав Временного Совета Российской республики доложил кадету Набокову, что видел в окно, как мимо промчался в машине Керенский. Машины повернули на Вознесенский проспект, потом на Забалканский. Тут машина Керенского обогнала „рено“ и на полной скорости помчалась вперед, к Гатчине.

Так, в очередной раз бросив правительство, Керенский умчался из Петрограда. В половине первого он прибыл в Гатчину, а затем помчался дальше, в Псков. Спустя час-другой Керенскому действительно было бы уже не уехать, так как войска Военно-революционного комитета начали оцеплять подступы к Зимнему дворцу.

Бойцы и шоферы автоотряда Петроградского военно-революционного комитета

Только центр Петрограда — Мариинская площадь с Предпарламентом, Дворцовая — с Зимним дворцом, резиденцией правительства, штабом округа, Главным штабом, Министерством иностранных дел и Адмиралтейством, где находился Морской генеральный штаб, — еще был под контролем правительственных сил. Ленин предлагает немедленно начать подготовку к занятию центра города и аресту правительства. По предложению Центрального Комитета РСДРП (б) ВРК создает Полевой штаб для дальнейшего руководства завершающей стадией восстания. В него вошли Н. И. Подвойский, А. С. Бубнов, В. А. Антонов-Овсеенко, Г. И. Чудновский, К. С. Еремеев.

Помня об одном из главных правил восстания как искусства — о создании постоянного морального перевеса над правительством, Ленин решает немедленно написать обращение к населению о низложении Временного правительства. Это был важный и ответственный исторический документ. Ленин тщательно работал над ним. Вначале он написал, что ВРК стоит

во главе „народной борьбы с правительством народной измены“, но зачеркнул это выражение, так как из него можно было заключить, что борьба-то еще продолжается! Зачеркнул Ленин и первоначальную фразу о том, что ВРК созывает на 12 часов заседание Петроградского Совета, что явится мерой по созданию Советского правительства. Лучше сказать, что власть старая уже свергнута, а новая уже создана! В окончательном виде ленинское обращение выглядело так:

„К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов

25-го октября 1917 г., 10 ч. утра¹.

Несмотря на то, что Временное правительство еще оставалось сидеть в Зимнем дворце, восстание победило! Обращение нанесило последний удар по сторонникам откладывания решения вопроса о власти до Второго Всероссийского съезда. Здесь прямо говорилось, что власть уже перешла в руки Военно-революционного комитета. И этот факт надо было теперь как можно скорее сделать достоянием населения Петрограда и всей России. Ленинское воззвание было немедленно отправлено в несколько типографий, чтобы отпечатать его отдельной листовкой. Со второй половины дня 25 октября и до позднего вечера обращение „К гражданам России!“ разбрасывалось в Петрограде в виде листовок с автомобилями, выезжавших из Смольного.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

МОСКВА ПОДДЕРЖИВАЕТ

Радіотелеграмма изъ Петрограда

отъ Военно-Революціоннаго Комитета, принятая въ 8 час. 45 мин. утра, 26-го октября.

Всѣмъ Армейскимъ Комитетамъ Дѣйствующей Арміи, всѣмъ Совѣтамъ Солдатскихъ Депутатовъ.

Петроградскій гарнизонъ и пролетаріатъ свергнулъ правительство Керенскаго, возставшаго противъ революціи и народа. Переворотъ, упразднившій Временное Правительство, произошелъ безкровно. Петроградскіе Совѣты Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ торжественно привѣтствуя совершившійся переворотъ, признали впредь до созданія правительства Совѣтовъ Власть Военнаго Революціоннаго Комитета. Оповѣщая объ этомъ армію на фронтѣ и въ тылу. Временный Революціонный Комитетъ призываетъ революціонныхъ солдатъ бдительно слѣдить за поведеніемъ команднаго состава. Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились къ совершившейся революціи, должны быть немедленно арестованы, какъ враги противъ новой власти.

Петроградскіе Совѣты видятъ спасеніе революціи въ немедленномъ предложеніи демократическаго мира, немедленной передачѣ помѣщичьихъ земель крестьянамъ, передачи всей власти Совѣтамъ и въ честномъ созывѣ Учредительнаго Собранія. Народная революціонная армія должна не допустить отправки съ фронта ненадежныхъ частей на Петроградъ. Дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ, а гдѣ не поможетъ, препятствовать отправкѣ беспощаднымъ примѣненіемъ силы. Настоящій приказъ немедленно огласить передъ войсковыми частями всѣхъ родовъ оружія.

Утайка армейскихъ организацій этого приказа отъ солдатскихъ массъ равносильна тягчайшему преступленію передъ революціей и будетъ караться со всей строгостью революціоннаго закона.

Солдатъ за миръ, за хлѣбъ, за землю, за народную власть.

Временный Революціонный Комитетъ.

МОСКВА ПОДДЕРЖИВАЕТ

На утреннем заседании ЦК большевистской партии, состоявшемся в Петрограде 24 октября и принявшем решение о начале восстания, участвовали и представители Москвы — члены ЦК и делегаты Второго съезда Советов А. Ломов и В. П. Ногин. Им было поручено „немедленно информировать Москву обо всем здесь происходящем” и выехать туда — одному тотчас, а другому на следующий день. Но уехать сразу ни одному из них не удалось. Безуспешными оказались попытки связаться с Москвой 24 октября и по телефону. Так что в этот день московские большевики не имели надежной информации о событиях в столице.

По городу же ползли разноречивые слухи. Все жили в напряженном ожидании, всем было ясно, что в ходе революции наступает решающий момент. Большевистский „Социал-демократ” 25 октября опубликовал передовицу „Петроград и провинция”. В ней говорилось:

„Петербург не должен остаться одиноким... Революционные действия Петербургского Совета должны быть поддержаны по всей России, и прежде всего в главней-

ших центрах... Все должны быть в боевой готовности. Мы можем быть в любой момент поставлены перед необходимостью решительных действий и должны приложить все усилия, чтобы не быть захваченными ими врасплох”.

С раннего утра 25 октября в гостинице „Дрезден” на Скобелевской площади, напротив бывшего генерал-губернаторского дома, где размещался Московский Совет, собрались члены Московского городского, областного и окружного комитетов партии. А в небольшой комнатухе на верхнем этаже здания Моссовета заседала большевистская фракция Совета. Всех волновал один вопрос — что в Питере? Только и слышно:

— Хоть бы скорее вернулись Ломов и Ногин, сообщили бы новости.

Но время не ждало. Всем было ясно, что настала пора принимать ответственные решения и прежде всего сформировать руководящие органы восстания, о которых много говорили, но до сих пор не создали...

Скупы, очень скупы и лаконичны строки протокольной записи заседания руководящих партий-

ных органов, но и они передают напряженность обстановки.

Первым обсуждается вопрос о боевом центре Совета.

— В области такое положение, что массы едва-едва удерживаются от выступлений, — напористо говорит А. Г. Шлихтер. — Каждый час дорог, и центр немедленно нужно создать!

Его поддерживает другой член МК, В. М. Смирнов:

— Немедленно организовать Военно-революционный центр, советскую пятерку!

В необходимости создать такой центр никто не сомневался. Но вот вопрос: представители каких партий и организаций должны в него войти? Здесь мнения разделились. Одни полагали, что центр должен быть чисто большевистским, другие же считали, что в него следует включить представителей основных фракций Совета, т. е. наряду с большевиками — эсеров и меньшевиков. Говорилось даже, что без них „наш орган окажется висющим в воздухе”. Бурное обсуждение завершилось решением: „Поручить сейчас же советской фракции создать немедленно боевой центр на пропорциональных основах...

Митинг-манifestация на Тверской ул. Москва. 1917 г.

Соотношение сил 4 и 3". Военному бюро поручалось „поднять во всех частях политическую кампанию, чтобы части заявили, что они никаким решениям без Совета не подчиняются”

Предлагаются кандидатуры в Боевой центр — В. М. Смирнов, А. Ломов, С. Я. Будзинский, Г. А. Усиевич...

Едва проголосовали за это решение, как в комнату вбежал взволнованный начальник Красной гвардии А. С. Ведерников, дежуривший в то утро в Совете. Он протянул председательствующему В. М. Лихачеву листок бумаги с записью телефонограммы из Петрограда, подписанной В. П. Ногиным и членом ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов В. П. Милютиным.

В наступившей тишине товарищ Влас прочитал: „Минувшей ночью Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Правительство будет низложено.

Сегодня в 5 часов открывается съезд Советов. Ногин сегодня ночью выезжает. Переворот произошел совершенно спокойно, ни одной капли крови не было пролито, все войска на стороне Военно-революционного комитета”.

Это произошло около 12 часов дня 25 октября. Свершилось то, чего с таким нетерпением ждали и к чему готовились! Известие о победоносном восстании в Петрогра-

де было решением вопроса о том, кто начнет — Петроград или Москва? Сейчас вопрос стоял иначе: как и какими средствами пролетарская Москва поддержит своих братьев по классу, поднявшихся в бой против правительства Керенского и взявших государственную власть в свои руки? Будет ли она ждать, как станут развиваться события? Или, не дожидаясь этого, сама перейдет в наступление? Ведь то, что Москва не „начала”, ни в коей степени не отменяло ленинской постановки вопроса, что только взятие власти в Петрограде и в Москве обеспечит победу. Наоборот, победа в Петрограде выдвигала выступление в Москве как задачу, не терпящую отлагательств не только на дни, но даже на часы.

После того как была зачитана телефонограмма из Питера, заседание московских партийных руководителей продолжалось недолго. Единодушно и без прений был сформирован Партийный центр по руководству восстанием — „семерка“, в которую вошли И. А. Пятницкий, М. Ф. Владимирский — от МК, И. Н. Стуков, В. Н. Яковлева — от Областного бюро, В. И. Соловьев — от Окружного комитета, Е. М. Ярославский — от Военной организации и Б. Г. Козелев — от профсоюзов.

Все они были хорошо известными в партии людьми, за плечами которых был многолетний опыт работы в подполье при царизме, опыт участия в первой русской революции. Партийный центр наделялся диктаторскими полномочиями, и решения его были обязательны для всех партийных организаций и для большевиков, входивших в Советский центр по руководству восстанием.

У руководителей Московского комитета партии не было сомнений в том, что большинство депутатов Московских Советов рабочих и солдатских депутатов одобрит и поддержит решение о создании Военно-революционного комитета. Но решение это все же требовало санкции объединенного пленума Советов, поскольку боевой орган предполагалось сформировать не только из большевиков, но и из представителей других партий, входивших в Советы. Пленум, назначенный на 3 часа дня, как выяснилось, мог собраться только к вечеру. Между тем обстановка требовала незамедлительных активных действий. И Партийный центр, не дожидаясь окончательного формирования Военно-революционного комитета на

Большевистская газета „Социал-демократ“ от 25 октября 1917 г.

Орудие революционных сил
на одной из московских улиц

пленуме Советов, взял инициативу в свои руки.

На бланках Московского комитета РСДРП (б) быстро печатаются первые удостоверения:

„Московский Комитет, Областной Комитет, Окружной Комитет и Военная Организация при МК РСДРП поручают т.т. Ведерникову и Аросеву предпринимать все необходимые шаги по занятию телеграфа, телефона и почтамта революционными войсками в целях охраны“.

„Московский Комитет, Областной Комитет, Окружной Комитет и Военная Организация при МК РСДРП уполномачивают тов. В. И. Соловьева принять меры к недопущению выпуска буржуазной прессы и занятию типографий буржуазных газет“.

Не теряя времени, А. С. Ведерников и А. Я. Аросев поспешили в Покровские казармы. Здесь размещались штаб и два батальона 56-го запасного полка, о больше-

вистских настроениях солдат которого было известно. В штабе шло заседание полкового комитета. Председательствовал пожилой офицер с хмурым лицом. Аросев попросил слова для внеочередного заявления.

— Товарищи! В Питере революция, восстание рабочих и солдат победило! Теперь слово за нами. Надо усиленно охранять все учреждения и в первую очередь сейчас же занять почту и телеграф!

— А кто вы, собственно, такие? — раздраженно спросил председательствующий.

— Мы говорим от имени Военно-революционного комитета, — ответил Ведерников.

— Что за комитет, мне о нем ничего не известно, — продолжал настаивать офицер.

— Большевистский! — твердо сказал Ведерников. — Впрочем, весь состав его сегодня будет санкционирован Советом.

— Ага, большевистский, — как

бы про себя пробурчал офицер, почесав переносицу.

Какой-то небритый штабс-капитан пробормотал, что надо слушаться военного начальства и ждать его приказаний.

Наступило неловкое молчание. И тогда поднялся с места солдат, тоже член полкового комитета.

— Товарищи, тут разговаривать нечего. Партия большевиков призывает нас на защиту революции. Выступим все, товарищи, как один человек!

Слова его потонули в одобрительном гуле голосов. Плотина нерешительности была прорвана. Офицеров уже никто не слушал. Через 15 минут, разобрав оружие, две роты двинулись к Мясницким воротам, где находились Почтамт и Центральный телеграф. Быстро, без суеты заняли все входы и выходы, расставили караулы. Одновременно выставили охрану и у междугородной телефонной станции.

Сделано это было весьма своевременно. Час-другой спустя сюда же подошел отряд юнкеров под командой офицера. Встреченный солдатами, он не решился пустить в ход оружие и вынужден был ретироваться.

Но караулы, установленные снаружи, внутрь зданий не входили и были лишены возможности контролировать работу почтово-телеграфных служащих. Настроены же те были отнюдь не благожелательно по отношению к Советам. Вот почему задерживались телеграммы Советской власти из Питера, а штаб Московского военного округа сохранял связь со Ставкой и имел возможность мобилизовать и концентрировать свои силы. Не была занята и Центральная телефонная станция в Милютин-

ском переулке, что тоже было на руку контрреволюции. Все эти промахи в дальнейшем повлекли за собой тяжелые последствия.

Выполняя решение Партийного центра, В. И. Соловьев уведомил издателей буржуазных газет „Русское слово“, „Утро России“, „Русские ведомости“ и „Раннее утро“ о временном прекращении их выпуска. Уже на следующий день буржуазия осталась без своих газет. Но эсеровский „Труд“ и меньшевистский „Вперед“ выпускались беспрепятственно и открыто вели контрреволюционную пропаганду.

Тогда же по районным Советам от имени бюро большевистской фракции Совета рабочих депутатов была разослана телефонограмма:

„Борьба за власть в Петрограде началась.

Правительство сопротивляется. Город в руках революционного центра.

Московским Советом принимаются соответствующие меры.

Немедленно на местах поставить на ноги весь боевой аппарат. Без директив из Центра никаких действий не предпринимать. Восстановить дежурство круглые сутки членов Исполнительного комитета...”

В свою очередь Московский губернский Совет рабочих и солдатских депутатов разослал уездным Советам губернии телефонограмму, в которой сообщал о восстании в Петрограде и предлагал местным Советам „создать на местах пятерки, обладающие всей властью“, реквизировать все частное оружие и автомобили, „поставить охрану на телеграф и телефон и казначейство. Установить цензуру телеграмм и телефонных перего-

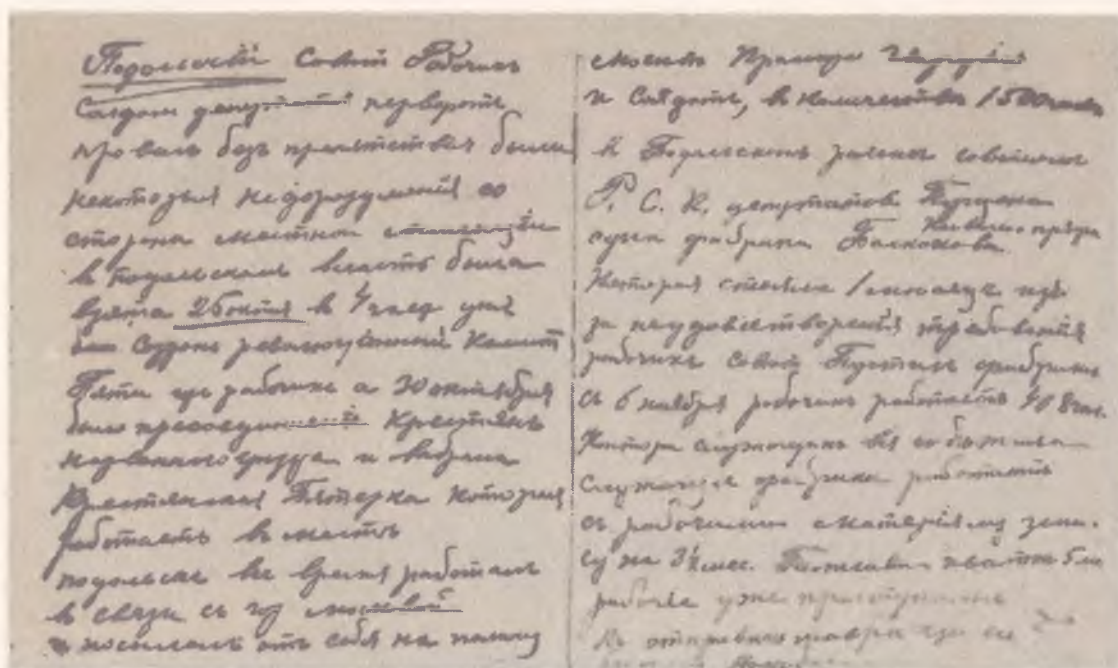
Московские большевики — активные участники Октябрьской революции:
М. Ф. Владимирский,
И. Н. Стуков,
В. И. Соловьев,
П. Н. Мостовенко

воров. Подчинить себе милицию, войти в немедленное сношение с окружающими вас воинскими частями...”

В Иваново-Вознесенск, Владимир, Кострому, Ярославль, Нижний Новгород, Смоленск, Воронеж и другие города Московской области, объединявшей 13 центральных губерний, от имени Московского областного бюро полетели телеграммы с загадочными текстами: „Докладчик будет“, „Бумаги нет“, „Денег нет“, „Лекцию отмените“... Но получатели заранее и хорошо знали их действительный смысл: „У нас началось, выступайте и берите власть!“

Механизм восстания был пущен в ход. И все же Партийный центр в этот день действовал ограниченными средствами и силами. Каким-либо попыток активизировать рабочую массу, красногвардейские отряды, если не считать решения о переводе организаций на боевое положение, не предпринималось. Указание же „без директив из Центра никаких действий не предпринимать“ скорее сковывало инициативу масс, чем развязывало ее. Не были заняты важные стратегические пункты. Городская дума и штаб Московского военного округа — эти главные центры организующейся контрреволюции —

Сообщение Подольского Совета рабочих и солдатских депутатов Московскому Совету о взятии власти в городе и уезде. 25 октября 1917 г.

оставались в неприкосновенности. Не попытались обезвредить и ее главарей. Все они продолжали разгуливать на свободе.

Конечно, проще всего было бы упрекнуть московских большевистских руководителей в нерешительности и этим ограничиться. Но ведь то, что очевидно теперь, когда в деталях прослежен и известен дальнейший ход событий, было далеко не таким уж ясным руководителям борьбы в тот октябрьский день. Осторожность, проявленную ими 25 октября, можно если не оправдать, то как-то объяснить.

Уже сама телефонограмма Ногина и Милютина, в которой сообщалось, что „переворот произошел совершенно спокойно“, внушала иллюзию возможности мирного перехода власти, а фраза о низложении Временного правительства, сформулированная в будущем времени, могла поро-

дить какую-то неопределенность. Мало того, в Москву тогда же поступали и другие сведения. Например, что Временное правительство прочно удерживает власть, что петроградские большевики добровольно ушли с телеграфа и т. д. На подобную „информацию“ петроградские эсеры и меньшевики не скупились, и она тоже сыграла свою роль. Продолжала действовать и инерция ожидания съезда Советов, который должен был еще только собраться. Наконец, надежда договориться с меньшевиками и эсерами на вечернем пленуме Советов также подталкивала к действиям ограниченным. Все ждали постановлений пленума.

Днем 25 октября состоялось заседание бюро фракций Совета рабочих депутатов. На него явились и эсеры: городской голова В. В. Руднев и командующий Московским военным ок-

ругом полковник К. И. Рябцев — люди, возглавившие в последующие дни вооруженную борьбу против Советской власти в Москве.

— Правительство не арестовано, — с ходу заявил Рябцев. — Силы сторон собраны, но ни одна из них не решается сделать первый шаг. К Петрограду подходят две дивизии, верные Временному правительству.

Руднев добавил к этому, что стратегические пункты в Петрограде большевиками не заняты, а железнодорожный и почтово-телеграфный союзы объявили о своей поддержке Временного правительства.

Расчет контрреволюционеров был прост: запугать большевиков и не допустить перехода власти в руки Советов.

Под конец была зачитана „согласительная“ резолюция, заранее подготовленная меньшевиками и эсерами. Предлагалось создать в Москве „революционно-демократический орган“, в который бы вошли не только представители Советов, но и гласные городских и земских самоуправлений, офицеры из штаба округа и т. д. Так собирались „утопить“ Советскую власть в конгломерате организаций и учреждений, явно или скрытно поддерживавших Временное правительство.

Резолюцию не ставили на голосование. Большевистские представители заявили, что передадут ее на обсуждение своей фракции. На том и разошлись.

Только в 6 часов вечера собрался наконец объединенный пленум Московских Советов.

...Рано смеркается на улицах Москвы в последние октябрьские дни. А в этот промозглый вечер

сумерки казались еще гуще — по небу неслись тяжелые рваные облака, моросил дождь. Депутаты сходились к Политехническому музею почти в полной темноте.

Многое повидала за последние восемь месяцев аудитория № 1. Вот и теперь огромный ее амфитеатр забит до отказа. Рабочие и солдаты заполняли проходы, устраивались на ступеньках, ведущих к верхним рядам.

Председатель Совета В. П. Ногин еще в Петрограде, и заседание открывает член президиума Совета Петр Гермогенович Смидович. В партии его называли „старейшиной“ или „стариком“, но не за возраст — ему шел только 44-й год, — а за давнюю революционную деятельность и совершенно седую голову.

— Товарищи! — сказал он. — В ходе великих революционных событий, которые мы переживали за эти восемь месяцев, мы подошли к наиболее революционному моменту. Широкие массы постепенно в ходе революции приходили к сознанию, что власть для решения задач, ею поставленных, должна принадлежать народу. Наш Совет неоднократно уже формулировал своим большинством, что власть эта должна быть осуществлена в виде перехода в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Процесс этого перехода власти совершается. Пусть каждый осознает, что в настоящий момент ответственность каждого из вас перед русским народом, перед русской историей возрастает в громадной степени, и пусть в сознании этой ответственности приступим мы к этой работе. Сегодня мы будем говорить об образовании нового революционного центра власти в Москве.

Хамовнический плац. Москва. 1917 г.

Сейчас я предоставляю слово для информации нескольким товарищам, чтобы вы лучше могли ориентироваться, а потом представители фракций сделают заявления о принципе организации власти. Как, согласны с таким порядком? Принято!

Первым на трибуну поднялся большевик, солдат московского гарнизона Николай Иванович Муралов. Огромный рост его и зычный голос производили сильное впечатление. Он довел до сведения собрания содержание утренней телефонограммы Ногина, сообщил о неудачных попытках правительства закрыть „Рабочий путь“, о занятии силами Петроградского ВРК Балтийского вокзала и других пунктов и учреждений.

Вслед за ним выступили представители меньшевиков и эсеров, повторившие то, что говорили днем на заседании бюро фракций Рябцев и Руднев, пытаясь убедить собрание, что Керенский сохра-

няет власть и положение его прочно.

Тут же меньшевистский лидер Исув обрушился с градом вопросов на Ведерникова, руководившего днем операцией по занятию почты и телеграфа.

— Позвольте узнать, от чьего имени вы явились на телеграф, от чьего имени сделали ультиматум и требовали цензуры? Прошу ясного ответа!

— Я действовал от имени Московского комитета РСДРП и большевистской фракции Совета, поскольку никого из других фракций еще не было. Я думаю и надеюсь, что Советы рабочих и солдатских депутатов утвердят эти действия и признают их правильными, ибо только это нужно было сделать в настоящее время.

— А когда вы разговаривали на почте и телеграфе, вы подчеркнули, что нет еще мнения Совета и что это есть лишь мнение одной из политических организаций?

Здание, в котором размещался ВРК Пресненского района Москвы

— Да, я сказал, что это в Совете не обсуждалось, но обсуждалось в Московском комитете, и показал свой мандат. Чиновники, как известно, отказались выполнить мои требования и заявили, что будут на стороне Временного правительства, а Совету телеграммы передавать не будут.

Зал с одобрением слушал рассказ Ведерникова о его действиях и возмущенно реагировал на сообщение о саботаже почтово-телеграфных служащих. Обескураженный Исув должен был прекратить свои вопросы.

Большевики предложили принять следующую резолюцию:

„Московские Советы рабочих и солдатских депутатов выбирают на сегодняшнем пленарном заседании революционный комитет из 7 лиц. Этому революционному комитету предоставляется право кооптации представителей других революционных демократических организаций и групп с утвержде-

нием пленума Совета рабочих и солдатских депутатов. Избранный революционный комитет начинает действовать немедленно, ставя своей задачей оказывать всемерную поддержку революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов“.

Выступления эсерки Ратнер и меньшевика Исува по смыслу совпадали между собой и сводились к следующему: бессмысленно и авантюристично говорить о взятии власти Советами накануне созыва Учредительного собрания.

— Если вы сторонники захвата власти, — зывал Исув, — выждите хотя бы решения съезда Советов!

Меньшевики еще надеялись, что съезд примет эсеро-меньшевистские решения, откажется от того, чтобы власть взяли Советы.

Резолюции, предложенные эсерами и меньшевиками, повторяли „согласительную“ резолюцию, оглашенную на дневном заседании бюро фракций. Эсеры в своей дек-

ларации заявили, что их фракция „отказывается поддержать большевистское движение и употребит всю силу своего партийного влияния, чтобы отвлечь массу от участия в восстании“, „будет протестовать против создания всяких организаций, направленных к захвату власти“.

После короткой перепалки по вопросу о том, какая резолюция должна голосоваться первой, собрание решило, что большевистская. И представители фракций выступили снова, теперь уже по мотивам голосования:

— Фракция социалистов-революционеров заявляет, что она в голосовании той резолюции, которая сейчас будет предложена, участия не принимает.

— Фракция меньшевиков будет принимать участие в голосовании, но будет голосовать против этой резолюции.

— Беспартийные, верные своим обязательствам, принятым согласительной комиссией, в голосовании участвовать будут, но будут голосовать против резолюции большевиков.

— Объединенцы против создания революционного органа ничего не имеют, но так как мы не согласны с его конструкцией, то от голосования воздерживаемся.

Перед голосованием был объявлен перерыв.

Председательствовавший после перерыва член президиума Совета большевик Е. Н. Игнатов сказал:

— Ставлю резолюцию большевиков на голосование. Кто за — прошу поднять карточки.

За — 394! Против — 106, воздержались — 23. Большевистская резолюция собрала всего 113 голосов. Эсеры участия в голосовании не принимали.

Удар, нанесенный соглашателям, был сокрушительным. Они никак не ожидали, что пленум с таким единодушием пойдет за большевиками. Сорвать создание Военно-революционного комитета не удалось. Но что дальше? Снова поднимается растерянный Исув.

— Фракция меньшевиков просит перерыва для обсуждения создавшегося положения, хотя бы на 20 минут. Надеюсь, что в этом вы нам не откажете.

Большинство голосует за перерыв...

И снова на трибуне меньшевик.

— Перед нами стоит вопрос, как нам поступить. Товарищи эсеры решили вопрос просто. Они в этот орган не входят. Мы так решить вопрос не можем. Мы знаем, что вы, быть может, были бы довольны, чтобы мы туда не вошли, чтобы мы не стояли на вашем пути. Мы в этот орган войдем, но войдем не для тех целей, для которых идете вы, а для того, чтобы продолжить там ту же работу, которую мы делали в Совете.

Сказано было куда как ясно. Меньшевики шли в ВРК не как боевые товарищи, а как сила, противная восстанию, противная власти Советов. Объединенцы со своей стороны также заявили о своем вхождении в ВРК, работали в нем несколько дней, но их колеблющаяся позиция, ставка на мирное соглашение с силами контрреволюции не могли не сказываться отрицательно, усиливая в нем соглашательские тенденции.

Каждая из фракций предложила своих кандидатов. В результате голосования Военно-революционный комитет был избран в составе семи членов и шести кандидатов.

Здание Совета и ВРК Бутырского района

Из 13 избранных членов и кандидатов ВРК восемь были большевиками, двое — меньшевиками и трое — объединенцами. Девять человек являлись членами Совета рабочих депутатов, четыре — членами Совета солдатских депутатов, причем все они были большевиками. В дальнейшем состав ВРК менялся — ушли из него меньшевики, а затем и объединенцы, а кооптированы были большевики, представлявшие разные организации — Партийный центр, профсоюзы, Временный совет полковых, ротных и бригадных комитетов и т. д. Число его работников временами превышало 30 человек.

Формально председателя ВРК не избирали, но фактически им был Григорий Александрович Усиевич. Совсем молодой — в 1917 г. ему не было и тридцати, — сутулый и очень близорукий, внешне он мало напоминал боевого руководителя, каким был на самом

деле, твердо проводя революционную линию и постоянно находясь на самых опасных участках борьбы. Юношей вступил Усиевич в революционное движение и уже в 1908 г. стал членом Петербургского большевистского комитета. А в 1910 г. первый арест и первый приговор — два с половиной года одиночки, потом „вечное поселение“ в Сибири, бегство в Австрию. Здесь его в начале войны вновь арестовали как русского подданного. Наконец, свобода и Швейцария. В Россию он вернулся в апреле 1917 г. вместе с В. И. Лениным и сразу окунулся в самую гущу революционной работы. В 1918 г. партия послала его в Сибирь за хлебом для голодающей Москвы. Там он погиб в бою с белоказаками. Останки его были разысканы много позже. Сейчас в селе Красногвардейском Свердловской области на могиле героя Октября стоит обелиск.

Дом ВРК Басманного района

Активные участники Октябрьской революции в Москве:
А. С. Ведерников, И. В. Русаков, В. П. Файдыш

Георгий Ипполитович Оппоков, известный в партии под псевдонимом А. Ломов, тоже юношей ушел в революцию, предпочтя судьбу профессионального революционе-

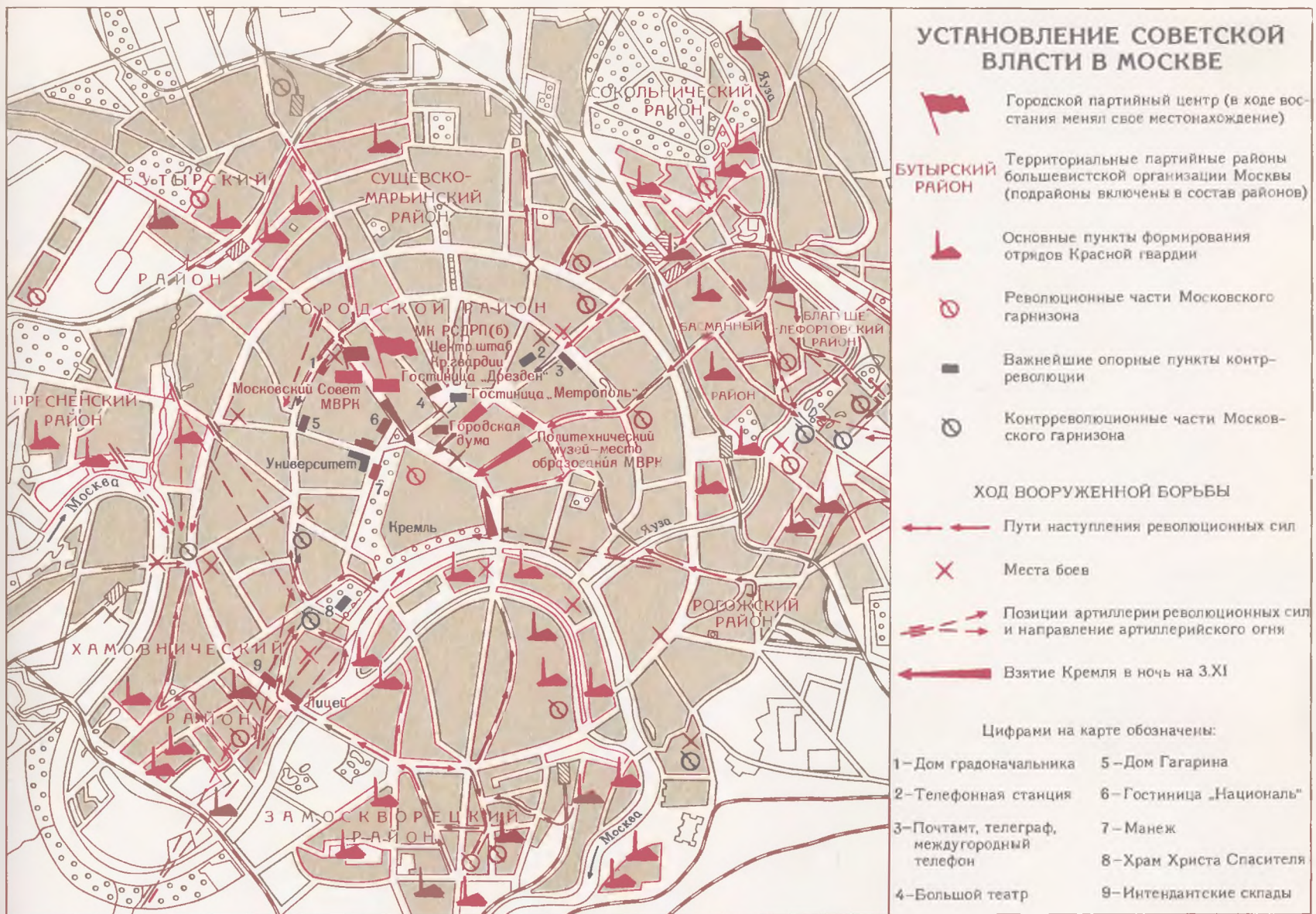
ра блестящей карьере юриста, которую ему прочили. Высокий, статный, с эспаньолкой, в потертом костюме и с неизменным черным бантом под воротничком, он был

одним из самых деятельных и влиятельных членов ВРК.

Алексей Степанович Ведерников, введенный в состав ВРК 26 октября, вступил в партию в 1902 г. в Томске, где работал в железнодорожных мастерских. Здесь он познакомился с С. М. Кировым. Декабрь 1905 г. Ведерников встретил в Москве организатором боевых дружин. Потом — арест и суровый приговор: шесть лет каторги и „вечное поселение“. Из ссылки его освободил Февраль 1917-го. И вот снова Москва. Сибиряк — так звали его товарищи — стал одним из признанных вожakov Красной гвардии и ее начальником. Вот где пригодился опыт 1905 года! В октябре 1917-го — напряженная боевая работа без сна и отдыха, а после революции — фронт борьбы с разрухой в промышленности. И натруженное сердце не выдержало. Он не дожил и до сорока, скончавшись в январе 1919 г.

Прапорщики Александр Яковлевич Аросев и Василий Михайлович Смирнов, солдаты Павел Николаевич Мостовенко, Станислав Янович Будзинский и Николай Иванович Муралов были „военспецами“ ревкома. На них лежала и штабная работа, и непосредственное руководство военными действиями. Каждый из них в прошлом пережил годы подполья, аресты, тюрьмы, ссылки — прошел обычную для революционеров школу жизни и борьбы.

...Поздним вечером расходились депутаты Совета по пустынным улицам. По-прежнему дул ветер и моросил дождь. А в здании музея остался только что избранный Военно-революционный комитет, чтобы приступить к своей ответственной и трудной работе.

Карта-схема „Восстание в Москве в октябре 1917 г.“

*

Пока в Политехническом музее заседал пленум Советов рабочих и солдатских депутатов, совсем неподалеку, в городской думе на Воскресенской площади, шло другое заседание.

Темное здание охранялось рядом конной милиции. На площади — кучки любопытных. Зал переполнен. Собрались все дум-

ские гласные. Присутствует и большевистская фракция. Атмосфера тревожная. Озабочены лица эсеровских и кадетских лидеров.

Наконец в 9 часов вечера председатель думы, седобородый эсер Минор, открывает заседание.

Слово для информации получает городской голова Руднев, ставший эсером еще в 1904 г. Он явно волнуется, обращаясь к собравшимся:

— В Петрограде фактически совершен переворот. Предпарламент разогнан, телеграф и вокзалы в руках большевиков. Но правительство не сдалось, оно сопротивляется. Московская дума не располагает физической силой и бессильна помочь Временному правительст-

Отряд революционных солдат в октябре 1917 г.

ву, но она есть единственная верховная власть в городе и не может дать санкции тому, что происходит сейчас в Петрограде...

У нас, в Москве, тоже осуществляется насилие меньшинства над большинством, большевики захватили телеграф и почту, занимают другие учреждения. Дума, представляющая большинство населения и единственная законная власть в городе, не может этого потерпеть и допустить!

Слово для ответа взял член большевистской фракции Иван Иванович Скворцов-Степанов — человек из тех, чья жизнь, по выражению А. М. Горького, вызывает „радостное изумление перед их духовной стойкостью и духовной красотой“. Скромный преподаватель одного из московских училищ, Скворцов-Степанов со студенческих лет, еще в 90-х годах прошлого века, вступил в революционное движение и стал одним из виднейших работников московской партийной организации. Его знали как крупного публициста и ученого. Ему принадлежит перевод на русский язык „Капитала“ К. Маркса, перевод, который Ленин считал одним из лучших. В 1917 г. он был членом Московского комитета партии, редактором „Известий“ Московского Совета и членом редколлегии „Социал-демократа“.

Речь Скворцова в думском заседании была резка и обличительна:

— Городской голова говорит тут, что дума представляет большинство населения. Это неправда! Выборы в районные думы показали, что теперь вы меньшинство. Дума не представляет сейчас населения. Во имя будущего страны мы говорим смело и решительно. Власть захватывает не ничтож-

ное меньшинство, а представители большинства страны. Принимайте свою резолюцию. Мы не будем участвовать в ее голосовании. Но помните об ответственности, которую берете на себя. То, что могло произойти без пролития крови, может сейчас стоять громадных жертв, если вы будете вызывать войска во имя меньшинства. Вы хотите ликвидировать выступление рабочих и крестьян силой, что ж, попробуйте, посмотрим, как это вам удастся!

То, что произошло потом, трудно даже назвать прениями. Эсеры вместе с кадетами обрушились на большевиков.

— Вы срываете Учредительное собрание! — кричали одни.

— Вы кучка заговорщиков!

— Вы открываете фронт врагу и губите Россию! — вторили другие.

Меньшевики, как это не раз с ними бывало, сидели между двух стульев — одни требовали безоговорочно поддержать Временное правительство, другие настаивали на создании „общедемократического органа“ и заявляли, что уйдут из него, если он начнет применять репрессии...

Но о какой поддержке Временного правительства могла идти речь? Ведь сами кадеты и соглашатели уже не верили в его дееспособность. Официальные правительственные лица — городской комиссар Б. Н. Григоров и губернский комиссар А. А. Эйлер — даже не были приглашены на заседание думы.

Голосовалась эсеровская резолюция, осуждавшая восстание, которое якобы открывало дорогу контрреволюции. В заключение эсеры предлагали сплотиться вокруг городской думы, названной „единственным представителем

воли всего московского населения и единственным полномочным органом государственной власти в Москве“.

Левые эсеры от голосования воздержались, меньшевики-объединенцы, осудив большевистское выступление, все же голосовали против. Большевики покинули зал перед голосованием. Большинство голосов резолюция была принята. Затем по предложению Руднева постановили образовать при думе Комитет общественной безопасности.

„Орган этот, — объявил Руднев, — имеет своей задачей охрану безопасности московского населения“. Но все это были слова. На самом деле создавался орган подавления восстания рабочих и солдат. Председателем комитета стал все тот же Руднев. В состав его вошли командующий округом полковник Рябцев, текстильный фабрикант кадет Бурышкин, эсеры Коварский и Студенецкий и несколько других лиц.

Расходились уже поздно ночью, подавленные и мрачные. Перед уходом Руднев предложил:

— Давайте не ночевать дома, а то еще, чего доброго, арестуют в постели.

Опустела Воскресенская площадь. Покинула свои посты конная охрана думы...

Кончился первый день революции в Москве. Две враждебные силы стали друг против друга, готовые пустить в ход оружие. Вооруженное столкновение между ними близилось и надвигалось как неизбежность.

Штурм Зимнего. 25 октября 1917 г.
Фрагмент панорамы
из Музея революции СССР
(Ленинградский филиал)

ЗИМНИЙ ВЗЯТ!

ОТЪ ВОЕННО РЕВОЛЮЦІОННАГО КОМИТЕТА.

АРЕСТЪ Временнаго Правительства.

25 октября въ 2 часа 10 м. ночи арестованы членомъ Времен. Революціон. К-та И. К. С. Р. и С. Д. Антоновымъ по постановленію К-та контръ-адмир. Вердеревскій, мин. гос. призрачія Кишкинъ, мин. пром. Коноваловъ, земледѣлія Масловъ, мин. путей сообщ. Анверовскій, управляющій военнымъ мин. Маниковскій, министры: Гвоздевъ, Малянтовичъ, Третьяковъ, генер. для порученій Борисовъ, контролеръ Смирновъ, мин. просв. Салазкинъ, мин. фин. Бернацкій, мин. иностр. дѣлъ Терещенко, помощн. особо-уполн. Вр. Правит. Рутенбергъ, мин. почтъ и телегр. Никитинъ, мин. исповѣд. Карташевъ, инженер. Пальчинскій. Офицеры и юнкера бывшіе во дворцѣ обезоружены и отпущены.

ЗИМНИЙ ВЗЯТ!

Главной операцией дня 25 октября было занятие революционными силами Мариинского дворца и разгон Предпарламента. К половине двенадцатого там уже собралось много людей. Журналисты обменивались новостями. В половине первого начали работу фракции. В это время к зданию подошел большой отряд солдат Кексгольмского полка и матросов Гвардейского экипажа. Прибыл броневик „Олег“. Революционные силы оцепили здание. Солдаты и матросы во главе с комиссарами вошли внутрь и встали шпалерами вдоль главной лестницы. Комиссары ВРК потребовали от председателя Временного Совета республики прекратить работу и очистить помещение. Некоторые члены Предпарламента сочли за благо сразу удалиться. Но Авксентьеву удалось все же собрать Совет старейшин и принять постановление разойтись, подчиняясь силе.

Сто с лишним членов Предпарламента собрались в Большом зале дворца. Там решение Совета старейшин было поставлено на голосование. За то, чтобы разойтись, проголосовало 56 человек, против — 48, 2 воздержались. Караул

после четырехкратной проверки выпускал членов Предпарламента из здания и вновь туда никого не пускал.

В этот момент маленький сухонький генерал стал требовать от кексгольмцев, чтобы его пустили во дворец. Солдаты отвечали: „Не велено“. Тогда разозлившийся генерал потребовал начальника караула. Когда тот прибыл, генерал заявил:

— Я ваш бывший главнокомандующий генерал Алексеев. Немедленно пропустите меня в здание Предпарламента!

— Ваше превосходительство! — отвечал офицер. — По постановлению Военно-революционного комитета Временный Совет Российской республики распущен. Так что никак не можем вас пропустить.

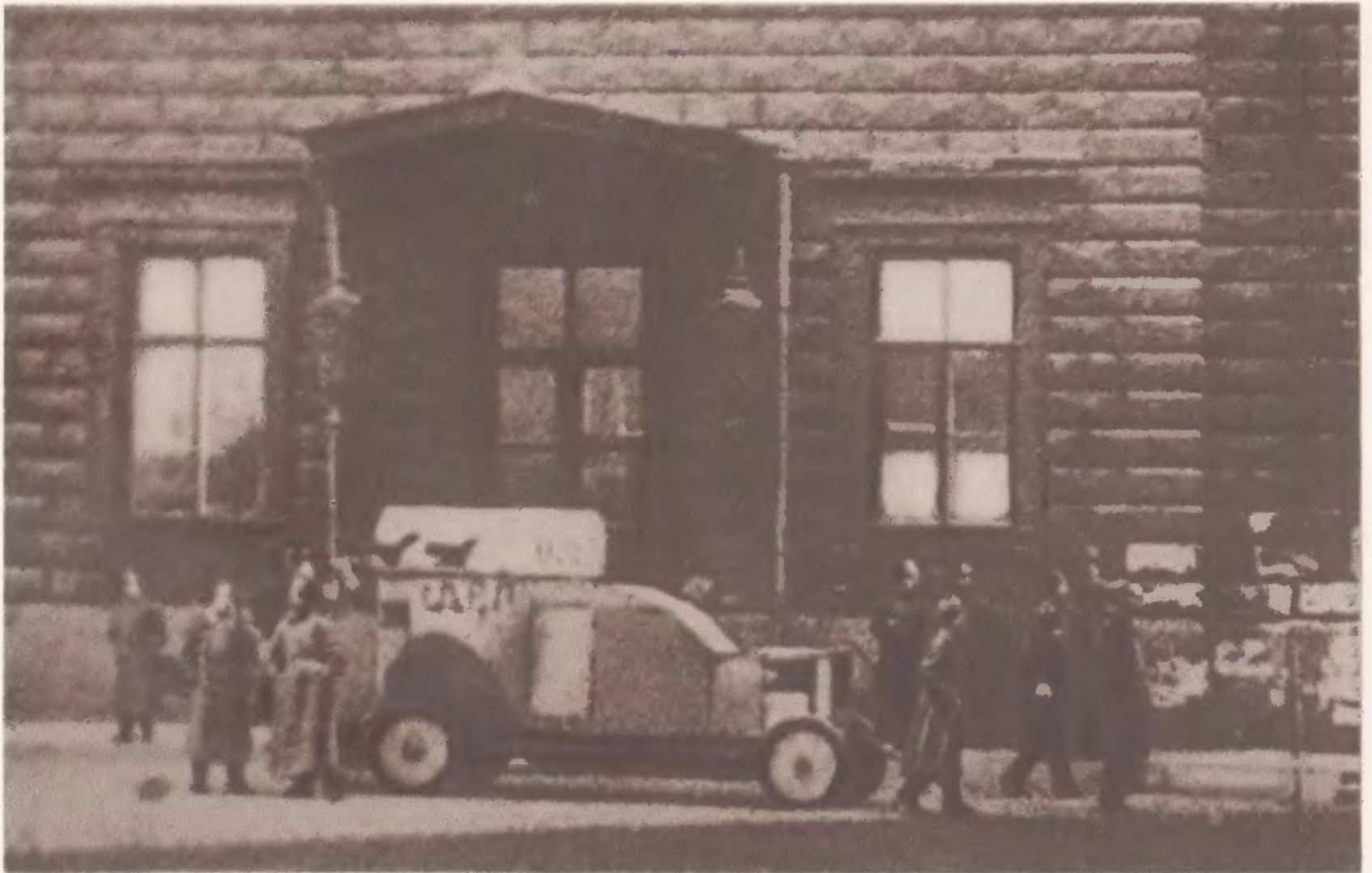
— Безобразия! — проворчал Алексеев и удалился.

Появившийся вскоре комиссар ВРК выразил сожаление, что Алексеева не арестовали. Случайно оставшись на свободе, этот генерал вскоре уехал на Дон, где начал интенсивно сколачивать добровольческую белую армию. 25 октября вечером сумел выехать в Москву,

а затем и на Дон лидер кадетской партии Милюков.

После того как помещение Предпарламента было очищено, у здания остался небольшой караул и броневик. Новый переулочек и Вознесенский проспект были перегородены баррикадами из автомобилей. Последним участком Петрограда, на который еще распространялся контроль Временного правительства, была Дворцовая площадь. Утром сюда прибыло небольшое подкрепление: две роты школы прапорщиков инженерных войск. На объемистой поленнице дров, привезенных для отопления Зимнего дворца и сложенных перед его главными воротами, юнкера сделали несколько пулеметных гнезд. Во дворе Зимнего размещалась батарея Михайловского артиллерийского училища. После долгих колебаний сюда прибыли три сотни казаков с пулеметной командой. Были задержаны во дворце и „ударницы“ женского батальона.

Гарнизон защитников Зимнего составил около 2,5 тысячи человек. В главных воротах стоял бездействовавший броневик, который можно было использовать

Захват Мариинского дворца. Броневи́к Военно-революционного комитета „Олег“ поддерживает войска, действующие против Предпарламента. 25 октября 1917 г.

только как пулеметную точку, и шесть трехдюймовых орудий. Военные власти надеялись с помощью этих сил отбить любую попытку ареста Временного правительства до приезда Керенского и прихода свежих частей с фронта. Но переходить в контрнаступление против большевиков с такими силами нечего было и думать.

Первая же попытка юнкеров инженерной школы отбить Центральную телефонную станцию закончилась неудачей. Как только

юнкера завидели броневи́к у здания станции, они отказались лезть под пулеметный огонь. Половина отряда повернула обратно, а вторая попала в плен к революционным солдатам и была разоружена.

В 2 часа 35 минут в Актовом зале Смольного открылось общее собрание Петроградского Совета и депутатов Второго Всероссийского съезда Советов. На нем впервые после долгого перерыва выступил Владимир Ильич Ленин. Газетный отчет сохранил для нас

основные положения его речи. Он сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами

Баррикады из автомобилей на Вознесенском проспекте. 2 часа дня 25 октября.
За несколько часов до этого здесь успел проскользнуть Керенский...

создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма¹.

Вождь большевистской партии говорил о мире как первой из оче-

редных задач новой власти, о передаче земли крестьянам, об учреждении рабочего контроля над производством. Свою речь он закончил словами:

— В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!¹

Выступавший затем А. В. Луначарский подчеркнул, что восста-

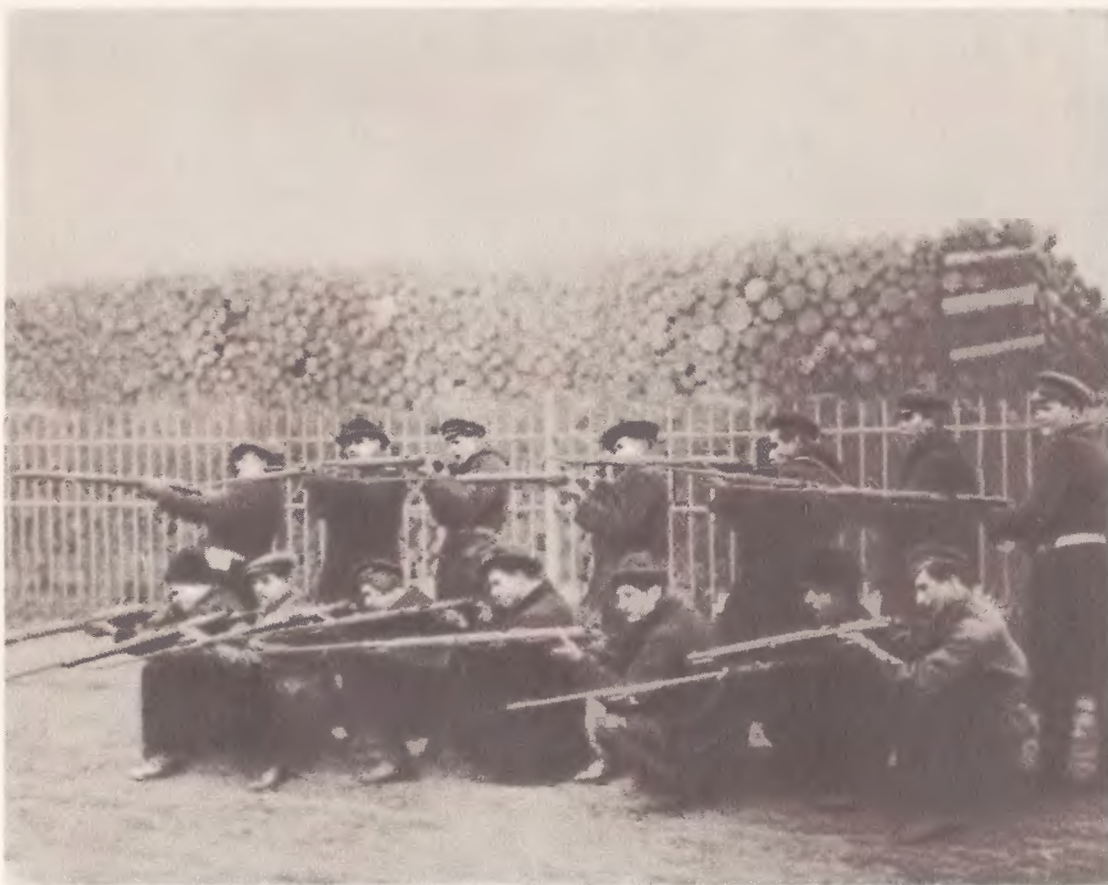
ние в Петрограде проходит исключительно организованно.

— Где те хулиганские погромы, — говорил он, — которыми нас пугали меньшевики и эсеры? Мы докажем, что доросли до той грандиозной задачи, которую мы взяли себе на плечи, и мы донесем эту тяжесть до желанной победы.

Большинством голосов Петроградский Совет принял написанную В. И. Лениным и предложенную от имени большевистской фракции В. Володарским резолюцию. В ней, в частности, говори-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 3.

Они уже стали героями и позировали для профессиональных фотографов. Красногвардейцы у ограды Смольного

лось: „Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании“.

Те характерные черты восстания, которые подчеркивались в этом ленинском документе, особенно проявились в районах столицы. Районные Советы получали ленинское воззвание „К гражданам России!“ либо в виде телефонограммы ВРК из Смольного (она стала передаваться после 12 часов

дня 25 октября), либо в виде листовки. Немедленно устанавливалась охрана всего района. В подрайонные комиссариаты милиции назначались новые комиссары, милиция усиливалась, а кое-где заменялась отрядами красногвардейцев. В Советах создавались новые отделы, которые должны были помочь осуществлению функций органов новой власти.

ВРК поручил районным Советам установить контроль над отделениями связи, куда назначались комиссары. На ряде заводов и в воинских частях проходили в этот день митинги, где принимались резолюции, требующие перехода всей власти к Советам. Профессиональные союзы поддержали

Петроградский Совет, выделили денежные средства.

По мере развития восстания четче обозначался и фронт его противников. После разгона Предпарламента легальным центром антибольшевистских сил стала Петроградская городская дума, создавшая Комитет общественной безопасности. На первом заседании комитета городской голова эсер Г. И. Шрейдер уверял, что положение Временного правительства прочное. Но прибывший из Смольного гласный думы большевик Д. З. Мануильский заявил, что Временное правительство низложено. Комитет не согласился с этим и постановил считать „вопрос о положении Временного правительства открытым“. Районным думами он рекомендовал создать комитеты общественной безопасности на местах.

ЦК меньшевиков в связи с „большевистским переворотом“ постановил на первом же заседании Второго Всероссийского съезда Советов огласить резолюцию протеста. После этого фракция должна была покинуть съезд. Такую же позицию заняли и меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым. Единственным путем разрешения кризиса меньшевики считали переговоры с Временным правительством для создания власти, „опирающейся на все слои демократии“. ЦК партии эсеров тоже осудил восстание. Но на заседании эсеровской фракции Второго Всероссийского съезда Советов произошел раскол, и резолюция ЦК социалистов-революционеров собрала всего 60 голосов против 93.

Все эти маневры и политические демонстрации уже не могли изменить военно-политическую

Пикет революционных солдат-кексгольмцев на Красном мосту через Мойку.
Вторая половина дня 25 октября

необходимости могло обстреливать Зимний дворец. Военно-революционный комитет поручил руководить действиями против Зимнего дворца непосредственно на месте В. А. Антонову-Овсеенко и Г. И. Чудновскому, комиссару ВРК в расположенном рядом с дворцом Преображенском полку. Координировать действия всех сил и держать связь со Смольным поручалось Н. И. Подвойскому, находившемуся в Петропавловской крепости.

Около 4 часов солдаты Кексгольмского полка по приказу ВРК заняли военное министерство на набережной Мойки, 67 (между Гороховой улицей и Кирпичным переулком). Там имелся прямой провод со Ставкой. Продвигаясь дальше вдоль набережной, кексгольмцы около 5 часов соединились с павловцами на Невском, на Полицейском мосту. Кольцо вокруг Зимнего смыкалось и с другой стороны. Однако на площади все еще хозяйничали вояки из штаба. Миллионную улицу, Певческий проезд и Дворцовую площадь от угла сквера Зимнего дворца до здания Главного штаба перегораживали одиночные юнкерские посты. Такие же посты стояли на Дворцовой набережной, у моста через Неву. По нему юнкера пропускали до 6 часов вечера трамваи. Проехав мимо высокой решетки, закрывавшей сквер Зимнего дворца, трамваи сворачивали направо, на Адмиралтейский проспект и в обход попадали на свои маршруты. Около 6 часов вечера на Дворцовой площади зажглись все фонари. Дополнительный свет падал на площадь из освещенных окон второго этажа дворца, где в 17 огромных залах были оборудованы казармы

Транспорт „Амур“, высадивший часть кронштадтского десанта у Сенатской площади

для юнкеров. Свет горел и во многих помещениях первого этажа, где все еще находились „ударницы“ женского батальона и казаки.

Что же делалось там, на бывшей половине императора и императрицы „всёя Руси“, которую заняло Временное правительство?

После отъезда Керенского его заместитель А. И. Коновалов около 12 часов дня открыл заседание правительства. На нем присутствовали Вердеревский, Никитин, Маслов, Саввин, Бернацкий, Малянтович, Смирнов, Ливеровский и Кишкин. Коновалов сообщил, что командующий округом Полковников еще ночью подал Керенско-

му рапорт, в котором признавал положение критическим из-за отсутствия войск. Это-де и вызвало спешный отъезд Керенского на фронт. Тут слышались жалобы, что Временному правительству Полковниковым не обеспечено должной охраны. Решено было его кем-нибудь заменить. О полной бессмысленности заседания свидетельствовали слова министра Вердеревского:

— Не понимаю, для чего это заседание собрано и для чего мы будем дальше заседать? У нас нет

→
Легендарный крейсер „Аврора“

никакой реальной силы, следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание.

Тем не менее заседание продолжалось. Бывший комиссар Временного правительства по Москве кадет Кишкин, занимавший в последнем правительстве Керенского скромный пост министра государственного призрения, был назначен „уполномоченным по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений“. Ему были даны два заместителя: инженер Пальчинский, личность авантюристического склада, которого Керенский использовал на второстепенных правительственных постах, и эсер Рутенберг, помощник Полковникова по гражданской части. В послужном списке Рутенберга был такой революционный „подвиг“, как сопровождение попа Гапона во всех его эскападах 1904—1905 гг. и казнь Гапона в Озерках под Петербургом в 1906 г. Министры уволили Полковникова в отставку, и он, находясь в состоянии полной протрации, покинул штаб округа. Вместо него был назначен бывший начальник штаба Багратуни. Начальником охраны Зимнего Кишкин сделал полковника Ананьева, начальника школы прапорщиков инженерных войск. Оборона Зимнего, которая находилась в хаотическом состоянии, была приведена, таким образом, в некоторый порядок.

Большинство юнкеров и их командиров никогда до этого не бывали в Зимнем и теперь впервые были ознакомлены с весьма сложным планом дворца. Временное правительство занимало около 30 помещений на втором этаже западного крыла вдоль сквера и северо-

западный угол с окнами на Неву. Над ними на третьем этаже находилась квартира министра-председателя.

Казаки и „ударницы“ получили приказ удерживать юго-восточное крыло дворца от главных ворот и вдоль Комендантского подъезда. Ораниенбаумские юнкера расположились в сквере Зимнего дворца за высоким, около двух метров, цоколем решетки. Они должны были охранять подступы к Салтыковскому подъезду со стороны Невы, Адмиралтейства и Александровского сада. Юнкерам петергофских школ поручалась охрана правительства и внутренние наряды во дворце. Юнкера школы прапорщиков инженерных войск несли наружную охрану и защищали пулеметные позиции. Обширный двор Зимнего казался тесным: его занимали казачьи и артиллерийские лошади, пулеметы, пушки. Полковник Ананьев приказал построить баррикады из дров у Зимней канавки и Дворцового моста, но выполнить этот приказ юнкера уже не сумели.

В 6 часов вечера вновь возобновилось заседание Временного правительства. Решали вопрос: разойтись или оставаться в Зимнем. Решено было остаться. Через 15 минут пришло известие, что юнкера Михайловского артиллерийского училища под воздействием комиссара училища К. Акашева ушли из дворца. Удалось задержать лишь два орудия да самого Акашева. Остальные упряжки рысью пересекли площадь и скрылись под Аркой Главного штаба. На углу Морской и Невского их разоружили, пушки отобрали и нацелили на Зимний дворец. В 6 часов 30 минут войска Военно-революционного комитета закончили оцепление

Зимнего дворца и начали готовиться к штурму.

Юнкерские посты располагались на Миллионной улице, Певческом мосту, у Арки Главного штаба, у Невского. Солдаты и красногвардейцы убеждали юнкеров сдать. Они колебались. Вскоре световыми сигналами их отозвали к Зимнему, за баррикаду. Площадь опустела. Со стороны Александровского сада, Невского, Морской и Певческого моста на нее въехали броневики Военно-революционного комитета и заняли входы на площадь.

В. И. Ленин все настойчивее требовал немедленного ареста Временного правительства. Приближалось время открытия съезда, а правительство все еще сидело в Зимнем! Антонов-Овсеенко и Чудновский решили в ультимативной форме потребовать добровольной сдачи Временного правительства. Для передачи ультиматума в штаб были отправлены два самокатчика — В. Фролов и А. Галанин.

Ультиматум гласил: „Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным. Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов „Авроры“, „Амура“ и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнке-

ра, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены. Для ответа вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 часов 10 минут, после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета необходимо закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному”.

Багратуни, Кишкин, Пальчинский и Рутенберг стали совещаться. Одному самокатчику предложили вернуться в крепость и попросить на размышление еще 10 минут. Потом все четверо удалились во дворец, а в штабе остался один из самокатчиков, сидевший у кабинета генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа Пораделова. Во дворце было решено на ультиматум не отвечать и не сдаваться, а сопротивляться до прихода Керенского с войсками. Пораделову ничего об этом не сообщили, телефон в Зимнем не отвечал, и тот решил в 19 часов 40 минут сдать Военно-революционному комитету вместе со всем штатом сотрудников штаба. В здание вошли солдаты Павловского полка и красногвардейцы. Так Временное правительство лишилось штаба. Лишь Зимний дворец и небольшой кусок площади перед ним оставались во владении Временного правительства.

Полученное в Петропавловской крепости донесение о занятии штаба было ошибочно принято за известие о сдаче Временного правительства. Подвойский и Антонов-Овсеенко поехали на автомобиле по Миллионной. Но едва машина показалась на горбу моста через Зимнюю канавку, как послыша-

лись предостерегающие крики павловцев.

— Что случилось? — спросил Подвойский.

— Куда же вы? Там юнкера!

— Так ведь временные сдались?

— Ну, да! Только что нас из пулемета так шарахнули! Поезжайте обратно, только штаб сдался.

Выяснив недоразумение, Подвойский повернул обратно в крепость, а Антонов-Овсеенко остался среди павловцев. Так как Временное правительство отказалось сдать, необходимо было спешно проверить готовность к атаке. Чудновский незадолго до этого на свой страх и риск ходил во дворец на переговоры, так как „ударницы” и юнкера гарантировали ему безопасность. Ему удалось вернуться. Миссия Чудновского не удалась, но собранные им сведения должны были пригодиться во время штурма. Со стороны Невы в Зимний по приглашению юнкеров ходил еще один представитель ВРК, прапорщик Павловского полка П. В. Дашкевич. Его впустили через Детский подъезд, расположенный у самого северо-западного угла дворца. Когда Дашкевич находился во дворце, члены Временного правительства убедили юнкеров остаться, и Дашкевича арестовали. Лишь после настойчивого требования юнкеров его выпустили, правда уже на площадь. Так Дашкевич, по сути дела, провел рекогносцировку всех внутренних помещений Зимнего дворца.

Моральный дух защитников Временного правительства падал с каждым часом. Речи министров, которых требовали к себе юнкера на поминутно возникавшие митинги, ненадолго улучшали настроение. Перспектива сражаться против всего петроградского гар-

низона отнюдь не прельщала юнкеров и казаков. В 9 часов министры Временного правительства послали отряд юнкеров „отбить штаб”. Юнкера не сделали и сотни шагов, как были окружены павловцами и красногвардейцами и разоружены. Закончилась неудачей и вылазка „ударниц”, пытавшихся занять позицию на штабеле дров вокруг Александровской колонны. Они были обстреляны из броневика и поспешно ретировались.

Напрасно Временное правительство посылало полные отчаяния обращения к фронту и провинции. В Могилеве генерал Духонин лишь ругал петроградские военные власти, а в Пскове командующий Северным фронтом Черемисов сообщал о своем нейтралитете, поскольку влияние большевиков в частях фронта было очень велико. Правительству советовали держаться и ждать войск, которые якобы уже вышли. На самом деле имелось только несколько самокатных рот, задержанных на станции Передольская. Больше никакие войска к Петрограду не двигались.

Около половины десятого вечера на площади стихийно началась перестрелка. Услышав ее, комиссар Петропавловской крепости приказал подать условный сигнал. Около 9 часов 40 минут из сигнальной полуденной пушки был сделан холостой выстрел. Красную вспышку выстрела заметили на „Авроре”. Комиссар Бельшевскомандовал: „Носовое, пли!” И второй холостой выстрел разорвал воздух.

На Дворцовой площади оба выстрела слышали почти одновременно. Послышались крики „Ура!”, стрельба усилилась. Осаждавшие

Кабинет незадачливого премьер-министра Временного правительства Керенского в Зимнем дворце в том виде, в каком его нашли участники штурма

стреляли из винтовок и пулеметов в направлении освещенной баррикады и окон дворца. Слышались удары пуль о штукатурку, звон разбитого стекла. С баррикады отвечали короткими пулеметными очередями. Вдруг выстрелы со стороны дворца прекратились. Замолчали и революционные войска. Вскоре показались парламентарии с белыми платками. Это были казаки 14-го Донского полка, которые в 9 часов 45 минут решили покинуть Зимний и вернуться

в казармы. Парламентарии были препровождены к комиссару Павловского полка О. П. Дзенису, который разрешил им по их просьбе выход с оружием. Опасаясь засады, Дзенис спрятал броневик в Мошковом переулке, однако все прошло без инцидентов. На время переговоров и выхода казаков стрельба прекратилась.

В эти минуты через оцепление у Екатерининского канала по Невскому пыталась пройти в сторону Зимнего делегация человек в 300

из антибольшевистски настроенных гласных Петроградской городской думы. Они шли, чтобы „умереть вместе с Временным правительством под развалинами Зимнего дворца“. Но матросы, которые стояли здесь в карауле, не пропускали гласных. Постояв с полчаса, те вернулись в здание думы на углу Невского проспекта и Думской линии.

Телефонные переговоры с городской думой и Ставкой несколько ободрили членов Временного правительства, а установившаяся на площади тишина вселяла в них надежду на приход подкреплений. После 10 часов вечера из Зимнего удалось отправить следующую телеграмму: „Правительство в полном составе, за исключением С. Н. Прокоповича, на посту. Положение признается благоприятным. Городская дума и Совет крестьянских депутатов на стороне правительства. Дворец обстреливался, но только ружейным огнем без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб. Из Ставки правительству сообщают, что на выручку идут войска с фронта. Самокатный батальон ожидается ночью, а несколько полков утром“.

Временное правительство рассчитывало обмануть фронт и провинцию. Но защитников Зимнего обмануть было нельзя. Во враждебной темноте на площади им чудились сотни тысяч солдат, матросов и красногвардейцев. Гарнизон Зимнего таял с каждым часом.

В момент выхода казаков из дворца прислали своих парламентариев „ударницы“ женского батальона и школа прапорщиков Северного фронта. Комиссары ВРК разрешили им выход, но с обязательной сдачей оружия. „Ударницы“ и юнкера стали выходить

в сторону Миллионной улицы. Юнкеров отпускали, а „ударниц“, чье расположение находилось на станции Левашово, устроили на ночлег в Павловских казармах. Так передышка на Дворцовой площади затянулась до 11 часов вечера. Больше пока сдаться никто не захотел, и тогда был начат артиллерийский обстрел Зимнего дворца. Он носил скорее символический характер. С площади от Арки Главного штаба из трехдюймовой пушки, отобранной у юнкеров, было сделано три выстрела шрапнелью. Один из снарядов разорвался над баррикадой, а стакан от него разбил форточку и влетел в зал над главными воротами Зимнего.

Со стороны Петропавловской крепости выстрелили по разу две шестидюймовые пушки. Снаряд бомбовой картечи попал в окно комнаты на третьем этаже, второй — был перелетом. Кроме того, из нескольких трехдюймовых орудий, выставленных перед западной оконечностью Петропавловской крепости, было сделано 30—35 выстрелов шрапнельными трехдюймовыми снарядами. Они в основном рвались над Невой. Только один из них долетел до Зимнего. Таким образом, разрушения от артиллерийского обстрела дворца были крайне незначительны, однако моральное воздействие артиллерийского огня на осажденных в Зимнем было чрезвычайно велико. В полной панике юнкера покинули свои наружные посты, пресловутую баррикаду и спрятались во дворце.

Под прикрытием артиллерийской канонады десятки красногвардейцев и солдат проникали во дворец через раскрытые окна со стороны Миллионной улицы, которая после ухода казаков и

„ударниц“ осталась без защиты. Матросы-кронштадтцы добирались до Детского подъезда. Большинство этих нетерпеливых добровольцев были разоружены юнкерами. Однако число разоруженных становилось все больше. Вскоре юнкера оказались в явном меньшинстве и матросы начали разоружать их. В половине двенадцатого несколько матросов поднялись по маленьким лестницам третьего этажа. Через световой люк, выходящий в Темный коридор второго этажа, всего в нескольких шагах от Малой столовой, где находились министры Временного правительства, кронштадтцы бросили вниз гранату. Взрывом был ранен юнкер, которому сделал перевязку Кишкин, врач по профессии.

Около часу ночи 26 октября, когда выяснилось, что перед дворцом юнкеров больше не осталось, Антонов-Овсеенко и Чудновский повели наступавших внутрь дворца. Небо чертили лучи корабельных прожекторов, свет лился из окон. Солдаты, красногвардейцы и матросы стреляли на бегу. В ответ раздавались редкие выстрелы из окон. Вот и левый подъезд. Штурмующие вдавливаются в узкие проходы. И вдруг останавливаются, еле сдерживая напор задних рядов. На нижней площадке лестницы цепь юнкеров с винтовками наперевес. Антонов-Овсеенко обращается к юнкерам с предложением сдаться. Недолгое колебание, и вот они расступаются, бросая оружие. Их мгновенно прижимают к стенам. Мимо несется людской поток. Туда, на второй этаж. Вот и площадка. Кругом двери. Куда? У одной из дверей Антонов-Овсеенко замечает фигуру в серой тужурке. Человек делает знаки:

К. С. Еремеев — один из членов Полевого штаба Военно-революционного Комитета

— Сюда, господа-товарищи, не знаю, как вас величать.

Это один из служителей дворца, несущих здесь круглосуточную вахту. Борясь с вполне понятным страхом, эти люди открывали двери и показывали кратчайшую дорогу к министрам. Чтобы не нанесли лишнего урона дворцу.

Малый Фельдмаршальский зал. Тут новая цепь юнкеров. Опять задержка, опять речь Антонова-Овсеенко. А где-то сзади, с площадки лестницы бегут и растекаются люди. Солдаты, красногвардейцы, матросы. Белый зал, Золотая гостиная, Малиновая гостиная. Служители в серых тужурках открывают двери. Испуганные лица юнкеров, поднятые руки, брошенное оружие. На полу тюфяки, смятые одеяла, брезент, покрывающий чудо-паркет.

— Мать честная! Красота-то какая! — ошарашенно шепчут штурмующие друг другу. Но останавливаться нельзя. Вперед!

Лестница, прямо по коридору. В комнатах всюду канцелярские столы, стулья, бумаги, шкафы с делами. Библиотека: тускло светятся золоченые переплеты. Эх, посмотреть бы! Но надо дальше. Что это? Дверь закрыта. Р-раз! Филенки с треском летят прочь. Гляди-ка! Ванная. Да какая! Огромная и внизу. И лесенка, чтобы спускаться.

И вдруг они остановились. Во всех предыдущих комнатах стены были затянуты холстом, за ним какие-то ребра. Картины, значит, в рамах, чтобы целее были. А тут: вот он царь Николай. Сам с портретов смотрит. В тужурочке серой, вроде этих, что двери открывают. И тут. И карточка царицы на письменном столе.

— Что же это, братцы? Будто и революции не было? Ах вы, сволочи, временные, вот вы тут чем за спиной нашей тешились?! Круши, ребята, бей царскую нечисть!

Это штурмующие добрались до кабинета Николая II, который Временное правительство решило сохранить в качестве „мемориального“. Только здесь проявилась во всю мощь народная ярость. В остальных же помещениях Зимнего, по которым пронеслась волна революционных сил, разрушения были минимальны.

В Малом Фельдмаршальском после речи Антонова-Овсенко юнкера тоже сложили оружие. И Антонов во главе восставших быстро пошел по Темному коридору. Со стен смотрели холеные лица сановников эпохи Александра II. Вдруг навстречу выбежал Пальчинский:

— Товарищи, товарищи! — закричал он, — куда вы?! Достигнуто соглашение о прекращении огня. Представители думы идут сюда с министром Прокоповичем, которого ваши большевики выпустили из Смольного!

— Он врет, товарищи! — крикнул Чудновский. — Не может такого быть. Арестовать его!

Треснула дощатая перегородка. Впереди Ротонда, затем Арапский зал. В нем последняя цепь юнкеров. Они складывают оружие.

— Где Временное правительство? — спрашивает Антонов.

Юнкера кивают на дверь слева. Он рывком открывает ее, берет с собой 20 человек из первых рядов и входит в Малую столовую.

— Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное лицо, — вспоминал он потом, спустя несколько лет. — Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!

— Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, — отвечает Коновалов.

Это произошло в 1 час 50 минут ночи на 26 октября 1917 г. Временное правительство перестало существовать.

Потребовалось некоторое время, чтобы установить личности арестованных, отобрать их оружие, переписать и составить протокол. Из маленькой комнатки генерала для поручений Борисова Чудновский звонит на телефонную станцию, просит соединить со Смольным и передать по районам: „В 2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец. 6 человек убито павловцев. Комендант Зимнего дворца Чудновский“.

А Антонов-Овсенко составляет протокол и дает его всем подписать. В протоколе говорится: „25 октября в 2 часа 10 минут ночи арестованы членом Временного революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Антоновым по постановлению комитета контр-адмирал Вердеревский, министр госпризнания Кишкин, министр торговли и промышленности Коновалов, земледелия Маслов, путей сообщения Ливеровский, управляющий военным министерством Маниковский, Гвоздев, Мянтович, Третьяков, генерал для поручений Борисов, контроля Смирнов, просвещения Салазкин, финансов Бернацкий, иностранных дел Терещенко, помощник особоуполномоченного Временного правительства Рутенберг, почт и телеграфов Никитин, исповеданий Карташев, Пальчинский. Прочие офицеры и юнкера обезоружены и отпущены. Взяты 3 папки и портфель министра народного просвещения“.

Зимний взят. Министры под надежной охраной отправлены пешком в Петропавловскую крепость.

Весть об аресте Временного правительства быстро распространилась по Петрограду. Она была с радостью встречена рабочими и солдатами, трудовым людом города. Ярость и уныние породило это известие у лидеров соглашательских и буржуазных партий. Они не захотели смириться, а стали замышлять новые враждебные планы против революционного народа.

В. И. Ленин в Смольном.
С картины худ. В. Г. Цыплакова

**ВЛАСТЬ СОВЕТАМ,
МИР НАРОДАМ,
ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ!**

ДЕКРЕТЪ О МИРѢ,

принятый единогласно на зазданіи Всерос-
сійскаго Създа Совѣтовъ Рабочихъ, Сол-
датскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ
26 октября 1917 г.

Рабочее и крестьянское Правительство, созданное революціей 24—25 октября и оиравомощенное на Създа Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, предлагаетъ войска воюющихъ народонаъ и ихъ правительствамъ начать немедленно переговоры о справедливомъ демократическомъ мирѣ.

Справедливый или демократическій миронаъ, котораго наидеть подавляющее большинство истощенныхъ, ивученныхъ и истерзанныхъ войной рабочихъ и трудящихся классовъ всѣхъ воюющихъ странъ—миронъ, котораго самими определенными и настоятельными образомъ требуютъ русскіе рабочіе и крестьяне послѣ смертеннаго царскаго монархія,—такой миронъ Правительство считаетъ немедленнымъ мирѣ безъ аннексій (т. е. безъ захвата чужихъ земель, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народностей) и безъ контрбурія.

Такой миронъ предлагаетъ Правительство Россіи заключить войска воюющихъ народонаъ немедленно, выразивъ готовность сдѣлать безъ всякаго отлаганія тотчасъ же всѣ равнозначные шаги впередъ до окончательнаго утвержденія всѣхъ условій такого мира полномочными собраниями народныхъ представителей войска отлагъ и всѣхъ націй.

Подъ аннексіей или захватомъ чужихъ земель Правительство понимаетъ, согласно правому сознанию демократіи вообще и трудящихся классовъ въ особенности, всякое присоединеніе къ большому или малому государству малой или сильной народности безъ тѣхъ, если и добровольно выраженного согласія и желанія этой народности, независимо отъ того, когда это насильственное присоединеніе совершено, независимо также отъ того, насколько развитой или отсталой явилась исторически Архидержавная или насильственно удерживаемая въ границахъ даннаго государства нація. Независимо, наконецъ, отъ того, въ Европѣ или въ дальнихъ колоніяхъ стравалъ эта нація иноподъ.

Если малая бы то ни была нація утверждалась въ границахъ даннаго государства насильемъ, если ей, вопреки правому правому отъ ее стороны мнѣнію—ее права, независимо отъ того, имѣли ли отъ этого въ народныхъ собранияхъ, въ рѣшеніяхъ націй или конвенціяхъ и конвенціяхъ противъ насильственнаго гнета—ее представитель права свободнаго голосованія при полномъ знаніи войска присоединенія или аннексій—своими націями, рѣшить безъ малѣйшаго принужденія вопросъ о формѣ государственнаго существованія этой нація, то присоединеніе ее является аннексіей, т. е. захватомъ и насильемъ.

Продолжать эту войску изъ-за того, какъ раздѣлить между сильными и богатыми націями захваченными ими слабыми народностями, Правительство считаетъ величайшимъ преступленіемъ противъ человечества и торжественно заявляетъ свою рѣшительность немедленно поддѣлать условія мира, прекращающаго эту войску на указанныхъ, равно справедливыхъ для всѣхъ боевъ извѣстныхъ народностей, условіяхъ.

Вѣсть съ тѣмъ Правительство заявляетъ, что оно отицаръ не считаетъ нишеуказанныхъ условій мира удовлетворительными, т. е. соглашается рассмотреть и ищія другія условія мира, нацѣлена лишь на возможно быстрое предложеніе ихъ наовой бы то ни было воюющей стравой и на возможной степени, на безусловнаго исключенія всякой двушмысленности и всякой тайны при предложеніи условій мира.

Тайную дипломатію Правительство отицаръ, со своей стороны выразивъ твердое нацѣреніе вести все переговоры совершенно открыто между всѣми народностями, протувавъ немедленно въ полную опубликованіе тайныхъ договоровъ, подтѣриженныхъ или заключенныхъ правительствами воюющихъ и нацѣланныхъ съ февраля по 25 октября 1917 года. Все содержаніе всѣхъ тайныхъ договоровъ, поскольку оно направлено, какъ это въ большаинствѣ случаевъ бывало въ доставленіи выгодъ и привилегій русскимъ индустриаламъ и капиталамъ, въ ущербъ или увеличенію аннексій воюющихъ, Правительство объявляетъ безусловно и немедленно отицаръ.

Обращаясь съ предложеніемъ къ правительствамъ и народонаъ всѣхъ стравъ начать немедленно открытые переговоры о заключеніи мира, Правительство выражаетъ съ своей стороны готовность вести эти переговоры, какъ посредствомъ письменныхъ сношеній, по телеграфу, такъ и путемъ переговоровъ между представителями разныхъ стравъ или на конференціи таковыхъ представителей. Для удобства такихъ переговоровъ Правительство назначаетъ своего полномочнаго представителя въ нейтральную страву.

Правительство предлагаетъ всѣмъ правительствамъ и народонаъ всѣхъ воюющихъ стравъ немедленно заключить перемирие, причемъ, со своей стороны, отицаръ и предлагаетъ, чтобы это перемирие было заключено не меньше, какъ за три мѣсяца, т. е. на такой стравѣ, въ теченіе котораго имѣетъ возможность, какъ заключить переговоры и миръ съ участіемъ представителей всѣхъ безъ исключенія народностей, или націй, итудити въ войску или вынужденныхъ къ участію въ ней, такъ равно и создать полномочныхъ собраній народныхъ представителей всѣхъ стравъ для окончательнаго утвержденія условій мира.

Обращаясь съ этимъ предложеніемъ мира къ правительствамъ и народонаъ всѣхъ воюющихъ стравъ, преденное рабочее и крестьянское Правительство Россіи обращается также къ особенностямъ къ созвѣдательнымъ рабочимъ трехъ сильныхъ пердолахъ націй человечества и сильныхъ крупныхъ участивующихъ въ настоящей войнѣ государствъ, Англии, Франціи и Германіи. Рабочие этихъ стравъ оказали наибольшія услуги дѣлу прогресса и социализма и великіе образцы чертствскаго дмѣленія въ Англіи, рядъ революцій, ильвинихъ вседниро-историческое значеніе, совершившихъ французскимъ пролетариатомъ, наконецъ, въ героичкой борьбѣ противъ исключительнаго закона въ Германіи и образцовый, для рабочихъ всего мира дмѣлальной, упорной дисциплинированной работѣ со-зданія массовыхъ пролетарскихъ организацій Германіи. Все эти образцы пролетарскаго героизма и историческаго смѣлства саудать намъ порукой за то, что рабочие нацѣланныхъ стравъ поймутъ лежація на нихъ ие-первѣ задача освобожденія человечества отъ ужасовъ войны и ее послѣдствій, ибо эти рабочие всесторонней рѣшительной и беззаветно энергичной дѣятельностью своей помогутъ намъ успешно довести до конца дѣло мира и ивѣстѣ съ тѣмъ дѣло освобожденія трудящихся и ивѣлоупруемыхъ массъ населенія отъ всякаго рабства и всякой эксплуатанціи.

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ, МИР НАРОДАМ, ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ!

Вечером 25 октября Смольный был переполнен людьми. Шум, говор, споры, речи, импровизированные митинги в каждом коридоре, на каждом этаже. Совершалось нечто великое, неповторимое.

Теперь предстояло в последний раз в одном зале сойтись меньшевикам и большевикам, эсерам и анархистам, представителям других идейных и политических течений, промежуточных групп. Многие из них уже не здоровались между собой, считали друг друга врагами. Их разделяли теперь не только теоретические представления об отдаленном коммунистическом будущем, о путях, которыми надо идти к нему, но и отношение к политической практике сегодняшнего дня. Меньшевики и эсеры жаждали поражения большевиков на съезде. К битве со своими политическими противниками готовились и большевики.

Уже выяснилось из предварительных подсчетов, что больше половины делегатов съезда будут большевиками или левыми эсерами. Намечались докладчики, сплачивалась большевистская фракция. Вместе с тем задержка с арестом Временного правительства питала

надежды реакции на кровавый реванш, открывала для соглашателей возможности политических спекуляций, сеяла сомнение и неуверенность среди части делегатов съезда. Поэтому глубоко прав был Ленин, требуя непременно арестовать Временное правительство до открытия съезда Советов. Он заявил членам ЦК, что, пока Временное правительство не будет арестовано, он на заседание съезда не пойдет, и остался в комнате большевистской фракции.

В обстановке нараставшего натиска на Временное правительство в 10 часов 40 минут вечера 25 октября 1917 г. в Актовом зале Смольного открылся Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. По правилам, выработанным еще Первым съездом в июне 1917 г., он должен был открыться политической речью представителя ЦИК первого созыва. Но исполнявший обязанности председателя ЦИК меньшевик Дан, открывший съезд, от речи отказался. Он сразу же перешел в атаку на большевиков.

— В тот момент, — говорил он, — когда я, член президиума ЦИК Советов рабочих и солдатских де-

путатов, говорю перед вами, наши товарищи, заседающие в Зимнем дворце, подвергаются обстрелу.

Дан предложил перейти к выборам президиума съезда. В соответствии с пропорциональным представительством большевикам полагалось 14 мест. В большевистском списке были В. И. Ленин, В. А. Антонов-Овсеенко, А. М. Коллонтай, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, П. И. Стучка и другие. Эсеры получили семь мест, но выдвинули кандидатов только левые эсеры. От них в президиум съезда, в частности, вошли Б. Д. Камков, В. А. Карелин, М. А. Спиридонова. Меньшевикам в президиуме отводилось три места, меньшевикам-интернационалистам — одно. Меньшевики и эсеры отказались от выдвижения своих кандидатов, а интернационалисты воздержались.

В порядке дня съезда стояли три вопроса: об организации власти, о войне и мире, об Учредительном собрании. Обсуждению этих вопросов должны были предшествовать доклады Петроградского Совета и ЦИК. Однако лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов внес предложение в первую очередь поставить вопрос

Победа! Рабочие и солдаты на месте вчерашнего боя у Зимнего дворца

о мирном разрешении создавшегося кризиса и вынести резолюцию о немедленном прекращении военных действий с обеих сторон. Это означало спасение Временного правительства от неминуемого ареста.

А. В. Луначарский от имени большевиков объявил, что фракция ничего не имеет против обсуждения этого вопроса первым. Но серьезное обсуждение было подменено политическими демаршами меньшевиков и эсеров. Хараш от имени меньшевистской

и эсеровской фракций вновь провозгласил, что съезд заседает в тот момент, когда их товарищей „растреливают в Зимнем дворце“. От имени фронтовой группы меньшевиков Кучин протестовал против действий большевистской партии. Хинчук внес проект резолюции, принятый еще днем на заседании ЦК меньшевиков. В нем указывалось, что меньшевики уходят со съезда. От фракции правых эсеров аналогичную декларацию зачитал Гендельман. После этого все члены фракций меньшевиков

и эсеров покинули Актный зал Смольного и направились в городскую думу.

Мартов остался на съезде и огласил резолюцию, призывавшую заключить соглашение между „восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно“. Он предложил от имени

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ, МИР НАРОДАМ, ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ!

Красногвардейцы и революционные солдаты проверяют мандаты у делегатов Второго Всероссийского съезда Советов

Здесь, в этом кабинете, скоро начнет работать
Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ильич Ульянов-Ленин...

съезда призвать к прекращению огня и началу мирных переговоров. До выяснения результатов этих переговоров съезд должен был приостановить свою работу.

После выступления Мартова большевики внесли на обсуждение съезда резолюцию, которая резко осуждала семимесячную деятельность соглашателей, потерпевшую полный крах, и их попытки сорвать съезд Советов. Резолюция приветствовала победоносное вос-

стание рабочих, солдат и крестьян и предлагала съезду продолжить свою работу. Левые эсеры высказались против этой резолюции, за создание „единого фронта“. Они предложили устроить перерыв в работе съезда, во время которого их фракция намерена была решить, останется ли она на съезде, или нет. Объединенные интернационалисты, группировавшиеся вокруг полуменьшевистской газеты „Новая жизнь“, предлагали „не злить соглашателей“ резкими

резолюциями, а просто пройти мимо их дезертирства. Затем представители меньшевиков-интернационалистов покинули съезд. Около двух часов ночи был объявлен перерыв.

Таким образом, в начале работы Второго Всероссийского съезда Советов меньшевики и эсеры, с которыми объединились представители промежуточных группировок, попытались устроить обструкцию большевикам. Но скоро они убедились в безнадежности своих попыток помешать работе съезда. Делегаты с энтузиазмом поддержали большевистскую резолюцию, осуждавшую уход соглашателей. Полностью провалились и надежды Троцкого на то, что съезд голосованием мог бы решить судьбу Временного правительства. Даже поставить этот вопрос на голосование съезда Троцкий был не в силах.

Величайшей заслугой В. И. Ленина перед судьбами социализма в нашей стране было то, что он, несмотря на упорное и длительное сопротивление Троцкого, сумел настоять вечером 24 октября на начале наступательных действий против Временного правительства. Успешное завершение осады Зимнего дворца, арест Временного правительства вызвали подъем у большевиков — делегатов съезда. Остались на съезде левые эсеры. Увеличилась за счет перешедшей к ней из других групп и фракция меньшевиков-интернационалистов.

В итоге, когда в 3 часа 10 минут ночи 26 октября заседание съезда возобновилось, на нем опять было многолюдно. Сообщение о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства делегаты встретили аплодисментами. На заседа-

нии съезда выступил представитель царскосельского гарнизона, заявивший, что гарнизон охраняет подступы к Петрограду. Затем получили слово представители 3-го и 5-го самокатных батальонов. Они заявили о своем переходе на сторону Военно-революционного комитета и о поддержке съезда Советов.

А. В. Луначарский огласил написанное В. И. Лениным воззвание „Рабочим, солдатам и крестьянам!“. В нем говорилось: „Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончены. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано“.

В воззвании указывалось, что вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, излагалась программа будущего Советского правительства. Воззвание заканчивалось призывом оказывать противодействие Керенскому, останавливать железнодорожные эшелоны, идущие на Петроград. По просьбе представителей крестьянских Советов под воззванием была поставлена и их подпись. В поддержку воззвания высказался и представитель Петроградского Совета крестьянских депутатов. Лишь меньшевики-ин-

Первая страница газеты „Правда“ от 28 октября 1917 г. с Декретом о земле

тернационалисты выступили против, зачитав заявление о своем „окончательном уходе“ со съезда.

Ленинское воззвание было принято подавляющим большинством присутствующих против двух голосов при 12 воздержавшихся. В 5 часов 15 минут утра вторая часть первого заседания Второго Всероссийского съезда Советов была закрыта. Она ознаменовалась решительным поворотом съезда в сторону большевиков. Соглашатели были отброшены. Съезд закрепил победу Октябрьского вооруженного восстания, принял из рук восставших всю полноту власти и объявил о переходе к Советам власти на местах. Революция победила.

Утром 26 октября Петроград полностью контролировался Военно-революционным комитетом,

который все еще выступал как высший орган власти в Петрограде. Всякое сопротивление в городе прекратилось. Военный вопрос решился в столице в пользу большевистских Советов. Однако буржуазия не смирилась с победой восстания. Не признали перехода власти в руки Советов и меньшевистско-эсеровские лидеры, заявившие, что будут вести борьбу против Советской власти. Поэтому внимание к укреплению и дальнейшему сплочению сил революции нельзя было ослаблять.

Еще в ночь на 26 октября было разоружено Павловское военное училище, затем красногвардейцы

В Актовом зале Смольного слышалась поступь истории...

Б и л е т ь
В ь Ц и р к ь „М О Д Е Р Н ь“
На 2-ой Большой Митингъ

НА ТЕМУ:

„Текущій моментъ“

Браторами выступятъ делегаты, прїѣхавшіе на Всерос-
сійскій Съѣздъ Сов. Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Циркъ „МОДЕРНЪ“ 27 октября 1 рубль.
(Троицкая площадь) 7 час. вечера.

Петерб. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Билеты продаются въ П. К. и Районныхъ Ком. и при входѣ.

Билет на митинг с выступлениями большевиков-делегатов
Второго Всероссийского съезда Советов

разоружили Михайловское артил-
лерийское училище. Назначались
новые комиссары на продовольст-
венные объекты. Поздней ночью
прибыл первый эшелон солдат и
матросов из Гельсингфорса. Отту-
да же пришли в Петроград эсмин-
цы „Самсон“ и „Забияка“, а ут-
ром 26-го „Деятельный“ и „Мет-
кий“. Военно-революционный ко-
митет предложил кронштадтцам
сформировать новый сводный от-
ряд и отправить в Петергоф для
разоружения оставшихся там юн-
керо́в.

От экспедиции заготовления го-
сударственных бумаг ВРК потре-
бовал не прекращать работу. Все
торговые заведения открывались
с 27 октября. Были назначены ко-
миссары в министерства и другие
государственные учреждения. По
распоряжению ВРК 26 октября
были выпущены из Петропавлов-
ской крепости „министры-социа-

листы“. ВРК принял ряд обраще-
ний к фронту и тылу, обращение
к рабочим Петрограда, содержа-
вшее призыв к бастовавшим дере-
вообделочникам прекратить забастовку.

Днем 26 октября проходили со-
вещания ЦК РСДРП (б) и фракции
большевиков Второго Всероссий-
ского съезда Советов. Обсуждался
вопрос о формировании правитель-
ства. Левым эсерам было сделано
официальное предложение войти
в его состав, но они отказались.
Левые эсеры требовали создать
правительство с участием тех
партий, которые ушли со съезда
Советов. Если же это окажется
невозможным, то поддержать
чисто большевистское правитель-
ство, не входя в него. По предло-
жению В. И. Ленина ЦК РСДРП (б)
решил представить съезду спи-
сок большевистского правитель-
ства.

В 9 часов вечера 26 октября от-
крылось второе и последнее за-
седание Второго Всероссийского
съезда Советов. На нем присутст-
вовало 625 человек. Ушло со съез-
да лишь около 50 человек, глав-
ным образом лидеры меньшеви-
ков и эсеров. Многие из рядовых
членов этих партий остались на
съезде и участвовали в принятии
первых декретов Советской вла-
сти. На заседании присутствовало
390 большевиков и сочувствую-
щих им, эсеров — 179, меньшеви-
ков-интернационалистов — 35, ук-
раинских социалистов — 21.

Президиум доложил, что им сде-
ланы распоряжения об отмене
смертной казни, об освобождении
всех политических заключенных,
о принятых мерах по задержа-
нию Керенского. Затем съезд пе-
решел к обсуждению вопроса о
мире. Слово для доклада получил
В. И. Ленин. Он предложил деле-
гатам текст Декрета о мире. Этот
документ гласил: „Рабочее и кре-
стьянское правительство, создан-
ное революцией 24—25 октября
и опирающееся на Советы рабочих,
солдатских и крестьянских депу-
татов, предлагает всем воюющим
народам и их правительствам на-
чать немедленно переговоры о
справедливом демократическом
мире.“

Справедливым или демократи-
ческим миром, которого жаждет
подавляющее большинство исто-
щенных, измученных и истерзан-
ных войной рабочих и трудящихся
классов всех воюющих стран, —
миром, которого самым опреде-
ленным и настойчивым образом
требовали русские рабочие и кре-
стьяне после свержения царской
монархии, — таким миром прави-
тельство считает немедленный мир
без аннексий (т. е. без захвата

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ, МИР НАРОДАМ, ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ!

Матросы — опора революционного порядка в дни работы съезда

чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций¹.

Вождь большевистской партии обращался и к народам и к правительствам. Он призывал не делать условия мира ультимативными и выражал от имени Советской власти готовность рассмотреть любые другие условия. Практические предложения сводились к немедленному заключению перемирия сроком на три месяца. За это время можно провести переговоры о заключении демократического мира. Съезд единогласно принял Декрет о мире. Раздались овации, приветствия Ленину. Делегаты запели „Интернационал“, а затем „Вы жертвою пали“. Многие плакали.

В. И. Ленин выступил докладчиком и по вопросу об уничтожении помещичьей собственности на землю. Декретом о земле помещичья собственность отменялась немедленно и без всякого выкупа. Все земли — помещичьи, удельные, монастырские, церковные — со всем живым и мертвым инвентарем поступали в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. К декрету прилагался Наказ земельным комитетам, со-

ставленный на основании 242 крестьянских наказов еще летом 1917 г. на I съезде крестьянских депутатов. В нем устанавливалось уравнильное землепользование. Земля объявлялась всенародным достоянием, за каждым провозглашалось право на землю, в сельском хозяйстве запрещался наемный труд. На возражения отдельных делегатов о том, что наказ составлен на основе эсеровской программы, Ленин ответил:

„В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь“¹.

Для обсуждения декретов по фракциям был объявлен перерыв. Когда в 2 часа ночи заседание возобновилось, за Декрет о земле проголосовали все присутствующие против одного при восьми воздержавшихся.

Наконец по предложению большевистской фракции съезд постановил образовать Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Совнарком, как стали сокращенно называть новое правительство, объявлялся ответственным перед Всероссийским съездом Советов и избранным им Центральным Исполнительным Комитетом.

В списке народных комиссаров первым был назван Владимир Ильич Ленин. Его имя было встречено громом оваций. Народными комиссарами были утверждены: по

внутренним делам — А. И. Рыков, земледелия — В. П. Милютин, труда — А. Г. Шляпников, по делам военным и морским — комитет в составе В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко, по делам торговли и промышленности — В. П. Ногин, народного просвещения — А. В. Луначарский, финансов — И. И. Скворцов (Степанов), по иностранным делам — Л. Д. Бронштейн (Троцкий), юстиции — Г. И. Оппоков (Ломов), по делам продовольствия — И. А. Теодорович, почт и телеграфов — Н. П. Авилов (Глебов), по делам национальностей — И. В. Джугашвили (Сталин). Таким образом, первый состав Советского правительства включал в себя как петерских, так и московских большевиков.

Хотя новожиженцы и левые эсеры возражали против формирования съездом правительства и предлагали избрать на нем лишь Временный исполнительный комитет для соглашения с теми фракциями, которые ранее ушли со съезда, большинством голосов декрет об образовании Советского правительства был принят. Избран новый ВЦИК в составе 101 человека, съезд закончил работу в 5 часов утра 27 октября 1917 г. Лозунг „Вся власть Советам!“, который был провозглашен большевиками еще в апреле 1917 г. и под которым победила Октябрьская революция, стал теперь действительностью. Трудовой народ России получил свою власть, за которую отныне был готов сражаться и умереть.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13—14.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 27.

Красногвардейцы готовы к боям с контрреволюцией.
Москва. Октябрь 1917 г.

МОСКВА. ЗАВЯЗКА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Отъ военно-революціоннаго комитета Московскихъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Революціонные рабочіе и солдаты г. Петербурга во главѣ съ Петербургскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ началъ рѣшительную борьбу съ измѣнившимъ революціи Временнымъ Правительствомъ. Долгъ московскихъ солдатъ и рабочихъ поддержать петербургскихъ товарищей въ этой борьбѣ. Для руководства ею Московскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ избралъ Военно-Революціонный Комитетъ, который и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Военно-революціонный Комитетъ объявляетъ

1) Весь московскій гарнизонъ немедленно долженъ быть приведенъ въ боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанію военно-революціоннаго комитета.

2) Никакіе приказы и распоряженія не исходящіе отъ военно-революціоннаго комитета или не скрѣпленные его подписью исполненію не подлежатъ.

Военно-революціонный комитетъ Московскихъ

Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

МОСКВА. ЗАВЯЗКА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Оставаться долго в Политехническом музее избранному на пленуме Советов Военно-революционному комитету не имело смысла, надо было перебираться на Тверскую в здание Совета. Здесь находились нужные люди, весь аппарат. Отсюда же связывались с районами. Наконец, тут же, через дорогу, в гостинице „Дрезден“ размещались руководящие органы партии и Партийный боевой центр. Словом, лучшего места для штаба руководства восстанием, чем Московский Совет, найти было трудно. Уже за полночь члены ВРК отправились пешком на Тверскую, благо идти было недалеко, а „имущество“ (в виде последних документов Совета) легко уместилось в нескольких портфелях.

Военно-революционному комитету отвели большую угловую комнату с окнами на Тверскую и Чернышевский переулок. Здесь же, в комнате рядом, разместился штаб, сосредоточивший в своих руках военно-оперативное руководство. Костяком его стал штаб Красной гвардии, созданный еще в августе. В состав штаба вошли А. Я. Аросев, С. Я. Будзинский,

А. С. Ведерников, Н. И. Муралов, В. М. Смирнов и несколько других лиц. Начальником штаба назначили Якова Михайловича Познанского, большевика с опытом партийной работы в войсках, бывшего к тому же секретарем Центрального бюро профсоюзов Москвы.

События, происшедшие на пленуме Советов, а также на заседании городской думы, до некоторой степени прояснили картину. Теперь более отчетливо, чем в утренние и дневные часы 25 октября, выявилась действительная расстановка сил. Стало более или менее ясным, что дума, штаб Московского военного округа, а вместе с ними головка солдатского Совета и городские комитеты эсеров и меньшевиков будут противиться переходу власти к Советам. Однако иллюзии насчет возможности мирного соглашения с противостоящей стороной далеко еще не рассеялись. В такой обстановке и приступил к работе Военно-революционный комитет.

Как и следовало ожидать, большевистской части ВРК сразу же пришлось столкнуться с меньшевиками. Не успело еще начать-

ся первое заседание, как меньшевики выступили с двумя предложениями: пополнить ВРК представителями „демократических“ сил, т. е. все той же думы, Викжеля (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожного союза) и прочих антисоветских организаций, и пойти на мирное соглашение со штабом Московского военного округа.

— Еще при выборе ВРК мы, меньшевики, заявили, что идем туда не для захвата власти... — говорил М. И. Тейтельбаум. — И потом: прежде чем выпускать воззвания с призывом подчиняться Военно-революционному комитету, необходимо столкнуться со штабом. Наконец, мы против вооружения рабочих, это излишняя мера!

Очевидно, что подобные настроения могли лишь способствовать срыву восстания и дезорганизации сил революции. Большинство голосов Военно-революционный комитет отклонил оба эти предложения.

Тут же был составлен приказ по войскам московского гарнизона, известный как приказ № 1. Он гласил:

призыв к немедленному выступлению, которое диктовалось сложившейся обстановкой.

В тех же утренних газетах были опубликованы обращения ВРК „К товарищам солдатам“, „К товарищам крестьянам“, „К товарищам железнодорожникам“, „К почтово-телеграфным служащим“. В них сообщалось о событиях в столице и содержался призыв поддержать петроградских братьев.

„Хотите ли вы, чтобы земля немедленно и бесповоротно перешла к народу? — говорилось в обращении к солдатам. — В таком случае поддержите Петербургский Совет... Хотите ли вы, чтобы возобновилась и развернулась решительная революционная борьба против подлой, преступной войны? В таком случае поддержите ваши Советы, эти органы народной революции“. Это были образцы революционной агитации, мобилизующей массы на борьбу за власть Советов.

Военно-революционный комитет заседал всю ночь. Среди обсуждавшихся вопросов особенно важным представлялся вопрос о Кремле, этой могучей крепости с сокровищницей и арсеналом. Кремль стратегически господствовал над городом, и тот, кто им владел, мог диктовать свою волю противнику. В кремлевском арсенале хранилось много оружия, винтовок и пулеметов, в которых так нуждалась плохо вооруженная Красная гвардия. Да и запасные полки в большей своей части не имели оружия в должном количестве.

В годы первой мировой войны охрану Кремля нес 56-й запасной батальон, впоследствии преобразованный в полк. В октяб-

ре 1917 г. в охране состояли пять рот этого полка. Солдаты были настроены большевистски, но сил у них для охраны и тем более для отражения возможного нападения юнкеров было явно недостаточно. ВРК решил назначить комиссаром Кремля Е. М. Ярославского, комиссаром арсенала — прапорщика О. М. Берзина и усилить гарнизон крепости ротой 193-го запасного полка.

В партии хорошо знали Емельяна Михайловича Ярославского. Участник первой русской революции, делегат IV, V и VI съездов партии, при царизме его арестовывали, он сидел в петербургских „Крестах“ и московской „Бутырке“. Последним местом его ссылки была далекая Якутия, где он и встретил Февральскую революцию. С лета 1917 г. Ярославский снова в Москве. Среди многих „специальностей“ революционера-профессионала самой любимой была работа в войсках.

— Весь свой старый опыт, всю накопленную за годы каторги и ссылки энергию я отдал этой работе в армии, — вспоминал позднее Емельян Михайлович. Назначение комиссаром в Кремль было воспринято им как очередное партийное поручение. Молодой большевик прапорщик Оскар Берзин не обладал ни опытом, ни закалкой своего старшего товарища.

Ранним утром 26 октября комиссары и рота 193-го полка, располагавшегося в Хамовнических казармах, вступили в Кремль. Надо было не просто удержать крепость в своих руках, но и добыть оружие из арсенала. Этим и занялись в первую очередь. О. Берзин потребовал от начальника арсенала, престарелого генерала Кайгородова, немедленно выдать вин-

товки для вооружения рабочих. Генерал согласился при условии, что ему предъявят письменные наряды ВРК. Оружие стали грузить на прибывшие из города три автомашины. Но выехать из Кремля им не удалось — все ворота оказались перекрытыми отрядами юнкеров, занявшими к этому времени ближайшие подступы к Кремлю.

Враг ясно обнаружил свои намерения — раздавить силой едва начавшееся восстание.

В ответ на враждебные действия контрреволюции Партийный центр и ВРК разослали по районам следующую телефонограмму: „Штаб во главе с Рябцевым переходит в наступление. Задерживаются наши автомобили, есть попытки задержать Военно-революционный комитет на митингах, по фабрикам и заводам. Надо выяснить это положение, и массы должны немедленно призываться к тому, чтобы показать штабу действительную силу. Для этого массы должны перейти к самостоятельному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти Советов районов. Занимать комиссариаты“. Тут же был помещен текст радиogramмы из Питера, в которой сообщалось, что Временное правительство низвергнуто и власть находится в руках Петроградского Военно-революционного комитета, который обращается ко всем рабочим и солдатам, ибо „видит единственное спасение революции в передаче власти Советам, земли народу, в объявлении немедленного демократического мира“.

Это был открытый призыв к восстанию. В районах его встретили с пониманием: еще днем

Руководители и активные участники Октябрьской революции в Москве:
 А. Я. Аросев, Р. С. Землячка, Л. А. Лисинова,
 М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, Е. Н. Сапунов

25 октября там начали формироваться военно-революционные комитеты. Продолжалась эта работа и на следующий день.

Одним из первых образовался Военно-революционный комитет в Замоскворечье — самом крупном пролетарском районе города. В нем находилось более 220 заводов и фабрик, на которых было занято почти 60 тысяч человек. Из 28 крупнейших предприятий города с числом рабочих более тысячи в Замоскворечье размеща-

лось 13. Среди них самое крупное в Москве — кожаная фабрика „Поставщик“ с 8,5 тысячами рабочих (ныне швейная фабрика № 16), Даниловская мануфактура (фабрика имени М. В. Фрунзе), заводы Михельсона (ныне — имени Владимира Ильича), Густава Листа („Красный факел“), Доброва-Набгольца (имени М. И. Калинина), знаменитая кондитерская фабрика „Эйнем“ („Красный Октябрь“) и другие предприятия. Здесь же находились Саратовский вокзал

и Замоскворецкий трамвайный парк, носящий ныне имя П. Л. Апакова — рабочего-большевика, активного участника Октябрьских боев.

Замоскворецкий ВРК обосновался в помещении ресторана на Калужской (Октябрьской) площади. Здания этого теперь уже нет и видеть его можно только на старых фотографиях. В состав комитета вошли И. В. Косиор — член большевистской партии с 1908 г., председатель Замоскворецкого райсовета; рабочий Телефонного завода Юлиус Шиллерт; начальник Красной гвардии района В. П. Файдыш; рабочий Трамвайной электростанции К. Ф. Витковский. Несколько позднее в комитет вошел и стал его фактическим председателем П. К. Штернберг. Мало кто до революции знал, что за respectable профессорской внешностью ученого с европейским именем скрывается большевик, участвовавший еще в первой русской революции.

В заграничной адресной книге ЦК в ряду самых конспиративных явок рукой Н. К. Крупской было записано: „Москва, астрономическая обсерватория, П. К. Штернберг“. После революции профессор воевал на Восточном фронте в качестве члена Реввоенсовета, где, заболев, скончался в 1920 г. „Удивительно яркая и привлекательная фигура, — писал о нем А. В. Луначарский. — Седой астроном, заслуженный профессор с юношески горячим сердцем готов лететь на наиболее опасный фронт...“ В 1931 г. его именем был назван Государственный астрономический институт.

Историки называют более 120 имен большевиков, вошедших в районные ВРК. Среди них

А. С. Борщевский, О. В. Пилацкая, Н. Т. Меркулов, Ф. М. Шенюгин, А. М. Цихон, А. А. Знаменский, Н. Н. Прямиков, Н. Н. Зимин, Р. С. Землячка, Б. М. Волин, Т. Ф. Людвинская и многие другие. Каждый из них отдал годы революционной борьбе, прошел при царизме суровую школу подполья, тюрем и ссылок...

Указание ВРК о переходе „к самостоятельному выступлению“ заметно активизировало силы революции. Из Замоскворечья сообщили о смещении и аресте участковых думских комиссаров. Красногвардейские отряды заняли Центральную электрическую станцию. Это дало возможность оградить Замоскворечье со стороны Каменного моста от возможного нападения юнкеров. Кроме того, заняв станцию, красногвардейцы установили контроль за освещением города. В Симоновском районе они заняли пороховые склады. Попытка юнкеров захватить их была отбита. В Сущевско-Марьинском районе силы революции захватили почту, отделение банка, участковые комиссариаты, кинотеатр „Олимпия“ на Александровской (ныне Октябрьской) улице, где разместился районный ВРК.

В городе шла реквизиция автомобилей для нужд ВРК. Военно-революционный комитет Железнодорожного района сообщал, что установлено наблюдение за железнодорожным телеграфом и за передвижением войск по близлежащим дорогам. В тот же день собрание ротных комитетов московского гарнизона единодушно заявило о своем подчинении только Военно-революционному комитету и потребовало от Рябцева отвода юнкеров от Кремля. „В случае отказа штаба, — говорилось

Итак во главе с Рябцовым перед
 в нашу армию задерживаются наши
 автомобили есть попытки задерживать
 Военно-революционный комитет на
 митингах по городу каковы и
 заводам надо выдвинуть требования
 и ~~наши действия немедленно при-~~
~~двигать к делу, чтобы избежать угрозы~~
~~двигательного аппарата ~~двигательного~~~~
~~наши действия ~~наши действия~~~~
~~призывая к ~~нашим~~ ~~нашим~~ ~~нашим~~~~
~~двигательного аппарата ~~двигательного~~~~
 Из этого ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
 и в ~~самостоятельно~~ ~~самостоятельно~~ ~~самостоятельно~~
 наше руководство ~~наши действия~~
 центр по ~~нашим~~ ~~нашим~~ ~~нашим~~
 гражданской ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
 Районные ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
 Рабочие ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
 и ~~наши действия~~ ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
 организации ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
~~наши действия~~ ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
 Комитет ~~наши действия~~ ~~наши действия~~
~~наши действия~~ ~~наши действия~~ ~~наши действия~~

Призыв Московского ВРК к решительному выступлению против контрреволюции (отрывок). Октябрь 1917 г.

Кинотеатр „Олимпия“.
Москва. 1917 г.

в принятой резолюции, — Революционный комитет должен принять самые решительные меры для освобождения арсенала и 56-го полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены”.

На протяжении 26 октября в результате действий масс стала постепенно вырисовываться картина расположения революционных сил, так же как и группировка сил контрреволюции. Жесткого размежевания между противниками пока еще не было. Силы ВРК располагались по линии Садового кольца, но их патрули и отряды свободно проникали к Моссовету. Внутри Кремля тоже находились революционные части, обложенные со всех сторон юнкерскими караулами.

В свою очередь, некоторые формирования белых за пределами Садового кольца (6-я школа прапорщиков в Крутицких казар-

мах, Алексеевское училище и кадетские корпуса в Лефортове) оказались в окружении красных, создавая для них определенные трудности, но и сами были оторваны от главных сил. Что касается мостов, открывавших путь в центр города, то со стороны Замоскворечья они контролировались красногвардейцами, а с противоположной — юнкерами. Образовался, таким образом, своего рода „слоеный пирог“, где в дальнейшем создались несколько основных узлов борьбы, расположенных главным образом внутри Садового кольца.

К вечеру того же дня в штабе ВРК был разработан „общий план революционной армии“, обсужденный на следующее утро, что видно из краткой протокольной записи: „Стратегические цели. О военных операциях“. Сводился он к следующему:

“1. Все военные действия направляются к одному центру.

2. Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3. Не упускать из виду, что тыл для районов не безопасен и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4. Действовать решительно и энергично.

5. Наивозможно меньшее пролитие крови.

6. Охрана безопасности населения”.

Документ этот представлял собой общую директиву, ставившую лишь конечную цель. Исполнителям предоставлялась свобода в решении конкретных задач. ВРК правильно определил общее направление движения революционных сил и нацелил их на главный, решающий пункт. Большого он сделать тогда не мог, тем более что среди московских руководителей не было единого взгляда на тактику, которой следовало придерживаться в сложившейся обстановке.

Еще утром 26 октября из Петрограда в Москву возвратился председатель Московского Совета рабочих депутатов В. П. Ногин.

— Если в Петрограде победа пролетариата и армии совершилась легко, — говорил он на заседании ВРК, — и если есть надежда на воссоздание власти, признаваемой всеми партиями, входящими в Советы, то в Москве нужно принять все меры, чтобы это произошло без кровопролития. Я предлагаю Партийному центру и Военно-революционному комитету

Юнкера в Московском Кремле. Победа власти Советов в Москве была еще впереди, а пока ее положение оставалось трудным и опасным

выяснить положение во враждебном лагере и возможность кончить миром!

Даже известие, что меньшевики и правые эсеры покинули съезд Советов, хотя и вызвало возмущение Ногина, не заставило его изменить своей позиции. Авторитет председателя Московского Совета и нажим меньшевистских членов ВРК, требовавших мирного соглашения со штабом, сделали свое дело. Военно-революционный комитет решил на переговоры с командующим Московским военным округом полковником Рябцевым.

Тот со своей стороны охотно пошел на переговоры, но вовсе не за тем, на что рассчитывал ВРК. За внешним миролюбием командующего скрывались совсем другие цели. Сил для подавления восстания ему явно не хватало — гарнизон вышел из повиновения. Однако Рябцев знал, что с Западного фронта на Москву двинулись верные Временному правительству войска, и ожидал их прибытия со дня на день. Нужно было выиграть время.

После полудня в Кремле появились В. П. Ногин, Н. И. Муралов, И. Н. Стуков в сопровождении Рябцева. Несмотря на непогоду, на площади перед казармами собралась толпа возбужденных солдат 56-го полка. К ним-то и обратился Рябцев.

— В кремлевских подвалах, — сказал он, — золотой запас и много других ценностей. Их надо тщательно охранять, а 56-й полк устал, и его надо заменить, поручив охрану юнкерам!

Тут началось нечто невообразимое.

— Мы столько лет охраняли Кремль, а теперь нам не доверя-

ют, — кричали солдаты. — Разве мы менее храбры, чем юнкера, и не доказали это делом?

— Долой его! К черту!

— Мы Кремль всегда охраняли! Юнкеров не пустим! Довольно!

Членам ВРК с большим трудом удалось удержать солдат от самосуда над Рябцевым.

— Вот видите, — обратился к нему Муралов, — говорил я вам, что 56-й полк из Кремля не уйдет. Юнкеров вводить не следует и не зачем.

Рябцев вынужден был удалиться ни с чем. Но переговоры продолжались. Когда представители ВРК направились в Кремль для второй встречи с Рябцевым, они были перехвачены юнкерами и доставлены в Манеж, где подверглись угрозам и оскорблениям. Только некоторое время спустя их пропустили в Кремль.

Командующий округом продолжал настаивать на выводе из Кремля революционных солдат с заменой их юнкерами, но встретил решительный отпор.

— Заявляю вам как уполномоченный Военно-революционным комитетом, — обратился к Рябцеву Ярославский, — что Кремль будет охранять 56-й полк; рота 193-го полка будет уведена тотчас же, как будут отозваны стоящие у Кремля юнкера; 56-й полк не уступит добровольно своих постов. Я прошу вас: во избежание кровопролития не вводите в Кремль юнкеров. Я ручаюсь, что ни одно ружье не будет вывезено, пока вы с Военно-революционным комитетом не выработаете условий вооружения солдат и рабочих!

На том и порешили. Рота 193-го полка стала готовиться к уходу, а Рябцев со своим адъютан-

том беспрепятственно покинули Кремль.

Вечером состоялось совместное заседание Партийного центра и большевистской части Военно-революционного комитета. Сразу же обнаружилось две противоположные точки зрения на создавшееся положение.

— Раз гражданская война начата, — говорили одни, — поздно идти назад, да и нет пути назад; если мы не пойдем вперед, пойдут наши противники. При таких условиях передышка в гражданской войне несет выгоды не нам, а нашим противникам, которые стягивают и организуют свои силы. Нас же передышка только дезорганизует, ибо массы организуются в действии, а не в переговорах. Пойти назад — значит оставить без поддержки Петроград! Надо прервать переговоры с Рябцевым и начать решительное наступление на думу!

Конечно же эти товарищи были правы, хорошо понимая законы восстания, изложенные В. И. Лениным в сентябрьско-октябрьских статьях и письмах. Но эта точка зрения не нашла поддержки у большинства присутствовавших.

— У нас мало сил, — говорили они, — мы не знаем, на кого опереться, нам нужна передышка для организации сил. Переговоры с Рябцевым необходимо продолжать!

После бурных и долгих споров девятью голосами против пяти постановили переговоры с Рябцевым продолжать и добиваться соглашения. Это голосование в известном смысле предопределило затяжной характер октябрьской борьбы в Москве.

По районам была разослана телефонограмма, отменявшая

прежние распоряжения и предписывавшая занять „строго выжидательную позицию“. Районы подчинились этому решению, хотя оно вызвало недоумение и даже прямое возмущение.

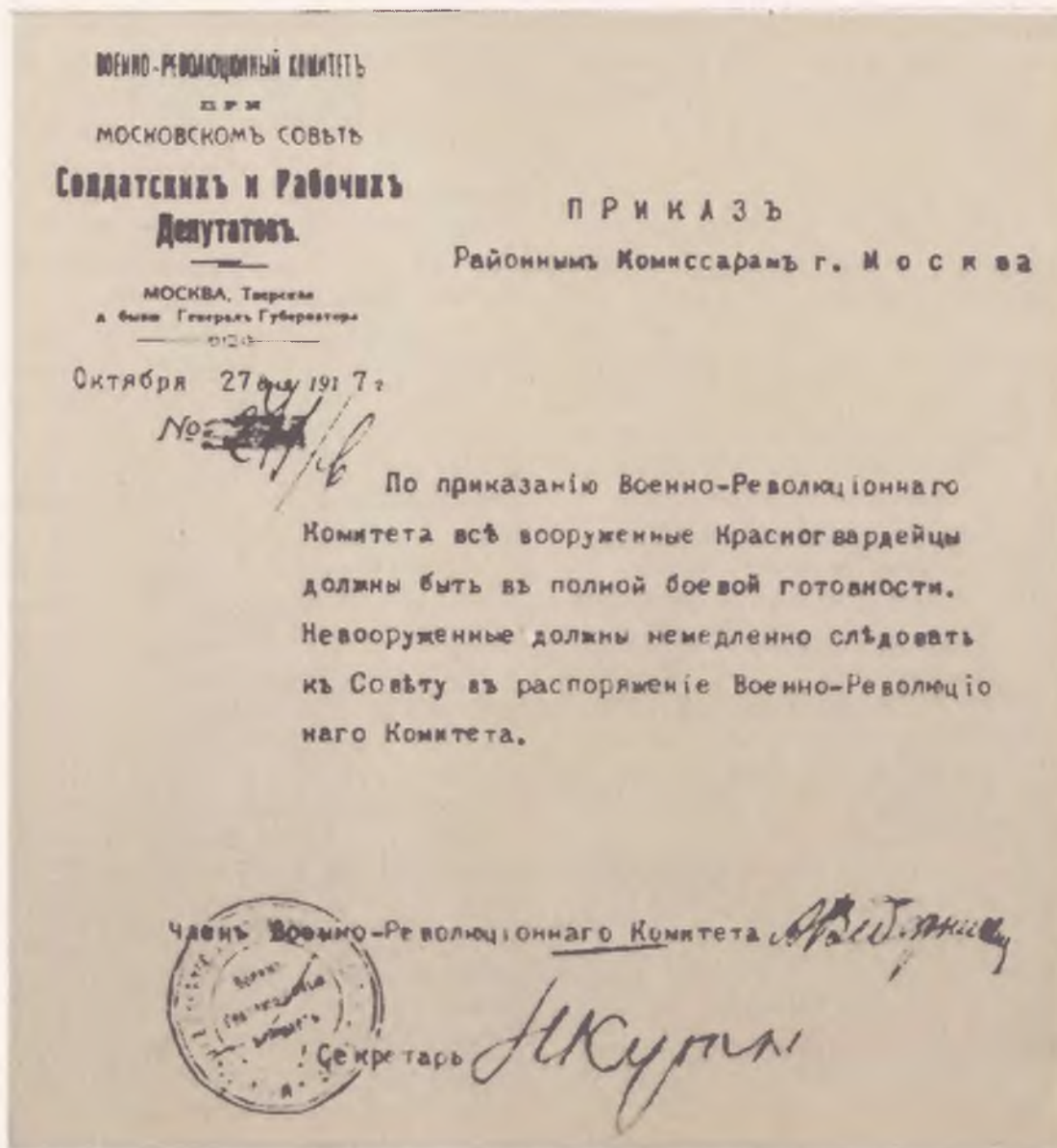
Когда вечером того же дня член бюро МК И. В. Цивцивадзе выступил в Замоскворецком районе с информацией об этом постановлении, она была встречена резкой критикой.

— Что же вы делаете, — говорил рабочий с завода Бромлея Козычев, — в городе уже пахнет порохом, во всех казармах офицеры ведут контрреволюционную агитацию, юнкера стягиваются к центру, а студенты получают от думы винтовки! Разве можно допустить, чтобы в такой момент руководящие органы не нашли ничего лучшего, как держаться выжидательной позиции.

Его поддержали. Собрание постановило послать в центр двух товарищей и настаивать на решительных действиях. В воинские части, расположенные в районе, направились агитаторы.

Поставленный перед альтернативой — без колебаний развернуть восстание в полную силу или искать компромиссных решений, ВРК, во всяком случае большая его часть, избрал второй путь и в результате растерял преимущества, связанные с готовностью масс к бою и внезапностью удара. Контрреволюция получила передышку, столь необходимую ей для мобилизации своих сил.

Однако и положение в контрреволюционном стане в этот день было не слишком обнадеживающим. Слабохарактерный и безвольный Рябцев, издав 24 октября угрожающий приказ по округу, оказался не в состоянии не только

Приказ Московского ВРК районным комиссарам г. Москвы о приведении красногвардейцев в полную боевую готовность. 27 октября 1917 г.

подчинить себе гарнизон, но даже использовать аппарат штаба для организации боевых действий и начать эти действия имевшимися в его распоряжении силами.

Переговоры, начатые Рябцевым с ВРК, служили не только прикрытием мобилизационных мероприятий, но в какой-то степени отражали колебания и неуверенность командующего округом.

Контрреволюционное офицерство не скрывало своего недовольства поведением Рябцева. В Александровском военном училище на Знаменке формировался импровизированный белогвардейский штаб, сюда стекались юнкера и студенческие отряды из белоподкладочников. Здесь же определялись и планы захвата Кремля, почты, телеграфа, телефона, а также

здания Моссовета, готовился арест Военно-революционного комитета. Но пока это были только планы.

Утро 27 октября не внесло ясности в обстановку.

„Нелепое положение сложилось в Москве, — говорилось в „Известиях Московского Совета“. — Стены домов и заборы красноречиво говорят об этой нелепости. На них рядом расклеены плакаты от Военно-революционного комитета, Московских Советов рабочих и солдатских депутатов и от Московской городской думы. Военно-революционный комитет говорит именем революции, которая организует свои силы против контрреволюции, стремящейся нанести ей последний удар. Московская центральная дума в звании, принятом большинством, составившимся из кадето-корниловцев и правого центра, призывает московское население сплотиться для поддержки губителей революции“.

Действительно, обе стороны утром и днем 27 октября ограничивались словесными призывами, не прибегая к сколько-нибудь активным действиям.

В силу достигнутой ранее договоренности рота 193-го полка утром покинула Кремль. Рябцев же не выполнил своего обещания. Выпустив беспрепятственно солдат, юнкера вновь замкнули кольцо окружения, отрезав Кремль от города. А ВРК между тем продолжал переговоры, все еще надеясь на мирное урегулирование конфликта. Большевики, входившие в этот орган, делали все, чтобы побудить его к дальнейшим уступкам контрреволюции. Они ультимативно потребовали обязательной подписи всех членов ВРК под

его постановлениями и введения представителя Совета рабочих депутатов в Комитет общественной безопасности. Когда эти требования были отвергнуты, меньшевики демонстративно вышли из ВРК. Уход меньшевиков сделал ВРК более сплоченным и боеспособным, но все же время было упущено. Контрреволюционные силы явно перехватывали инициативу и готовы были сами перейти в наступление. Подталкивали их к этому и сообщения из Ставки о мерах помощи Москве для „освобождения ее от мятежников“.

Подавление восстания было для контрреволюции лишь ближайшей целью. С момента свержения правительства Керенского буржуазия стремилась к созданию в Москве всероссийского центра, который бы возглавил борьбу против революционных сил.

Идея перемещения в Москву „центра всей политики“ была не нова. Как известно, она возникла и обсуждалась в дни августовского совещания. Осенью же, в сентябре—октябре, замышлялись уже практические шаги по переводу Временного правительства в Москву. Теперь же речь шла не о перебазировании правительства во „вторую столицу“, а о формировании здесь нового правительства буржуазии.

Едва только в Москве были получены известия о том, что Второй съезд Советов состоялся и соглашатели потерпели на нем сокрушительное поражение, московский городской голова В. В. Руднев разослал всем городским и земским самоуправлениям телеграмму с предложением „немедленно избрать делегатов, которые по первому призыву съедутся для организации поддержки Учре-

дительному собранию“. Одновременно Руднев телеграфировал в Ставку: „Помимо задачи борьбы с большевиками, перед Москвой встала необходимость организовать Временное правительство“. Смысл этих планов состоял в том, чтобы противопоставить сборище земских и городских деятелей съезду Советов, а новое Временное правительство Совету Народных Комиссаров.

Идея пришлась по вкусу и оставшимся на свободе министрам Керенского. Один за другим они потянулись в Москву. Вслед за министром продовольствия Прокоповичем приехали министр юстиции Мапянтович, „товарищи министров“ Хижняков, Хрущев...

Среди материалов контрразведки Московского военного округа находим такую информацию: „Все, кроме министерства иностранных дел, представлены в данное время в Москве, завтра приедут остальные, и здесь, в Москве, будет, по видимому, объявлено Временным правительством министерство продовольствия со всем техническим аппаратом. Уже здесь налаживается технический центр, остальные приедут с минимальным техническим аппаратом“. Один из деятелей Временного правительства — А. А. Демьянов позднее вспоминал, что они с напряженным вниманием следили за исходом борьбы в Москве. „Решено было... — писал он, — устроить в Москве нечто вроде филиального отделения правительства, а при удаче борьбы с большевиками перевести в Москву и все правительство“. Но эта затея сорвалась. Добиться успеха в борьбе с московским пролетариатом и революционными солдатами контрреволюции так и не удалось. Однако

победа власти Советов в Москве была еще впереди, а пока положение ее становилось все более трудным и опасным.

Получив обнадеживающие сведения о движении на Москву войск с Западного и Юго-Западного фронтов и рассчитывая, что первые их эшелоны начнут прибывать не позднее 28 октября, Рябцев и его офицерско-юнкерское окружение прекратили игру в переговоры.

Около 7 часов вечера 27 октября в комнате, где заседал Военно-революционный комитет, раздался телефонный звонок. На проводе был командующий округом.

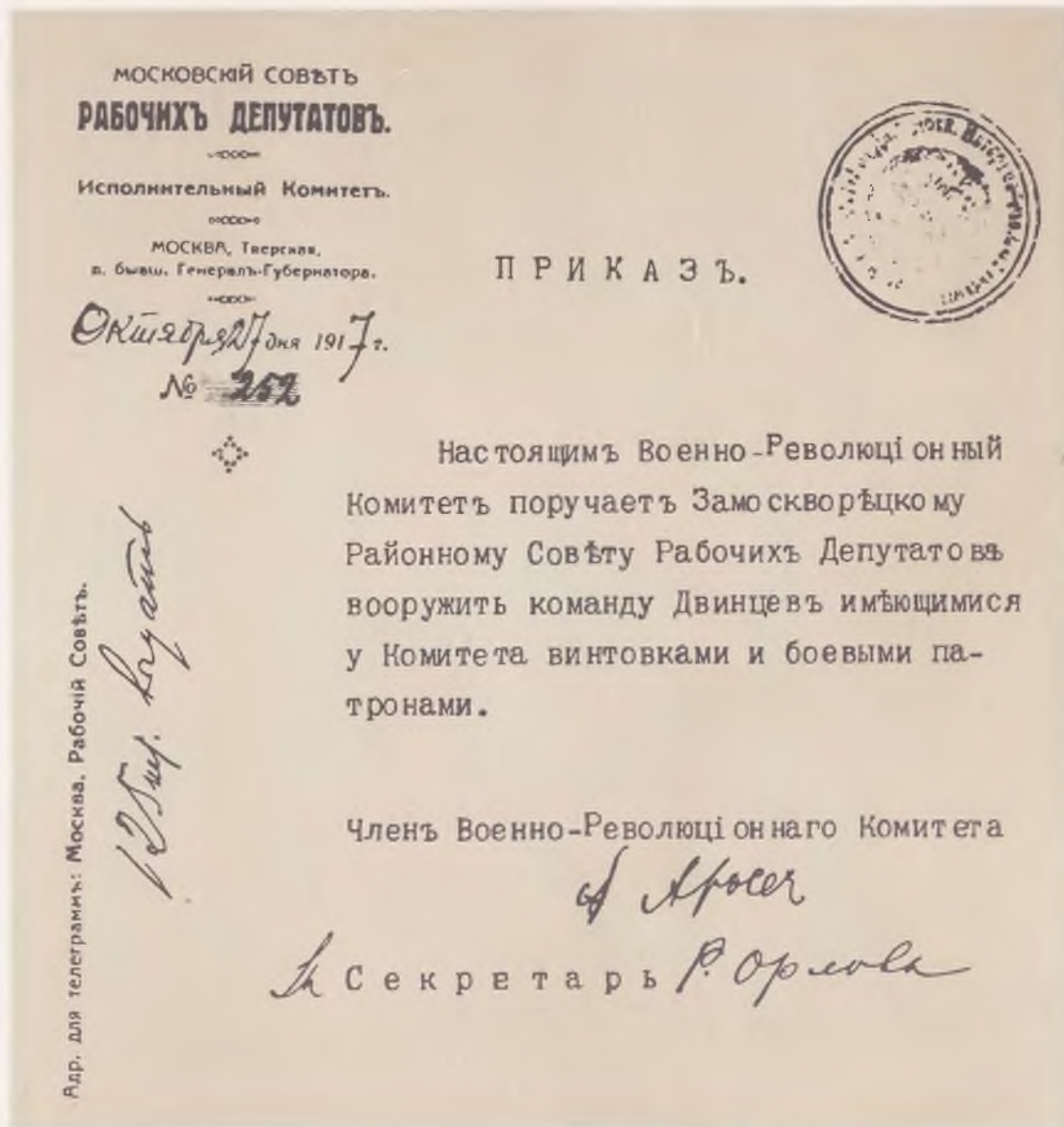
— Я требую немедленной ликвидации всех действий вашего комитета и его роспуска! Требую также немедленного вывода из Кремля солдат 56-го полка и прекращения попыток взять оружие из арсенала! В случае отказа Кремль будет обстрелян артиллерией, а против вас начну боевые действия. На размышления вам дается 15 минут.

На этом разговор прекратился.

В протокольной записи заседания ВРК этот драматический момент отражен предельно лаконично: „Рябцев предъявил ультиматум о роспуске центра, — если не исполнят, будут открыты действия“. Одновременно командующий округом издал приказ о введении в Москве военного положения.

Это было уже слишком. Даже сторонники продолжения переговоров были возмущены ультиматумом полковника. Требования Рябцева были отвергнуты единодушно и без обсуждения.

Но угроза начать боевые действия не осталась простой угрозой.

Приказ Московского ВРК Замоскворецкому районному Совету о вооружении команды „двинцев“. 27 октября 1917 г.

Вечером того же дня отряд „двинцев“, располагавшийся в Озерковском госпитале, по приказу ВРК выступил из Замоскворечья на охрану Московского Совета. Путь лежал через Москворецкий мост и Красную площадь. Мост солдаты миновали благополучно, но, когда отряд, пройдя мимо храма Василия Блаженного, втянулся на площадь, у Лобного

места дорогу ему преградил юнкерский заслон.

— Стой! Кто такие, куда идете?! — закричал офицер.

Вперед вышел командир отряда солдат-большевик Е. Н. Сапунов.

Бой „двинцев“ с белогвардейцами на Красной площади.
С картины худ. Н. Кузнецова

— Команда „двинцев“. Следует по вызову на охрану Совета!

— Проходите!

Отряд двинулся дальше. В проезде у Исторического музея густо чернели цепи юнкеров.

И вновь окрик:

— Стой! Кто такие, куда следуете?!

Сапунов объяснил.

— А, — заорал полковник, командовавший юнкерами, — это те самые бандиты с Двинского фронта, которые сидели в Бутырской тюрьме!

— Мы требуем пропустить нас к Московскому Совету, — твердо сказал Сапунов.

— Центр охраняется нами, — ответил полковник и тут же скомандовал: — Сложить оружие!

Едва Сапунов повернулся к своим, чтобы отдать какую-то команду, как прогремел выстрел, и он упал, смертельно раненный.

Завязалась ожесточенная схватка. Вслед за Сапуновым упал раненный в ногу Семен Цуцин, рухнули на землю, обливаясь кровью, Александр Воронов, Александр Тимофеев, Иван Назаров, Антон Запорожец... Перестрелка перешла в рукопашную. Неся потери, „двинцы“ с боем все же вырвались на Тверскую и пробились на Скобелевскую площадь к Совету.

В Москве пролилась первая кровь.

Между тем белогвардейцы продолжали осуществлять свой план. Юнкерские отряды совершили налет на Дорогомиловский ВРК, проникли в расположение 1-й запасной артиллерийской бригады, где захватили два орудия и несколько вывели из строя. Белогвардейцы укрепились на Садовом кольце от Крымского моста до Смоленского рынка и вышли

Товарищи Рабочие, Солдаты, Крестьяне и вся Бѣднота.

Рѣшительный моментъ наступилъ. Власть переходитъ въ руки революціонной демократіи, сплотившейся вокругъ Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Это значитъ—власть переходитъ къ намъ, всѣмъ революціоннымъ рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ.

Намъ не накого надѣяться, рассчитывать; теперь мы всѣ должны снизу доверху сами строить новую жизнь. Мы всѣ должны сплотиться, сѣорганизоваться—вокругъ своихъ заводскихъ, полковыхъ и ротныхъ комитетовъ и сплотиться вокругъ Совѣтовъ.

Мы должны нашему врагу—буржуазіи противопоставить сплоченность, организованность—тогда мы побѣдимъ—и бороться противъ всего того, что мѣшаетъ нашей организованности.

И въ этотъ рѣшительный моментъ темныя силы реакціи, всѣ тѣ, кому—ножь острый нашъ новый революціонный порядокъ, ведутъ свою черную подпольную работу, чтобы посѣять вражду, разрознить, разбить наши силы.

Вся эта черносотенная агитація, всѣ эти призывы къ погромамъ—все это дѣ-

ло черной сотни, которая хочетъ воспользоваться темнотой, безсознательностью и натравить однихъ противъ другихъ.

Въ этотъ рѣшительный моментъ преступно противъ нашего рабочаго дѣла—ПЬЯНСТВО. Мы сами должны бороться съ этимъ зломъ-словомъ, убѣжденіемъ и закрытіемъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ продаются спиртные напитки.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне, мы зовемъ васъ всѣхъ дружно сплотиться, сѣорганизоваться вокругъ Вашихъ Совѣтовъ.

И дружной сплоченной стѣной пойдѣмъ на завоеваніе немедленнаго демократическаго мира, немедленной передачи земли въ распоряженіе земельнаго комитета, рабочаго контроля надъ производствомъ и распределеніемъ продуктовъ.

И чтобы все это закрѣпить мы созовемъ Учредительное Собраніе, избранное честно, открыто всей революціонной демократіей.

И ТАКЪ ДРУЖНО ВСѢ ЗА РАБОТУ!

Пусть въ нашихъ революціонныхъ рядахъ не будетъ мѣста ни пьянству, ни погромамъ, ни самосудамъ, ни насилію.

Военно-Революціонный Комитетъ

Басманнаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Воззвание Военно-революціоннаго Комитета Басманнаго района. Октябрь 1917 г.

на бульварное кольцо от Мясницких и Сретенских ворот. Революционные отряды были оттеснены от почтамта и телеграфа. На телефонную станцию юнкера ввели усиленный гарнизон. Связь, таким образом, целиком оказалась в их руках. В здании градоначальства на Тверском бульваре сосредоточились значительные силы белых, непосредственно угрожая Скобелевской площади и зданию Московского Совета. Юнкера засели в Алексеевском военном училище и кадетских корпусах в Лефортове.

Революционные силы располагались преимущественно по периферии Садового кольца, а белые занимали центр города, где одиночными островками возвышались Моссовет, фактически отрезанный от районов, но продолжавший оставаться центром руководства

Арбатская площадь в Москве перегорожена баррикадой. Октябрь 1917 г.

Сторожевой пост у Никольских ворот Кремля

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

восстанием, и Кремль. Кремлевский гарнизон находился в тяжелом положении. Телефонная связь была прервана. Действующие телефоны контролировались офицерами. Меньшевики и эсеры вели среди солдат контрреволюционную пропаганду, уверяя их, что большевики разбиты и в городе властвует Комитет общественной безопасности. И все же, пока Кремль охранялся революционными солдатами 56-го полка, контрреволюция не могла рассчитывать на успех.

Спустя 10 лет после Октября военный историк Н. Е. Какурин напишет: „...так как сторонники павшей государственной власти в Москве оказались более энергичными и жизнедеятельными, чем в Ленинграде, то они заставили в общем паралитический аппарат этой власти в Москве сделать несколько последних судорожных движений, прежде чем он был окончательно сброшен со счетов истории. Это судорожное цепляние за власть, подпираемую со всех сторон буржуазными и отчасти соглашательскими партиями распадающегося государственного и военного аппарата правительства Керенского в Москве, и явилось непосредственной причиной в местном масштабе вооруженного столкновения на улицах Москвы“.

Да, это были „судорожные движения“ уходящей в историческое небытие буржуазной власти, но

судороги, чрезвычайно опасные для революции. Обреченные политически, контрреволюционные силы предприняли отчаянную попытку повернуть ход истории вспять.

Положение ВРК в этот вечер становилось критическим. Надежды на мирное разрешение конфликта оказались не более чем призраком.

В этих обстоятельствах революционное руководство восстанием решило прибегнуть к испытанному пролетарскому оружию — всеобщей стачке. До этого момента вопрос о ней в ВРК не обсуждался. Но теперь, когда над делом революции нависла смертельная угроза, нельзя было терять ни минуты. Поздним вечером 27 октября было выработано воззвание „К рабочим“. В нем говорилось:

„Не до работы теперь!

28-го дружно, как один человек, оставим фабрики и заводы и по первому призыву Военно-революционного комитета сделаем все, что он укажет... Решается судьба революции, решается судьба нашей страны, а вместе с тем на долгое время решается и судьба человечества“.

Вместе с тем в воззвании указывалось, что предприятия, связанные с обслуживанием населения, — водопровод, аптеки, больницы, — не должны прекращать работы.

Тогда же Военно-революционный комитет обратился к солдатам:

„Товарищи!

Наше решение принято. За народ, за свою власть и землю народу... против царства буржуазии и помещиков!

К оружию, товарищи!

Будем биться, как свободные граждане! Нас можно убить, но нас не заставят опять пойти в рабство и осудить на рабство наших детей и внуков“.

Районным комиссарам было разослано распоряжение: „По приказанию Военно-революционного комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к Совету в распоряжение Военно-революционного комитета“.

Получили приказ и воинские части. „Все воинские силы, — говорилось в нем, — должны подчиняться распоряжениям только Военно-революционного комитета, избранного Московскими Советами рабочих и солдатских депутатов“.

Ни одно распоряжение без утверждения Военно-революционного комитета не должно приводиться в исполнение“.

Уходил в прошлое хмурый осенний день 27 октября. В тревожном ожидании замер город. То там, то здесь в ночной тишине раздавались выстрелы. Это не прекращались стычки между рабочими и юнкерами. Но решающие события были еще впереди.

Нет той силы, которая способна победить восставший народ!

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ СИЛЫ В ПЕТРОГРАДЕ СПЛАЧИВАЮТСЯ

КЪ ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ!

Въ трагическій моментъ, переживаемый русскимъ трудовымъ народомъ, меньшевики-соглашатели и правые эсеры изменили рабочему классу. Они оказались на сторонѣ корниловцевъ Керенскаго и Савинкова. Они подготавливаютъ гражданскую войну, вносятъ разладъ въ наши ряды.

Въ своихъ газетахъ („Воля Народа“, „Рабочая Газета“, „Солдатскій Голосъ“) они осыпаютъ самыми низкими клеветами рабочихъ, солдатъ матросовъ и крестьянъ борющихся за свободу и счастье народа.

Они печатаютъ приказы изменника Керенскаго и сѣютъ панику въ городъ, распространяя самые вздорные слухи о мнимыхъ побѣдахъ этого ренегата.

Граждане! Не вѣрьте этимъ нелѣпымъ слухамъ. Нѣтъ той силы, которая способна побѣдить возставшій народъ. Сила на сторонѣ революціи. Предателя Керенскаго и его соратниковъ ждетъ скорое и заслуженное ими наказаніе. Народъ же добьется своего, несмотря на всѣ происки соглашателей.

Мы пригвождаемъ ихъ къ позорному столбу. Мы предаемъ ихъ презрѣнію всѣхъ рабочихъ, солдатъ, матросовъ и крестьянъ, на которыхъ они собираются надѣть старыя цѣпи. И никогда не смьтъ имъ съ своего чела клейма изроднаго презрѣнія и негодованія.

Стыдь и позоръ предателямъ народа!

Да здравствуетъ рабочая и крестьянская революція!

Военно-Революціонный Комитетъ.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ СИЛЫ В ПЕТРОГРАДЕ СПЛАЧИВАЮТСЯ

27 октября 1917 г. стало первым рабочим днем новых органов Советской власти в столице. Провел первое заседание Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК), принявший обращение „Всем Советам, всем рабочим, солдатам и крестьянам“. В нем говорилось об итогах работы Второго Всероссийского съезда Советов, об окончании полномочий соглашательского ЦИК и всех его представителей на местах. ВЦИК предлагал революционным силам сплотиться вокруг него, оказывать ему дружную поддержку в деле углубления и укрепления революции.

Под руководством В. И. Ленина состоялось первое заседание Совета Народных Комиссаров. Он принял декрет о печати, одобрявший меры Военно-революционного комитета в дни 25—26 октября по закрытию некоторых контрреволюционных газет. Декрет устанавливал, что закрытию подлежат органы прессы, призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, извращающие факты и призывающие к

преступным действиям. Затем было принято постановление о проведении выборов в Учредительное собрание в назначенный ранее срок, т. е. 12 ноября. Тем самым наносился удар по клеветническим заявлениям меньшевиков и эсеров о том, что после захвата власти большевиками Учредительное собрание создано не будет.

Продолжал энергично действовать Военно-революционный комитет. Назначались новые комиссары, устанавливался контроль над новыми общественными и государственными объектами. В районах города местные Советы, революционные комитеты, штабы Красной гвардии устанавливали полный контроль над милицией, почтово-телеграфными учреждениями, складами спирта и вина.

Однако созидательной работе органов Советской власти всячески мешали контрреволюционные силы. Это были не только представители буржуазных партий и крупного капитала, прямые враги рабочего класса, но и мелкобуржуазные партии меньшевиков, эсеров, народных социалистов. Колеблющуюся, а иногда и враждебную позицию занимали лидеры

партий левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов.

Меньшевики и правые эсеры взяли на себя руководство всеми контрреволюционными силами. Это объяснялось не только их неприятием марксизма в теории. Ведь и на практике сметенное Октябрьской революцией Временное правительство и по персональному и по партийному составу было в своем большинстве правосоциалистическим. В ходе борьбы за правительственные местечки накануне Октября верх одержали лидеры мелкобуржуазных партий. В последнем созыве Временного правительства на шесть представителей буржуазии приходилось десять „министров-социалистов“. Однако, несмотря на „социалистический“ камуфляж, все они выражали и защищали интересы буржуазии.

Свержение буржуазного Временного правительства лидеры мелкобуржуазных партий восприняли как свержение „своей власти“ и яростно устремились бороться за ее восстановление. Их главной целью стала теперь борьба против большевиков, за восстановление порядков буржуазной

демократии. Они мечтали привести к власти столь милое их сердцу „однородное социалистическое правительство“ — от большевиков до народных социалистов. Большевиков в нем предполагалось отодвинуть на второстепенные посты. А наличие в таком правительстве лидеров меньшевиков и эсеров дало бы гарантии российской буржуазии против „социалистических экспериментов“, гарантии сохранения их капиталов и привилегий. Таковы были планы лидеров складывавшегося антибольшевистского и антисоветского фронта.

Опытные политиканы, они еще в ходе штурма Зимнего дворца принялись за создание антисоветских центров. Покинув заседание Второго Всероссийского съезда Советов, лидеры эсеров и меньшевиков явились в здание Петроградской городской думы и там организовали „Комитет спасения родины и революции“. Этот орган должен был заменить в какой-то степени свергнутое Временное правительство и служить противовесом съезду Советов. Его председателем был избран эсер Гоц. Комитет стал устанавливать связи с антисоветскими партиями и организациями, с контрреволюционными служащими государственных учреждений, с юнкерскими училищами. Он стремился войти в контакт с Керенским и с московскими буржуазными организациями, а также со Ставкой Северного фронта в Пскове и со Ставкой верховного главнокомандующего в Могилеве.

На помощь меньшевикам и эсерам 26 октября из Москвы почти в полном составе прибыл Викжель, в котором большинство принадлежало представителям со-

РУССКІЕ СОЛДАТЫ!

Керенскій находится въ союзѣ съ реакціей и пытается набрать войска для борьбы противъ Совѣта.

Правительство Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ Петроградѣ возстановило спокойствіе и порядокъ и предупреждаетъ, чтобы не вѣрили утвержденіямъ Керенскаго, будто бы. онъ въ нѣсколько часовъ снова вернетъ себѣ власть.

Кто желаетъ скорѣйшаго окончанія войны посредствомъ почетнаго мира, долженъ стоять за Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и не долженъ допускать, чтобы Керенскій имъ же пользовался для борьбы противъ настоящихъ интересовъ солдатъ дѣйствующей арміи.

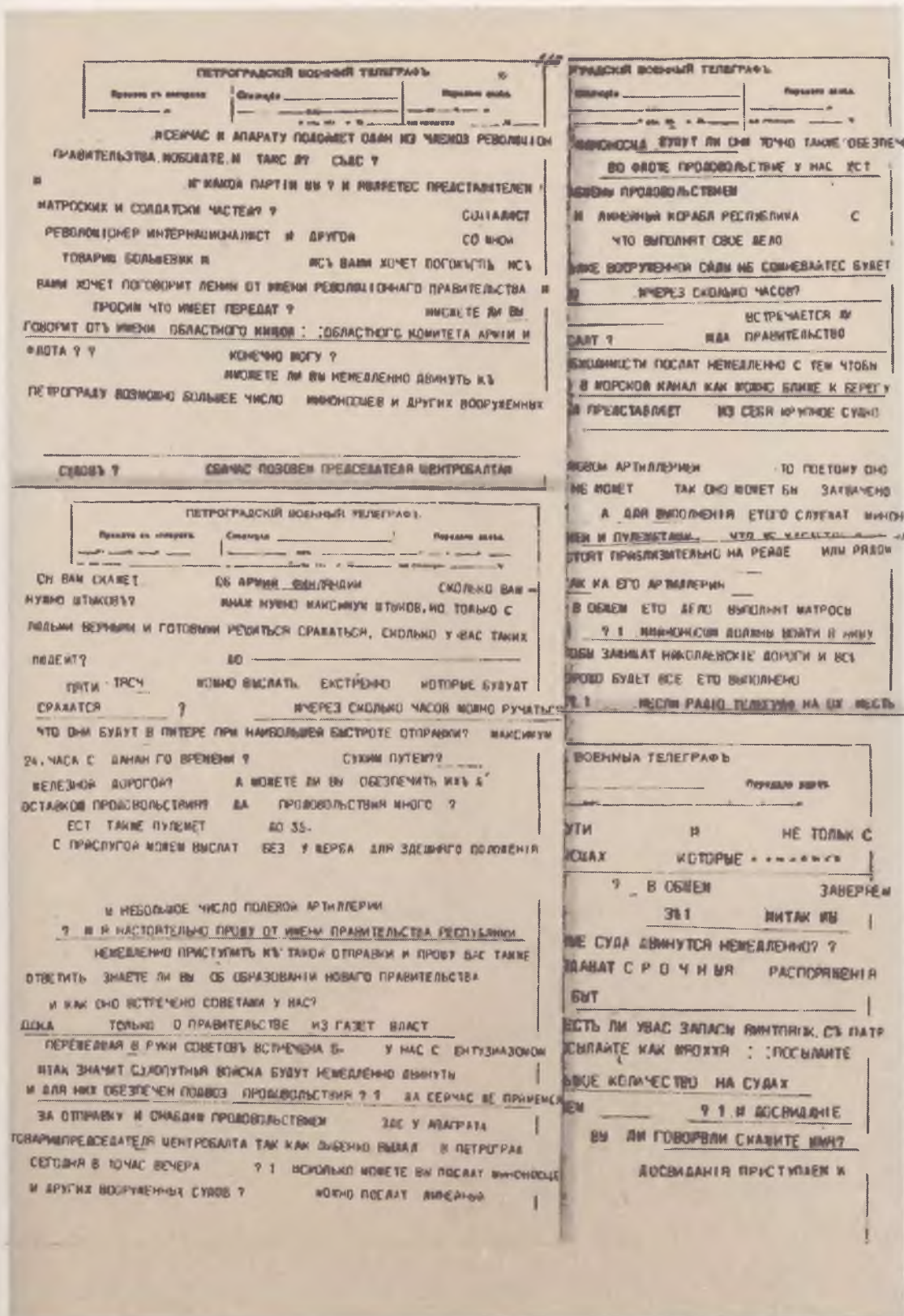
Обращение ВРК к солдатам с призывом бороться против мятежа Керенского

глашательских партий. Викжель заявил, что берет на себя руководство железными дорогами, и призвал все организации выполнять только его распоряжения. Он отказался от сотрудничества с Советской властью, которое было предложено ему членом ЦК РСДРП (б) А. С. Бубновым.

Тем временем „Комитет спасения“ обратился ко всем чиновникам государственных учреждений с призывом повиноваться только представителям Временно-

го правительства, а в случае насилий начать забастовку. В воззвании „К гражданам Российской Республики“ комитет предлагал населению не поддерживать Советскую власть, не выполнять ее распоряжений.

И „Комитет спасения“ и прочие антибольшевистские силы в столице строили свои расчеты преимущественно на военном подавлении Советской власти. И тут на первое место выступил министр-председатель низложенного Временного

правительства Керенский, к вечеру 25 октября оказавшийся во Пскове. Ему не удалось заручиться поддержкой главнокомандующего войсками Северного фронта Черемисова. Но с помощью генерал-квартирмейстера штаба фронта Барановского и комиссара Северного фронта меньшевика Войтинского он связался с командиром 3-го конного корпуса генералом Красновым и убедил его начать военный поход на Петроград.

С большим трудом Краснов собрал 26 октября 10 казачьих сотен, полтора дивизиона легкой артиллерии, бронепоезд и один броневик. Остальные казаки корпуса отказались участвовать в аванюре Керенского—Краснова. Даже машиниста для своего эшелона они не нашли, и поезд повел командир сотни Енисейского полка, служивший когда-то на железной дороге. На рассвете 27 октября отряд прибыл на станцию Гатчина-товарная. Казаки разоружили разгружавшийся эшелон — с ротой Измайловского полка и отрядом матросов, прибывших из Петрограда. Гатчинский гарнизон заявил о своем нейтралитете, а юнкера школы прапорщиков Северного фронта и военно-авиационной школы присоединились к мятежникам.

Керенский, перебравшийся в Гатчинский дворец, объявил город на военном положении, ввел смертную казнь, арестовал членов местного Совета. В 4 часа дня 27 октября он отправил телеграмму войскам петроградского гарнизона, предлагая солдатам

Красногвардейский отряд на ступенях Смольного. Скоро он отправится в Красное Село бороться против мятежников

Фотокопия телеграфных бланков переговоров В. И. Ленина по прямому проводу с Центробалтом в Гельсингфорсе

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

„вернуться не медля ни часу к исполнению своего долга”. Ставка присоединилась к требованиям Керенского. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Духонин 27 октября издал воззвание, в котором требовал безусловного подчинения Временному правительству и обещал, что верные правительству войска будут двинуты на Петроград.

Занятие Гатчины вселило уверенность в ряды контрреволюционеров. Эсеры послали туда свою боевую дружину. Петроградская городская дума вечером 27 октября постановила направить к Керенскому своих эмиссаров. Выехала в Гатчину и делегация „Комитета спасения”. В ее составе были Гоц и Зензинов, оба эсеры. Но патруль ВРК задержал делегацию и доставил в Петроград. Всех их, кроме председателя „Комитета спасения” Гоца, отпустили. Гоц же сумел бежать из Смольного и пробрался в Гатчину, куда вскоре приехал и председатель разогнанного большевиками Предпарламента Авксентьев.

Военно-революционный комитет в течение дня 27 октября принял ряд мер по предупреждению прорыва войск Керенского—Краснова в Петроград. Но выполнялись эти приказы медленно. Лишь к вечеру несколько тысяч солдат было отправлено в районы Красного Села, Лигова и Петергофа. Краснов же начал развивать наступление в другом направлении. Подавив артиллерией небольшие заслоны войск ВРК и царскосельского гарнизона, он осадил Царское Село, находившееся всего в 25 километрах от столицы. Гарнизон в целом сочувствовал большевикам, но под влиянием сложившейся обстановки в нем про-

изошел раскол. Некоторые части ушли в Петроград, другие укрылись в казармах. Под колокольный звон всех церквей казаки и артиллерия генерала Краснова рано утром 28 октября вступили в город. Занятие Царского Села мятежниками создало реальную угрозу для Петрограда. Это требовало от ВРК максимума усилий.

В. И. Ленин, занятый в Совнарком, уже днем 27 октября уделил много внимания обороне города. Он потребовал, чтобы ВРК переехал в здание штаба Петроградского военного округа на Дворцовую площадь и воспользовался его техническим аппаратом и средствами связи. В ночь на 28 октября, когда сведения о продвижении противника стали особенно грозными, ЦК РСДРП (б) и Совнарком создали специальную комиссию во главе с В. И. Лениным по организации разгрома мятежников. Ночью Ленин прибыл в здание штаба и потребовал доклада от ВРК. Он выслушал Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, К. А. Мехоношина и резко критиковал их. Владимир Ильич быстро и умело направил работу революционного штаба, прислал в помощь ВРК несколько военных специалистов. Было решено принять предложения о сотрудничестве с Советской властью ряда старых офицеров царской армии. Они включились в работу по организации отпора войскам Керенского—Краснова.

В ночь на 28-е был поднят по тревоге весь рабочий Петроград. Шла дополнительная запись в Красную гвардию, численность которой достигла вскоре 32—36 тысяч человек. Создавались дружины из рабочих для рытья окопов и установки проволочных заграж-

дений. Были запрошены дополнительные силы из Гельсингфорса, главной базы Балтийского флота, и из Кронштадта. Военные корабли должны были использовать свою дальнобойную артиллерию для обстрела позиций мятежников с Финского залива и с Невы выше Петрограда. Под руководством Ленина 28 октября состоялось собрание представителей партийных организаций, фабзавкомов, профсоюзов, районных Советов. Было решено объявить дополнительную мобилизацию сил на борьбу с мятежниками. Поздно вечером 28 октября первые красногвардейские отряды выступили от Московской заставы в направлении Пулкова и Красного Села.

Тем временем мятежники в Царском Селе готовились вступить в Петроград 30 октября. Им удалось получить некоторые подкрепления, в том числе тяжелую артиллерию из Павловска. Самая мощная в России царскосельская военная радиостанция передавала круглые сутки воззвание Керенского к фронту и к стране. В Царское Село прибыли комиссар Временного правительства при Ставке народный социалист Станкевич, комиссар Северного фронта меньшевик Войтинский и Савинков, назначенный Керенским начальником обороны Гатчины. Керенский предвкушал победу. А в самом Петрограде „Комитет спасения” лихорадочно готовил мятеж юнкеров, которые должны были ударить в спину революционным войскам в момент подхода казаков к столице.

Рабочие завода Михельсона на баррикадах Остоженки в Октябрьские дни 1917 г.

**ПРОЛЕТАРИИ МОСКВЫ
ВНОВЬ БЕРУТ
ИНИЦИАТИВУ
В СВОИ РУКИ**

Приказъ

Комиссаръ Военно-Революціоннаго Комитета Хамовническаго Района Сов. Раб. и Солд. Деп. доводитъ до свѣдѣнія гражданъ, что вся власть въ районѣ въ рукахъ Военно-Революціоннаго Комитета.

Военно-Революціонный Комитетъ требуетъ немедленнаго открытія продовольственныхъ лавокъ, булочныхъ, харчевенъ, трактировъ для правильнаго снабженія населенія продовольствомъ во время революціи.

Всѣ не исполнившіе приказъ будутъ наказаны по закону революціоннаго времени.

Комиссаръ Военно-Революц. Комитета
Хамовн. района

Москва, 30 октября с. г.

ПРОЛЕТАРИИ МОСКВЫ ВНОВЬ БЕРУТ ИНИЦИАТИВУ В СВОИ РУКИ

Рассвет 28 октября 1917 г. не принес революционным силам Москвы видимого облегчения. Более того, именно в это время их постигла еще одна крупная неудача — белые захватили Кремль. Это был один из самых трагических эпизодов в истории Московского вооруженного восстания.

Как известно, в Кремле кроме революционных солдат оставалось некоторое количество офицеров, враждебно настроенных к Советской власти. В их распоряжении были два броневика, а главное — телефонная связь, позволявшая им постоянно сноситься с Комитетом общественной безопасности и штабом Московского военного округа. Этим и воспользовался Рябцев.

Около восьми утра Берзина вызвали в помещение офицерской команды броневиков. Один из находившихся там офицеров сказал:

— По поручению командующего сообщаю, что город полностью в руках его войск, заняты вокзалы, почта и телеграф. Полковник требует немедленной сдачи Кремля!

В это время раздался телефонный звонок. У аппарата был Рябцев.

— Разговор короткий, — заявил он, — все войска разоружены мною. Военно-революционный комитет капитулировал. Я требую безусловного подчинения. Приказываю открыть Боровицкие и Троицкие ворота, сложить оружие и выстроить гарнизон у арсенала! На размышления вам дается 25 минут. В случае неповиновения открою артиллерийский огонь, возьму крепость штурмом — и тогда пеняйте на себя!

Рябцев лгал, говоря о капитуляции Военно-революционного комитета. Лгал он и грозя артиллерийским обстрелом — не было у него пушек, чтобы стрелять по Кремлю. Все это было явной провокацией, но Берзин заколебался. За стенами Кремля тихо, не слышно выстрелов, связи с Моссоветом и ВРК нет. Все это заставляло думать, что Рябцев и офицеры говорят правду.

Обескураженный Берзин вышел к солдатам.

— Товарищи! Судя по всему восстание в городе подавлено и Военно-революционный коми-

тет сдался. Помощи нам ждать неоткуда, а своими силами не продержимся. Чтобы не пролилась лишняя кровь, я решил сдать Кремль!

Слова Берзина были встречены с возмущением. Всю ночь кремлевский гарнизон готовился к отражению нападения. Оружия и боеприпасов было достаточно, чтобы принять бой. Враждебные силы внутри крепости большой опасности не представляли и легко могли быть подавлены. И вдруг такое решение.

Один из солдат с криком „изменник, ты нас предал!“ бросился к Берзину, направив на него штык. С трудом другие солдаты удержали его. Побежали в караульное помещение звонить в Моссовет, но телефон молчал, юнкера перерезали провода. И только после этого солдаты подчинились приказу и сложили оружие. В сопровождении нескольких из них Берзин направился к Боровицким воротам и открыл их. Ворвавшиеся юнкера сорвали с него оружие, избили и арестовали. Затем были открыты и другие ворота. Кое-где солдаты сопротивлялись, но было уже поздно. Обезоруженных сол-

дат согнали на площадь у арсенала и открыли по ним огонь из винтовок и пулеметов. В день 10-й годовщины Октября у южного въезда в арсенал была открыта мемориальная доска с 23 фамилиями жертв этой зверской расправы.

Сдача Кремля была тяжелой потерей, во многом осложнившей дальнейший ход борьбы. Контрреволюция торжествовала. Достигнутые в ночь на 28 октября успехи и особенно захват Кремля утром 28-го укрепили уверенность Рябцева в близкой победе.

По прямому проводу штаб МВО тут же связался со Ставкой, чтобы сообщить последние новости.

— Мы приступили к активным действиям, — ликующим голосом говорил офицер штаба. — Мятежным солдатам, засевшим в Кремле, на рассвете был предъявлен ультиматум о сдаче. Ультиматум принят, и Кремль сдался. В настоящее время он очищается и все арестованы. Мятежники потеряли почву, и восстание приняло неорганизованный характер, но сопротивление еще продолжается и юнкера несут потери.

Просим сообщить, как скоро прибудет высланная помощь. Мы ожидаем послезавтра — не будет ли раньше?

Ставка ответила, что сегодня вечером, т. е. 28 октября, начнет подходить артиллерия с прикрытием, высланная с Западного фронта.

Опытный в карательных делах генерал Дитерихс добавил:

— Позвольте вам посоветовать в уличном мятеже меньше останавливаться на ультиматумах, так как это дает время мятежникам оправиться и устраивать новые гнезда. Уличный мятеж должен

подавляться быстрыми решительными действиями! Мятежники должны быть уничтожены, никаких договоров с ними не может быть!

Ставка поспешила включить победную реляцию из Москвы в свои сводки, рассылаемые по фронтам. Тон их становился все более уверенным и мажорным. Так, в одной из сводок говорилось, что „в Москве большевики сегодня сдались Комитету спасения революции. Кремль освобожден. Оружие сдается“. В другой подобной телеграмме содержалось и вовсе фантастическое сообщение о „ликвидации выступления большевиков“ и о том, что „в городе наступило успокоение и порядок“. Обрастая слухами и непроверенными фактами, сообщение о захвате Кремля превратилось в легенду о полном разгроме восстания в Москве.

Однако, как показали последующие события, торжество контрреволюции оказалось преждевременным. Победным, поистине триумфальным маршем шел Великий Октябрь по стране. Московский же пролетариат, несмотря на временные неудачи и просчеты революционного руководства, готов был довести до конца правое дело свержения власти эксплуататоров.

Прежде всего оказались несостоятельными расчеты на прибытие в Москву контрреволюционных войск. В Вязьме, Коломне, Шуе, Казани, Царицыне, Минске, Новгороде, Торопце, Речице, Витебске, Брянске, Рязани и других городах центра России власть была уже в руках Советов. Все попытки воинских эшелонов прорваться к Москве кончились ничем. Так, две сотни кубанских казаков, направ-

ленных к Москве через Вязьму, были задержаны в 30 километрах от города рабочими, разобравшими железнодорожные пути. Когда же казаки попытались пройти кружным путем, им преградили дорогу тульские рабочие. Полесский комитет РСДРП (б) 29 октября сообщил в ЦК партии: „Контроль над продвижением войсковых частей нам удалось установить, и никакие эшелоны на Петроград и Москву нами не пропускаются“. Так пролетарии провинции поддержали социалистическую революцию в обеих столицах, не дали реакционному генералитету двинуть свои войска на Петроград и Москву.

Призыв Военно-революционного комитета ко всеобщей политической стачке нашел горячий отклик среди московских рабочих. Они были возмущены известием о дикой расправе, учиненной юнкерами над революционными солдатами в Кремле. С утра 28 октября трудовая Москва забастовала.

Принесло ли это непосредственный материальный выигрыш восставшим, сказать трудно. Ведь массовое пополнение рядов Красной гвардии шло и до всеобщей забастовки и лимитировалось главным образом нехваткой оружия. Что же касается политической стороны дела, то здесь выигрыш для революционных сил был несомненен. Своей забастовкой московский пролетариат выразил отношение к происходящему, поддержал непосредственных участников боев. Всеобщая стачка в данном случае явилась усиливающим элементом уже начавшегося восстания.

„Утро нам доставило значительное облегчение, — вспоминает член Военно-революционного комитета

Е. Н. Игнатов, — так как рабочие дружно откликнулись на призыв Совета к забастовке. Все отрасли труда, за исключением особо оговоренных, стали, и рабочие массы потянулись в центр вооруженными группами”.

Пришла в движение и солдатская масса. В этот день по инициативе большевиков собралось гарнизонное совещание полковых, ротных, командных и бригадных комитетов. Солдатам было уже ясно, что президиум и Исполком солдатского Совета поставили себя во враждебные отношения к Военно-революционному комитету, послав своих представителей в Комитет общественной безопасности. Совещание избрало свой временный боевой орган „Совет десяти” („десятка”), противопоставив его скомпрометировавшему себя Исполкому Совета солдатских депутатов. Трое из „десятки” — большевики И. Нахгальцев, С. А. Савва-Степняк и Н. П. Плеханов — вошли в состав Военно-революционного комитета. Участники совещания обратились с воззванием к солдатам гарнизона, предложив всем частям „всемерно поддержать Военно-революционный комитет и подчиняться только его распоряжениям. Распоряжения же, исходящие из штаба округа и Комитета общественной безопасности, не признавать”. Избранная „десятка” тут же приняла практические меры для мобилизации солдат.

По-прежнему остро стоял вопрос о вооружении. Военно-революционный комитет прилагал огромные усилия к тому, чтобы изыскать необходимое количество оружия и боеприпасов. Штабу Красной гвардии было приказано принять „все меры к пополнению

Здание Городской думы, поврежденное снарядом. Москва. Октябрь 1917 г.

арсенала революционного штаба патронами для берданок и итальянских ружей и револьверами”. Приказы о доставке оружия были посланы в 1-й телеграфно-прожекторный полк, на московский склад крепостной артиллерии, на артиллерийские склады Мыза-Раево. На заводах Михельсона, Моторном, Телефонном и других предприятиях налаживалось производство ручных гранат, бомб, холодного оружия. Однако всего этого было далеко не достаточно. Значительная часть красногвардейцев продолжала оставаться безоружной и не могла активно участвовать в боях.

Но тут пришла неожиданная удача. У товарных платформ станции Сокольники рабочий-красногвардеец И. Маркин обнаружил

вагоны, груженные продолговатыми деревянными ящиками. В них были упакованы винтовки. Их оказалось около 40 тысяч. „Всю ночь, — вспоминает Маркин, — непрерывным потоком прибывали грузовики на станцию Сокольники за оружием”. Найденные винтовки с лихвой обеспечивали потребность районов в оружии и создавали возможность перейти в решительное наступление против белогвардейцев.

Между тем положение руководящих органов восстания в этот день продолжало оставаться чрезвычайно трудным. Правда, к Моссовету подтянулась батарея орудий из артиллерийской бригады и заняла ближайшие подступы к зданию. Туда же подошли красногвардейские и солдатские отряды.

У Никитских ворот после обстрела. Москва. Октябрь 1917 г.

И все же фактически Военно-революционный комитет находился в юнкерском окружении. Единственным путем, по которому еще поддерживалась связь с районами, были Малая Дмитровка и Садовая, где у Сухаревой башни находился ВРК Городского района. Но и этот путь был небезопасен — юнкера непрерывно обстреливали Тверскую и примыкавшие к ней улицы.

Угроза захвата Моссовета была настолько велика и реальна, что по указанию П. Г. Смидовича ста-

ли жечь документы ВРК. Так погибли некоторые протоколы заседаний Военно-революционного комитета за первые дни восстания. И на протяжении многих лет историкам пришлось по крупицам собирать факты, чтобы восстановить действительную картину действий этого руководящего органа восстания.

Тревожное настроение царило в комнате, где утром собралось очередное заседание Военно-революционного комитета. Уже было известно о захвате Кремля бело-

гвардейцами, винтовочная и пулеметная стрельба слышалась вблизи Скобелевской площади...

Трудно читаются торопливые беглые строки секретарских записей заседаний ВРК.

„...Запись за сохранившиеся дни едва ли соответствует понятию „протокола“, как бы либерально ни толковали мы это слово, — писал впоследствии активный участник восстания историк М. Н. Покровский. — Только тот, кто не видел своими глазами работы наших первых советских

учреждений, может объяснить это небрежностью секретариата. Хотя протоколы и разделены на „заседания“, но заседаний в строгом смысле этого слова не было... заседали, фактически, непрерывно...”

Перед всеми в это тревожное утро стоял один главный вопрос: что делать, как организовать отпор обнаглевшему врагу? В протоколе он был записан так: „О перенесении центра тяжести борьбы в районы”.

Мнения членов Военно-революционного комитета разделились.

— Необходимо повести наступление против Кремля, — говорил А. Я. Аросев. — Это произведет известное впечатление, сплотит и организует солдат, предупредит наступление на нас прибывающих солдат и кавалерии. Надо постараться захватить штаб юнкеров.

— Я за наступление и против перехода в районы, — поддержал его Г. А. Усиевич.

— При современном состоянии нашего войска мы наступать не можем, — возражал Е. М. Ярославский.

— Верно, — заявил вслед за ним В. М. Смирнов, — я против наступления. Надо переходить в районы.

Узнав о таких предложениях, красногвардейцы и солдаты, охранявшие Совет, решительно запротестовали. „...Лучше умереть здесь, в родном Совете, — заявляли они, — чем малодушно сдать его белогвардейцам!”

В конце концов ВРК постановил: „Установить тесную связь с районами, обеспечив себе базу в одном из них. Начать наступательные действия в центре и партизанскую войну в районах”. Это решение как бы доносит до нас отзвуки героического 1905 года, когда

Раненые красногвардейцы на улицах Москвы

именно Москва выдвинула тактику партизанских действий революционных сил в условиях большого города. Было решено также переправить в районы часть членов ВРК и Партийного центра для руководства восстанием на случай захвата Совета юнкерами и ареста оставшихся там руководителей.

В состав ВРК был кооптирован еще один человек. 20-летний прапорщик Ю. В. Саблин только что вернулся из Питера, где находился в числе делегатов Второго съезда Советов. Он принадлежал к левым эсерам, но активно боролся за Советскую власть.

В этот критический для восстания день в Москве во второй раз

за ее революционную историю появились баррикады и другие оборонительные сооружения. Их строили в Хамовниках и на Пресне, окопы рыли в Замоскворечье и других районах. Председатель Пресненского ВРК Н. Т. Меркулов вспоминает: „Всматриваюсь в дома, ворота, дружески оглядываю телеграфные столбы. Старые знакомые! Они защищали нас, прикрывая от карателей. Мы построим славные баррикады. Мы будем снова сражаться, чтобы на этот раз победить. Так думалось тогда”.

Баррикады на Остоженке в Октябрьские дни

Баррикады в Москве у Ильинских ворот. Октябрь 1917 г.

Да, так думалось тогда. Ветераны революции обращались мыслью к декабрьским дням 1905 г. Но появление баррикад было грозным признаком: восстание переходит к губительной для него обороне. К счастью, эта тенденция осталась в зародыше. В тяжелом, поистине драматическом положении революционных сил уже намечался благоприятный перелом.

Восставшие думали в первую очередь о том, как обезопасить Совет от нападения противника. Для этого требовалось выбить

юнкеров из здания градоначальства на Тверском бульваре и очистить сам бульвар — главный канал, по которому к белым шли подкрепления от Александровского военного училища на Знаменке.

Днем 28 октября Саблину выписали такой документ: „Военно-революционный комитет удостоверяет, что прапорщику Саблину поручается командование отрядом специального назначения“. Вот на этот-то „отряд специального назначения“ и возлагалась от-

ветственная задача взять градоначальство и пройти вниз по Тверскому бульвару к Никитским воротам.

В осуществлении этой операции была одна существенная трудность. В Большом Гнездниковском переулке, выходявшем в тылы градоначальства, находилось одно из самых высоких тогда в Москве зданий, известное как „дом Нирензее“. Оно было названо так по имени построившего его в 1912 г. архитектора. Дом этот, как гора, возвышался над

другими зданиями. С его крыши прекрасно просматривались Страстная площадь, Тверская и ближайшие к ней улицы. Установленные здесь пулеметы могли бы держать под обстрелом весь район. Это отлично понимали те, кто засел в градоначальстве. Они не раз обращались по телефону к Рябцеву, указывая на необходимость укрепить это здание усиленным гарнизоном. Но выполнить их просьбу командующий округом не успел. Довольно многочисленная „домовая дружина“ под командой отставного офицера сдалась красногвардейцам и сложила оружие. Важная, можно сказать, ключевая позиция была завоевана. Теперь орудия, выдвинутые на Страстную площадь, могли беспрепятственно вести огонь по градоначальству, обложенному с трех сторон.

В сложившейся обстановке огромная роль принадлежала районам, так как именно в них сосредоточились главные силы революции. Каждый из районов играл свою роль, определявшуюся его стратегическим положением и наличием сил.

Особое место отводилось Замоскворечью — одной из главных баз революции. К началу восстания Красная гвардия Замоскворечья насчитывала не более 1500 человек. Однако в последующие дни в ее рядах было уже несколько тысяч бойцов. Вместе с рабочими сражались солдаты расположенных в Замоскворечье 55-го запасного пехотного полка и 196-й пехотной стрелковой дружины, а также „двинцы“.

Являясь превосходной оборонительной позицией, прикрытой Москвой-рекой, Замоскворечье в то же время стало плацдармом

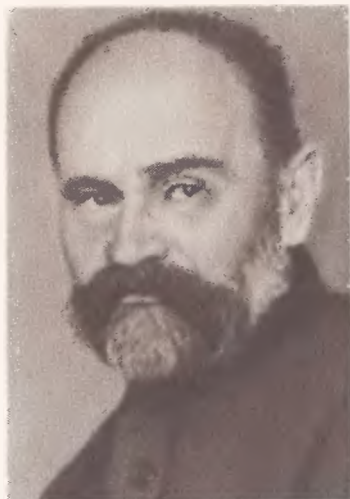

Революционные солдаты Москвы на Скобелевской (ныне Советской) площади. Октябрь 1917 г.

для наступления на центр города, хотя мосты через Москву-реку обстреливались юнкерами. Несмотря на это, 28 октября красногвардейцы двинулись к Каменному и Крымскому мостам. Они должны были захватить штаб Московского военного округа на Пречистенке и Александровское военное училище на Знаменке, а затем соединенными силами наступать дальше, к центру. Однако сразу перейти Каменный мост не удалось — пулеметы, бившие с кремлевской стены, делали его непроходимым. Отряды закрепились

на Софийской и Берсеневской набережных.

На другом направлении красногвардейцы прорвались через Крымский мост и завязали бои в районе Пречистенки и Остоженки. Это дало возможность объединить действия с отрядами Хамовническо-Дорогомиловского района для наступления на здания Лицея и Интендантских продовольственных складов, расположенных по обе стороны Остоженки у самого въезда на Крымский мост. Красногвардейцам Хамовническо-Дорогомиловского района удалось

Активные участники
Октябрьской
революции
в Москве:
И. И. Скворцов-Степанов,
А. Г. Шлихтер,
П. К. Штернберг,
П. П. Щербаков

отбить Дорогомиловский мост, и они несли его охрану. Это не давало белым возможности установить связь с ожидаемыми подкреплениями, подходившими с Западного фронта. Кроме того, предстояло ликвидировать опорный пункт противника в районе Смоленского рынка — 5-ю школу прапорщиков.

Соседние Благуше-Лефортовский, Басманный, Рогожский и Симоновский районы 28 октября повели совместные операции против Алексеевского военного училища, где обосновались значительные силы белых. Красногвардейцы Симоновского района

нацелили удар против Крутицких казарм (6-я школа прапорщиков).

В Сокольническо-Богородском районе находились три крупнейших вокзала Москвы — Николаевский, Ярославский и Казанский. Сюда прибывали революционные отряды из близлежащих городов, отсюда поддерживалась связь с Петроградом. Сокольнические трамвайные мастерские стали настоящей базой формирования красногвардейских отрядов, организации питания, снабжения оружием.

Районы севера и северо-запада Москвы — Суцевско-Марьинский, Бутырский и Пресненский — дол-

жны были защищаться от возможного нападения белых из центра города, а также обеспечить охрану окраин, чтобы не пропустить подкреплений белогвардейцам в случае их прибытия. Все свободные силы этих районов должны были действовать по указаниям Военно-революционного комитета.

На Красную гвардию Городского района возлагалась задача способствовать разрыву юнкерского кольца изнутри.

К исходу 28 октября центр города, включая Кремль, находился под контролем Комитета общественной безопасности. Московский Совет был единственным пунктом центра, где закрепились революционные силы. Но и сами юнкера, окружавшие Моссовет, также находились в окружении районов, где почти безраздельно господствовали красногвардейские и солдатские революционные отряды, готовые перейти в наступление. Сообщения из ближайших к Москве пунктов — Люберец, Мытищ, Кунцева — свидетельствовали о том, что Советы прочно удерживают власть.

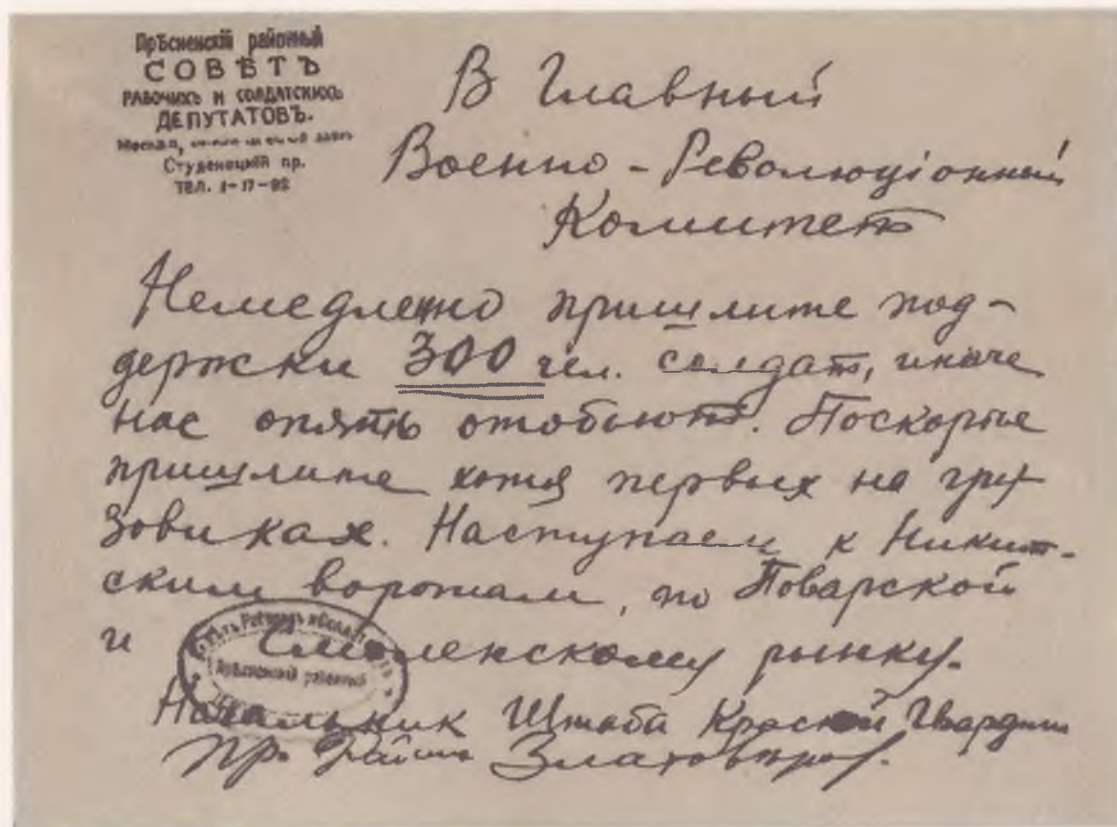
Воскресным утром 29 октября революционные силы начали решительное наступление по главным направлениям. Как сообщалось в первом номере „Бюллетеня ВРК Совета рабочих депутатов Городского района“, в этот день революционным войскам удалось „героическим натиском очистить от юнкеров и буржуазной гвардии Тверскую улицу“, а затем занять здание Малого театра и губернаторский дом в Леонтьевском переулке. Уже одно это глубокое вклинение в расположение белых значительно облегчило положение революционных сил в центре города.

Тем временем „отряд специального назначения“ под командой Ю. В. Саблина, состоявший из красногвардейцев, „двинцев“ и солдат разных полков, начал штурм градоначальства. Наступали с трех сторон — вдоль Тверского бульвара от Страстной площади, с противоположной его стороны, прямо напротив здания и из Большого Гнездииковского переулка. Несколько часов юнкера, получившие за ночь подкрепления из Александровского военного училища, упорно сопротивлялись. Но когда „заговорили“ пушки, установленные на Страстной площади, юнкера не выдержали и выкинули белый флаг.

Красногвардейские отряды продвинулись к Никитским воротам, где им предстояло атаковать „дом Гагарина“, расположенный на торце Тверского бульвара. Теперь это место уже не напоминает о прошлом — дома нет. Бульвар замыкается цветником и памятником К. А. Тимирязеву. Единственным неммым свидетелем Октябрьских боев осталось здание кинотеатра Повторного фильма, который назывался тогда „Унион“. На стене его бронзовый многофигурный горельеф с надписью: „Здесь у Никитских ворот в Октябрьские дни 1917 года происходили упорные бои революционных отрядов с юнкерами и белогвардейцами“.

Отряды пресненских рабочих вышли на Кудринскую площадь и повели наступление по Спиридоновке, Малой Бронной и Гранатному переулку в направлении Никитских ворот.

Ожесточенные бои развернулись в районе Остоженки и Пречистенки. Здесь бились замоскворецкие отряды и рабочие Хамовнического

Записка начальника штаба Красной гвардии Пресненского района в Московский ВРК с просьбой о подкреплении. Октябрь 1917 г.

района. Полурота 193-го запасного пехотного полка под командой прапорщика А. А. Померанцева, захватив Интендантские склады, двинулась вниз по Остоженке.

Кто из москвичей не знает тихого Померанцева переулка между Метростроевской и Кропоткинской улицами? Но далеко не всем известна история появления этого названия на картах Москвы. В одном из боев А. А. Померанцев был тяжело ранен. Никто не знал, что с ним случилось, товарищи считали его погибшим. В 1922 г. именем храброго офицера был назван Троицкий переулок. Во многих книгах имеются упоминания о том, что А. А. Померанцев был убит во время восстания. Но вот в одном из декабрьских номеров

„Вечерней Москвы“ за 1957 г. появился рассказ о том, что А. А. Померанцев не погиб, а вывезенный с тяжелой раной с поля боя долго лежал в госпитале, потом служил в Красной Армии, а после гражданской войны окончил физико-математический факультет Московского университета и затем стал его профессором. Тут же помещена фотография: улыбающийся А. А. Померанцев со своими боевыми друзьями П. В. Бутыриным и М. Г. Замульсоном.

— Лишь недавно, — говорил Померанцев, — я прочитал, что... „убит“. Вот и обратился в газету.

Красногвардейцами Замоскворечья командовал токарь Телефонного завода большевик

П. Г. Добрынин. „...Он, никогда не обучавшийся военному делу, стал душой военных действий, главным организатором и командиром отрядов“, — писал в своих воспоминаниях начальник штаба Красной гвардии Замоскворечья В. П. Файдыш.

В одном из боев П. Г. Добрынин был ранен в плечо, но не покинул своего поста и продолжал руководить отрядами Красной гвардии.

Действенную помощь революционным частям оказывал красногвардейский отряд Замоскворецкого трамвайного парка под руководством вагоновожатого и секретаря партийной ячейки П. Л. Апакова. Трамвайчики, обложив грузовые вагоны мешками с песком и листами железа, направлялись на своих импровизированных „бронепоездах“ в самые опасные места, выполняя разведывательные задания, подвозя боеприпасы и снаряжение.

После революции, в 1919 г., П. Л. Апаков возглавил рабочий отряд, посланный на подавление кулацкого восстания в Саратовскую губернию, где был зверски убит кулаками.

Ранним утром 29 октября соединенные отряды Басманного, Благуше-Лефортовского, Рогожского и Симоновского районов окружили Алексеевское военное училище и кадетские корпуса в Лефортове. Завязалась перестрелка из винтовок и пулеметов. Но когда установленное на Госпитальной улице орудие произвело несколько выстрелов, три кадетских корпуса сдались. Операция обошлась фактически без потерь: со стороны революционных войск было только двое раненых.

Стремясь поскорее покончить с сопротивлением контрреволюционных сил, Московский ВРК обратился к Военно-революционным комитетам Иваново-Вознесенска, Орехова, Тулы, Владимира, Серпухова с призывом прислать свои отряды на помощь московскому пролетариату. В тот же день из этих и других близлежащих к Москве городов стали прибывать отряды вооруженных бойцов. „К вечеру 29 октября положение революционных войск укрепилось по всему городу, — сообщал „Бюллетень ВРК Совета рабочих депутатов Городского района“. — С районов к центру города на-

правляются наши войска, занимая улицы и дома“.

В этот день положение круто изменилось в пользу революционных сил. Понимали это и руководители Комитета общественной безопасности. Вечером помощник командующего Московским военным округом поручик Ровный связался по прямому проводу со Ставкой. Тон его сообщения был нервный, близкий к паническому.

— Силы наши, состоящие только из юнкеров, казаков, количество коих вам известно, а также добровольческих дружин, постепенно тают и страшно переутомлены. С другой же стороны, силы противника увеличиваются... Окраины для нас совершенно недоступны... Сегодня большевики заняли уже все вокзалы, а в центре градоначальство, а также почту и телеграф. Крайне необходима помощь, так как положение, не имея в перспективе поддержки, не из блестящих!

Казалось, что контрреволюция в Москве доживает последние часы. Однако еще один исторический зигзаг удлинил путь революционных сил к победе.

**САМЫЙ ТРУДНЫЙ
ДЕНЬ В ПИТЕРЕ.
ПОЛОЖЕНИЕ
В МОСКВЕ**

Возстаніе юнкеровъ подавлено.

25-го, въ началѣ революціи, только часть юнкровъ была обезоружена и отпущена подъ честное слово. Большинство осталось даже перазоруженными..

И вотъ вчера 29-го съ утра юнкера начали возстаніе, обезоруживая прохожихъ, арестовывая членовъ социалистическихъ организацій, разстрѣливая прохожихъ изъ пулеметовъ. Тогда юнкерскія училища были обложены и юнкерамъ предложили сдаться и выдать оружіе, гарантируя имъ безопасность. Юнкера отвѣтили отказомъ и продолжали стрѣльбу. Черезъ нѣкоторое время съ ними снова начаты были переговоры которые даятъ ни къ чему не привели. Пришлось прибѣгнуть къ обстрѣлу изъ орудій послѣ чего юнкерскія училища заняты, причемъ одно было совершенно разрушено во время боя.

Предприняты мѣры къ обезвреженію другихъ очаговъ контръ-революціи, проявляющихъ агрессивныя дѣйствія.

Изъ Финляндіи прибыла артиллерія и пѣхота. Въ скоромъ времени ожидается прибытіе еще новыхъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ частей.

Прибылъ крейсеръ „Республика“.

Восторженіе среди рабочихъ и въ полкахъ бойцовъ.

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ДЕНЬ В ПИТЕРЕ. ПОЛОЖЕНИЕ В МОСКВЕ

В первые ночные часы 29 октября красногвардейский патруль у особняка Кшесинской на Петроградской стороне на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской задержал автомобиль и начал проверять документы. Один из сидевших в машине пассажиров вдруг стал судорожно мять в руках какие-то бумажки. Его схватили за руки, а бумажки отобрали. Тотчас же всех задержанных отправили в находящуюся рядом Петропавловскую крепость к комиссару ВРК Г. И. Благонравову. Бумажек было две:

Первая: В Павловское военное училище

„По соединении с Влад. училищем вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и комиссара Брудерера, которому даны определенные задачи.

Полковник Полковников
Член Комитета спасения
А. Гоц”.

Вторая: Во Владимирское военное училище

„Училищу немедленно быть готовому к выступлению. По прибытии к училищу увечных воинов вы поступаете в распоряжение подполковника Куропаткина и по

соединении с Павловским училищем выполняете задачи, возложенные на подполковника Куропаткина.

Действовать быстро и решительно.

Полковник Полковников
Комитет спасения родины
и революции
А. Гоц”.

Подвергнутый допросу незадачливый комиссар эсер Брудерер рассказал, что это приказы „Комитета спасения” двум юнкерским училищам на Петроградской стороне подготовиться к занятию Петропавловской крепости в ночь на 30 октября. Полковник же Полковников, оправившийся от недавней прострации, назначен „Комитетом спасения” командующим войсками, которые должны выступить против большевиков. В состав этих войск кроме двух упомянутых училищ должны войти: Николаевское инженерное, расположенное в Инженерном замке, Константиновское и Михайловское артиллерийские училища, казачьи полки, полк „увечных воинов”, отряд георгиевских кавалеров. Во все эти части также отправлены комиссары „Комите-

та спасения” с соответствующими указаниями. После захвата Петропавловской крепости белогвардейским частям надлежит занять Смольный, арестовать руководителей большевистской партии и Военно-революционного комитета. В планы мятежников входит также занятие учреждений связи, а если представится возможным — Балтийского и Варшавского вокзалов.

Обо всем этом было немедленно доложено Военно-революционному комитету, который приступил к разработке плана контрмероприятий, чтобы сорвать выступление юнкеров. Но когда Брудерер не доехал до Павловского училища и выяснилось, что его нет также и во Владимирском, „Комитету спасения” стало ясно, что он арестован и весь план выступления 30 октября стал известен Военно-революционному комитету. Поэтому, несмотря на протесты Полковникова, который мог полагаться всего на 800 с лишним юнкеров, Гоц от имени „Комитета спасения” приказал выступить немедленно. Согласованного выступления теперь не получалось: ведь Керенский-то, как

известно, собирался „штурмовать“ Петроград 30-го! Но зарвавшиеся эсеровские боевики в горячке решили, что сами „сорвут банк“ и захватят власть еще до подхода казаков Керенского—Краснова.

В ночь на 29 октября большинство юнкеров Владимирского, Павловского, Михайловского, Константиновского и Николаевского училищ подняли мятеж, захватив оружие и пулеметы. В ранние утренние часы в училищах был получен „приказ № 1“ командующего войсками „Комитета спасения родины и революции“ полковника Полковникова. В нем требовалось никаких приказаний Военно-революционного комитета не исполнять, комиссаров ВРК во всех частях гарнизона арестовать. От каждой отдельной части надлежало прислать представителя в Инженерный замок, в Николаевское военное училище. Все отказавшиеся исполнить этот приказ объявлялись „врагами родины и изменниками делу революции“. Одна из копий приказа была доставлена в типографию центрального органа эсеров газеты „Дело народа“ для выпуска его в количестве 500 штук в виде листовки.

Наибольшую активность проявили юнкера Николаевского инженерного училища, которые еще днем 28-го нападали на красногвардейские и милицейские патрули в окрестностях Инженерного замка и разоружали их. Теперь они совершили набег на Михайловский манеж и захватили несколько оставшихся там броневиков. Среди захваченных был и „Ахтырец“ — самый мощный в Петрограде полугусеничный броневик, вооруженный трехдюймовой пушкой. Под его прикрытием

юнкера двинулись на Морскую улицу к Центральной телефонной станции. Захватив врасплох кексгольмцев, они ворвались в здание и установили над ним контроль. Тотчас были выключены телефоны Смольного, Петропавловской крепости и некоторых других зданий, находившихся под контролем ВРК. Посланные затем отряды юнкеров захватили военную гостиницу, бывшую „Асторию“, на Исаакиевской площади и Государственный банк. На Невском и других центральных улицах юнкера обстреливали красногвардейцев и милиционеров, останавливали и отбирали автомобили.

Однако в этих операциях силы мятежников оказались исчерпанными. Войск для развития успеха, а главное — для занятия Петропавловской крепости и Смольного у Полковникова не оказалось. Казаки, несмотря на все уговоры и посулы, отказались присоединиться к мятежникам. Не выступили против ВРК „увечные воины“ и георгиевские кавалеры. Тем не менее руководители мятежников отправили телеграмму в Москву, Киев и другие города, в которой их выступление характеризовалось как успешное. В ней говорилось: „Войсками Комитета спасения родины и революции освобождены все юнкерские училища и казачьи части. Занят Михайловский манеж. Захвачены броневые и орудийные автомобили. Занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся, благодаря принятым мерам, совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института, последних убежищ большевиков“.

Телеграмма требовала от петроградских частей повиновения офи-

церам и комиссарам „Комитета спасения“ и Полковникову, а также его помощнику полковнику Краковецкому, который днем 25 октября был вместе с Полковниковым смещен Временным правительством с поста руководителя обороны Зимнего за его полную неспособность. Комитет призывал части войск немедленно присоединиться к мятежникам в Инженерном замке. Эта телеграмма была подписана Авксентьевым как председателем Предпарламента, Гоцем как председателем „Комитета спасения“, комиссарами комитета эсерами Синани и Броуном.

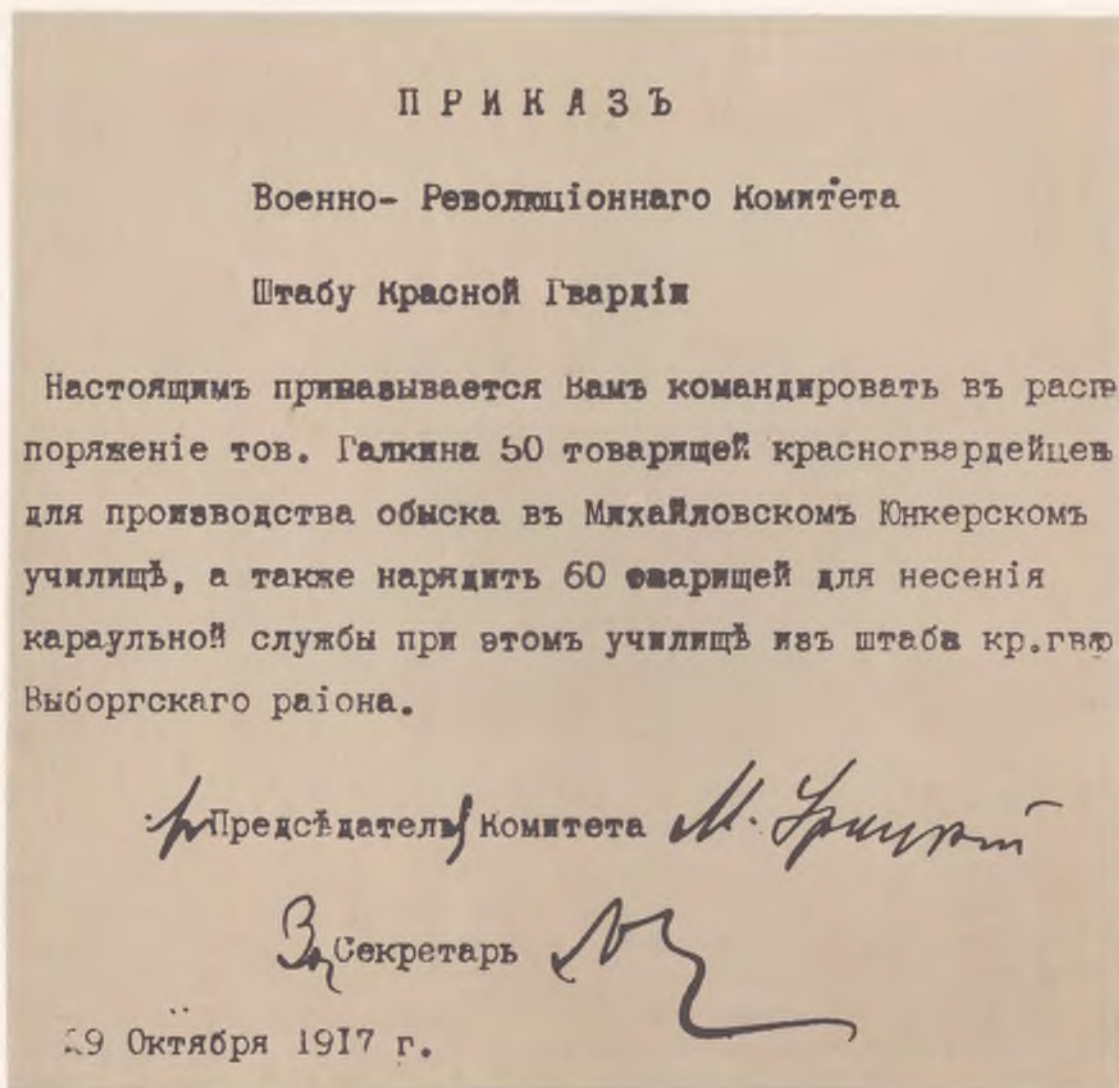
Так по инициативе юнкеров, спровоцированных эсерами и меньшевиками, в Петрограде пролилась кровь. При захвате мятежниками Михайловского манежа был зарублен солдат, не пожелавший отдать оружие юнкерам. Во время вторжения мятежников на Центральную телефонную станцию были ранены в перестрелке двое рабочих.

Успехи мятежников приходились только на ранние утренние часы 29 октября, пока ВРК не успел еще привести в действие свой план разгрома антисоветского заговора. С утра 29 октября в Петрограде было введено осадное положение. Не прекращая отправку отрядов в районы Царского и Красного Села, ВРК потребовал от районных штабов провести дополнительную мобилизацию и вооружение красногвардейцев. Кронверкский арсенал непрерывно выдавал винтовки и пулеметы. Смольный и Петропавловская крепость надежно охранялись.

Арест Брудерера показал, что главная сила мятежников — Владимирское и Павловское училища на Петроградской стороне.

Уже в 7 часов утра красногвардейцы во главе с председателем районного Совета А. К. Скороходовым прибыли к Владимирскому училищу и окружили его. В оцеплении участвовали также солдаты гренадерского полка и запасного огнеметно-химического батальона. Вскоре прибыли красногвардейцы Петергофского и Обуховского районов, а также расположенного рядом Василеостровского района. Из Петропавловской крепости были доставлены три трехдюймовые полевые пушки. Одновременно революционные силы окружили и Павловское училище. Таким образом, юнкера были блокированы и не смогли присоединиться к мятежникам Николаевского училища.

Команда стрелкового батальона, располагавшаяся в Петропавловской крепости, выставила заставу к особняку Кшесинской, где размещались „ударники“ Пятигорского полка. Когда те попытались выйти из особняка на помощь владимирцам и павловцам, их встретили пулеметным огнем. „Ударники“ сложили оружие и были разоружены. Почти без боя красногвардейцы Выборгской стороны и Шлиссельбургского порохового завода овладели Михайловским артиллерийским училищем. Их воодушевляло предписание, подписанное В. И. Лениным. К распоряжению об изъятии у юнкеров Михайловского артиллерийского училища орудий и огнестрельного оружия Владимир Ильич сделал следующее добавление: „Подготовиться к выступлению орудий к 10 часам вечера 29.X“. Задача была выполнена успешно. Красногвардейцы и матросы под командованием И. П. Флеровского заня-

Приказ Петроградского ВРК штабу Красной гвардии о производстве обыска в Михайловском юнкерском училище

ли Константиновское училище и разоружили юнкеров.

Осада Владимирского училища превратилась в настоящую военную операцию. Неоднократно у здания завязывалась перестрелка, от которой гибли случайные прохожие. Мятежники отказались сдаться и заявили по телефону представителям городской думы, что намерены продержаться до прихода Керенского. Тогда пушки осаждавших были направлены на один из углов здания, выходив-

ший на Большую Гребецкую. Именно отсюда чаще всего раздавались выстрелы. Юнкерам вторично предложили сдаться. Они опять отказались. После четырех-пяти орудийных выстрелов мятежники наконец выкинули белый флаг. Когда же красногвардейцы и солдаты подошли к училищу, их встретил ружейный и пулеметный огонь. Осаждавшие вынуждены были отступить, потеряв 15 человек убитыми и ранеными.

Броневик „Ахтырец”, захваченный юнкерами 29 октября 1917 г.
Угол Невского проспекта и Морской улицы

Вероломство мятежников вызвало ярость красногвардейцев. По училищу был открыт огонь. Отдельные смельчаки проникали через разбитые окна, двери и проломы в стенах внутрь здания и во двор. Юнкера, видя бесполезность сопротивления, обратились к начальнику училища полковнику Куропаткину с предложением сдаться. Но он отказался и потребовал, чтобы юнкера сделали вылазку. Тогда они освободили арестованных ранее трех большевиков и предложили им связаться с революционными войсками.

Снова на здании училища появился белый флаг. Юнкера обещали сложить оружие, но просили оградить их от самосудов. Эти условия были приняты, и около 3 часов дня Владимирское училище было занято красногвардейцами и революционными солдатами.

У мятежников отобрали 11 пулеметов, 1000 винтовок, много патронов, орудие и броневик. Оружие и арестованных юнкеров отправили в Петропавловскую крепость. Вслед за Владимирским без боя было занято и Павловское училище.

Другую часть своих войск Военно-революционный комитет направил против Николаевского инженерного училища. Красногвардейцы и солдаты Павловского полка окружили Инженерный замок, по Фонтанке к зданию подошел паровой катер с крейсера „Аврора”, на Марсовом поле установили четыре полевых орудия. После потери Владимирского училища положение мятежников стало безнадежным. Члены полевого штаба „Комитета спасения” и полковник Полковников бежали из замка, оставив юнкеров на

произвол судьбы. С ними покинула замок и часть юнкеров. Остальные еще отстреливались некоторое время, а потом сдались.

Последним очагом сопротивления оставалась телефонная станция. Юнкера устроили у ворот баррикады, задерживали проезжавшие мимо автомобили, отбирали оружие и продовольствие. Они сумели арестовать и удерживали некоторое время на положении заложников одного из руководителей ВРК, В. А. Антонова-Овсеенко, американского прогрессивного журналиста Альберта Риса Вильямса.

Военно-революционный комитет сосредоточил поблизости от станции ряд красногвардейских отрядов, солдат Кексгольмского полка и матросов 2-го Балтийского флотского экипажа. Было решено обойти мятежников с тыла и флангов. По крышам и чердакам красногвардейцы, матросы и солдаты проникли в здание. Баррикада, обстрелянная сверху, опустела. Революционные силы сумели ворваться во двор станции. В 5 часов 30 минут дня она была полностью освобождена. Юнкеров разоружили и арестовали, телефонные аппараты Смольного и Петропавловской крепости немедленно включили. Одновременно матросы и солдаты Кексгольмского полка выбили юнкеров из здания Государственного банка. Таким образом, к вечеру 29 октября мятеж юнкеров был полностью подавлен. Все училища были разружены, часть наиболее активных юнкеров арестована.

Юнкерский мятеж и его подавление стоили обеим сторонам многих жертв: по данным газеты „Новая жизнь”, общее число убитых

и раненых достигло 200 человек. Это в десятки раз превышало число пострадавших при штурме Зимнего дворца. Вина за эти жертвы падала на эсеро-меньшевистских лидеров „Комитета спасения родины и революции“. Между тем сами они не только избежали расплаты, но по-прежнему надеялись на выполнение своих антисоветских замыслов. На помощь им пришел Викжель, заявивший вечером 29 октября, что требует немедленного перемирия между войсками ВРК и мятежными частями Керенского—Краснова, а также переговоров о реконструкции власти в форме „однородного социалистического правительства“. Своим требованиям Викжель придал ультимативный характер: он угрожал всеобщей железнодорожной забастовкой в ночь на 30 октября, если переговоры немедленно не начнутся. Лидеры меньшевиков и эсеров объявили о своем согласии на такие переговоры.

Протокол заседания ЦК РСДРП (б) от 29 октября 1917 г., посвященного обсуждению требований Викжеля, показывает, что В. И. Ленин отсутствовал на нем. В этот день он был полностью занят организацией отпора мятежникам Керенского—Краснова. Из позднейших его высказываний видно, что он считал возможным вести переговоры с Викжелем, но лишь как „дипломатическое прикрытие“ военных действий против Керенского.

В ходе обсуждения было единогласно решено, что ЦК РСДРП (б) признает возможным расширить состав правительства. Новое правительство должно быть ответственно перед ВЦИК второго созыва и обязано подтвердить декреты

съезда о земле и мире. Таким образом, в правительство должны были войти лишь те, кто поддерживал переход власти к Советам. ЦК поименным голосованием отверг предложение Викжеля о вхождении в правительство представителей меньшевиков и правых эсеров, ярых врагов диктатуры пролетариата.

Вечером 29 октября началось совещание при Викжеле. В нем участвовало до 30 представителей политических партий, Викжеля и других организаций. Тут были лидеры меньшевиков Дан и Эрлих, меньшевик-интернационалист Мартов, правый эсер Гендельман, представитель „Комитета спасения“ меньшевик Вайнштейн и другие. От большевиков кроме Каменева и Сокольников присутствовал еще Рязанов, делегированный большевистской фракцией ВЦИК. Меньшевики и эсеры расценивали начало переговоров при Викжеле как свою победу. Антибольшевистские политики намеревались лишить власти Совет Народных Комиссаров и добиться ухода Ленина с поста его председателя. Именно Ленин олицетворял в их глазах пролетарский, социалистический характер ненавистной им Октябрьской революции.

Дан от имени ЦИК первого созыва прямо потребовал от большевистских представителей признать Второй Всероссийский съезд Советов несостоявшимся. В итоге первого заседания было решено сформировать „Особую комиссию по выработке соглашения между партиями и организациями“. Она должна была подготовить предложения о составе новой власти и мерах прекращения гражданской войны.

В это тревожное время Военно-революционный комитет принимал решительные меры к подавлению восстания юнкеров в Петрограде. Одновременно 29 октября продолжалась мобилизация сил и отправка их к Пулкову и Красному Селу. Особая ответственность ложилась на районы юго-западной окраины Петрограда: Московско-Заставский, Нарвский, Петергофский. Они находились в непосредственной близости от театра военных действий. Энергичную работу на заводах в этих районах вели большевики С. В. Косиор, А. М. Иткина, И. Г. Егоров, С. М. Корчагин, И. И. Газа, Ф. А. Лемешев, И. Г. Коняшин и другие. Путиловский завод, например, отправил в район Пулкова и станции Александровская-2 блиндированные платформы, четыре автомобиля с зенитными орудиями, два вновь снаряженных санитарных автомобиля, походные кухни, 23 полевые пушки с прислугой и бронепоезд. Кроме того, был отправлен отряд красногвардейцев в 200 человек и 550 человек мобилизованы на рытье окопов.

На Выборгской стороне секретарь районного комитета партии большевиков Женя Егорова, работники районного Совета и штаба Красной гвардии М. И. Лацис, И. Д. Чугурин, Н. И. Кучменко, И. М. Гордиенко, И. Н. Егоров, В. Ф. Малаховский круглые сутки занимались формированием новых красногвардейских отрядов, их снаряжением и вооружением. 29 октября было послано на фронт 500 человек, а 30 октября еще 2 тысячи человек. В Василеостровском районе секретарь районного комитета партии В. Слуцкая возглавила большой отряд красногвардейцев, отправлявший-

ся на позиции. Там она вскоре погибла от разорвавшегося вблизи нее снаряда. В этом районе только один Трубочный завод дополнительно к уже ушедшим красногвардейцам отправил 29 октября 300 человек на рытье окопов. Формировали красногвардейские отряды и выделяли рабочих, не прекращая выполнение заказов для фронта, и предприятия других районов столицы.

Всего 27–31 октября против мятежников Керенского—Краснова было послано 10–12 тысяч петроградских красногвардейцев. Самоотверженно откликнулись на призыв большевистской партии и Советов моряки Балтийского флота. Уже 29 октября около 2 тысяч моряков находилось на передовых позициях или на пути к ним. Сложнее дело обстояло с полками петроградского гарнизона. Павловцы, кексгольмцы, гренадеры, измайловцы активно участвовали в подавлении юнкерского мятежа в городе, но с большой неохотой соглашались покидать его пределы.

Чтобы преодолеть эти настроения, по указанию В. И. Ленина в основные резервные гвардейские полки были отправлены лучшие агитаторы: В. Володарский, Г. К. Орджоникидзе, М. К. Муранов, Г. И. Чудновский, Н. В. Крыленко. А поздно вечером при самом энергичном участии В. И. Ленина было создано гарнизонное совещание. На нем присутствовало 40 представителей полков и морских частей. Общий доклад о положении на фронте и о ходе мобилизации вооруженных сил революции сделал Г. И. Чудновский. Трижды на совещании выступал В. И. Ленин. В докладе о текущем моменте Владимир Ильич связал

положение под Петроградом с ходом борьбы за Советскую власть в Москве, сопоставил его с политическим положением во всей стране. Он, в частности, сказал:

— Политический вопрос теперь вплотную подходит к военному. Слишком ясно, что Керенский привлек корниловцев, кроме них ему опереться не на кого. В Москве они взяли Кремль, а окраины, где живут рабочие и вообще беднейшее население, не в их власти. На фронте за Керенским нет никого. Даже колеблющиеся элементы, как, например, члены железнодорожного союза, высказываются за декреты о мире и о земле.

Громадное большинство крестьян, солдат и рабочих стоит за политику мира.

Это не политика большевиков, вообще не политика „партийная“, а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа. Мы не проводим программы большевиков, и в земельном вопросе наша программа взята целиком из крестьянских наказов.

Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть, но они хотят подождать, пока кончится борьба с Керенским.

К участию в правительстве мы приглашали всех. Левые эсеры заявили, что они хотят поддерживать политику Советского правительства. О несогласии с программой нового правительства они не решались даже заявить.

В провинции верят газетам, вроде „Дело Народа“. Здесь все знают, что эсеры и меньшевики ушли, потому что остались в меньшинстве. Петроградский гарнизон это знает. Он знает, что мы хотели советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исклю-

чали никого. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них. За меньшевиками и эсерами солдатские и крестьянские массы не пойдут. Я не сомневаюсь, что на любом рабочем и солдатском собрании девять десятых высказается за нас.

Попытка Керенского — это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова. Но момент теперь трудный. Необходимы энергичные меры к упорядочению продовольствия, к прекращению бедствий на войне. Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского. Если корниловцы организуют новое наступление, им будет ответчено так, как сегодня ответили на восстание юнкеров. Пусть юнкера пеняют на себя. Мы взяли власть почти без кровопролития. Если были жертвы, то только с нашей стороны. Весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах¹.

В. И. Ленин призвал к быстрой самоорганизации, к тому, чтобы немедленно наладить отпор мятежникам Керенского—Краснова, создать военный штаб. Выступая второй раз, Ленин снова подчеркнул: „Времени большой дезорганизации положен конец. Начальник штаба назначен. Об этом будет оповещено. Период колебаний прошел“². Выступления Владимира Ильича вызвали громадный подъем у представителей петроградского гарнизона. Они обещали вместе с красногвардейцами

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 36–37.

² Там же, с. 39.

и матросами принять активное участие в ликвидации авантюры Керенского.

Закончился день 29 октября, самый опасный и трудный день в жизни революционной столицы. Итог его оказался благоприятным для Советской власти. Мятеж юнкеров был подавлен, военные силы контрреволюции в самом Петрограде потерпели сокрушительное поражение. Но к Петрограду двигались контрреволюционные войска, им навстречу выдвигались из города все новые и новые красногвардейские и матросские отряды, первые воинские части. Однако непосредственно в Пулковке и Красном Селе их все еще было недостаточно. Необходимо было самым деятельным и энергичным образом продолжать вывод войск на позиции, организовать связь и управление красногвардейскими, матросскими и солдатскими частями на месте и повести их в бой.

Вместе с тем временное равновесие сил оживило надежды антибольшевистских сил. Правые эсеры и меньшевики, поддерживаемые меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, а также Викжелем, Почтово-телеграфным союзом и тому подобными учреждениями, перешли в политическое наступление на большевиков, пытаясь путем переговоров вырвать у них уступки, потеснить или вовсе отбросить от власти большевистскую партию.

Окончательный разгром мятежников был еще впереди.

*

Контрреволюция в Петрограде и в Москве оказалась в критическом положении. Военный ее разгром вырисовывался с полной очевид-

ностью и был делом самого ближайшего времени. Именно тогда на сцену выплыл второй, так сказать, „парламентский“ метод борьбы буржуазии против революции. Ультиматум Викжеля 29 октября и должен был служить этой цели. Побудительным мотивом и предлогом для предъявления ультиматума послужили продолжавшиеся бои в Москве. Пока перевес был на стороне Комитета общественной безопасности, Викжель сохранял нейтралитет и не препятствовал передвижению контрреволюционных войск. Когда же положение изменилось и силы Рябцева стали терпеть поражение за поражением, викжелевцы выступили с требованием создания „однородного социалистического правительства“. Этот политический маневр лишней раз подчеркивал контрреволюционную сущность Викжеля.

Как известно, большевики отнюдь не отвергали возможность вхождения в правительство других партий, но только не правых эсеров и меньшевиков, открыто ставших на сторону контрреволюции. Обязательным условием при этом ЦК РСДРП (б) ставил ответственность правительства перед ЦИК, сформированным после Второго съезда Советов, и признание декретов о мире и о земле. Вооруженная борьба против Керенского и Краснова под Петроградом не прекращалась ни на один день, ни на один час.

В Москве же события развернулись по-иному. Московское бюро Викжеля и Комитет общественной безопасности предложили Московскому ВРК заключить перемирие для обсуждения вопроса „о прекращении кровопролития“ и создании „однородной социалистиче-

Отъ Штаба Военно-Революционного Комитета.

У ст. Александровской произошло столкновение с войсками Керенского: Наши войска обстреливались пулеметами и орудиями с блиндированного поезда. Наша артиллерия энергично отвечала. После артиллерийской подготовки казачьи части Керенского двинулись со ст. Александровской на Новая Сузы, но были встречены пулеметным огнем наших броневиков. Со стороны казаков Керенского легло около полуторы тысяч ранеными и убитыми. С нашей стороны потери около 200 человек.

Другая часть казаков пытается прорваться мимо Пулкова, но сдерживается нашими частями, которые рвутся в бой.

По донесению разведчиков казачьих войск так мало в распоряжении Керенского, что вводя их в бой, он оставляет Царское Село под охраной мелких разбродов, так как резервов у него не остается.

Сообщение штаба Петроградского ВРК о боях с войсками Керенского—Краснова

ской власти“. Однако из телеграмм, которыми обменивался Комитет общественной безопасности со Ставкой, и из телеграфных переговоров между Ставкой и штабом МВО видно, что маневр с перемирием был предпринят контрреволюционерами исключительно с целью выиграть времени.

29 октября в вечернем разговоре со Ставкой помощник командующего МВО сообщил о предложенном перемирии и тут же добавил: „Москва нуждается в крайне спешной поддержке. Иначе, если таковой не будет, результаты

Революционные солдаты у Пулкова. 29 октября 1917 г.

сражений для нас очень неопределенны, если не сказать больше”.

Ультиматум Викжеля вселял в московских контрреволюционеров некоторые надежды на организацию нового натиска на власть Советов и значительно поднял их настроение. Вся история с перемирием в Москве отражала процессы всероссийского характера в виде стремления мелкобуржуазной контрреволюции свалить Советскую власть с помощью политических маневров.

Еще утром 29 октября состоялся весьма любопытный и примечательный разговор по прямому проводу между представителем Викжеля в Петрограде Вомпе и представителем той же организации в Москве Бильбатовым. Сообщив о том, что в ближайшие часы Викжель выступит с ультиматумом, Вомпе дал Бильбатову прямую директиву:

— Окажите давление на Революционный комитет и вы, указав на позицию большевистского Центрального Исполнительного Комитета, от которого мы вчера в лице Каменева получили официальное сообщение о принятии нашей платформы.

Вот, оказывается, на что была сделана ставка: используя позицию по отношению к Викжелю Каменева и его сторонников в столице, „нажать” на Московский ВРК, памятуя о том, что и в его составе находились лица, занимавшие колеблющуюся позицию.

Для Москвы этот расчет себя оправдал. Часть членов Военно-революционного комитета продолжала еще питать иллюзии насчет возможности мирного соглашения с Комитетом общественной безопасности и ухватилась за предложение о перемирии. В нашем

распоряжении нет протокола, по которому можно было бы судить о том, как шло обсуждение этого вопроса. Имеется только приказ Московского ВРК, датированный 29 октября. Он гласит: „Всероссийский железнодорожный союз предложил Военно-революционному комитету посредничество в переговорах с противной стороной.

Согласившись на ведение переговоров, Военно-революционный комитет объявляет перемирие до 12 час. ночи 30 октября с. г.; в течение этого времени будут вестись переговоры.

Военно-революционный комитет приказывает всем своим войскам немедленно прекратить всякие активные действия и стрельбу”.

Вечером того же дня приказ был разослан по районам. Большая часть членов Партийного центра находилась в Замоскворечье и, не имея прямой связи с ВРК, не могла повлиять на его решение. В докладе на ноябрьском пленуме Московского областного бюро РСДРП (б) указывалось, что, получив известие о перемирии, „Партийный центр поспешил в Совет, но оказалось, что решение уже состоялось, причем условия были вовсе не таковы, какие следовало бы заключить стороне, одерживающей верх”.

Член Партийного центра И. Н. Стуков вспоминал позднее: „Шаг этот, разумеется, был крайне ошибочный. Он не вызывался никакими политическими и военными обстоятельствами. Вся обстановка, настроение рабочих и солдат решительно исключали такого рода шаги и, напротив, диктовали энергичное, без всяких колебаний и шатаний продолжение борьбы”.

Под утро 30 октября был подписан протокол об установлении нейтральной зоны между враждующими сторонами. Она как бы разрезала центр города. Во восточной его части находились белогвардейские войска. С наружной же стороны попукольцом располагались отряды красногвардейцев и революционных солдат. В протоколе указывалось, что „под нейтральной зоной разумеется полоса, в которой ни одна из сторон не имеет права производить каких-либо военных передвижений... могущих клониться к изменению выгод той или другой стороны”.

Заключение перемирия в момент, когда враг был уже почти повержен и близилась желанная победа, было встречено рабочими с недоумением и негодованием. Замоскворецкий ВРК, подчинившись решению центра, одновременно отдал приказ „сохранить полную боевую готовность и закрепитесь на занимаемых позициях”. Совещание представителей 1-й запасной артиллерийской бригады приняло такую резолюцию: „Подчиниться приказу Военно-революционного комитета и прекратить военные действия, но в то же время... указать Военно-революционному комитету, что уступок при переговорах быть никаких не может, ибо спасение России и революции должно стоять выше интересов капиталистов”. Команда батареи, размещавшейся на Страстной площади, прямо заявила: „Мы никакого перемирия не будем вести, пока противник не выйдет на дорогу и не сложит оружие. Если нам через 8 часов не сдадут оружие, то мы откроем ураганный огонь...”

Б. К. Слущкая („Вера”) Похороны Веры Слущкой в Петрограде 2 ноября 1917 г.

Г. А. Усиевич, выступая 9 ноября на объединенном пленуме Советов рабочих и солдатских депутатов, говорил: „На нас сыпалось много нареканий... со стороны рабочих и солдат, что этого перемирия не нужно было заключать”.

И это действительно было так. Архивные и опубликованные документы содержат множество свидетельств отрицательного отношения рабочих и солдат к этому ошибочному шагу Московского Военно-революционного комитета.

Впрочем, перемирие фактически и не состоялось. Его нарушили сами белогвардейцы. Рябцев, отдав приказ о прекращении огня с вечера 29 октября, тут же приказал юнкерскому отряду под командой прапорщика Петрова пробиться через Арбат и Дорогомиловский мост к Брянскому вокзалу для встречи ударного „батальона смерти”. Приказание отряд выполнил. 176 „ударников” были встречены и ранним утром 30 октября проведены в Александровское военное училище. Петров доложил Рябцеву, что

„операция выполнена блестяще”. Тот же отряд 30 октября, нарушив границы нейтральной зоны, предпринял попытку наступать от Никитских ворот по Тверскому бульвару. Им был захвачен „дом Гагарина”, занятый накануне красногвардейцами. Семеро красногвардейцев обороняли его в течение нескольких часов, и лишь во второй половине дня юнкерам удалось ворваться в здание. Четверо смельчаков тут же были заколоты, а трое взяты в плен. Подобные случаи нарушения перемирия юнкерами имели место и на многих других участках.

Действия белогвардейцев лишний раз свидетельствовали о том, что вся затея с переговорами была предпринята только для того, чтобы собрать силы.

Красногвардейцы в свою очередь не остались в долгу. Они не допустили развития наступления белых и повсюду восстанавливали положение. Еще с вечера 29 октября начался решительный штурм Алексеевского военного училища в Лефортове. Утром на следующий день бой развернулся с нарастав-

шей силой. В ход была пущена артиллерия. Боевыми действиями руководил член ВРК Благоуше-Лефортовского района В. П. Демидов.

В самый разгар боя зазуммерил полевой телефон. Через грохот артиллерийской канонады прорвался голос члена Московского ВРК Аросева:

— Демидыч, прекрати немедленно огонь! Это распоряжение комитета, будешь строго отвечать за неподчинение!

— Не слышу!

— Именем Военно-революционного комитета приказываю тебе прекратить огонь!

— Ни черта не слышу. Ты лучше пришли распоряжение письменно.

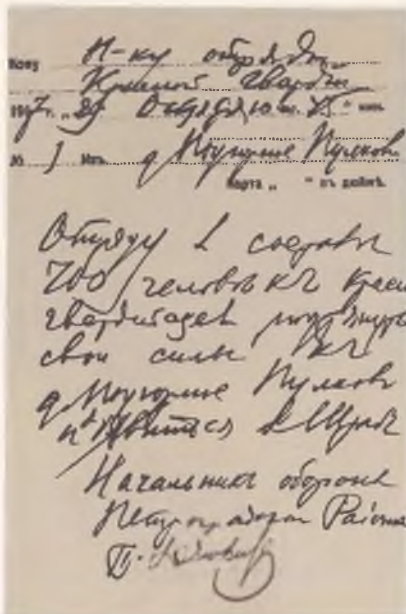
— Хорошо, Демидыч, я посылаю тебе человека на автомобиле.

— Нет, на автомобиле не присылай, его обстреляют. Лучше на лошади в коляске.

— Как же ты теперь слышишь, что я тебе говорю?

— Так вот присылай, брат, распоряжение, мне некогда!

Демидов бросил трубку. К вечеру Алексеевское училище капи-

Распоряжение П. Е. Дыбенко
о направлении красногвардейцев
в район Пулкова.
29 октября 1917 г.

тулировало. А письменное распоряжение о прекращении огня дошло до Демидова уже тогда, когда перемирие кончилось.

9 ноября, объясняя Совету, почему перемирие фактически не состоялось, Г. А. Усиевич говорил: „...обе стороны, юнкера и офицеры, с одной стороны, наши солдаты и рабочие — с другой, были в это время настолько озлоблены, настолько разъединены той кровью, которая была пролита, что ни о каком перемирии не могло быть речи“.

Бои в городе продолжались. А между тем в бывшем царском павильоне Николаевского вокзала собралась так называемая „согласительная комиссия“ для выра-

ботки условий „прекращения кровопролития“. Контрреволюцию представляли городской голова Руднев, помощник Рябцева полковник Кособеский, викжелевец Войцехович и другие — всего около двух десятков человек. От Московского ВРК в работе комиссии участвовали П. Г. Смидович, П. И. Кушнер и Н. И. Муралов.

Заседание началось с перепалки.

— Видите, как ваши красногвардейцы соблюдают условия перемирия, — заявил Руднев, — все время стреляют!

— Почему это наши выстрелы, а не ваши? Разве у вас такой тонкий слух, что вы отличаете белогвардейские выстрелы? — ответил ему Муралов.

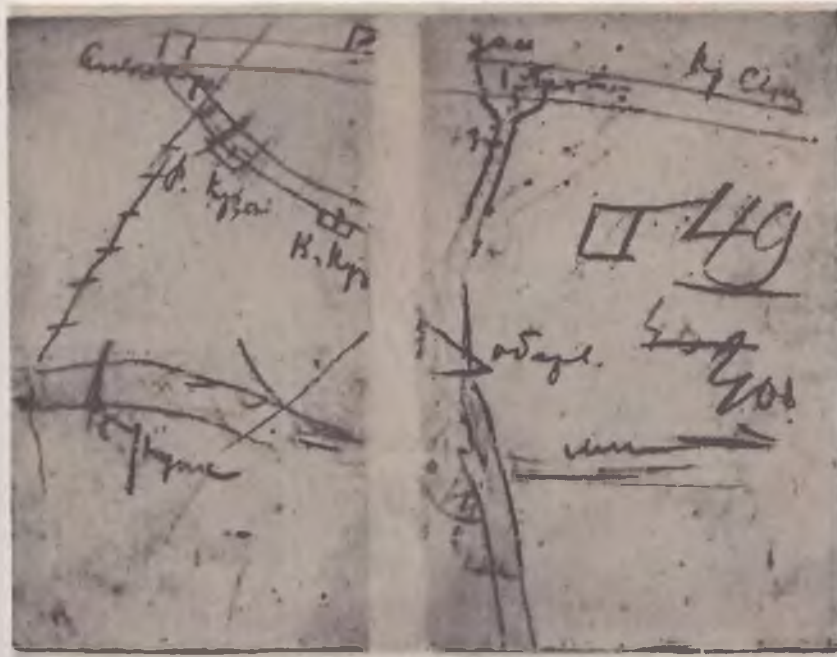
— Господа, — плачущим голосом вмешался викжелевец, — очень прошу вас не вступать в перебранку, а давайте скорее приступим к делу!..

Пользуясь своим численным большинством, контрреволюционеры сразу же попытались взять инициативу в свои руки. Они предложили такой проект соглашения:

„1. Образованные специально в связи с вооруженным столкновением сводные части, как солдатские, так и офицерские, распускаются... 2. Обе стороны издают постановление о сдаче оружия, захваченного для организации боевых дружин в период боевых действий... 3. Для контроля над выполнением этих обязательств учреждается комиссия, состоящая из представителей обеих сторон на паритетных началах и представителя Викжеля... 4. В Москве создается орган, объединяющий и руководящий обычной деятельностью всех органов власти и обладающий чрезвычайными полномо-

чиями; этот орган сохраняется впредь до решения Центральным правительством вопроса об организации власти на местах. Состав его: от Городского управления — 7 представителей, от Московского Совета рабочих и солдатских депутатов — 7, от губернского земства — 2, от губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов — по 1, от Центрального Совета профессиональных союзов, от Почтово-телеграфного союза и от Викжеля — по 1. При этом Военно-революционный комитет и Комитет общественной безопасности упраздняются... 5. Временным комитетом (т. е. органом, предусмотренным предыдущим 4-м пунктом) создается специальная следственная комиссия, выясняющая причины, вызвавшие гражданскую войну в Москве, и ответственность отдельных лиц и организаций... 6. По заключении соглашения войска обеих сторон разведятся по своим частям и поступают в распоряжение командующего Московским военным округом, действующего по уполномочию Временного комитета“.

Это был наглый по содержанию и форме документ. Авторы его делали вид, будто не было победоносного восстания в Петрограде. Основная идея документа состояла в отрицании власти Советов в центре и на местах и в формировании периферийных органов управления из симбиоза таких разнородных политических сил, как городское и земское самоуправление, с одной стороны, и Советы — с другой. Осуществление этого замысла на практике неизбежно открывало буржуазии дорогу к власти, поскольку ключевые позиции отдавались именно ей, а вооруженные силы революции подлежали

План боевых действий против мятежников
29 октября 1917 г.

расформированию. Впрочем, сами составители проекта не очень-то верили, что подобные условия будут приняты Военно-революционным комитетом. Во всяком случае, сообщая в Ставку их содержание, они выразили по этому поводу весьма сильные сомнения.

В ответ на документ сил контрреволюции Военно-революционный комитет предложил свой проект. Он звучал так: „1. Вся власть в Москве находится в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Революционный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов пополняется кооптированными представителями других демократических организа-

ций. 2. Сводные части (как офицерские, так и солдатские) выпускаются. 3. Красная гвардия, в интересах защиты революции, не уничтожается, белая гвардия выпускается. Оказавшееся излишнее оружие передается в арсенал. 4. По заключении соглашения войска обеих сторон разводятся по своим частям”.

Таким образом, проект, предложенный Военно-революционным комитетом, признавал Советы единственной властью. Гарантом ее прочности должна была служить Красная гвардия. Однако большинство „согласительной комиссии”, состоявшей из противников Советской власти, настояло на том, чтобы в основу перегово-

ров был положен викжелевский проект. И представители ВРК уступили. 1-й, 3-й и 6-й пункты предлагаемого соглашения не вызвали возражений и были приняты единогласно. Долгие и ожесточенные споры разгорелись вокруг остальных трех пунктов проекта. Принятие 2-го и 5-го пунктов означало разоружение Красной гвардии и повлекло бы за собой арест активных деятелей восстания и травлю большевистской партии в целом. На это даже „миролюбиво” настроенные члены ВРК пойти не могли. Что же касается пункта 4-го, то его принятие означало фактическое устранение Советской власти. Вот по этому-то решающему пункту представители ВРК сдали принципиальные позиции, согласившись на его принятие под сосредоточенным нажимом своих противников. Заседание затягивалось. Его участники решили продлить перемирие до 12 часов следующего дня. С этим представители ВРК и возвратились в Московский Совет.

Поздним вечером П. Г. Смидович и П. И. Кушнер докладывали Военно-революционному комитету о результатах переговоров. Иллюзии насчет возможности мирного решения вопроса о власти еще сохранялись в умах некоторых руководителей борьбы. Однако такая примиренческая позиция на сей раз не встретила поддержки. Возвратившиеся в Совет члены Партийного центра доказывали ее неприемлемость и энергично настаивали на разрыве переговоров.

Стрелки часов приближались к 12 ночи. Срок перемирия истек. За несколько минут до окончания в Комитет общественной безопасности было сообщено по телефону: „Ввиду того, что то

соглашение, которое было принято, принципиально и по форме неприемлемо, перемирие продолжено быть не может”.

Военно-революционный комитет соглашался прекратить боевые действия на следующих условиях: Вся власть в Москве переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые образуют полновластный орган в составе: 7 представителей от Советов рабочих и солдатских депутатов (пропорционально фракциям) и по одному представителю от Совета крестьянских депутатов, губернского Совета рабочих депутатов, Московской городской думы, земства, Совета районных дум, Центрального бюро профессиональных союзов, Союза городских рабочих и служащих, Красной гвардии, Всероссийского железнодорожного союза и Почтово-телеграфного союза — всего 17. Орган этот должен быть утвержден на ближайшем заседании Московских Советов и действовать „впредь до организации власти Учредительным собранием”. Вторым пунктом предлагалось „разоружение юнкеров и белой гвардии”, которым ВРК гарантировал „свободу и неприкосновенность личности”.

Как видно, условия, предложенные ВРК, принципиально отличались признанием полновластия Советов. Что же касается конструкции „полновластного органа”, то большевики должны были располагать в нем большинством в 9—10 голосов. Однако ВРК

здесь вновь допустил ошибку принципиального свойства. Коалиция была вполне допустима с элементами революционными, пусть даже колеблющимися, например с левыми эсерами. Между тем в предложениях ВРК фигурировали представители заведомо контрреволюционных организаций. Ближайшее будущее показало, что идея такой широкой коалиции оказалась несостоятельной.

Проводя капитулянтскую линию в Петрограде, Каменев, Рыков и другие пытались воздействовать и на политику Московского ВРК, извращая директивы В. И. Ленина о переговорах с Вик-желем. На заседании Московского ВРК 30 октября Кушнер сообщил, что „в Питере происходит соглашение о том, что министерство будет пополнено другими фракциями социалистов”, и прямо указал, что „в связи с этим Рыков обращался сюда и просил снести с ними о платформе”. Подобная информация о положении в столице не могла не способствовать усилению колебаний части неустойчивых членов Московского ВРК.

Для выяснения действительно положения дел в Петрограде три члена Партийного центра и Военно-революционного комитета — М. Ф. Владимирский, И. А. Пятницкий и П. Н. Мостовенко — направились на Николаевский вокзал в надежде связаться со столицей по телефону или телеграфу. Связь в эти дни работала из рук вон плохо. На этот раз москвичам

повезло — телеграф работал. Сохранился бланк с записью этого важного разговора.

Москва. Как себе представляет ЦК создание центральной власти и власти на местах? Достигнуто ли соглашение и сделан ли вами вместе с другими партиями и организациями призыв к перемирию повсюду в стране?.. Наше военное положение хорошее... Можем ли мы согласиться на образование центрального органа в Москве?.. Мы отвергли предложение перемирия и условия мира, предложенные нам в шести пунктах... Мы согласились на продолжение переговоров при продолжающихся военных действиях на основе всей власти Советам. Переговоры прерваны. Одобряется ли наше поведение?

Петроград. После низвержения правительства Керенского ЦК нашей партии предложил власть Всероссийскому съезду Советов... Наш ЦК не исключал социалистической коалиции на основе определенной программы... Мы считаем, что ход переговоров не может парализовать нашу борьбу против контрреволюционных войск Керенского. Всякая нерешительность погубила бы все дело демократии. Переговоры с демократическими партиями и организациями ведутся, но никаких переговоров с корниловцами мы не пускаем!

Ответ был более чем определен. Он и стал основой дальнейших действий Московского ВРК.

ПОРАЖЕНИЕ ВОЙСК КЕРЕНСКОГО- КРАСНОВА

Бюллетень № 3.

Движеніе эшелоновъ приостановлено.

По постановленію комитета 3-ьяго коннаго отряда, Войтинскій далъ начальнику движенія приказъ немедленно **приостановить дальнѣйшее движеніе**

всѣхъ эшелоновъ, двигающихся на Петроградъ, такъ какъ состоялось соглашеніе между Петроградскими войсками и коннымъ отрядомъ.

Авантюра Керенскаго ликвидирована.

Тов. Дыбенко, вѣдшій въ Гатчину съ делегацией къ казакамъ Керенскаго, сдѣлалъ на вечернемъ засѣданіи Ц. П. К. докладъ о результатѣ своей побѣды.

Казаки заявили т. Дыбенко, что они обманымъ образомъ были ввергнуты Керенскимъ въ гражданскую войну и готовы прервать борьбу. Былъ созванъ комитетъ казаковъ. На засѣданіи комитета 2 казачьи офицера заявили, что и они считаютъ эту Керенскій авантюрой и они за нихъ не пойдутъ. Генералъ Красновъ заявилъ, что онъ презираетъ Керенскаго. Тов. Дыбенко объясняетъ сдачу офицеровъ тѣмъ, что у Керенскаго осталось всего 700 чел. и то дезорганизованныхъ.

Керенскій заявилъ Краснову:

— Генералъ, вы избили мя. Казаки передаютъ меня матросамъ. Я сегодня застрѣлюсь.

Красновъ:—Если вы честный человѣкъ, надо повхаты въ Военно-Революціонный Комитетъ.

— Я поѣду ночью.

— Надо ѣхать днемъ.

— Я поѣду подъ бѣлымъ флагомъ.

Было рѣшено дать Керенскому конвой и отправить его въ Петроградъ.

Во время переговоровъ Керенскій устѣлъ **переводиться матросомъ**, надѣлъ шоферскіе очки и удралъ на извозчикѣ. Когда бѣгство Керенскаго обнаружилось, тов. Дыбенко заявилъ казакамъ, что разъ они дали Керенскому возможность бѣжать, онъ не считаетъ дѣло обончаннымъ. Тогда казаки дали телеграмму въѣтъ о бѣгствѣ Керенскаго и о необходимости его задержать.

Затѣмъ пивисъ комиссаръ Войтинскій, заявилъ, что и онъ теперь сомнѣвается въ честности Керенскаго.

Войтинскій арестованъ въ Гатчинѣ.

Красновъ и весь штабъ Керенскъ то также арестованы и будутъ доставлены въ Военно-револ. Комитетъ.

Въ Гатчино.

Изъ Гатчино получены свѣдѣнія, что потери 3-го Коннаго отряда незначительны. Духъ отряда былъ крайне слабъ, какъ среди солдатъ, такъ и офицерскаго состава штаба. Же-

ланіе сражаться за Керенскаго совершенно отсутствовало.

Гатчино совершенно не пострадало. Жизнь идетъ нормально.

Военно-Революціонный Комитетъ.

ПОРАЖЕНИЕ ВОЙСК КЕРЕНСКОГО-КРАСНОВА

30 октября военное положение на фронте под Петроградом начало ощутимо меняться в пользу Советской власти. Уже к первым утренним часам на линии Пулковско—Красное Село, а также в ближайшем тылу — в Колпине, у Средней Рогатки было сосредоточено около 10 тысяч красногвардейцев, матросов и солдат. Новые пополнения прибывали в течение всего дня. В распоряжении же Керенского—Краснова к ночи на 30 октября находилось всего 1000—1200 человек. Правда, это были казаки регулярной кавалерии, артиллерия и даже бронепоезд. Используя эти силы, Краснов надеялся создать превосходство на отдельных участках фронта, атаковать силы ВРК, прорвать их боевые порядки и ринуться к Петрограду. Рано утром 30 октября Краснов начал наступление на трех участках: деревня Новые Сузы — Красное Село; вдоль Петроградского шоссе на деревню Редкое Кузьмино; через деревню Славянка на Колпино. Артиллерийские батареи стояли у деревни Редкое Кузьмино, бронепоезд курсировал по линии Варшавской железной дороги от Гатчины на станцию

Александровская и далее до Колпино.

Силы революции были сосредоточены в двух отрядах: Пулковском и Красносельском. Пулковский отряд занимал позиции на склоне Пулковских высот перед станцией Александровская и Царским Селом. Против него, защищавшего самую короткую дорогу на Петроград, и бросил Краснов свои главные силы. Казачья сотня под прикрытием артиллерии и бронепоезда ринулась на позиции красногвардейцев и революционных солдат.

Несмотря на несколько атак, казакам не удалось прорвать оборону красных частей. 18 казаков было ранено, 40 лошадей убито, убит и командир казачьей сотни. На красносельском участке фронта делегация „Комитета спасения“, явившаяся от Керенского, заявила, что она едет в Петроград для мирных переговоров. Свергнутый премьер требовал впустить в Петроград его войска, обещая взамен гарантию неприкосновенности всем участникам Октябрьского вооруженного восстания, „кроме вожаков, вызвавших бунт против законного прави-

тельства“. Но руководители отряда заявили, что военные действия будут прекращены только после разгрома войск Керенского. Получив такой ответ, делегация удалась, а вскоре на позиции отряда бросилась казачья сотня.

Кровопролитные бои продолжались на обоих участках до середины дня. В три часа артиллерия революционных частей, подтянувшаяся к Пулковской горе, подвергла позиции казаков жестокому обстрелу. К вечеру бойцы пулковского участка перешли в решительное наступление. Они заняли деревню Большое Кузьмино, где находился полевой штаб Краснова, вышли к Варшавской железной дороге. Затем заняты были Редкое Кузьмино и станция Александровская. Это грозило окружением мятежникам, оставшимся в Царском Селе, и Краснов отдал приказ его оставить. К полуночи Царское Село было полностью освобождено красногвардейцами и революционными солдатами.

Через царкосельскую радиостанцию немедленно были переданы обращения Совета Народных Комиссаров. Одни из них, составленные еще до сражения 30 октяб-

Отъ Штаба Военно-Революціоннаго Комитета.

Захватъ отрядами Керенскаго Гатчины и Царскаго объясняется почти полнымъ отсутствіемъ въ этихъ пунктахъ артиллеріи и пулеметовъ, тогда какъ при кавалеріи Керенскаго имѣлась съ самаго начала артиллерія. Послѣдніе два дня были для нашего штаба днями усиленной работы по обезпеченію революціонныхъ войскъ необходимымъ количествомъ орудій, пулеметовъ, полевыхъ телефоновъ и пр. Когда эта работа—при энергичнѣйшемъ содѣйствіи районныхъ Совѣтовъ и заводовъ (Путиловскій, Обуховскій и пр.)—была совершена, исходъ предстоящаго столкновенія не могъ болѣе оставлять мѣста сомнѣніямъ: на сторонѣ революціонныхъ войскъ имѣлся не только численный перевѣсъ, не только такая могучая матеріальная база, какъ Петроградъ, но и огромный моральный перевѣсъ. Всѣ Петроградскіе полки выступили на позиціи съ огромнымъ воодушевленіемъ. Гарнизонное Совѣщаніе избрало контрольную комиссію въ пяти солдатъ и этимъ обезпечило полное единство главнокомандующаго в гарнизона. На гарнизонномъ совѣщаніи рѣшено было единогласно начать рѣшительныя дѣйствія.

Артиллерійская пальба 30-го октября развернулась съ исключительной силой въ 3 часа дня. Казаки были совершенно деморализованы. Отъ нихъ явился въ Штабъ Красно-

сельскаго отряда парламентаръ, который предлагалъ прекратить пальбу, угрожая въ противномъ случаѣ „рѣшительными“ мѣрами. Ему было отвѣчено, что пальба будетъ немедленно прекращена послѣ того, какъ Керенскій сложитъ оружіе.

Въ развернувшейся борьбѣ всѣ части войскъ: моряки, солдаты и красногвардейцы обнаружили беззаветную храбрость. Матросы продвигались впередъ, пока не разстрѣляли всѣхъ патроновъ. Количество жертвъ еще не установлено, но ихъ во всякомъ случаѣ больше на сторонѣ контръ-революціонныхъ войскъ, которымъ большой уронъ былъ нанесенъ однимъ изъ нашихъ броневиковъ.

Штабъ Керенскаго, боясь полного окруженія, отдалъ приказъ объ отступленіи, которое приняло беспорядочный характеръ. Къ 12-ти часамъ ночи Царское Село, включая и радиотелеграфную станцію, было цѣликомъ занято войсками Совѣтовъ. Казаки отступали на Гатчину и Колпино. Настроеніе нашихъ войскъ выше всякой похвалы. Отданъ приказъ преслѣдовать отступающихъ казаковъ. Съ Царской станціи немедленно разслана была радиотелеграмма на фронтъ и въ мѣстные Совѣты.

Подробности будутъ сообщены дополнительно.

П. Е. Дыбенко — один из руководителей разгрома мятежа Керенского—Краснова

Отряд революционных матросов подходит к Гатчинскому дворцу

ри, содержали заявления о том, что Совнарком постарается избежать кровопролития, если войска Керенского не будут стрелять¹. В случае, если стрельба начнется, мятеж будет беспощадно подавлен. Другие сообщали о победе революционных сил в первом бою и требовали принятия мер к аресту Керенского.

В Петрограде тем временем продолжало работать совещание при Викжеле. Хотя к вечеру 30 октября выяснилось, что войска Керенского—Краснова не только не находятся в Петрограде, как это хвастливо обещал Керенский, но, видимо, и не продвинулись вперед, меньшевики и эсеры не ослабляли натиск на большевиков.

Между тем после отступления из Царского Села и от станции Александровская казаки попытались закрепиться вокруг Гатчины. Были возведены отдельные укрепления на рубеже реки Пудость.

Однако моральный дух казачьих войск после сражения 30 октября сильно упал. Они воочию убедились в многочисленности революционных сил, упорстве их сопротивления. Казаки же несли большие потери в людях и лошадях, численность их была мала, а подкрепления приходили мизерные. По свидетельству самого Краснова, казаки в ночь на 31 октября отказывались брать снаряды и патроны.

Поздно вечером 31 октября из Гатчины в Царское Село прибыла делегация в составе двух казаков и одного офицера с предложением вступить в мирные переговоры. Они просили сделать это немедленно, так как утром 1 ноября в Гатчине ожидали прибытия батальона „ударников“, который мог бы усилить ее гарнизон. Командир матросских отрядов из Гельсингфорса П. Е. Дыбенко, оказавшийся командиром революционных частей в Царском Селе, принял смелое решение начать переговоры. Немедленно вместе с комиссаром одного из отрядов матросом В. Трушиным на сани-

тарном автомобиле с казачьей делегацией он поехал в Гатчину.

Руководство большевистской партии стремилось использовать успех первого сражения против мятежников Керенского—Краснова. С этой целью было созвано заседание ЦК РСДРП (б). Протокол этого заседания до сих пор не разыскан, но в тексте протокола заседания ЦК РСДРП (б) от 1 ноября имеются неоднократные ссылки на „вчерашнее заседание“ и на принятые там решения.

Было решено, что главным условием соглашения о коалиционном правительстве служит принятие программы большевиков. Это условие носило ультимативный характер. Подчеркивалось, что речь может идти о пополнении существующего Советского правительства новыми кандидатурами, но никак не о замене Совнаркома новым правительством другого состава, хотя бы и с участием большевиков. И при пополнении

Бронепоезд, построенный путиловскими рабочими

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 41.

Балтійскій флотъ.

31-го окт. 4 ч. 50 м.

Всѣмъ, товарищи: Центральный Комитетъ Балтійскаго флота во всеуслышаніе заявляетъ, что онъ стоитъ на стражѣ завоеванія революціи и правъ угнетеннаго класса, и что всякое выступленіе народной власти будетъ подавляться въ корнѣ всѣми имѣющимися средствами и мощью Балтійскаго флота.

Центральный Комитетъ Балтійскаго флота.

6 ч. 15 м.

Всѣмъ. 31-го окт. 15 час.

Центральный комитетъ Балтійскаго флота шлетъ горячій привѣтъ своимъ товарищамъ матросамъ, доблестно исполнившимъ свой долгъ защиты родины и революціи, а также шлетъ сердечный привѣтъ всѣмъ товарищамъ, находящимся на баррикадахъ революціоннаго Петрограда и Москвы.

Центробалтъ. Предсѣдатель Измайловъ.

правительства и при пополнении ВЦИК за большевиками должно быть сохранено большинство. Судя по всему, называлось даже число — 75 процентов. Таким образом, большевики выставляли три ультимативных условия соглашения: большинство в правительстве, большинство во ВЦИК, принятие их программ. Эта платформа была предложена делегацией ЦК на переговорах при Викжеле.

Заседание „согласительной комиссии“ при Викжеле, обсуждавшей платформу большевиков, закончилось рано утром 1 ноября. А в это время в Гатчине разыгрывались события, которые стали первым шагом к прекращению переговоров с Викжелем.

Около 4 часов утра 1 ноября Дыбенко и Трушин прибыли в казармы казаков Краснова в Гатчину. Начались бурные споры. К 8 часам утра Дыбенко удалось убедить казаков в бесполезности их сопротивления и даже добиться их согласия на арест Керенского. Всю эту миссию Дыбенко выполнял на свой страх и риск, поскольку ни снести с ВРК, ни запросить ЦК РСДРП (б) он не имел возможности. В 8 часов утра переговоры были перенесены в Гатчинский дворец. Дыбенко пригласили на заседание казачьего комитета, почти целиком состоявшего из офицеров. Он предложил переизбрать комитет, что с энтузиазмом было встречено рядовыми казаками. С этим переизбранным комитетом Дыбенко и начал переговоры об условиях полного прекращения военных действий.

Не в силах помешать начавшимся переговорам, Краснов поднялся к Керенскому на третий этаж дворца и предложил поехать в

Петроград, явиться в Военно-революционный комитет и вступить с ним в прямые переговоры. Керенский согласился, но уехать из дворца не спешил. Он, как и Краснов, ждал прибытия „ударников“ из Луги, что, по их мнению, смогло бы вновь изменить настроение казаков. Узнал об этом и Дыбенко, который поспешил закончить переговоры и думал подождать прихода в Гатчину моряков, вызванных им из Царского Села. Не тратя времени на отработку деталей, он решил подписать с казаками договор, проект которого был ими подготовлен. В нем имелись, в частности, такие пункты:

„1. Передать Керенского в распоряжение Военно-революционного комитета для предания гласному народному суду.

2. Полная амнистия и выпуск на свободу всех юнкеров, офицеров и других лиц, принимавших участие в борьбе, кроме имеющих за собой обоснованные обвинения в государственной измене.

3. Выпуск на свободу и выдача надлежащих пропусков всем членам Совета Союза казачьих войск.

4. Прекращение насилий и грабежей и неистовств над мирными жителями, если таковые происходили, и впредь предотвращать.

5. Свободный и организованный пропуск всех семейств казаков с правом вывезти необходимое имущество.

6. Установление охраны в Гатчине и ее окрестности после отъезда казаков.

7. Полная гарантия спокойствия и нормальная жизнь Гатчинской школе прапорщиков и авиационной школе.

8. Дать возможность приготовить все для погрузки казаков отряда, не спеша.

9. Немедленно по окончании переговоров открыть движение всех железных дорог, дабы устроить возможность подвоза продовольствия и всего необходимого.

10. Открыть все заставы и установить свободное сообщение со столицей“.

В соглашение был помещен также пункт о том, что В. И. Ленин „не должен входить как в министерство, так и в народные организации“, пока не будут опровергнуты возведенные на него обвинения в „измене“. Чтобы выиграть время, Дыбенко решил принять и этот пункт. „Не казаки избирали Ленина, не они и будут его отстранять“, — размышлял он.

Узнав, что переговоры завершились полным успехом, Краснов еще раз поднялся к Керенскому, сказал, что казаки решили его выдать большевикам, и посоветовал ему застрелиться. Керенский для вида согласился, и Краснов оставил его одного. Но бывший премьер слишком дорого ценил свою жизнь. Кроме того, определенные круги российской буржуазии в эту трудную минуту не оставили его без внимания. И когда матросы уже вступили в Гатчину, а Дыбенко готовился подняться на третий этаж, чтобы арестовать Керенского, на пороге его кабинета появились двое. Один из них был в матросской форме. Он передал Керенскому пакет и предложил быстро переодеться и уходить. В свертке были клеши, матросский бушлат, бескозырка и большие дымчатые шоферские очки. В один миг Керенский расстался со своим знаменитым френ-

чем и английским пальто. Через несколько минут офицер и два матроса вышли в пустой коридор. На одном из них бескозырка сидела косо, руки высовывались из бушлата, а лицо прикрывали стекла очков.

Караульные казаки не обратили внимания на двух матросов и какого-то офицера. Все трое вышли из дворца и направились в парк. С другой его стороны их ждал автомобиль с заведенным мотором...

В это время во дворце обнаружили исчезновение Керенского. Тут-то караульные и вспомнили про странного матроса. Кинулись в погоню, но увидели лишь снег, взвившийся из-под колес черного автомобиля. Так Керенский вторично бежал от опасности, бросив теперь уже казаков и Краснова. Через час он был в уединенном доме капиталиста-лесоторговца, имение которого располагалось между Гатчиной и Лугой. Там Керенский отсиживался несколько недель. Потом он скрывался в Новгороде, в Бологом. Накануне нового, 1918 года нелегально вернулся в Петроград, а потом его переправили в Финляндию, где два месяца он жил вблизи Або. В связи с угрозой высадки немецкого десанта в Финляндии Керенский снова перебирается нелегально в Петроград в середине марта. Он скрывается здесь на конспиративных квартирах и пишет свою первую книгу — „Дело Корнилова“. Затем Москва, откуда его друзья в мае 1918 г. организуют наконец ему выезд из пределов Советской России под видом сербского офицера, возвращающегося вместе с эшеломом из России на родину. Вскоре на борту французского крейсера „Адмирал

Об” и на английском буксире он за три дня добирается до Англии.

Нет, Керенский не переодевался сестрой милосердия в Зимнем дворце вопреки существующей легенде. Но он все равно переодевался. Матросом, что было гораздо удобнее. И не 25 октября, а 1 ноября, не в Петрограде, а в Гатчине. Но эта деталь не меняет сути дела. Отказавшись передать себя в руки своего народа, он окончательно вступил на путь позора и политического бесчестья. Этот путь закономерно привел его в эмиграцию, где он и прожил долгую и бесполезную жизнь.

Тогда, 1 ноября 1917 г., бегством Керенского возмутились даже казаки. Казачий комитет 3-го конного корпуса сразу же послал телеграмму: „Всем, всем! Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя”. В этот момент Гатчина, где уже никто не оказывал сопротивления, стала наполняться частями революционных войск. Прибыл Финляндский полк, большой отряд моряков. В это время комиссар Северного фронта меньшевик Войтинский сообщил, что скоро в Гатчину придут „ударники” из Луги и именно навстречу им выехал Керенский. Не поверив ему, казаки арестовали Войтинского. Затем был арестован и Краснов. Его также отправили в Смольный. Мятеж Керенского—Краснова был ликвидирован.

Все эти подробности стали известны в Петрограде лишь поздно вечером. До этого стороны считали, что, хотя в соотношении сил наметился явный перевес в пользу революционных войск, сопротивление Керенского еще продолжается, а сам он по-прежнему находится во главе мятежников. Во всяком случае, вечером 1 ноября известие о победе в Гатчине, о бегстве Керенского и аресте Краснова и Войтинского еще не прибыло. Тем не менее успех сил революции уже был ясен, и поэтому В. И. Ленин придавал большое значение предстоявшему на заседании ЦК РСДРП (б) бою сторонников соглашения с меньшевиками и эсерами.

Заседание было расширенным: на нем присутствовали 12 членов Центрального Комитета, пять членов Исполнительной комиссии Петербургского комитета большевиков, один представитель Военной организации, три члена правительства, не входившие в ЦК, а также С. А. Лозовский как представитель от профсоюзов и Д. Б. Рязанов как член ЦИК и делегат на совещании при Викжеле. Доклад о совещании при Викжеле сделал Каменев. Он сформулировал предложения об организации „Народного Совета”, как они были приняты „согласительной комиссией” в ночь на 1 ноября. Заявил, что делегации большевиков в комиссии поручено было только узнать мнение других партий, что она и сделала.

Резкой критике подверг позицию делегации большевиков в комиссии Ф. Э. Дзержинский. Он за-

явил, что Каменев и другие не выполнили поручения ЦК. Надо выразить делегации недоверие, отозвать ее и послать других представителей. Дзержинский, а также Урицкий и Луначарский настаивали на выполнении решения ЦК от 31 октября. Далее в протоколе записано: „Тов. Ленин считает, что политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент. Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву. Предлагает резолюцию о Викжеле. Викжель в Совет не входит, и его туда впускать нельзя; Советы — органы добровольные, а Викжель не имеет опоры в массах”¹.

В. И. Ленин сказал:

— Единственное решение, которое правильно, это было бы уничтожить колебания колеблющихся и стать самим решительными... Мы должны опираться на массы, должны послать в деревни агитаторов. Викжелю было предложено доставить войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят².

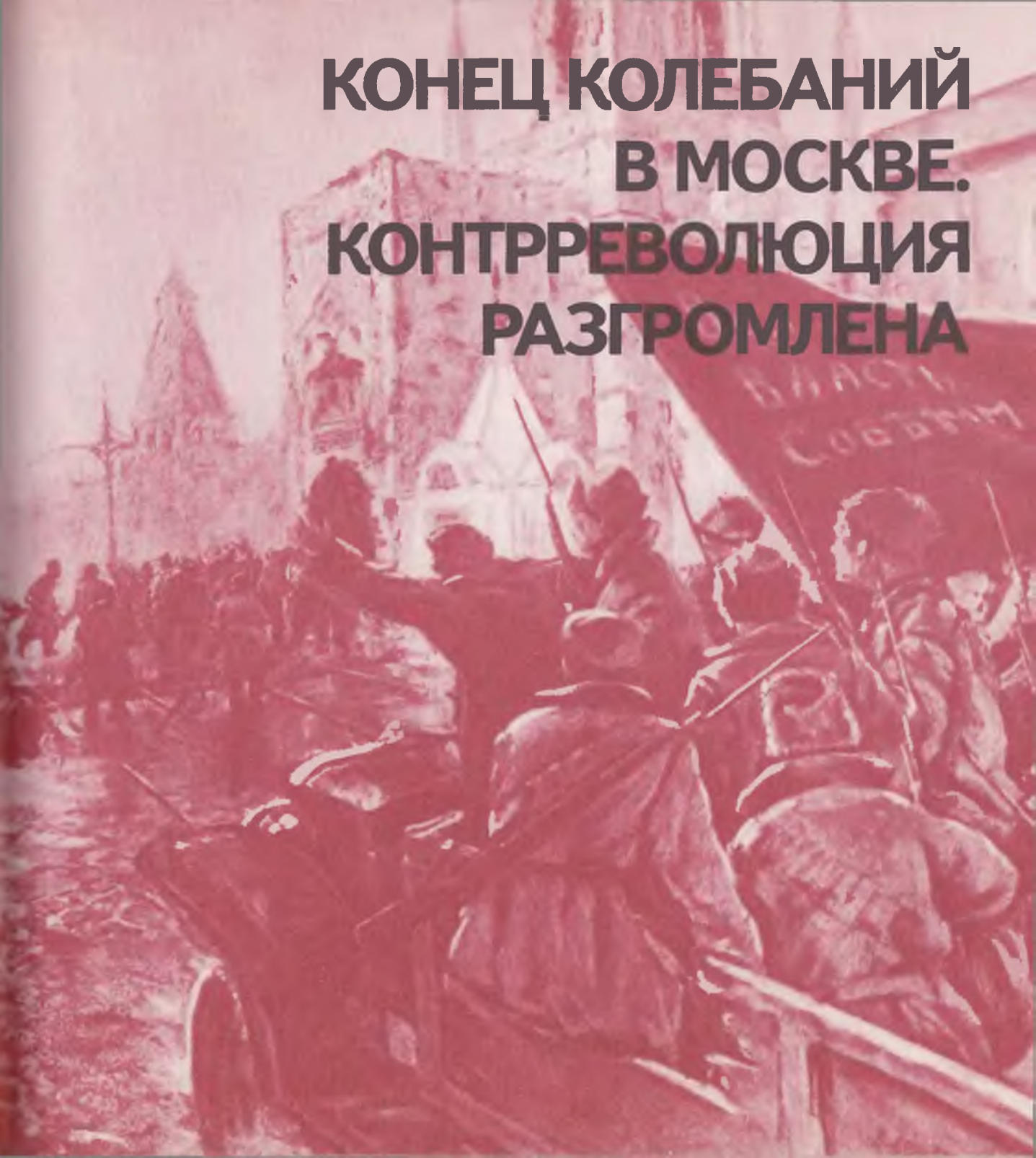
На заседании ЦК была принята резолюция, осуждавшая переговоры на основании того факта, что соглашатели ведут их для подрыва Советской власти и отрыва левых эсеров от большевиков. Однако острая политическая борьба была еще впереди.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 43.

² См. там же.

„Вся власть Советам!”
Революционные войска вступают на Красную площадь.
С картины: худ. В. Мешкова (фрагмент)

**КОНЕЦ КОЛЕБАНИЙ
В МОСКВЕ.
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
РАЗГРОМЛЕНА**

Довольно крови!

Довольно крови! вы вѣдь, не звѣри, а люди, братья! Что вы творите? несетя голосъ испуганной буржуазной и сантиментальной интеллигенціи на встрѣчу борющимся на улицахъ пролетаріату и солдатамъ.

А гдѣ были вы, глашатаи „братства“ и „человѣчности“, когда мы, люди труда, ежедневно и ежечасно въ продолженіи долгихъ трехъ лѣтъ не только кричали, но и со слезами умоляли: „Довольно крови!“?

Тогда вы пѣли другую пѣсенку, тогда вмѣсто вашего призыва къ братству и человѣчности въ тысячѣ разныхъ вариаций звучалъ лишь одинъ **звѣриный** лейтмотивъ: „Крови, побольше крови! Крови безъ конца!“

Съ ненасытной жадностью братья терзали братьевъ, народы истерзали народы, а вы въ своемъ кровожадномъ наступленіи не унимаясь, кричали: „Мало! мало! еще крови!“

Прочь съ дороги, ненасытные волки! Царству крови близится конецъ. И хотя нашъ путь еще идетъ чрезъ трупы товарищей и враговъ, но наше побѣдоносное шествіе означаетъ возстановленіе истиннаго, человѣчнаго братства, какого не способны понять ваши звѣриные мозги, отравленные отъ пересыщенія выпитой братской крови.

Довольно крови! скажемъ и мы, когда виновники кроваваго потока будутъ валяться у ногъ **побѣдителя труда**, когда прослѣжившіеся волки почувствуютъ всю низость, всю пошлость своего фальшиваго призыва къ братству и человѣчности, когда **побѣдитель трудъ** надъ всѣми высочайшими башнями міра воздвинетъ свое кроваво-красное знамя труда съ надписью:

Да здравствуетъ миръ между всѣми народами земного шара!

Военно-Революціонный Комитетъ
Городского района.

Москва, 31 октября 1917 г.

КОНЕЦ КОЛЕБАНИЙ В МОСКВЕ. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ РАЗГРОМЛЕНА

Комитет общественной безопасности не принял условий, выдвинутых Военно-революционным комитетом. Однако положение контрреволюционных сил было настолько плачевным, что прервать переговоры и продолжать вооруженную борьбу для них было равносильно гибели. Поэтому они вновь предприняли отчаянную попытку затянуть перемирие и продержаться до прибытия войск с фронта. В ход была пущена так называемая „третья сила“ — блок „нейтральных“ партий и организаций, представители которых для вящей убедительности своей „миротворческой“ миссии вышли из состава Комитета общественной безопасности. Это были все те же меньшевики и эсеры, пытавшиеся борьбу за пролетарскую диктатуру подменить борьбой за буржуазную демократию. Политическая безысходность положения „третьей силы“ состояла в непонимании того факта, что сохранение действительно демократических институтов возможно было только на базе Советской власти.

Позднее, оценивая политику мелкобуржуазных партий, Ленин говорил: „Меньшевики и эсеры

все время революции 1917 года только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом, никогда не могли занять правильной позиции... И вот эта политика меньшевиков и эсеров на наших глазах доказывает окончательно наше положение, что считать их социалистами — ошибка. Социалистами они были только, пожалуй, по фразеологии и по воспоминаниям”¹.

Вот на этих-то „социалистов по воспоминаниям“ Комитет общественной безопасности и возложил задачу убедить Военно-революционный комитет продолжать переговоры и пойти на новые уступки контрреволюции. Собравшись на совещание, меньшевики, эсеры, бундовцы, объединенцы образовали „блок нейтральных социалистических партий“. Его представители и явились в Военно-революционный комитет с предложением создать „однородный“ орган власти. Но там с ними не стали и разговаривать. Для руководителей восстания теперь уже было совершенно ясно, что кроет-

ся за этими разговорами о демократии. Не менее очевидным было и то, что единственно возможным средством прекращения кровопролития в Москве является быстрый и полный разгром контрреволюции. С колебаниями было покончено.

В ночь на 31 октября ВРК разослал по районам приказ, обращенный ко всем революционным войскам и Красной гвардии. В нем говорилось: „Военно-революционный комитет объявляет, что с 12 часов ночи 30 октября перемирие окончено, и Военно-революционный комитет призывает верные революции части и Красную гвардию стоять твердо за правое дело. С этого момента мы вступаем в полосу активных действий“.

Районные ВРК в свою очередь выпустили соответствующие приказы. Так, в приказе Замоскворецкого ВРК говорилось: „Товарищи! Перемирие закончено, начались военные действия. Отныне — никаких уступок, никаких колебаний. Враг должен быть сломлен, должен быть побежден. Буржуазия все усилия употребит на то, чтобы не уступить свою

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 210, 211.

Приказ комиссара
Военно-революционного комитета
Городского района.
Москва, 30 октября 1917 г.

власть классам, которые ей ненавистны. Немедленно должны быть начаты наступательные действия. Вперед, за свободу, за землю, за народную власть". Боевой приказ по 55-му запасному полку, подписанный П. К. Штернбергом, предписывал „атаковать юнкеров, взять их живьем и препроводить в арестный дом“.

В „Бюллетене“ ВРК Городского района было опубликовано такое воззвание к населению: „Вы уже третий день слышите на улицах Москвы ружейную пальбу, трескотню пулеметов и грохот пушек... Героически сражаются наше революционное войско. Их имена и мужество будут славнейшими страницами освободительного движения. Это — герои, сознающие, за что они сражаются... К оружию, товарищи рабочие, солдаты, крестьяне! На баррикады против всего буржуазного мира! Товарищи женщины, идите в районные

Советы, помогите нашим раненым. Да здравствует революция рабочих, крестьян и солдат! Да здравствуют наши герои — революционные солдаты и Красная гвардия!“

В ту же ночь отряды рабочих и солдат перешли в наступление против юнкеров. К этому времени окраинные районы фактически уже были очищены от белогвардейцев. Осталось ликвидировать главные очаги сопротивления в центре города — занять штаб Московского военного округа, Александровское военное училище, городскую думу и, самое главное — Кремль. Стремясь возможно скорее сломить сопротивление контрреволюционеров, Военно-революционный комитет принял решение об артиллерийском обстреле их опорных пунктов, в том числе и Кремля.

Уже после победы в одном из своих докладов о деятельности Военно-революционного комитета Г. А. Усиевич говорил: „После долгих колебаний... после долгих сомнений Военно-революционный комитет вынужден был отдать приказ о бомбардировке Кремля, ибо другого средства для окончания этой борьбы не было, ибо та борьба, которая велась на улицах, которая велась в закоулках, та партизанская война, которую вели наши враги против нас, грозила затянуться на неделю. Этого мы допустить не могли, потому что ясно было, что всякое затягивание войны вносило деморализацию в наши ряды и привело бы к тому, что мы получили бы полное поражение. Поэтому Военно-революционный комитет должен был прибегнуть к крайнему средству и бомбардировкой заставить врагов наших, юнкеров и офицеров и думу, сдать на капитуляцию“

Да, это была вынужденная, но необходимая мера, продиктованная всей обстановкой жестокой и кровопролитной борьбы.

Соответствующие приказы ВРК были разосланы по всем артиллерийским частям. И пушки заговорили. Два орудия из Хамовников ударили по штабу Московского военного округа. Пушки, расположенные на Пресне, вели огонь по Александровскому военному училищу и району Никитских ворот. От Моссовета велся огонь по гостинице „Националь“. Со Страстной площади артиллеристы стреляли по Никитским воротам. Два орудия „Мастяжарта“ открыли огонь по Кремлю со Швивой Горки. По Кремлю же стреляли с Воробьевых гор, возвышавшихся над городом и открывавших прекрасный обзор всего его центра. В действие было введено более двух десятков орудий разного калибра. Таким образом, все основные опорные пункты белых оказались под артиллерийским огнем.

Под прикрытием артиллерии наступали революционные отряды, повсюду встречая сильное сопротивление. Особенно ожесточенные бои развернулись в районе Остоженки и Пречистенки — на ближних подступах к штабу МВО. В этот день в бою за Зачатьевский монастырь, расположенный вблизи Остоженки, был ранен вторично, и на этот раз смертельно, П. Г. Добрынин. Именем героя-революционера, которому в 1917 г. было всего 23 года, названа бывшая Серпуховская площадь в Замоскворечье. В 1957 г. на доме № 13 по Метростроевской улице установлена мемориальная доска. На ней выбиты слова: „Здесь в ноябре 1917 года красногвардей-

цы Замоскворецкого и Хамовнического районов вели ожесточенные бои с юнкерами, в ходе которых был смертельно ранен начальник отряда Красной гвардии Петр Добрынин". А к 50-летию Октября у входа на станцию метро „Добрынинская" установлен его бюст.

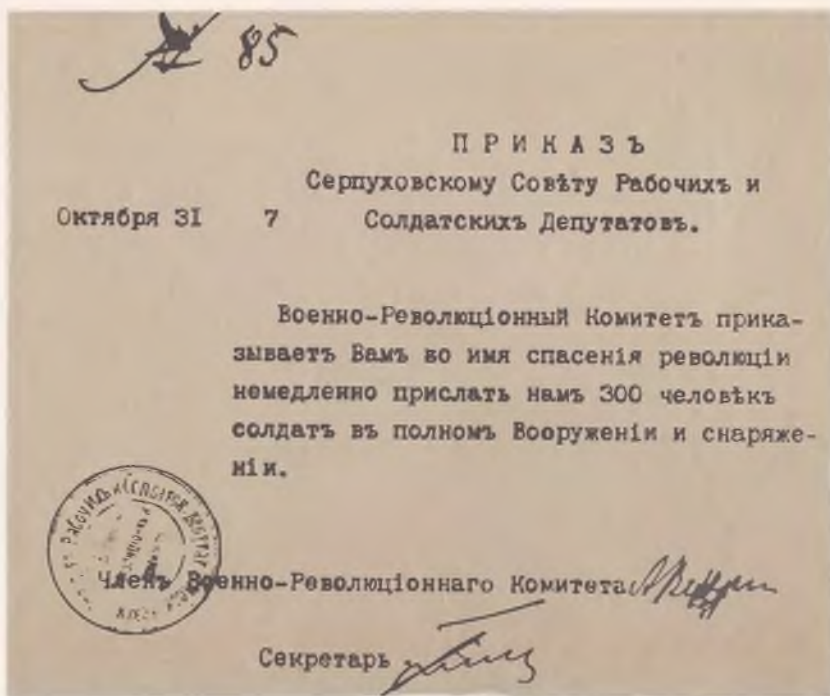
К исходу дня 31 октября вооруженные силы революции продвинулись на всех участках, подготовив условия для последнего натиска. В руках юнкеров, по существу, оставались лишь Кремль и непосредственно прилегающие к нему районы.

Когда вечером 25 октября московские рабочие и солдаты избрали Военно-революционный комитет, ему вменялось в обязанность „оказывать всемерную поддержку Революционному комитету Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов". Но история рассудила иначе. В условиях тяжелой и трудной борьбы в Москве Петроград оказался перед необходимостью помочь московским товарищам.

В Питере внимательно следили за развитием событий в Москве. Сведения из-за плохой связи поступали отрывочные и противоречивые. Но на каждом заседании Петроградского ВРК заслушивалась хотя бы краткая информация о положении в Москве. Даже в самые трудные и тревожные дни Ленина не покидала твердая уверенность в том, что революция в Москве победит.

„Нужно отправить войска в Москву... Нужно прийти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена"¹, — настаивал вождь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 43.

Приказ Московского ВРК Серпуховскому Совету рабочих и солдатских депутатов о присылке подкрепления в Москву

революции на заседании ЦК партии 1 ноября 1917 г. Глубокое понимание стремлений трудового народа, вера в его неиссякаемые силы и огромную революционную энергию — вот на чем зиждилась эта непоколебимая уверенность.

Положение самого Петрограда в эти дни было не из легких. Каждый боец, каждая винтовка, каждый патрон были на счету. Но, несмотря на огромные трудности, В. И. Ленин, Петроградский Военно-революционный комитет считали, что нужно во что бы то ни стало помочь Москве, ибо дело победы в Москве было делом победы революции в России. 30 октября

вечером в Москву прибыли 500 кронштадтских моряков, направленных туда по личному распоряжению Ленина. В этот же день Центробалт разослал телеграмму, в которой приветствовал „товарищей моряков, находящихся на баррикадах революционного Петрограда и Москвы". Спустя несколько дней в сообщении „Революционные дни", присланном в „Правду" из Москвы, говорилось: „Много бодрости и организованности нашему восстанию придали вовремя прибывшие из Петрограда товарищи матросы. Они резко выделялись своей сознательностью и революционной дисциплиной".

Орудие революционных сил у Крымского моста

Высоко оценил революционные качества моряков и В. И. Ленин, выступая 3 ноября на заседании Совнаркома. Еще 30 октября из Москвы была получена просьба прислать радиотелеграфистов, без которых трудно было наладить устойчивую связь со столицей. Я. М. Свердлов немедленно распорядился: „Командировать в Москву в распоряжение Военно-революционного комитета семь человек из полевой радиостанции запасного электротехнического батальона“.

31 октября в штабе Петроградского военного округа состоялось под председательством В. И. Ленина совещание, решившее направить в Москву сводный отряд матросов, солдат и красногвардейцев. Сделать это, однако, оказалось не так-то просто. Саботажники из Викжеля, где верховодили

эсеры и меньшевики, стремились сорвать отправку воинских эшелонов в Москву. Пришлось принимать экстренные меры. На вокзал в качестве комиссара по формированию и отправке эшелонов был послан балтийский матрос-большевик И. Н. Колбин. Перед назначением его принял и лично проинструктировал Ленин.

„Владимир Ильич, — вспоминает Колбин, — сообщил мне, что я назначаюсь комиссаром по формированию и отправке эшелонов с войсками в Москву. Прежде чем подписать для меня мандат, он дал мне совет, как нужно действовать, чтобы не обострить отношений с железнодорожниками. Он несколько раз спросил меня, хватит ли у меня хладнокровия для переговоров с железнодорожной администрацией и Викжелем. Я, обещав, что все

будет сделано, удалился для выполнения данного мне задания“.

В состав сводного отряда входили моряки с „Авроры“, с кораблей „Республика“ и „Гангут“, а также группа моряков-радиостов с радиостанции „Новая Голландия“. Им поручалось занять Ходынскую радиостанцию и установить устойчивую связь с Совнаркомом. Кроме того, в отряд были включены солдаты 428-го Лодейнопольского полка и большая группа красногвардейцев. Рабочие-путиловцы оборудовали для своих товарищей две бронеплощадки.

Поздним вечером 2 ноября четыре эшелона один за другим отошли от вокзального перрона и двинулись на Москву. А на следующий день „Правда“ вышла с „шапкой“ на всю полосу: „Отряды моряков, солдат и красно-

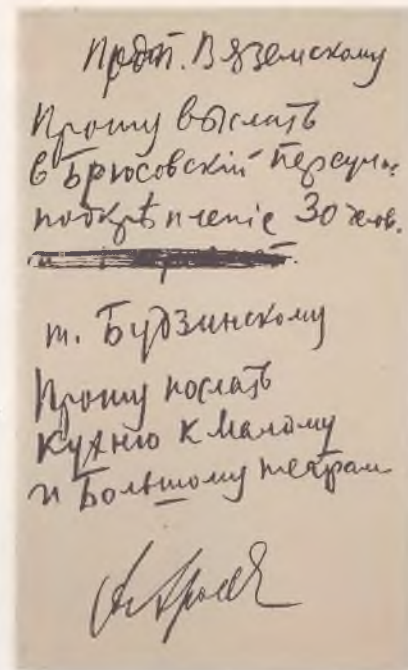
План театра военных действий в Октябрьские дни 1917 г.
Документ того времени

гвардейцев отправились из Петрограда в Москву ускорить победу московского пролетариата и гарнизона. Да здравствует революционная солидарность самоотверженных борцов за дело рабочих и крестьян! Вперед к победе!"

В пути произошла непредвиденная задержка. Командованию стало известно, что впереди эшелонов на Москву в помощь контрреволюционерам идет бронепоезд. Началась погоня. Неподалеку от Бологого, на станции Куженкино Полоцкой ветки, рабочим и солдатам удалось разобрать пути, задержать бронепоезд. Здесь его и настиг передовой матросский отряд. Противник боя не принял и сдался. Морякам достался превос-

ходно оборудованный бронепоезд с несколькими орудиями и пулеметами. Но в Москву из-за этой задержки отряд прибыл лишь 4 ноября, когда бои уже завершились.

Утром 1 ноября в газетах было опубликовано известие о том, что „войска Керенского у Гатчины разбиты и отступают... выступление юнкеров в Питере окончательно подавлено“. Это сообщение воодушевило революционные силы в Москве, придало им новый заряд бодрости и уверенности в близкой победе. День прошел под знаком решающих успехов революционных сил. Наступление развернулось по всему фронту. Все туже сжималось

Распоряжения штаба Московского ВРК по революционным войскам. 31 октября 1917 г.

кольцо окружения центра, занятого белыми.

Наступление красновардейских и солдатских отрядов активно поддерживала артиллерия. Орудия, установленные на углу Волчонки и Моховой и у Каменного моста, вели огонь по Кремлю. С Кудринской площади обстреливали Александровское военное училище. После того как утром революционные отряды взяли гостиницу „Континенталь“ в Охотном ряду, появилась возможность и здесь установить орудия и начать обстрел „Метрополя“ прямой наводкой. Некоторые горячие головы предлагали даже бомбардировать Кремль и другие

Трамвайная мачта на Страстной площади, пробитая снарядом в Октябрьские дни

опорные пункты белых с воздуха при помощи аэропланов. Но Военно-революционный комитет решительно этому воспротивился, не желая подвергать разрушению исторические памятники.

Крайне сложно оказалось занять телефонную станцию в Милютинском переулке. Сделать это нужно было во что бы то ни стало. Во-первых, продвигаться по центру, имея в тылу сильный отряд юнкеров, было далеко не безопасно. Кроме того, с занятием телефонной станции революционное руководство ВРК получало надежную связь со всеми районами города, со всеми боевыми участками.

Штурмовать телефонную станцию красногвардейские отряды начали с утра, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление. ВРК Городского района доносил: „...попытка выбить юнкеров из телефонной станции не имеет успеха, причем мы несем потери убитыми и ранеными до 14 человек“. Проще всего, казалось, пустить в ход артиллерию. Но на это ВРК не пошел — станция нужна была, что называется, на ходу. В район боя подтянули пулеметы и два бомбомета. Под прикрытием их огня красногвардейцы снова пошли на штурм. В бою был убит начальник Красной гвардии Городского района рабочий завода Михельсона, старый член партии О. К. Верземнек.

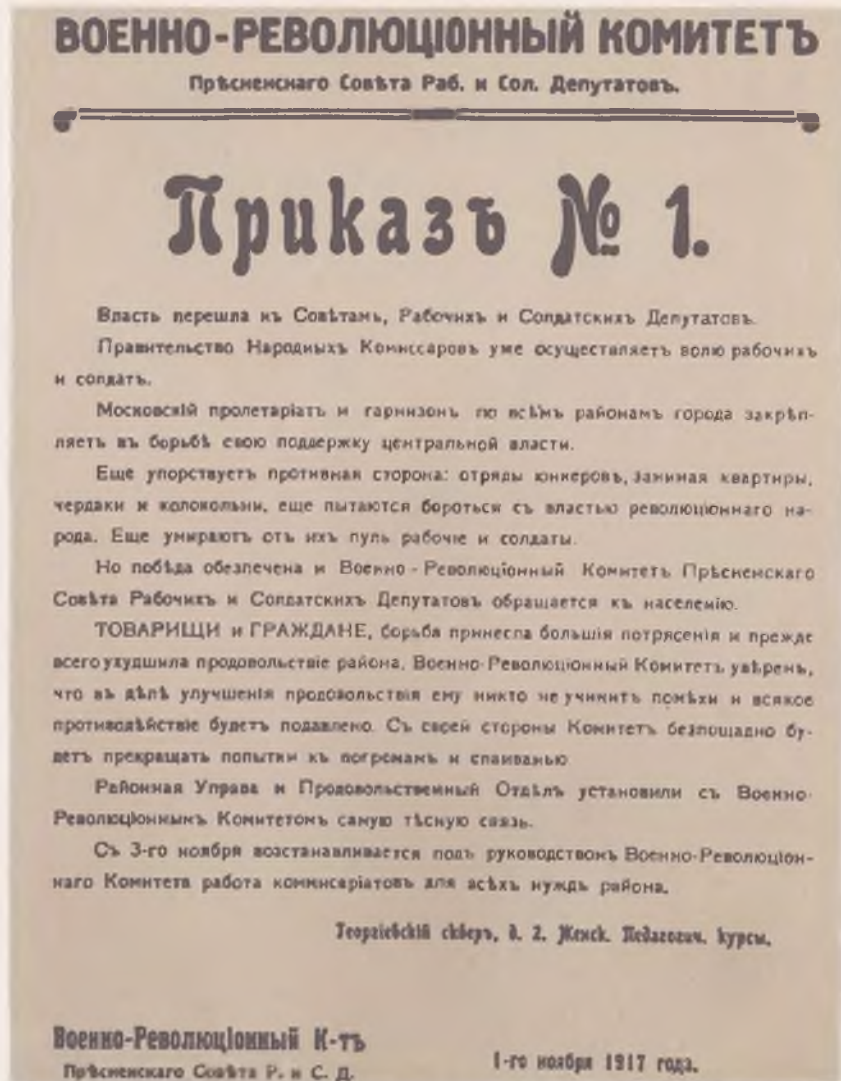
К вечеру юнкера не выдержали и стали сдаваться. Комиссаром на телефонную станцию был послан С. Л. Пупко. Участник революционного движения, он в 1917 г. был членом Исполкома Моссовета и одним из руководителей профсоюза городских служащих и рабочих. Эсер-максима-

лист по партийной принадлежности, С. Л. Пупко действовал в большевистском духе и активно участвовал в восстании.

После взятия телефонной станции отряды Городского, Сокольнического, Лефортовского и Басманного районов по Никольской, Ильинке и Варварке стали стремительно продвигаться к Кремлю. От Кудринской площади по Большой Никитской наступали пресненцы. Как и в предыдущие дни, ожесточенное сражение кипело на Остоженке и Пречистенке. Юнкера отчаянно обороняли этот район, являвшийся ближайшим подступом к штабу МВО и Александровскому военному училищу. На этом участке бились красногвардейцы Замоскворечья и Хамовническо-Дорогомиловского районов.

В бою на Остоженке погибла Люсик Лисинова (Л. А. Лисинян). В Замоскворечье ее хорошо знали. 20-летняя студентка Московского коммерческого института, член большевистской партии с 1916 г., она была одним из организаторов молодежного союза „III Интернационал“ — предтечи комсомола. Вместе с Люсик в союзе работали ее подруги и однокашницы Шура Алексеева, Женя Зелевинская, Катя Карманова, Лена Троицкая — молодые коммунистки, специально выделенные Замоскворецким райкомом партии. Эта агитаторская группа чуть ли не каждый день выступала на митингах и собраниях, а в Октябрьские дни сразу включилась в боевую работу.

В последнем письме к матери Люсик писала: „Мамочка, дорогая, ты за меня не волнуйся, я ни в каком опасном месте не буду. Буду сидеть в лазарете или буду в Совете, в общем, ни в какие летучие отряды я не поступаю. За-

Приказ Военно-революционного комитета Пресненского района Москвы. 1 ноября 1917 г.

тем без толку на улицу не показываюсь и одна не хожу” На самом же деле Люсик все время находилась в гуще боя — ходила

Штурм Кремля в 1917 году. С картины худ. К. Ф. Юона

2 XI 1917 г. Донесение

Оставшийся являл под обстрелом
 с колоновки в крик все время
 стрелял и не умолкал, и по
 этой колоновке в этот момент
 явился на большом театре
 и артистическая группа
 пока не слышат извещения
 с церкви не переставая
 стрелять, восторженно кричат
 свободная страна за колонию, поби
 тая.

Будуцкий

Донесение красной разведки с Театральной площади.
 12 часов дня 2 ноября 1917 г.

в разведку, а 1 ноября взяла в руки винтовку и пала, сраженная вражеской пулей. С 1922 г. ее имя носит бывшая Малая Серпуховская улица, а с 1952 г. — три прилегающие к ней переулки.

1 ноября члены Комитета общественной безопасности, заседавшие в здании городской думы на Воскресенской площади, оставили его и бежали под защиту кремлевских стен. Положение контрреволюции было безнадежным. В этих обстоятельствах „нейтралы“ предприняли отчаянную попытку спасти Комитет общественной безопасности. В ночь на 2 ноября их делегация явилась в Военно-революционный комитет для переговоров. С заявлением выступил объединенец Станислав Вольский.

— Мы предлагаем немедленно заключить перемирие и создать Временный комитет из представителей сторон. Кровопролитие не может и не должно продолжаться!

Это было, в сущности, уже знакомым перепевом предложений, выдвигавшихся на переговорах 30 октября. Цель же была одна — втянуть ВРК в новые затяжные дискуссии, удержать Комитет общественной безопасности на политической поверхности. „Нейтралы“ еще надеялись создать „однородное правительство“ не на платформе Советской власти. Но если 30 октября представители ВРК на какой-то момент поддались уловке, то теперь ответ на домогательства „миротворцев“ был достаточно определен.

— Перемирие невозможно, массы его не примут, — говорил член ВРК В. М. Смирнов. — Речь может идти только о мире на условии полного разоружения юнкеров. Что касается политической стороны дела, то здесь главное условие — „Вся власть Советам!“

Его поддержали члены Партийного центра.

„Нейтралы“ пытались еще возражать, добивались каких-то уступок, но тщетно. Позиция Военно-революционного комитета на сей раз была непреклонна.

В Комитете общественной безопасности не дождались возвращения посредников. Ранним утром 2 ноября Руднев прислал в ВРК письмо, в котором сообщал: „Комитет общественной безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать в Москве вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политическим“.

Это была капитуляция. Но признав полное поражение сил контрреволюции, руководитель Комитета общественной безопасности пытался еще спасти его политическое реноме. Он спрашивал: „На каких конкретных условиях Военно-революционный комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия?“

Разумеется, Военно-революционный комитет мог бы пройти мимо подобного вопроса, потребовав сдачи без всяких условий, но этого не случилось. Трудно сейчас сказать, что руководило ВРК: то ли инерция прошлых дней, когда боевые действия перемежались переговорами, то ли желание пощадить самолюбие поверженно-

нием договора. В ночь на 3 ноября в Военно-революционный комитет без вызова явились представители ряда районов города, чтобы выразить протест против договора. Партийная „пятерка“ и ВРК Басманного района постановили: „Довести до сведения о своем протесте по поводу способов заключения договора с контрреволюционерами, когда мнение районов не было заслушано и не принято к сведению“. С подобными же заявлениями выступили представители Городского, Рогожского и других районов. Рабочие и солдаты не только протестовали против договора, они по собственному почину разоружали юнкеров и офицеров, арестовывали наиболее ненавистных из них.

Сразу после капитуляции Рябцев подписал приказ „прекратить всякие боевые действия“. Он еще делал вид, что продолжает командовать войсками, и даже требовал доносить ему о случаях невыполнения приказа. Но все это было не более чем попой. Власть в Москве безраздельно принадлежала Военно-революционному комитету. Вскоре Рябцев скрылся. Его арестовали несколько дней спустя на станции Царицыно под Москвой вместе с приближенным офицером, прихватившим из штаба МВО всю финансовую наличность. Рябцева через некоторое время освободили, он уехал в Харьков и отошел от военной деятельности. В 1919 г. денкинцы расстреляли его за то, что он „плохо“ воевал с большевиками.

На рассвете 3 ноября революционные отряды вступили в Кремль. Когда в Москве развернулись бои, буржуазия подняла истошный крик, что большевики варварски разрушают историче-

ские ценности Кремля артиллерией. На самом деле Кремль пострадал очень незначительно. Приехавший в Москву Джон Рид писал: „В Кремле я был лично непосредственно после его бомбардировки и сам осматривал все повреждения. Малый Никольский дворец — здание, не имеющее особой ценности... был обстрелян артиллерийским огнем и, действительно, очень сильно пострадал... Церковь Василия Блаженного осталась нетронутой, точно так же, как Большой Кремлевский дворец... и Грановитая палата...“

Уже после переезда Советского правительства в Москву В. И. Ленин поручил В. Д. Бонч-Бруевичу осмотреть кремлевские здания. „Меня очень обрадовало, — вспоминал позднее Владимир Дмитриевич, — что все ценности дворцов, Грановитой и Оружейной палат, Патриаршей ризницы и все остальное было на местах, было цело“. Не пострадали сколь-нибудь серьезно также здания, имеющие художественную ценность, и вне Кремля. В специальном сообщении „Известий Военно-революционного комитета“ отмечалось, что не было „вообще ничего подобного декабрю 1905 года, когда были сметены с лица земли (царскими войсками) целые кварталы“.

Навстречу красногвардейским отрядам, входившим в Кремль, выбежал освобожденный комендант Кремля прапорщик Берзин. Измученный, со следами побоев на лице, он не думал о себе.

— Товарищ Давыдовский, — обратился он к командиру одного из отрядов, — ради бога, помогите нести охрану Кремля. У вас есть люди, возьмите район и охраняйте!

Охрана была немедленно выставлена. Утром 3 ноября сдалась и 5-я школа прапорщиков, а в 4 часа дня началось разоружение юнкеров в Александровском военном училище.

На следующий день в московских газетах был опубликован Манифест Военно-революционного комитета. „После пятидневного кровавого боя, — говорилось в нем, — враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов рабочих и солдатских депутатов.“

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского пролетариата и гарнизонов. Под грохот мировой войны в столице России центральная государственная власть перешла в руки Всероссийского съезда Советов. Это — власть самого народа: рабочих, солдат, крестьян. Это — власть мира и свободы. Это — власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам, отменила смертную казнь, введенную изменником революции Керенским. Верховный полномочный орган всей российской демократии выдвинул ее. И всякий, кто поднимет против нее вооруженную силу, будет сметен революционным народом“.

Вооруженное восстание в Москве торжествовало победу.

Одним из первых мероприятий Советской власти была национализация частных банков

БАНКЪ

ПОЛНАЯ ПОБЕДА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ПЕТРОГРАДЕ.
КРАХ КАПИТУЛЯНТСКОЙ
ПОЛИТИКИ

ВОЗЗВАНІЕ.

Гатчинскіе отряды, обманутые Керенскимъ, сложили оружіе и постановили арестовать Керенскаго. Вождь контръ-революціоннаго похода, Керенскій, бѣжалъ. Армія въ ея подавляющемъ большинствѣ высказалась за рѣшеніе 2-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ и за поддержку созданной имъ власти. Десятки делегатовъ съ фронта послѣшили въ Петроградъ чтобы засвидѣтельствовать вѣрность Арміи Совѣтской власти.

Никакія извращенія фактовъ, никакія клеветы на революціонныхъ рабочихъ солдатъ и матросовъ не помогли врагамъ народа.

РАБОЧАЯ и СОЛДАТСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ПОБѢДИЛА!

Центральн. Исполнит. Комитетъ Совѣтовъ Раб. и Солд. Депутатовъ обращается къ тѣмъ отдѣльнымъ военнымъ отрядамъ, которые идутъ за контръ-революціонными мятежниками: сложите немедленно оружіе, не проливайте братской крови за интересы кучки помѣщиковъ и капиталистовъ. Каждая новая капля народной крови ляжетъ на васъ. Рабочая солдатская и крестьянская Россія проклянетъ тѣх, которые еще одну минуту остаются подъ знаменами враговъ народа.

КАЗАКИ! Переходите на сторону побѣдившаго народа. Желѣзнодорожники почтово-телеграфные служащіе—всѣ какъ одинъ человекъ, поддержите новую, народную власть!

Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Р и С. Депутатовъ

ПОЛНАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕТРОГРАДЕ. КРАХ КАПИТУЛЯНТСКОЙ ПОЛИТИКИ

Утром 2 ноября в столице стало известно о полной победе революционных сил над мятежниками Керенского—Краснова. Через несколько часов революционный Петроград торжественно чествовал победителей. Массы встречавших стояли на площади перед Царскосельским вокзалом. Тут же находились красногвардейские отряды со знаменами и воинским оркестром. Раздались крики „Ура!“, оркестр грянул „Марсельезу“, а затем „Интернационал“. Усталые, небритые, но гордые одержанной победой выходили из вагонов красногвардейцы, матросы, солдаты. Раздавались крики: „Привет победителям!“, „Да здравствует рабочая и крестьянская революция!“

Бои с мятежниками стоили петерским пролетариям многих жертв. 2 ноября состоялись торжественные похороны Веры Слуцкой. От здания Василеостровского районного Совета траурная процессия шла по Невскому к Преображенскому кладбищу. Большинство убитых солдат и матросов было похоронено на месте военных действий при участии петроградских рабочих и обществен-

ных организаций. 5 ноября такие похороны состоялись в Царском Селе, Павловске, Красном Селе и Гатчине. И, наконец, 19 ноября Выборгский район хоронил в парке Лесного института 14 своих красногвардейцев, погибших в боях.

Сразу же после разгрома мятежников Керенского—Краснова часть матросов, красногвардейцев и солдат отправилась в Москву, чтобы помочь московским рабочим и солдатам в установлении Советской власти. Как известно, к их прибытию контрреволюционные силы и здесь были разгромлены и прибывшие революционные части были использованы для охраны революционного порядка и борьбы с контрреволюцией и спекуляцией в Москве.

Победа стала фактом. Керенский бежал и исчез с политического горизонта. О воссоздании старого Временного правительства нечего было и думать. Хотя часть его министров, находившаяся на свободе, еще продолжала собираться на свои нелегальные заседания, это были уже политические мертвецы. И тем не менее меньшевики и правые эсеры все

еще надеялись вырвать власть из рук большевистского правительства, заменить его „однородным социалистическим“. С этой целью теперь были выпущены на сцену меньшевики-интернационалисты, объединенцы, левые эсеры. Им подыгрывали и те нестойкие большевики, которые поддались аргументам Каменева о том, что Советская власть обречена на поражение, если она не сумеет заключить компромисс с бывшими пособниками буржуазии.

Однако за Каменевым шло теперь явное меньшинство ЦК РСДРП (б). В этой связи В. И. Ленин решил на заседании Центрального Комитета добиться осуждения сложившейся внутри ЦК оппозиции. В проекте резолюции, предложенной заседанию, самым резким образом осуждалось поведение Каменева и его многочисленных сторонников. В резолюции отмечалось:

„1) Центральный Комитет признает, что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще, повторяя глубоко немарксистские словечки

Фотокопия первой страницы газеты „Правда“ от 2 ноября 1917 г. с сообщением о полной победе революционных сил и бегстве Керенского

о невозможности социалистической революции в России, о необходимости уступить ультиматумам и угрозам уйти со стороны заведомого меньшинства советской организации, срывая, таким образом, волю и решение II Всероссийского съезда Советов, саботируя, таким образом, начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

2) Центральный Комитет возлагает всю ответственность за торжество революционной работы и за преступные в данный момент колебания на эту оппозицию, приглашает ее перенести свою дискуссию и свой скептицизм в печать, отстранившись от практической работы, в которую они не верят. Ибо в этой оппозиции, кроме запуганности буржуазией и отражения настроения усталой (а не револю-

ционной) части населения, нет ничего.

3) Центральный Комитет подтверждает, что без измены лозунгу Советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству”.

Протокола этого заседания пока не обнаружено, но сохранились пометки В. И. Ленина на полях рукописного экземпляра резолюции, которые доносят до нас отголоски бурных споров, проходивших на заседании ЦК 2 ноября. Против первых трех пунктов ленинской резолюции голосовали 5 членов ЦК, т. е. устойчивое оппортунистическое ядро во главе с Каменевым и Зиновь-

евым. Затем проведено было голосование оставшихся шести пунктов отдельно. Наибольшие возражения со стороны оппортунистов вызвал пятый пункт, в котором говорилось: „Уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства”. Трижды этот пункт ставился на голосование: 2 раза голоса разделялись, и только в третий раз данный пункт был принят большинством в один голос.

После яростной борьбы по каждому из пунктов, где В. И. Ленину удавалось иногда получить большинство в два-три голоса, резолюция была принята в целом десятью голосами против пяти. Она осуждала торгашество с меньшевиками и правыми эсерами как измену лозунгу власти Советов. Затем ЦК предал гласности факт своих переговоров с ЦК партии левых эсеров 26 октября, до вынесения вопроса о формировании правительства на решение съезда. Левые эсеры отказались тогда от предложенных им мест в правительстве. Напоминалось также, что земельный закон Советского правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полнейшую и искреннейшую готовность большевиков сотрудничать с левыми эсерами и в области земельного вопроса. ЦК РСДРП (б) выражал полную уверенность в победе социалистической революции в России и в Европе и призывал скептиков и

Одно из первых заседаний Совета Народных Комиссаров

колеблющихся бросить свои колебания. Без первых трех пунктов резолюция была опубликована в центральном органе большевистской партии газете „Правда“ 4 ноября 1917 г.

Казалось бы, вопрос исчерпан и разбитые оппозиционеры должны подчиниться воле большинства. Но Каменев, Рыков и три других участника оппозиции перенесли борьбу из высшей партийной инстанции в непартийную, советскую. На последовавшем вслед за заседанием ЦК заседании большевист-

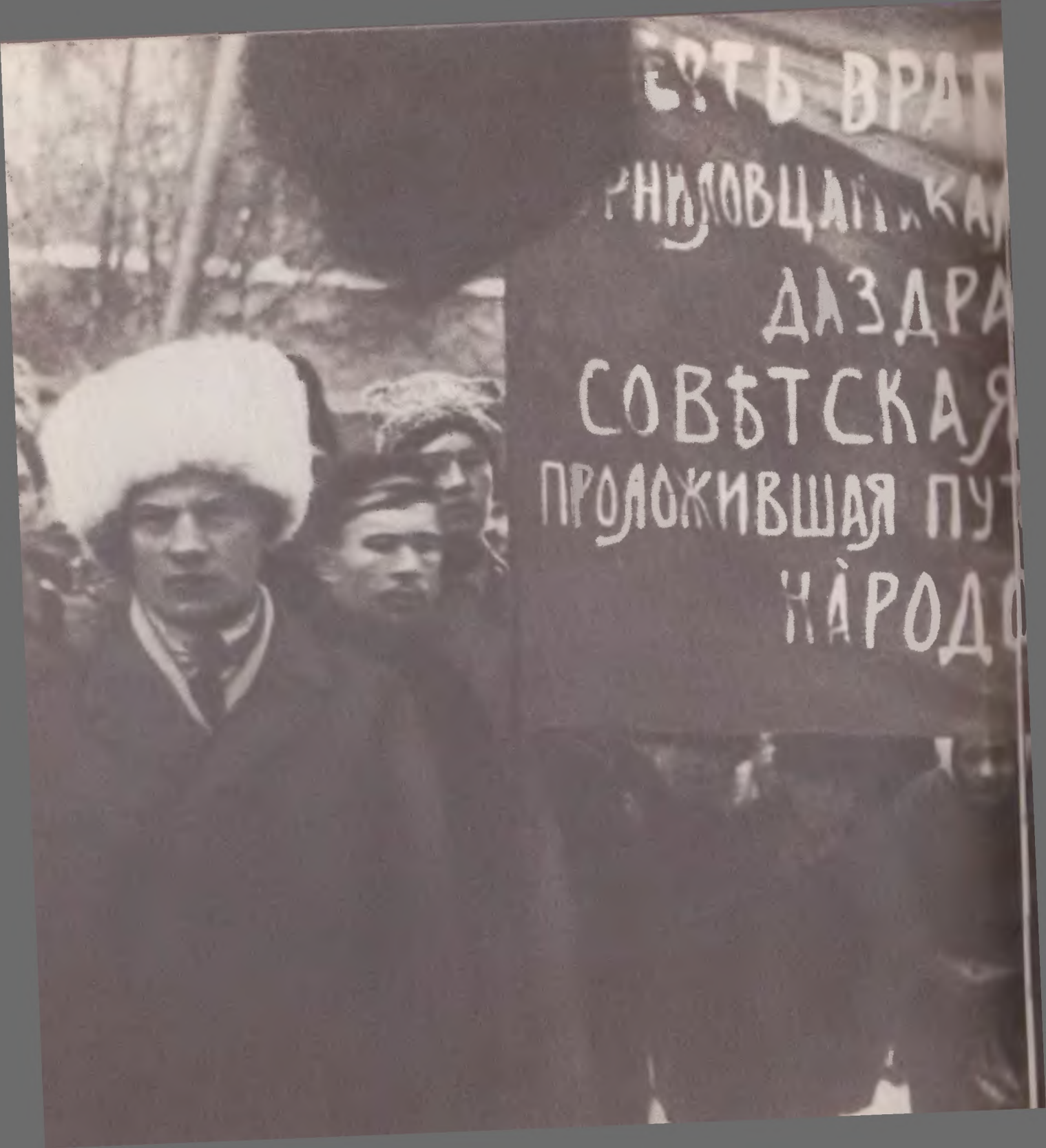
ской фракции ВЦИК Каменев, будучи его председателем, вынес на обсуждение и добился принятия решения, которое противоречило линии ЦК. Оппортунисты апеллировали при этом к членам других партий.

3 ноября ЦК предъявил оппозиции ультиматум, написанный В. И. Лениным, с требованием подчиниться решениям Центрального Комитета.

На заседании ВЦИК Каменев огласил только что принятую резолюцию ЦК большевиков, кото-

рая, естественно, была встречена левыми эсерами враждебно. Но он тут же добавил, что резолюция еще не обсуждалась на большевистской фракции ВЦИК, и потребовал объявить перерыв для проведения заседания фракции. На этом заседании ему удалось добиться принятия резолюции о продолжении переговоров со всеми социалистическими партиями. Когда после перерыва эта резолюция была огла-

Демонстрация мира в Петрограде

ЕСТЬ ВРАГ
РНИЛОВЦАИ КА
ДАЗДРА
СОВѢТСКАЯ
ПРОДОЖИВШАЯ ПУ
НАРОДО

АМ НАРОДА

ЕДИНЦАМ!!!

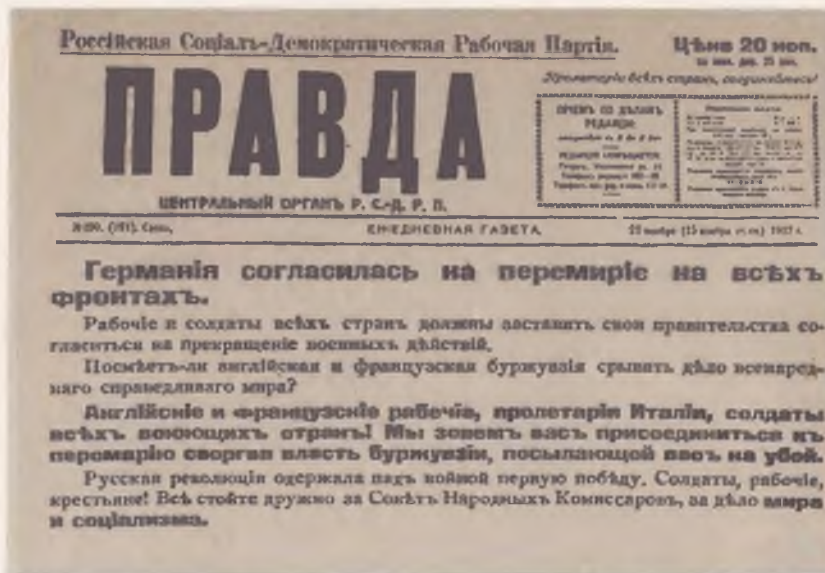
ВСТУЧЕТ

ВЛАСТЬ

В К' МИРУ

В

Фотокопия первой страницы газеты „Правда“ от 15 ноября 1917 г. с сообщением о заключении перемирия на фронте

шена Каменевым, ее с воодушевлением встретили левые эсеры и принял ВЦИК. Каменев, таким образом, не только нарушил партийное решение, но и уступил ультиматуму меньшинства, против чего прямо предостерегала резолюция Центрального Комитета. Заседание ВЦИК избрало комиссию из трех большевиков — Каменева, Зиновьева и Рязанова и двух левых эсеров — Карелина и Прошьяна для продолжения переговоров при Вижеле.

В своей борьбе против ленинской политики, против проведения на практике диктатуры пролетариата и социалистической революции, против решения Второго Всероссийского съезда Советов оппозиция внутри ЦК ни в коей мере не опиралась на действительные чаяния революционного пролетариата, передовых солдат

и крестьян. Двигателем оппозиции, ее идейным вождем и организатором был Каменев, выступавший со своей особой полуменьшевицкой платформой на протяжении всего 1917 г., начиная с середины марта. Среди его сторонников был Зиновьев, все время колебавшийся, но в самые критические минуты неизменно присоединявшийся к Каменеву. Так было в ночь на 10 июня, когда голос Зиновьева, присоединившегося к Каменеву вопреки мнению Ленина, решил вопрос об отмене намечавшейся большевистской демонстрации. Так было в сентябре и октябре. Страх перед представлявшимся ему неизбежным поражением восстания заставил Зиновьева вместе с Каменевым голосовать против ленинских резолюций о восстании 10 и 16 октября, а затем решиться и на штрейкбрехерский поступок,

подтвердив перед лицом врага, что большевистское руководство действительно приняло решение о восстании. И теперь позиция Зиновьева была прямым продолжением его октябрьских колебаний. В стане оппозиционеров оказался и Рыков, еще на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) выступивший с антиленинскими взглядами.

Подлинные интересы рабочих, солдат и крестьян выражала позиция ленинского большинства ЦК РСДРП (б). Это подтвердила прошедшая 2–3 ноября кампания поддержки ЦК на рабочих собраниях, в партийных организациях Петрограда, в Петроградском Совете. Еще в ходе заседания ЦК РСДРП (б) 2 ноября В. И. Ленин послал записку в Петербургский комитет партии с просьбой „тотчас вынести решение против соглашения и принести в ЦК“. Соответствующая резолюция была принята и доставлена на заседание. Затем ЦК выяснил мнение об отношении к соглашению большевиков с другими партиями. Все районы, за исключением Литейного, потребовали безусловного сохранения принципа Советской власти, осуществления власти только Советом Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Соглашение с другими партиями признавалось возможным лишь на основе признания платформы Второго Всероссийского съезда Советов и завоеваний Октябрьской революции.

В „Известиях“ 3 ноября было напечатано постановление общего собрания Петроградского Совета по вопросу „о соглашении. Там указывалось: „Прекратить все переговоры о соглашении с меньшевиками и эсерами. Большевики

и эсеры предлагают рабочим разоружиться, а пока они дают эти предательские советы, офицеры и юнкера вооружаются и ждут Каледина. Рабочие и солдаты! Гоните прочь проповедников соглашения, обманывающих вашу революционную бдительность!"

Таким образом, политическое положение в Петрограде складывалось так: Совет Народных Комиссаров продолжал оставаться единственным правительственным учреждением, составленным на однопартийной основе. Продолжал функционировать и Военно-революционный комитет Петроградского Совета. Всякое военное сопротивление Советской власти было подавлено. „Комитет спасения" ушел в подполье. Но ВЦИК, высший законодательный орган Советов, которому по новым декретам было подотчетно и Советское правительство, высказался в ночь на 3 ноября под давлением оппортунистов за продолжение переговоров с другими партиями о расширении и изменении персонального состава правительства.

3 ноября состоялось очередное заседание при Викжеле. Из представителей других партий на нем были только меньшевики-интернационалисты во главе с Л. Мартовым. От ЦК РСДРП (б) были делегированы Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников и И. В. Сталин. На заседание прибыли и представители рабочих Путиловского и Александровского заводов, огласившие свои резолюции против соглашения. Затем началось обсуждение. Мартов и другие требовали от Совнаркома прекращения „террора", открытия буржуазных газет, прекращения борьбы с Керенским. Делегация большеви-

ков в целом не согласилась на какие-либо новые уступки. Никакого решения по вопросу о власти принято не было. А на следующий день большевики не пришли на очередное заседание комиссии. Так закончилось все это „викжеляние". Оно не помогло меньшевикам и эсерам вырвать власть из рук большевиков, а сам Викжель в значительной мере потерял за дни переговоров свой авторитет среди рядовых железнодорожников и вскоре был переизбран. Главной причиной неудач Викжеля была стойкая позиция большинства ЦК РСДРП (б) во главе с В. И. Лениным.

Власть Советов с честью вышла из первого серьезного испытания. 3 ноября большинство ЦК РСДРП (б) обратилось к меньшинству с ультиматумом. В нем решительно осуждалась политика, направленная против политических итогов Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Документ содержал требования к меньшинству дать ответ в письменной форме, обязуется ли оно подчиняться партийной дисциплине и проводить политику, четко сформулированную в резолюции ЦК. Если ответ будет отрицательный или неопределенный, ЦК заявил, что немедленно обратится к ПК, МК, большевистской фракции ЦИК, общегородской петроградской конференции и чрезвычайно поручит оппозиции формировать новое правительство, либо одобрит, в чем ЦК не сомневается, его линию.

Текст ультиматума был написан В. И. Лениным. Об обстоятельствах его принятия Центральным Комитетом рассказывал несколько позднее А. С. Бубнов:

— Написав его, он приглашал в кабинет к себе отдельно каждого из членов Центрального Комитета.

Так Ленин избежал очередных долгих прений и предупредил возможные расколы. Подобным образом были получены подписи тех десяти человек, которые голосовали в итоге за ленинскую резолюцию от 1 ноября.

В тот же день состоялось заседание Совета Народных Комиссаров. Оно было посвящено положению в Москве, где еще шла, как полагали в Петрограде, вооруженная борьба. На заседание прибыл председатель Московского Совета рабочих депутатов В. П. Ногин. Он был сторонником переговоров и соглашения партий. Ногин требовал соглашения с Викжелем. Оппозиция в ЦК получила, таким образом, подкрепление. В. И. Ленин ответил Ногину резко и аргументированно. В сохраненном секретарем СНК Н. П. Горбуновым черновом протоколе заседания речь Владимира Ильича передана так:

— Товарищ Ленин возражает против всяких соглашений с Викжелем, который завтра будет свергнут революционным путем, с низов. Необходимо подкрепление Москвы творческими, организующими революционными силами из Петрограда... Продовольственный вопрос: с севера мы обеспечены. После взятия Москвы и свержения Викжеля снизу мы будем обеспечены продовольствием с Волги¹.

Убедившись в неблагоприятном для себя соотношении сил как в ЦК РСДРП (б), так и в Совете

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 50.

Народных Комиссаров, оппозиционеры решились на отчаянный шаг: 4 ноября Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин заявили о своем выходе из ЦК.

На вечернем заседании ЦИК 4 ноября Ногин, Рыков и ряд других ответственных работников Совнаркома и ВРК заявили об отказе от занимаемых ими постов в Советском правительстве и потребовали образования „социалистического правительства из всех советских партий“.

Заявление подписали 10 человек, а нарком труда А. Г. Шляпников присоединился к общей оценке этого документа, но счел недопустимым „сложение с себя своих обязанностей“. Этой „забастовкой наркомов“, сопровождавшейся выпадами против ЦК и СНК и лично против Ленина, оппозиционеры хотели помешать дальнейшей работе Советской власти, вызвать кризис в партии и на этой основе добиться отстранения В. И. Ленина от руководства партией и страной.

Вечернее заседание ВЦИК началось с обсуждения вопроса о печати. Ларин, подписавший заявление наркомов, потребовал отменить декрет СНК о печати, изданный 27 октября, который положил конец антисоветской деятельности буржуазных газет. Ларина поддержали левые эсеры. Ленин решительно воспротивился этим нападкам на классовую политику Советского правительства. ВЦИК подавляющим большинством отверг резолюцию Ларина и одоб-

рил декрет о печати. Тогда левые эсеры запросили часовой перерыв, а после него П. П. Прошьян огласил заявление о том, что партия левых эсеров отзывает всех своих представителей из ВРК, штаба округа и с прочих ответственных постов Советской власти.

В. И. Ленин дал отпор попыткам оппозиционеров опорочить политику Советского правительства, направленную на удовлетворение самых насущных нужд народа. Кончая речь, он внес следующее предложение: „Поручая Совету Народных Комиссаров наметить к следующему заседанию кандидатуры народных комиссаров по внутренним делам и торговли и промышленности, ЦИК предлагает тов. Колегаеву занять пост народного комиссара земледелия“¹.

Так Ленин выразил уверенность, что партия заместит оппозиционеров новыми достойными кандидатами. Напрасно радовались меньшевики и эсеры дезорганизаторскому поступку части членов ЦК и Совнаркома. Это был последний акт внутренней борьбы в рядах большевиков по вопросу о создании „однородного социалистического правительства“. В ходе этой борьбы сторонники соглашения были окончательно разбиты и вынуждены признать свое поражение. Твердость Владимира Ильича и на этот раз привела к победе. 7 ноября Зиновьев подал заявление о том, что он берет на-

зад все свои отставки. 8 ноября на пост председателя ЦИК вместо Каменева был выдвинут верный ленинец Я. М. Свердлов. Затем были замещены и вакантные посты в Совнаркоме, а в начале декабря в Советское правительство вошли левые эсеры, но большинство в нем по-прежнему принадлежало большевикам.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях рассказывала:

— Дальнейшие победы большевиков, резко отрицательное отношение петербургской и московской организаций к уходу вышеупомянутых товарищей из ЦК и с постов позволили партии сравнительно быстро ликвидировать этот инцидент. Невольно вспомнилось прошлое — II съезд партии, имевший место четырнадцать лет перед тем, в 1903 г. Тогда партия только что складывалась. Тогда отказ Мартова войти в редакцию „Искры“ вызвал тяжелейший кризис в партии, крайне тяжело переживал этот кризис Ильич. Теперь уход из ЦК и с постов народных комиссаров ряда товарищей создал лишь временные затруднения. Подъем революционного движения помог быстрой ликвидации всего инцидента, а Ильич, всегда говоривший на прогулках о том, что его больше всего волновало в данный момент, ни разу даже не касался этого инцидента, он всецело был поглощен вопросом, как начать теперь стройку социалистического уклада, как провести в жизнь постановления, принятые на II съезде Советов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 61.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОСКВЕ

ДЕКРЕТЪ

о роспускѣ Москов. Городской Думы.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ
подтверждаетъ актъ о роспускѣ
Московской Городской Думы, из-
данный Московскимъ Совѣтомъ Ра-
бочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

*Предсѣдатель Совѣта Народныхъ
Комиссаровъ* **ЛЕНИНЪ.**

ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В МОСКВЕ

Отгремели кровопролитные бои. Тихо стало на московских улицах. Лишь кое-где раздавались еще одиночные выстрелы, последние отзвуки сражения. Как ни малы были разрушения от артиллерийского огня, затяжной уличный бой не мог не оставить следов на лице города. Выщерблены пулями и пробиты снарядами стены многих домов, хрустят под ногами редких прохожих осколки битых стекол, на тротуарах куски штукатурки и кирпичей. Недвижимо стоят трамваи, бессильно повисли на столбах обрывки проводов. Многие улицы перегорожены окопами и баррикадами, затрудняющими движение. Продолжают бастовать заводы и фабрики, закрыты магазины, на исходе продовольственные запасы.

Военно-революционный комитет, олицетворяющий пролетарскую власть, должен был использовать ее для решения новых и трудных задач, связанных с переходом к мирной жизни. Уже в Манифесте, возвестившем победу, говорилось: „Все меры будут приняты для восстановления нормальной жизни города. Фабрики и заводы будут пущены в ход по

приказу комитета. Банки, конторы и магазины откроются по распоряжению. Все будет сделано для обеспечения города продовольствием. Нарушители революционного порядка — грабители, погромщики, мародеры, торговцы спиртом будут судимы беспощадным судом“.

Большевики стали правящей партией. На них легла огромная ответственность за все, начиная от приведения города в порядок и организации снабжения населения продовольствием до установления революционных законов и формирования аппарата власти. И вот те, кто вчера еще с оружием в руках бился за Советскую власть, взялись за новое для них дело.

К вечеру 4 ноября на Кудринской площади, на Остоженке, Никитской, Поварской и других улицах города были зарыты окопы, разобраны баррикады. Рабочие Миусского, Уваровского, Сокольнического трамвайных парков приводили в порядок пути, навешивали новые провода. Через два дня восстановилось трамвайное движение. Зажглись уличные фонари.

Еще накануне в Военно-революционном комитете обсуждался вопрос о прекращении всеобщей стачки.

— Можем ли мы уже теперь призывать к отказу от забастовки впредь? — поставил вопрос А. Ломов.

— Еще не наступил момент, когда мы можем отказаться от такой формы борьбы, — поддержал его В. Смирнов. — Ведь предприятия еще в частных руках и фабриканты будут продолжать эксплуатировать рабочих!

— Товарищи! — вмешался М. Рыкунов. — Сейчас речь идет о другом. Мы должны призвать к прекращению политической стачки. Никакой надобности в ней нет. Экономические же забастовки останутся в арсенале нашей борьбы, но пока и их нужно прекратить. Без возобновления производства мы ничего не сделаем и жизнь в городе не наладим!

Это было правильное, разумное предложение, и его единогласно приняли. 4 ноября московские газеты опубликовали обращение Военно-революционного комитета и Московского Совета профессиональных союзов „Ко всем

Отъ Московскаго Военно-Революціоннаго Комитета

ПРИКАЗЪ.

Военно-Революціонный Комитетъ [Советомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ] приказалъ:

1) Со 2-го ноября отпустить хлебный паекъ по 1/4 ф. въ день на бѣдняка, о чемъ сдѣлано распоряженіе въ Районныхъ Управленіяхъ.

2) Съ этого же числа въ рестораны 1-го и 2-го разряда не хлеба въ пищу для посетителей послѣдней означенныхъ ресторановъ не отпускать!

Военно-Революціонный Комитетъ.

1-го ноября, 1917 года.

Отъ Комиссара по продовольствію г. Москвы и окрестностей.

ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ.

Въ развѣщеніе приказа Военно-Революціоннаго Комитета сообщаемъ слѣдующее:

1) По единственному почину хлѣба (рѣдъ фабрично-заводскихъ комитетовъ рабочихъ въ извѣстныхъ районахъ) отказались въ пользу всего населенія отъ права получить хлѣбный паекъ по дополнительному картонку съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣмъ въ извѣстныхъ районахъ выдавалось не 1/4 ф., а 1/2 ф. на варточку въ день. Эта мѣра была принята въ интересахъ и сторонитъ отпустить въ этихъ районахъ владению 1/4 ф. въ день.

Обращая къ вамъ товарищамъ рабочимъ послѣдовать этому призыву во всѣхъ районахъ. ТОВАРИЩИ! не надо отчуждать васъ пролетарской мѣры. Пусть той мѣрой, передъ которой остановились бы пролетаріи въ борьбѣ за побѣду пролетарско-крестьянской революціи. Сдѣлайте этотъ дополнительный картончикъ фабрично-заводскихъ комитетовъ на время револю-

ціонной борьбы. Пусть фабрично-заводские комитеты оставятъ дополнительные картонки только тѣмъ рабочимъ, которые выполняютъ особенно тяжелыя работы.

2) Прекращеніе отпуска хлѣба и муки ресторанами 1-го и 2-го разрядовъ сдѣлано съ той цѣлью, чтобы никто изъ гражданъ не получалъ въ ресторанахъ для дополнительнаго хлѣбнаго паека въ ресторанахъ. Исключеніе сдѣлано только для городской бѣдноты, обязавшей въ ресторанахъ 3-го разряда.

Обращая къ гражданамъ во всѣхъ районахъ, посетителямъ ресторановъ 1-го и 2-го разряда, приносить хлѣбъ съ собой.

Ресторанеры, вынужденны въ обязанности, не въ ущербъ революціонной отвѣтственности, не чинить посетителямъ никакого препятствія въ отпускѣ паека безъ хлѣба.

Надлежаще за выполненіемъ этого требованія поручимъ товарищамъ-требующимъ слѣдовать.

И. О. комиссара по продовольствію Москвы и окрестностей

А. Г. ШЛИХТЕРЪ.

Москва, 1-го ноября 1917.

рабочим и работницам". В нем говорилось:

„Товарищи!

В борьбу за мир и свободу вы бросили все свои силы на помощь революционным солдатам. По призыву Военно-революционного комитета, вы, как один человек, прекратили работу, остановили фабрики и заводы, объявив боевую стачку.

Теперь враг в Москве разбит. Но он пытается подтянуть новые силы. Мы должны дать в нужное время отпор, быть *наготове*. А сейчас необходимо со всей энергией налаживать производство, переходящее под рабочий контроль. Нужно удвоить и утроить свою работу по организации производства, починя разваливающуюся по милости капитала промышленность и восстанавливая разрушенный транспорт.

Военно-революционный комитет вместе с Центральным бюро профессиональных союзов призывает вас поэтому, товарищи, стать на работу, объявив боевую стачку *оконченной*.

Немедленно откроем фабрики и заводы. Но будем готовы снова взяться за оружие стачки, когда этого потребует наш революционный долг".

Рабочие дружно поддержали этот призыв и вышли на работу. Только вооруженные красногвардейцы, впрямь до особого распоряжения, не покидали своих боевых постов. Не приступали к работе несколько дней и рабочие типографий буржуазных газет, закрытых еще в начале восстания.

Постановлением Военно-революционного комитета на место смещенного комиссара по гражданской части „народного социалиста" Г. В. Филатьева был на-

Приказ Московскаго ВРК и сообщеніе комиссара по продовольствію г. Москвы и окрестностей. 1 ноября 1917 г.

значен большевик Михаил Иванович Рогов — первый советский „градоначальник“. Подпольщик, участник первой русской революции, Михаил Иванович к 1917 г. пришел уже опытным партийным работником. Он был делегатом VI съезда партии от Москвы. В дни восстания возглавлял санитарную службу Красного Креста, организовывал связь. И вот теперь новое назначение, масса самых разнообразных и неотложных дел. В „Известиях Военно-революционного комитета“ за 4 ноября опубликовано следующее объявление: „Комиссар по гражданской части г. Москвы М. И. Рогов приступил к исполнению своих обязанностей. Канцелярия открыта ежедневно от 1 до 4 часов. Сегодня, 4 ноября, прием представителей всех комиссариатов в здании бывшего градоначальства“. Так в дом на Тверском бульваре пришли новые хозяева — большевики.

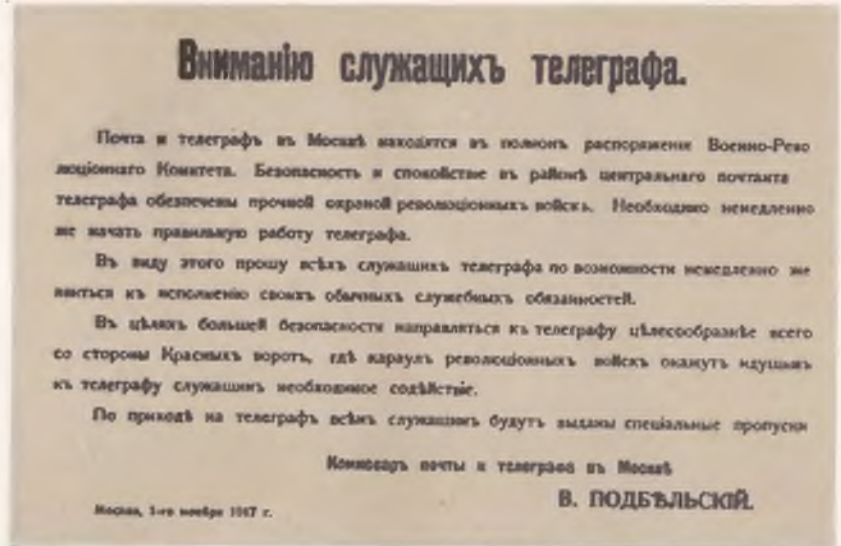
Контрреволюционеры использовали все средства, чтобы помешать рабочему классу удержать власть. Они организовывали погромы, пытались спаивать население. В городе бесчинствовали преступные элементы. Еще 27 октября Военно-революционный комитет объявил:

„Товарищи и граждане!

Контрреволюция попытается сбить с толку народные массы, попытается устроить погром, подпоить отдельных несознательных людей.

Пусть районные Советы примут все меры к охране имеющихся складов спирта. Пусть сами жители задерживают пьяных.

Всякая попытка погрома, всякая попытка грабежа и буйства будет подавлена самыми беспощадными мерами“.

Обращение комиссара почты и телеграфа в Москве к служащим телеграфа. 1 ноября 1917 г.

2 ноября Военно-революционный комитет обратился к населению с призывом бороться с погромами и черносотенными провокаторами: „Мы не должны позорить нашу революцию. Мы встали на защиту всех и всех будем оборонять от всяких врагов народа, будь это черносотенный помещик или черносотенный громила. Потому что именно из громилов и создается армия черной сотни.“

ВРК объявляет, что он прибегнет к самым крайним мерам против зачинщиков погромов и их попустителей.

Красная гвардия будет охранять личность и имущество граждан всеми средствами, пуская в ход оружие при малейшем сопротивлении“.

Красногвардейские отряды и патрули быстро восстанавливали порядок. Уже на утро 5 ноября

жители читали расклеенный на стенах домов приказ комиссара по гражданской части: „В виду наступившего успокоения в городе Москве комиссар постановляет:

1. Восстановить с 5-го с. м. свободное движение по улицам днем и ночью.

2. С того же числа отменить всякого рода пропуска.

3. Патрулям охранять только внешний порядок и отдельные здания.

4. Воспретить производить обыски без специальных ордеров Центрального или Районных Военно-Революционных Комитетов и Комиссара города Москвы.

5. Лица, производящие обыски без официального разрешения, должны задерживаться и предаваться военно-революционному суду“.

Приказ Московского ВРК
Л. В. Собинову, подтверждающий
его полномочия по управлению
Большим театром.
1 ноября 1917 г.

Еще в ходе боев руководители восстания много сил и времени уделяли организации продовольственного дела. Надо было прокормить не только красногвардейцев и революционных солдат, но хоть как-то снабдить питанием все трудовое население. В Военно-революционном комитете чуть ли не каждый день обсуждалось положение с продовольствием. Созданный еще при Временном правительстве городской продовольственный комитет, где заправляли эсеры и меньшевики, всячески саботировал снабжение трудящихся продуктами.

30 октября шло очередное заседание Военно-революционного комитета. Председательствовал Усиевич, как всегда энергичный, бодрый. И только красноватые белки глаз выдавали неимоверную усталость, говорили о бессонных ночах, проведенных в непрерывной работе.

— Слушается доклад товарища Шлихтера об организации продовольствия в баррикадные дни, — объявил он очередной пункт повестки дня.

А. Г. Шлихтер, один из старейших членов партии, делегат ее VI съезда, был видным деятелем московской партийной организации и председателем общемосковского Совета районных дум.

Доклад его краток:

— Продовольственный комитет бездействует, если не сказать больше! Поэтому полагаю необходимым сосредоточить продовольственную власть в руках ВРК, распространив ее не только на Москву, но и на ее окрестности!

— Предлагаю основные положения доклада признать правильными, — подвел итог Усиевич. — Предлагается также назначить товарища Шлихтера комиссаром продовольствия, наделив его чрезвычайными полномочиями.

Тут же единогласно принимается постановление:

„1) Поручить Александру Григорьевичу Шлихтеру немедленно организовать разгрузку железнодорожных станций от продуктов питания в качестве комиссара по разгрузке хлебных и пищевых продуктов.

2) Предоставить комиссару А. Г. Шлихтеру право реквизиции всех перевозочных средств, необходимых для скорейшей развозки продуктов по районам.

3) Объявить, что провоз продовольственных грузов приравнивается в правах беспрепятственного пропуска к деятельности Красного Креста.

4) Поручить комиссару А. Г. Шлихтеру организовать под своим руководством все управы районных дум в качестве продо-

вольственного совета при Военно-революционном комитете”.

Между тем положение с продуктами в городе было отчаянное. Запасов едва хватало на то, чтобы выдавать населению четверть фунта (100 г) хлеба на день. Рабочие же получали по полфунта и еще столько же по дополнительной карточке. И все же Военно-революционный комитет объявил, что со 2 ноября все жители будут получать по полфунта хлеба в день. Откуда же взялись эти резервы в голодном городе?

В обращении продовольственного комиссара к населению говорилось: „По самоличному почину целого ряда фабрично-заводских комитетов рабочие в нескольких районах отказались в пользу всего населения от права получать хлебный паек по дополнительной карточке”. Комиссар призывал всех рабочих поддержать этот почин. Одновременно объявлялось о прекращении отпуска муки и хлеба ресторанам 1-го и 2-го разрядов, куда беднота не заглядывала. Эти меры и дали возможность выйти из критического положения.

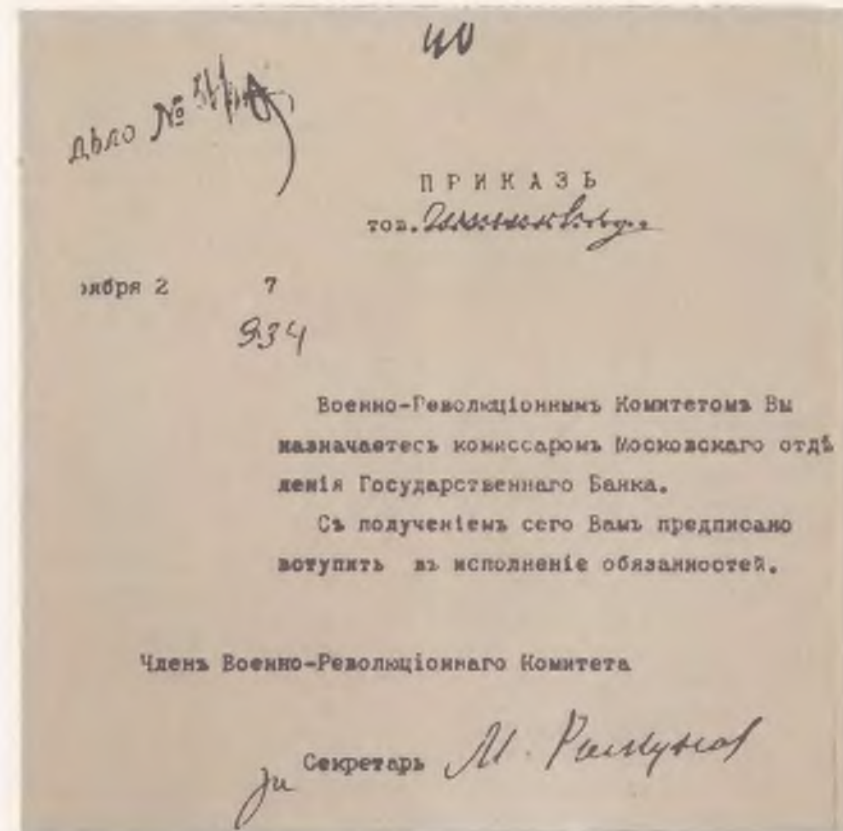
Много лет спустя А. Г. Шлихтер писал об этом подвиге московских рабочих: „Пройдут года, исчезнут классы, отомрут за ненадобностью партии, и многое, многое будет забыто из того, чем жили, страдали и радовались мы, современники великой революции. Но этот факт общечеловеческой — в лучшем, идеальном смысле этого слова — заботы „о своем ближнем” — не будет забыт никогда, и наши потомки, вспоминая о нем, будут с благоговением обнажать свою голову перед памятником российскому пролетариату, бесстрашно поднявшему

на своих плечах чудесное знамя освободительного восстания за весь мир против всего мира..."

Но для того, чтобы получить свои полфунта хлеба и прикупить кое-что из продуктов, рабочим и всему трудовому населению нужны были деньги, а их-то и не было.

— Чиновники и бюрократия, которые всеми силами души ненавидят пролетарскую партию, делают все, чтобы уничтожить наши силы, — говорил на одном из заседаний Московского Совета Г. А. Усиевич. — Если не могли уничтожить нас в бою, то хотят поразить из-за угла. Главный вопрос — это вопрос о деньгах. Без денег мы не можем работать. Без денег не может жить городское самоуправление, а рабочие не могут получать заработной платы. Денег требуют солдаты и солдаты. Если завтра и сегодня рабочие и солдаты будут спрашивать, почему не платят деньги, почему рабочие и солдаты голодают, то у вас один ответ: Военно-революционный комитет принял все меры, и только бойкот и саботаж со стороны банковских, городских и почтовых служащих, только он заставляет вас голодать!

Военно-революционный комитет постановил открыть Московскую контору Государственного банка и выдавать без ограничений суммы, необходимые для выплаты заработной платы рабочим и служащим, а также средств, нужных воинским частям. Однако провести постановление в жизнь оказалось совсем не просто. Когда представители Военно-революционного комитета явились в банк, они наткнулись на яростное сопротивление саботажников. Директор наотрез отказался открыть сей-

Приказ Московского военно-революционного комитета солдату И. Чиненову, члену Военного бюро при МК РСДРП (б), о назначении его комиссаром Московского отделения Государственного банка

фы и начать выплату денег. Саботажника пришлось арестовать. Постановлением Совета Народных Комиссаров управляющим Государственным банком в Москве был назначен рабочий большевик Т. И. Попов. Под его руководством финансовая машина сдвинулась с места. Вернулась на службу и часть чиновников, понявших всю бессмысленность саботажа.

Комитет общественной безопасности бесславно закончил свое существование. Но оставалась городская дума — „сердце и мозг“ контрреволюции. Из ее стен продолжали исходить призывы не подчиняться Советской власти, саботировать все ее действия и мероприятия. Мириться с этим было нельзя. 4 ноября Военно-революционный комитет постановил:

„Московская городская дума, большинство которой выступило во главе юнкеров и белой гвардии против рабочих и солдат, распускается”.

А еще несколько дней спустя москвичи читали текст декрета Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина: „Совет Народных Комиссаров подтверждает акт о роспуске Московской городской думы, изданный Московским Советом рабочих и солдатских депутатов”.

Так вместе с военным крахом контрреволюции уходили в историческое небытие и остатки органов буржуазной власти. Будущее было за Советами, завоевавшими власть в трудной борьбе.

...10 ноября революционная Москва хоронила героев, павших в боях за власть Советов. Слово об этом скорбном дне очевидно, американскому писателю Джону Риду, оставившему потомкам замечательную книгу об Октябре — „10 дней, которые потрясли мир”:

„Со всех улиц на Красную площадь стекались огромные толпы народа. Здесь были тысячи и тысячи людей, истощенных трудом и бедностью. Пришел военный оркестр, игравший „Интернационал”, и вся толпа стихийно подхватила гимн, медленно и торжественно разливавшийся по площади, как морская волна... Резкий ветер пролетал по площади, развевая знамена. Теперь начали прибывать рабочие фабрик и заводов отдаленнейших районов города; они несли сюда своих мертвецов. Можно было видеть, как они идут через ворота под трепещущими знаменами, неся красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесаных досок,

покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами... Между рабочими шли отряды солдат также с гробами, сопровождаемыми воинским эскортом... Похоронная процессия медленно подошла к могилам, и те, кто нес гробы, спустили их в ямы... Весь долгий день до самого вечера шла эта траурная процессия. Она входила на площадь через Иверские ворота и уходила с нее по Никольской улице, поток красных знамен, на которых были написаны слова надежды и братства, ошеломляющие пророчества. И эти знамена развевались на фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки отныне и навеки”.

Прах 240 героев Октября покоится в братской могиле у Кремлевской стены на „красном погосте”. Известны же точно имена только 23 из них. Вот они: Павлик Андреев — 14-летний подручный кузнеца с завода Михельсона, красногвардеец Замоскворецкого района; Ян Матисович Вальдовский — рабочий завода „Проводник”, красногвардеец Лефортовского района; Ольга Вевер — актриса Латвийского рабочего театра, санитарка латышского отряда Красной гвардии; Отто Карлович Верземнек — лекальщик завода „Русская машина”, начальник Красной гвардии Городского района; Василий Ермолаевич Войтович — молотобоец Главных вагонных мастерских Московско-Курской железной дороги, красногвардеец Рогожского района; „двинцы” — Евгений Николаевич Сапунов, Александр Петрович Воронов, Александр Тимофеевич Тимофеев, Антон Петрович Запо-

рожец, Иван Алексеевич Назаров, Михаил Тимофеевич Усольцев, Николай Родионович Трунов, Яков Васильевич Гавриков, Степан Владимирович Владимирив, Андрей Алексеевич Инюшов, Тимофей Федорович Неделкин, Гавриил Тимофеев. Их 12. Шестеро пали в том страшном бою 27 октября на Красной площади. Остальные сложили головы в разные дни восстания на разных боевых участ-

ках. Далее идут: Ян Екабович Звейнек — прапорщик 85-го пехотного запасного полка; Александр Андреевич Киреев — слесарь с Михельсона, красногвардеец Замоскворецкого района; Люсик Артемьевна Лисинова — студентка Коммерческого института, разведчица; Василий Евлампиевич Морозов — слесарь завода „Бромлей”, командир заводского красногвардейского отряда; Сахаров — матрос, красногвардеец Дорогомилковского района; Петр Петрович Щербаков — инструктор профсоюза текстильщиков, организатор санитарной части Красной гвардии Лефортовского района.

Всего 23 имени... Кто же остальные? Быть может, среди них арсенальцы и солдаты 56-го полка, расстрелянные юнкерами в Кремле, другие — „двинцы”, погибшие в боях, рабочие-красногвардейцы из разных районов города...

К ним, как и к безымянным героям Великой Отечественной, обращены афористические строки из поэмы Ольги Берггольц:

*Их имена благородные мы здесь
перечислить не сможем —
Так их много под вечной охраной
гранита,
Но знает внимающий этим камням:
Никто не забыт, и ничто не забыто...*

Поиск имен бойцов, похороненных на Красной площади, труден, но он продолжается. В этом благородном поиске участвуют ветераны Октября, ученые, журналисты...

В первую годовщину революции, 7 ноября 1918 г., на Сенатской башне, что в центре Кремлевской стены, обращенной к Красной площади, была установлена монументальная мемориальная доска „Павшим в борьбе за мир и братство народов“, выполненная знаменитым скульптором Сергеем Тимофеевичем Коненковым. Открывал ее Владимир Ильич Ленин.

— Товарищи! — обратился он к собравшимся на торжественный митинг. — Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм. На долю павших в Октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу...

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших

рабочих всех стран. Этот лозунг — „победа или смерть“.

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы¹.

*

14 ноября 1917 г. стало „большим днем“ в жизни революционной Москвы. В этот день собралось объединенное пленарное заседание рабочего и солдатского Советов. Казалось бы, ничего необычного в этом не было. Ведь такие заседания множество раз собирались для совместного обсуждения различных вопросов еще со времен возникновения Советов в марте 1917 г. И все же это было совсем не обычное заседание. Оно как бы подвело итог усилиям большевиков организовать переход управления городом от чрезвычайных и временных органов к постоянным.

Депутаты обоих Советов единодушно принимают резолюцию:

„1. Признать необходимым слияние Советов рабочих и солдатских депутатов в общий Совет с двумя секциями (рабочей и солдатской).“

2. Избрать один общий Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, в составе 90 человек, 60 от рабочей секции и 30 от солдатской...”

Тут же был избран объединенный Исполком Совета. Большевики получили в нем 63 места, меньшевики же — всего 10. Остальные мандаты достались левым

эсерам и объединенцам. В Исполком избрали многих из тех, кто с оружием в руках бился на улицах Москвы в суровые Октябрьские дни. Председателем Совета стал М. Н. Покровский — видный историк и преданный сын партии.

Завершилась целая полоса борьбы за власть Советов. Рабочая и солдатская масса без колебаний вверила свою дальнейшую судьбу большевикам, делом доказавшим, что только они являются подлинными выразителями интересов народа.

В тот же день, 14 ноября, Военно-революционный комитет собрался в последний раз. Выполнив свою трудную миссию, он сложил полномочия перед новым полновластным органом пролетарской диктатуры — Советом рабочих и солдатских депутатов.

*

Российский пролетариат под руководством В. И. Ленина, большевистской партии сверг власть буржуазии и утвердил диктатуру пролетариата. Красногвардейцы — рабочие, солдаты, матросы одержали полную победу над врагом, отбили его контратаки. А политические руководители народа, большевики, под руководством В. И. Ленина в боях отстаивали завоеванную у буржуазии власть, приступили к осуществлению разработанной им программы социалистического строительства.

Открытие В. И. Лениным мемориальной доски „Павшим в борьбе за мир и братство народов“

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 171—172.

НАШЕ ПРАВО
ЗА ВСЕХ НАС

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аванесов В. А. 100, 111
 Авилов Н. П. (Глебов) 172
 Авксентьев Н. Д. 118, 147, 198, 216
 Акашев К. 156
 Аладьин А. Ф. 43
 Александр II 160
 Алексеев М. В. 28, 32, 41, 46, 50, 62, 147
 Алексеева А. 247
 Алексинский Г. А. 15
 Аллилугев С. Я. 21
 Ананьев 156
 Андреев П. 270
 Андронов В. 56
 Антонов-Овсенко В. А. 85, 86, 90, 128, 153, 156, 157, 159, 160, 163, 172, 198, 218
 Апаков П. Л. 178, 212
 Аросев А. Я. 134, 140, 175, 178, 205, 225
- Багратуни Я. Г. 108, 156, 157
 Балавинский С. А. 43
 Барановский В. Л. 195
 Белинский В. Г. 7
 Бельшев А. В. 110, 157
 Берггольц О. Ф. 270
 Берзин О. М. 177, 201, 252
 Берзин Я. А. 104
 Бернацкий М. В. 153, 160
 Бильбатов 224
 Благонравов Г. И. 110, 215
 Бонапарт, Наполеон 14
 Бонч-Бруевич В. Д. 12, 252
 Борисов 160
 Борщевский А. С. 179
 Броун 216
 Брудерер А. А. 215, 216
 Бубликов А. А. 37
 Бубнов А. С. 29, 78, 84, 85, 104, 128, 194, 261
- Будзинский С. Я. 132, 140, 175
 Булхов 119
 Бурышкин А. В. 144
 Бутырин П. В. 211
- Вайнштейн С. М. 219
 Вальдовский Я. М. 270
 Вевер О. 270
 Ведерников А. С. 132, 134, 137, 138, 140, 175
 Вердеревский Д. Н. 52, 153, 160
 Верземник О. К. 246, 270
 Верховский А. И. 28, 52, 82, 87, 90, 112
 Вийк, Карл 58
 Вильямс, Альберт Рис 218
 Витковский К. Ф. 178
 Владимиров С. В. 270
 Владимирский М. Ф. 133, 135, 228
 Воинов И. А. 18
 Войтинский В. С. 195, 198, 238
 Войтович В. Е. 270
 Волин Б. М. 179
 Володарский В. 84, 87, 118, 149, 220
 Вольский С. 250, 251
 Вомпе П. А. 224
 Воронов А. П. 188, 270
- Гавриков Я. В. 270
 Газа (Гаазе) И. И. 219
 Галанин А. 156
 Гальперин Н. 103
 Гапон Г. А. 156
 Гвоздев К. А. 86, 115, 160
 Гендельман М. Я. 164, 219
 Германович Г. В. 116
 Головин Ф. А. 43
 Горбунов И. П. 261
 Гордиенко И. М. 219
 Горький А. М. 144
 Гоц А. Р. 50, 81, 118, 194, 198, 215, 216
- Григоров Б. Н. 144
 Грунт А. Я. 8
 Гучков А. И. 11, 32, 41, 82
- Давыдовский Я. Л. 252
 Дан Ф. И. 50, 81, 115, 118, 163, 219
 Дашкевич П. В. 157
 Дзенис О. П. 158
 Дзержинский Ф. Э. 29, 78, 84, 85, 104, 238
 Демидов В. П. 225, 226
 Демьянов А. А. 184
 Дитерихс М. К. 202
 Добрынин П. Г. 212, 242, 243
 Духонин Н. Н. 127, 157, 198
 Дыбенко П. Е. 172, 226, 228, 233, 236, 237, 238
- Егоров И. Г. 219
 Егоров И. Н. (Кирилл Орлов) 76, 219
 Егорова Е. Н. (Женя) 219
 Емельянов Н. А. 21
 Еремеев К. С. 128, 159
- Завойко В. С. 42
 Замуэльсон М. Г. 211
 Запорожец А. П. 188, 270
 Захаров А. 122
 Звейнек Я. Е. 270
 Зелевинская Е. 247
 Землячка Р. С. 178, 179
 Зензинов В. М. 198
 Зимин Н. Н. 179
 Зиновьев Г. Е. 56, 78, 83, 84, 85, 86, 256, 260, 262
 Знаменский А. А. 179
 Зоф В. И. 21
- Иванов К. П. 22
 Игнатов Е. Н. 138, 203
 Ильин-Женевский А. Ф. 110

- Инюшов А. А. 270
 Иоффе А. А. 84
 Исув И. А. 137, 138, 139
 Иткина А. М. 219
- Кадлубовский К. Я. 117
 Кайгородов 177
 Какурин Н. Е. 190
 Каледин А. М. 32, 36, 37, 41, 261
 Калинин М. И. 83, 84
 Кальске Э. Г. 7В
 Каменев Л. Б. 56, 69, 70, 72, 78, 83, 84, 85, 86, 104, 219, 224, 228, 238, 255, 256, 257, 260, 261, 262
 Камков Б. Д. 115, 163
 Карелин В. А. 163, 260
 Карманова Е. 247
 Карташев А. В. 160
 Кац П. 116
 Керенский А. Ф. 11, 12, 18—22, 32, 33, 36, 37, 41—43, 46—52, 55, 56, 62, 64, 69, 70, 71, 72, 76, 82, 85, 87, 90, 100, 103, 108, 110, 112, 115, 116, 118, 124, 125, 127, 137, 148, 153, 156, 157, 184, 190, 194, 195, 198, 215—217, 219, 220, 221, 228, 230, 231, 233, 236—238, 245, 252, 255, 256, 261
 Кибрик Б. С. 100
 Киреев А. А. 270
 Киров С. М. 140
 Кисляков-Уралов С. Г. 122
 Кишкин Н. М. 153, 156, 157, 159, 160
 Книрш Б. И. 125
 Коварский И. Н. 144
 Козелев Б. Г. 133
 Козлов И. Я. 31
 Козьмин А. И. 125
 Козычев 183
 Колбин И. Н. 244
 Колегаев А. Л. 118, 262
 Коллонтай А. М. 63, 78, 87, 163
 Коненков С. Т. 271
 Коновалов А. И. 108, 124, 153, 160
 Коняшин И. Г. 219
 Корнилов Л. Г. 14, 19, 28, 33, 36—38, 41—43, 46—50, 52, 55, 62, 82, 100, 220, 237
 Корчагин С. М. 219
 Косиор И. В. 178
 Косиор С. В. 219
 Кособесский 226
 Краковецкий 216
 Краснов П. Н. 195, 198, 216, 219, 220, 221, 230, 231, 233, 236—238, 255
 Крупская Н. К. 178, 262
 Крыленко Н. В. 84, 163, 172, 220
 Крымов А. И. 49, 50
 Кузнецов Н. 185
 Куропаткин А. Н. 215, 218
- Кускова Е. Д. 151
 Кучин Г. Д. 164
 Кучменко Н. И. 219
 Кушнер П. И. 226, 227, 228
- Лазимир П. Е. 73
 Ларин Ю. 262
 Лацис М. И. 84, 219
 Лемешев Ф. А. 219
 Ленин В. И. 7, 8, 10, 11, 12, 15, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 31, 37, 38, 43, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 90, 93, 94, 108, 111, 112, 115, 116, 118, 119, 127, 128, 139, 144, 148, 149, 151, 156, 160, 163, 166, 167, 170, 172, 182, 193, 195, 198, 217, 219, 220, 228, 233, 237, 238, 241, 243, 244, 252, 256, 257, 260, 261, 262, 270, 271
 Лещинский Ю. М. 111
 Либер М. И. 50
 Ливеровский А. В. 153, 160
 Лисинова Люсик (Лисинян Л. А.) 178, 247, 270
 Лихачев В. М. (Влас) 28, 31, 93, 132
 Ллойд Джордж, Дэвид 42
 Лозовский С. А. 238
 Ломов А. (Оппоков Г. И.) 78, 93, 94, 131, 132, 172, 265
 Лонгва 111
 Луначарский А. В. 149, 163, 164, 167, 172, 178, 238
 Львов В. Н. 43
 Львов Г. Е., кн. 15, 18, 21
 Людвинская Т. Ф. 179
- Малаховский В. Ф. 76, 219
 Мальянович П. Н. 153, 160, 184
 Маниковский А. А. 160
 Мануильский Д. З. 150
 Маркин И. 203
 Маркс, Карл 58, 59, 66, 144
 Мартов Л. 115, 118, 150, 163, 164, 166, 219, 261, 262
 Маслов С. Л. 153, 160
 Маяковский В. В. 8
 Меркулов Н. Т. 179, 205
 Мехоношин К. А. 73, 198
 Мешков В. 238
 Милюков П. Н. 32, 36, 41, 43, 48, 82, 147
 Милютин В. П. 29, 84, 104, 132, 136, 172, 262
 Минор О. С. 141
 Морозов В. Е. 270
 Мостовенко П. Н. 135, 140, 228
 Муравьев М. А. 198
 Муралов Н. И. 137, 140, 175, 182, 226
 Муранов М. К. 29, 220
- Набоков В. Д. 125
 Назаров И. А. 188, 270
 Нахгальцев И. 203
 Невский В. И. 85, 86
 Неделкин Т. Ф. 270
 Некрасов Н. В. 43, 46
 Никитин А. М. 52, 153, 160
 Николай II 160
 Никонов М. Ф. 97
 Ногин В. П. 28, 29, 64, 131, 132, 136, 137, 172, 180, 182, 261, 262
 Нокс А. 42
- Обух В. А. 93, 94
 Ольминский М. С. 178
 Орджоникидзе Г. К. 21, 220
- Павлов В. Н. 72
 Павлуновский И. П. 73
 Пальчинский П. И. 156, 157, 160
 Переверзев 15
 Пестковский С. С. 110, 111
 Петр I 7
 Петров 225
 Пилацкая О. В. 179
 Плеханов Н. П. 203
 Подвойский Н. И. 85, 86, 128, 153, 157, 198
 Поздняков Н. 57
 Поздняков С. 57
 Познанский Я. М. 31, 175
 Покровский М. Н. 178, 204, 271
 Полковников Г. П. 82, 86, 87, 90, 103, 124, 125, 127, 153, 156, 215, 216, 218
 Половцов П. А. 15, 125
 Померанцев А. А. 211
 Попов Т. И. 269
 Пораделов Н. Н. 157
 Прокопович С. Н. 151, 158, 160
 Прошьян П. П. 260, 262
 Прямиков Н. Н. 179
 Пуришкевич В. М. 32
 Пупко С. Л. 246, 247
 Пушкин А. С. 7
 Пятницкий И. А. 93, 94, 133, 228
- Ратнер Е. М. 138
 Рахья И. А. 84
 Рахья Э. А. 73, 77, 78, 111, 112, 116
 Рид, Джон 252, 270
 Робинс, Раймонд 87
 Рогов М. И. 267
 Родзянко М. В. 32, 48
 Родичев Ф. И. 33
 Романовский И. П. 32
 Руднев В. В. 33, 136, 137, 141, 144, 184, 226, 250, 251
 Русаков И. В. 140
 Рутенберг П. М. 156, 157, 160
 Рыков А. И. 172, 228, 257, 260, 262

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Рыкунов М. В. 265
 Рябушинский П. П. 28, 29, 30, 32, 41
 Рябцев К. И. 136, 137, 144, 177, 182, 183, 184, 185, 201, 202, 209, 221, 225, 226, 250
 Рязанов Д. Б. 219, 238, 260
 Саблин Ю. В. 205, 208, 211
 Савва-Степняк С. А. 203
 Саввин Н. П. 153
 Савельев М. А. 12
 Савинков Б. В. 42, 43, 198
 Садовский А. Д. 73
 Салазкин С. С. 160
 Сапунов Е. Н. 178, 185, 188, 270
 Сахаров 270
 Свердлов Я. М. 21, 29, 78, 84, 85, 90, 104, 244, 262
 Свободин М. Г. 31
 Сергеев Ф. А. (Артем) 29
 Синани 216
 Скалов С. И. 84
 Скворцов-Степанов И. И. 144, 172, 210
 Скобелев М. И. 50
 Скороходов А. К. 217
 Скрыпник Н. А. 84
 Слуцкая Б. К. (Вера) 219, 225, 254
 Смидович П. Г. 93, 94, 137, 204, 226, 227
 Смилга И. Т. 62, 71, 73
 Смирнов В. М. 131, 132, 140, 175, 205, 250, 265
 Смирнов С. А. 153, 160
 Собинов Л. В. 268
 Соболев 125
 Сокольников Г. Я. 78, 84, 219, 261
 Соловьев В. И. 133, 134, 135
 Спиридонова М. А. 163
 Сталин И. В. 29, 78, 84, 85, 86, 172, 261
 Старк Л. Н. 116
 Старцев В. И. 8
 Степанов С. Ф. 84
 Студенецкий С. А. 144, 251
 Стуков И. Н. 133, 135, 182, 224
 Стучка П. И. 163
 Суханов Н. Н. 77, 78
 Тейтельбаум М. И. 175
 Теодорович И. А. 172
 Терещенко М. И. 11, 42, 52, 90, 160
 Тимирязев К. А. 211
 Тимофеев А. Т. 188, 270
 Тимофеев Г. 270
 Токарева А. Н. 21
 Томпсон У. 87
 Третьяков С. Н. 160
 Трифонов В. А. 72, 76
 Трифонов Е. А. 72
 Троицкая Е. 247
 Троцкий Л. Д. 56, 69, 70, 72, 78, 86, 90, 104, 105, 111, 117, 118, 166, 172
 Трубецкой Е. Н., кн. 28
 Трунов Н. Р. 270
 Трушин В. 233, 236
 Ульянова-Елизарова А. И. 19
 Урицкий М. С. 78, 84, 85, 87, 238
 Усиевич Г. А. 28, 132, 139, 205, 225, 226, 242, 268, 269
 Усольцев М. Т. 270
 Файдыш В. П. 140, 178, 212
 Федотов П. Ф. 95
 Фенигштейн Я. Г. 84
 Филатов Г. В. 266
 Флаксерман Г. К. 77, 78
 Флаксерман Ю. Н. 78
 Флеровский И. П. 217
 Фофанова М. В. 78, 111
 Фролов 156
 Фрунзе М. В. 178
 Хараш Я. А. 164
 Хижняков В. В. 184
 Хинчук Л. М. 64, 164
 Хрущев А. Г. 184
 Церетели И. Г. 12, 20, 32, 37, 50, 55, 70, 82
 Цивцивадзе И. В. 183
 Цихон А. М. 179
 Цуцин С. 188
 Цыплаков В. Г. 160
 Черемисов В. А. 127, 157, 195
 Черепанов Д. А. 100
 Чернов В. М. 11, 20, 50, 55, 70, 82
 Чиненов И. Н. 269
 Чугурин И. Д. 219
 Чудновский Г. И. 128, 153, 156, 157, 159, 160, 220
 Чхеидзе Н. С. 32, 37, 55, 115
 Шеногин Ф. М. 179
 Шиллерт Ю. 178
 Шлихтер А. Г. 131, 210, 266, 268
 Шляпников А. Г. 172, 262
 Шмидт В. В. 84
 Шотман А. В. 21, 72, 84
 Шрейдер Г. И. 150
 Штернберг П. К. 178, 210, 242
 Щербаков П. П. 210, 270
 Эйлер А. А. 144
 Энгельс, Фридрих 59
 Эрлих Г. М. 219
 Юденич Н. Н. 32
 Юон К. Ф. 247
 Яковлева В. Н. 78, 93, 94, 133
 Ялава Г. Э. 24, 77, 83
 Ярославский Е. М. 93, 94, 133, 177, 182, 205

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Або, г. 237
 Австрия 139
 Адмиралтейский о-в 117
 Адмиралтейский пр. 153
 Александровская ул. 179
 Александровская, ст. 231, 233
 Александровская-2, ст. 219
 Александровский вокзал 33
 Александровский сад (Петроград) 151, 156
 Англия 238
 Арбатская пл. 189, 225
 Арка Главного штаба 125, 151, 156, 159
- Баптийский вокзал 116, 117, 137, 215
 Басманный р-н 188, 210, 212, 247
 Берсеневская наб. 209
 Благуше-Лефортовский р-н 210, 212, 247, 270
 Бологое, ст. 237, 245
 Болотная ул. 84
 Бронная Малая ул. 211
 Брянск, г. 202
 Брянский вокзал 225
 Бутырский р-н 96, 210
- Валаам, о-в 90
 Варварка, ул. 247
 Варшавский вокзал 117, 215
 Василеостровский р-н 110, 117, 151, 217, 219, 255
 Витебск, г. 202
 Владимир, г. 135, 212
 Вознесенский пр. 125, 149
 Волга, р. 261
 Волкова, д. 108
 Волхонка, ул. 245
 Воробьевы горы 242
- Воронеж, г. 135
 Воскресенская пл. 141, 144, 248
 Вульфовъ ул. 112
 Выборг, г. 49, 70, 71, 72, 76, 77
 Выборгская сторона (р-н) 72, 7В, 10В, 110, 116, 117, 151, 217, 255
 Вязьма, г. 202
- Гатчина, г. 116, 125, 195, 198, 228, 231, 233, 236, 237, 238, 245, 255
 Гельсингфорс, г. 24, 48, 49, 51, 56, 5В, 66, 70, 71, 76, 111, 116, 119, 122, 125, 170, 195, 198, 233
 Германия 59, 76
 Гнезниковский Большой пер. 208, 211
 Городской р-н 204, 210, 212, 240, 242, 246, 247, 270
 Гороховая ул. 153
 Госпитальная ул. 212
 Гранатный пер. 211
 Гребецкая Большая ул. 217
 Гренадерский мост 110
 Грузия 115
- Двинск, г. 95
 Дворцовая наб. 15, 153
 Дворцовая пл. 15, 108, 110, 124, 128, 147, 153, 157, 198
 Дворцовый мост 110, 11В, 151, 156
 Дворянская Большая ул. 215
 Дмитровка Малая, ул. 204
 Дон, р. 147
 Дорогомилловский мост 210, 225
 Дорогомилловский р-н 188, 209, 247, 270
 Думская линия 15В
- Екатерининский канал 151, 15В
- Железнодорожный р-н 179
- Забалканский пр. 125
 Замоскворецкий р-н 31, 96, 17В, 183, 205, 209, 211, 212, 224, 241–243, 247, 249, 251, 270
 Зимний дворец 7, 71, 82, 116, 118, 122, 124, 125, 128, 132, 144, 146, 147, 151, 153, 156–160, 163–165, 216
 Зимняя канавка 156, 157
 Знаменка, ул. 183, 208, 209
- Иваново-Вознесенск, г. 135, 212
 Ильинка, ул. 247
 Исаакиевская пл. 216
- Кавалергардская ул. 103
 Казань, г. 202
 Казанский вокзал 210
 Калуга, г. 100
 Калужская пл. 178
 Каменный мост 179, 209, 245
 Карповка, р. 77, 78
 Кирочная ул. 105
 Кирпичный пер. 153
 Коломна, г. 202
 Коплино, г. 231
 Кострома, г. 135
 Красная пл. 185, 238, 270, 271
 Красногвардейское, с. 139
 Красное Село, г. 49, 195, 198, 216, 219, 221, 231, 255
 Красный мост 152
 Кремль 177, 179–185, 189, 190, 201, 202, 204, 205, 210, 242, 243, 245, 247, 249, 250, 251, 252, 271
 Кронверкский пр. 215

* В указатель включены географические и топографические названия Москвы, Петрограда и прочих населенных мест. В связи с тем, что вся книга посвящена Москве и Петрограду, общие упоминания этих городов в указатель не включались. Принятые сокращения: г. – город, д. – деревня, о-в – остров, наб. – набережная, пер. – переулок, пл. – площадь, пр. – проспект, р-н – район, с. – село, ст. – железнодорожная станция, ул. – улица. В случаях совпадения названия в скобках указывается „Петроград” или „Москва”. Новые названия см. в „Списке переименований”, помещаемом за данным указателем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Кронштадт, г. 76, 77, 122, 170, 19В
 Кропоткинская ул. 211
 Крымский мост 188, 209, 244
 Кудринская пл. 211, 245, 247, 265
 Куженкино, ст. 245
 Кузьмино Большое, д. 231
 Кузьмино Редкое, д. 231
 Кунцево, с. 210
- Левашово, ст. 103, 108, 159
 Леонтьевский пер. 210
 Лесного института парк 255
 Лесной пр. 7В
 Лефортово 180, 189, 212, 225
 Лигово, ст. 117, 19В
 Литейный мост 15, 110, 112
 Литейный пр. 12
 Литейный р-н 260
 Луга, г. 237, 238
 Люберцы, с. 210
- Мариинская пл. 128
 Марсово поле 66, 218
 Мертвый пер. 93
 Метростроевская ул. 211, 242
 Миллионная ул. 124, 151, 153, 156, 157, 159
 Милютинский пер. 135, 246
 Минск, г. 202
 Могилев, г. 38, 42, 43, 157, 194
 Мойка, р. 151, 152, 153
 Морская ул. 125, 156, 216, 21В
 Москва-река 8, 209
 Москворецкий мост 185
 Московская губерния 135
 Московская застава (р-н) 19В, 219
 Моховая ул. (Москва) 245
 Мошков пер. 151, 15В
 Мыза-Раево 203
 Мытищи, с. 210
 Мясницкие ворота 134, 189
- Нарвская застава (Петергофский р-н) 83, 84, 151, 217, 219
 Нева, р. 7, 49, 110, 117, 153, 156, 157, 159, 19В
 Нева Малая, р. 110
 Невка Большая, р. 110
 Невский пр. 12, 13, 15, 116, 151, 153, 156, 158, 216, 255
 Нейвола, д. 12
 Нижний Новгород, г. 135
 Никитская Большая ул. 247, 265
 Никитские ворота 189, 211, 225, 242
 Николаевский вокзал (Москва) 210, 226, 22В
 Николаевский вокзал (Петроград) 117, 244
 Николаевский мост 109, 110, 117, 11В, 151
- Никольская ул. 247, 249, 270
 Новгород, г. 202
- Обводный канал 122
 Обуховский р-н 217
 Озерки, с. 156
 Ораниенбаум, г. 116, 117
 Орехово-Зуево, г. 212
 Остоженка, ул. 19В, 205, 209, 211, 242, 247, 265
 Охтинский мост 117
- Павловск, г. и ст. 103, 19В, 255
 Певческий мост 156
 Певческий пер. 111
 Певческий проезд 124, 153
 Передольская, ст. 90, 157
 Петергоф, г. и ст. 116, 117, 170, 19В
 Петроградская сторона (р-н) 110, 111, 151, 215, 216
 Петропавловская крепость 100, 104, 105, 110, 151, 156, 157, 159, 170, 215, 216, 217, 218
 Поварская ул. 265
 Полицейский мост 151, 153
 Почтамтская ул. 110
 Пресненский р-н 205, 210
 Пречистенка, ул. 209, 211, 242, 247
 Псков, г. 117, 124, 125, 157, 194, 195
 Пудость, р. 231
 Пулково, с. 198, 219, 221, 226, 231
- Разлив, ст. 24
 Райвола, ст. 77
 Ревель, г. 49, 76, 77, 116
 Речица, г. 202
 Рогожский р-н 210, 212, 270
 Рязань, г. 202
- Садовая ул. (Петроград) 12, 15, 119
 Садовая ул. (Москва) 204
 Садовое кольцо 1В0, 188, 189
 Сампсониевский Большой пр. 112
 Саратовская губерния 212
 Саратовский вокзал 178
 Сенатская пл. 153
 Сергиева Пустынь, ст. 117
 Сердобольская ул. 7В, 111
 Серпухов, г. 212
 Серпуховская пл. 242
 Серпуховская Малая ул. 248, 250
 Сестрорецкий разлив, озеро 20
 Сибирь 139
 Симоновский р-н 179, 210, 212
 Скобелевская пл. 131, 1В8, 189, 204
 Славянка, д. 231
 Смоленск, г. 135
 Смольный 56, 64, 90, 103—105, 110, 112, 115—119, 122, 127, 12В, 148, 150, 160, 163, 164, 165, 195, 215, 216, 218, 238
- Сокольники, ст. 203
 Сокольническо-Богородский р-н 210, 247
 Софийская наб. 209
 Спиридоновка, ул. 2В, 211
 Средняя Рогатка, пл. 231
 Сретенские ворота 189
 Страстная пл. 209, 211, 224, 242, 246
 Стрельна, ст. 117
 Сузи Новые, д. 231
 Сухарева башня 204
 Суцескво-Марьинский р-н 179, 210
- Тверская ул. 175, 1ВВ, 204, 209, 210
 Тверской бульвар 189, 208, 211, 225, 267
 Театральная пл. (Москва) 32, 248
 Териоки, г. и ст. 24
 Томск, г. 140
 Торопец, г. 202
 Тосно, ст. 49
 Троицкий мост 110
 Троицкий пер. 211
 Тула, г. 212
 Тучков мост 110
- Удельная, ст. 24, 78
- Финляндия 24, 59, 71, 77, В6, 111, 237
 Финляндский вокзал 117
 Финляндский пр. 112, 116
 Финский залив 49, 122, 19В
 Фонтанка, р. 218
 Фурштаттская ул. 29
- Хагнесская пл. 66
 Хамовнический р-н 200, 205, 209, 211, 242, 243, 247
 Харьков, г. 252
- Чернышевский пер. 175
- Царицын, г. 202
 Царицыно, ст. 250, 252
 Царское Село, г. и ст. 49, 103, 198, 216, 231, 233, 237, 255
 Царскосельский вокзал 255
 Цветной бульвар 30
- Швейцария 139
 Швивая Горка 242
 Широкая ул. 19
 Шуя, г. 202
- Эстляндская губерния (Эстония) 116
- Ялкала, хутор 24
 Ярославль, г. 135
 Ярославский вокзал 210

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 7 ВВЕДЕНИЕ
- Глава первая
- 9 ИЮЛЬСКИЙ ПЕРЕЛОМ
- Глава вторая
- 25 МОСКВА ПОДАЕТ ПРИМЕР
- Глава третья
- 39 ЛИКВИДАЦИЯ
КОРНИЛОВСКОГО МЯТЕЖА
- Глава четвертая
- 53 ЛЕНИН: БОЛЬШЕВИКИ
ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ
- Глава пятая
- 67 ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ
О ВОССТАНИИ
- Глава шестая
- 79 ПЕТРОГРАД ГОТОВИТСЯ
- Глава седьмая
- 91 А ЧТО ЖЕ МОСКВА?
- Глава восьмая
- 101 КЕРЕНСКИЙ ПЫТАЕТСЯ
ПЕРЕХВАТИТЬ
ИНИЦИАТИВУ
- Глава девятая
- 113 ПОБЕДА ВОССТАНИЯ
В ПЕТРОГРАДЕ.
„ВРЕМЕННОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
НИЗЛОЖЕНО...“
- Глава десятая
- 129 МОСКВА ПОДДЕРЖИВАЕТ
- Глава одиннадцатая
- 145 ЗИМНИЙ ВЗЯТ!
- Глава двенадцатая
- 161 ВЛАСТЬ СОВЕТАМ,
МИР НАРОДАМ,
ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ
- Глава тринадцатая
- 173 МОСКВА. ЗАВЯЗКА
ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ
- Глава четырнадцатая
- 191 АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ
СИЛЫ В ПЕТРОГРАДЕ
СПЛАЧИВАЮТСЯ
- Глава пятнадцатая
- 199 ПРОЛЕТАРИИ МОСКВЫ
ВНОВЬ БЕРУТ ИНИЦИАТИВУ
В СВОИ РУКИ
- Глава шестнадцатая
- 213 САМЫЙ ТРУДНЫЙ
ДЕНЬ В ПИТЕРЕ.
ПОЛОЖЕНИЕ В МОСКВЕ
- Глава семнадцатая
- 229 ПОРАЖЕНИЕ ВОЙСК
КЕРЕНСКОГО—КРАСНОВА
- Глава восемнадцатая
- 239 КОНЕЦ КОЛЕБАНИЙ
В МОСКВЕ.
КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ
РАЗГРОМЛЕНА
- Глава девятнадцатая
- 253 ПОЛНАЯ ПОБЕДА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В ПЕТРОГРАДЕ.
КРАХ КАПИТУЛЯНТСКОЙ
ПОЛИТИКИ
- Глава двадцатая
- 263 ОРГАНИЗАЦИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В МОСКВЕ
- ПРИЛОЖЕНИЯ
- 274 Именной указатель
- 277 Топонимический указатель
- 279 Список переименований

Александр
Янович
ГРУНТ

Виталий
Иванович
СТАРЦЕВ

ПЕТРОГРАД —
МОСКВА

Июль —
ноябрь
1917

Заведующий
редакцией
К. К. Яцкевич

Редакторы
А. В. Качурина,
Г. П. Шкаренкова

Младший
редактор
Н. И. Коршикова

Художник
А. Рюмин

Художественный
редактор
Г. Ф. Семиреченко

Технический
редактор
Ю. А. Мухин

ИБ № 3584

Сдано в набор 27. 10. 82.
Подписано в печать 03.02.84. А 00605.
Формат 84 x 90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура „Универс“. Печать офсетная.
Условн. печ. л. 24,50.
Условн. кр.-отт. 99,40.
Учетно-изд. л. 32,77.
Тираж 200 000 (1—100 000) экз.
Заказ № 3513. Цена 2 р. 60 к.

Текст набран в издательстве
на наборно-печатающих автоматах.

Политиздат.
125В11, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография „Красный пролетарий“.
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

